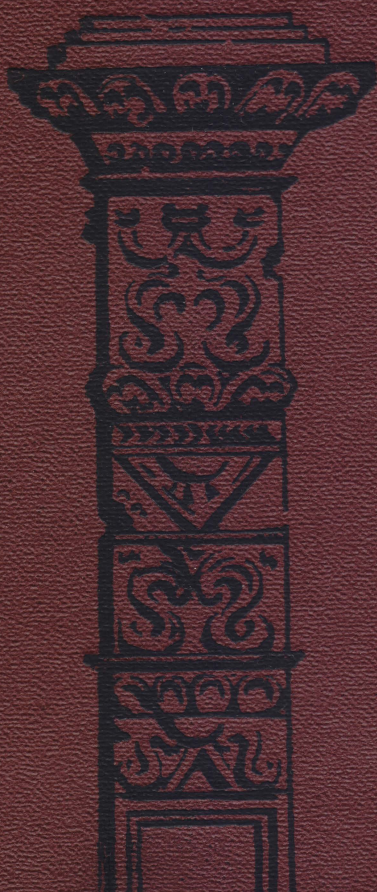

К. З. Ашрафян

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ
ГОРОД
ИНДИИ
XIII-СЕРЕДИНЫ XVIII
ВЕКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

К. З. Ашрафян

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ
ГОРОД
ИНДИИ
XIII-СЕРЕДИНЫ XVIII
ВЕКА

(ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
И СОЦИАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

Ответственный редактор
К. А. АНТОНОВА

В работе рассматривается история индийского города в средние века (XIII — середина XVIII в.). Прослеживаются развитие ремесла и торговли в городе, миграционные процессы, характеризуются социальная и кастовая стратификация населения, налоговая эксплуатация города феодалами, социальная борьба.

А 0506000000-193 85-83
013(02)-83

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

Содержание

Введение	5
Глава I. Средневековый город Индии — место концентрации населения, ремесла и торговли	21
Миграционные процессы и концентрация населения в городе	21
Городская промышленность и социально-экономические формы ее организации	29
Город — центр торговли	40
Глава II. Социальная и кастовая структура населения города	51
Социальные группы и кастовая стратификация	51
Квартально-кастовая община соседства	70
Глава III. Город — средоточие военно-административной власти феодалов	85
Крепость и ее роль в системе управления	85
Городское управление	89
Судебная администрация	100
Самоуправление городских кастовых общин и феодально-государственная администрация	107
Глава IV. Налоговая эксплуатация города феодалами	114
Статьи городских налогов	114
Централизованное распределение городских налогов между феодалами	119
Удельный вес городских налогов в доходах феодального государства и феодалов	123
Государственное регулирование налогообложения городов	126
Глава V. Социальная борьба в городе	131
Глава VI. Влияние города на сельскую экономику и аграрные отношения	160
Город и деревня — особые функциональные элементы феодальной системы	160
Городской рынок сельскохозяйственных товаров и деревня	165
Город и феодальная рента. Кризис военно-ленной системы	173
Заключение	184
Примечания	197
Литература	213
Список сокращений	222
Указатель терминов	223
Указатель названий этнических и кастовых групп, религиозных сект и орденов	226
Указатель географических названий	227
Summary	230

CONTENTS

Introduction	5
Chapter I. Medieval Indian Town — Focus of Population, Handicraft and Trade	21
Migration processes and concentration of population in towns	21
Urban production and types of its socio-economic structure	29
Town — centre of trade	40
Chapter II. Social and Caste Structure of Urban Population	51
Social groups and caste stratification	51
Block and caste community of neighbours	70
Chapter III. Town — Focus of Military-Administrative Authority of Feudal Lords	85
Fortress and its role in administration system	85
Urban administration	89
Legal administration	100
Self-government of urban caste communities and feudal-state administration	107
Chapter IV. Feudal Tax Exploitation of Town	114
Items of urban taxes	114
Centralized distribution of urban taxes among feudal lords	119
Share of urban taxes in profits of feudal state and feudal lords	123
State regulation of urban taxation	126
Chapter V. Social Struggle in Town	131
Chapter VI. Impact of Town on Rural Economy and Aggarian Relations	160
Town and country-side — specific functional elements of feudal system	160
Urban agricultural market and country-side	165
Town and feudal rent. Crisis of military-feudatory system	173
Conclusion	184
References	197
Bibliography	213
Abbreviation List	222
Index of Terms	223
Index of Ethnic and Caste Groups, Religious Orders and Sects	226
Gazetteer	227
Summary	230

Введение

Одна из важнейших задач исторической науки на современном этапе — создание исследований, раскрывающих специфику исторического процесса в той или иной части света, группе стран или отдельно взятой стране, возникшую в результате локальных модификаций общих закономерностей развития под влиянием конкретных условий — природных, историко-культурных, политических, международных и др. Естественно, что лишь при обращении к историческому материалу различных регионов мира возможны серьезные теоретические выводы и научные обобщения, которые и по сей день тормозятся недостаточной изученностью ряда кардинальных вопросов истории Азии. К их числу относится проблема средневекового города на Востоке, в частности в одной из крупнейших азиатских стран — Индии.

Являясь «функциональным элементом социальной системы, называемой обществом», город в своем генезисе и развитии отражает и кристаллизует все основные закономерности развития общества в целом [149, с. 14]. Как историческая категория город изменяется при формационных и внутриформационных (стадиальных) сдвигах. Вместе с тем город — важнейший критерий типологии общества, специфики его структуры.

Город эпохи средневековья¹ как функция феодальной системы своим рождением знаменовал важный этап в развитии общественного разделения труда, характеризуемый территориальным отделением от земледелия ручной промышленности в форме мелкотоварного ремесла. Однако, по мнению ряда ученых, так было лишь в Европе. «Никакой другой феодализм, кроме европейского, — писал Э. Хобсбаум в своей работе об исследовании докапиталистических формаций в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, — не породил средневекового города», и именно последний превратил «европейский феодализм» в «уникальный случай», сделал возможным развитие капитализма [210, с. 42]. В противовес европейскому городу, центру ремесла и товарного обмена, азиатский город изображается как военный лагерь, ставка феодала. Тезис о том, что средневековый азиатский, в частности индийский, город не стал таким же центром, приводит некоторых исследователей к выводу о раннефеодальном характере общества Индии доколониального периода [106, с. 302—310]. Спецификой общественной структуры здесь считают порой «однотипность» города и деревни (город как «разросшаяся деревня», «продолжение деревни»), что аргументируется

гетерогенностью городского и сельского населения, включавшего одни и те же социальные группы, занятые в аналогичных сферах хозяйственной и общественной деятельности [82].

Такого рода представления о характере и уровне развития индийского средневекового города появились и существуют по сей день в значительной мере вследствие недостаточной изученности источников. Отсюда и обращение исследователей к методу ретроспекции, т. е. использования свидетельств европейских авторов XVII—XIX вв. для воссоздания картины средневекового мира Индии. При этом есть тенденция объяснять особенности и итоги исторического процесса в стране в период до установления колониального господства (середина XVIII в.), исходя лишь из условий внутреннего развития, без должного, как нам представляется, внимания к фактору внешней среды.

Не отрицая положительных сторон ретроспективного метода изучения явлений, автор полагает, что использование его будет более результативным применительно к обществам, развивавшимся без катаклизмов. Потрясения, которые выпали на долю Индии, как и ряда других азиатских стран, и были связаны с торговой и колониальной экспансией европейских держав с начала XVI в., делают метод ретроспекции ненадежным (даже при учете относительно медленных темпов развития азиатских обществ), поскольку именно с этого времени достигшее уровня зрелого феодализма индийское общество начало испытывать сильное влияние вставших на путь генезиса капитализма передовых стран Европы. Это влияние стало еще более действенным в новое время (начиная с английской буржуазной революции XVII в. и в особенности, после промышленного переворота в конце XVIII в. — начале XIX в.) вследствие межформационных контактов между проявлявшим тенденцию к разложению индийским феодализмом и развивавшимся европейским капитализмом.

Столкновение двух миров — Запада и Востока, более и менее развитых классовых обществ, на рубеже средневековья и нового времени привело к трагическим последствиям для оставших обществ, в частности индийского. Имевшие целью извлечение дополнительного прибавочного продукта торговая экспансия и захват европейцами ключевых позиций во внешней торговле Индии, колониальные войны на территории страны, наконец, установление английского господства ухудшили условия накопления местного капитала, вызвали резкое сокращение внутренней торговли, разрушение городского ремесла и сельских промыслов, обусловили процесс упадка и аграризации десятков и сотен «традиционных» городов, усилили тенденции к замыканию сельских общин и регенерации натуральных связей (в рамках общины) между земледельцами и представителями профессий (кузнец, плотник и др.).

В этих условиях индийский феодализм утрачивал присущие феодальному обществу потенции к разложению, ведущему к развитию более высоких форм. Следовательно, при всей специфике общественных систем качественные сдвиги в развитии Запада на

рубеже средневековья и нового времени и непрерывность (континуитет) традиционных структур Востока невозможно объяснить, учитывая лишь имманентно присущие им характеристики. Очевидно, поступательное и динамичное развитие Запада в последние столетия средневековья и в новое время и деструктуризация (не порождающее новых форм разложение) феодализма — две стороны одного и того же всемирно-исторического процесса — становления капитализма как формации, который, будучи локализован в отдельных странах Европы, паразитировал на деформируемых, консервируемых и частью возрождаемых колониализмом традиционных формах, препятствуя (по крайней мере до середины XIX в.) их буржуазной модификации².

В свете сказанного автор ставит перед собой задачу показать, что индийский средневековый город, как и средневековый город Европы, был центром ремесла и торгового обмена, а появление его в качестве такового было связано с развитием феодального общества, его производительных сил и всей социально-экономической структуры, нашедшим свое воплощение в территориальном отделении промышленности в форме мелкотоварного ремесла от земледелия, что знаменовало важнейший этап в процессе общественного разделения труда.

Вместе с тем очевидна важность вопроса о внутрисполитических особенностях средневекового города Индии. Опираясь на принцип системного анализа, предполагающего как «учет всей совокупности взаимоотношений... данного общества», так и «учет взаимоотношений между ним и другими обществами» [11, с. 77], автор поставил своей целью показать, что эти особенности возникли в результате сложного сочетания и взаимодействия внешних по отношению к индийскому обществу и городу как его элементу обстоятельств и внутренних факторов. Среди последних особое внимание обращено на устойчивость первобытнообщинной периферии феодального общества Индии, своеобразие аграрных отношений, равно как и таких надстроечных форм, как государство и власть, право и идеология, оказывавших большое влияние на базисные отношения³ и создававших многовариантность внутритипологических (феодальных в данном случае) форм.

Тезис о том, что средневековый город Индии, как и европейский, был центром мелкотоварного ремесла и обмена, приводит к необходимости поставить вопрос, один из центральных в современной медиэвистике, а именно вопрос о месте в феодальном обществе товарного уклада, концентрировавшегося прежде всего в городе. В работах историков европейского феодализма (М. А. Барга, Е. В. Гутновой, А. М. Панкратовой, Ф. Я. Полянского, Б. Ф. Поршнева, А. С. Самойло, А. А. Сванидзе, С. Д. Сказкина, А. Н. Чистозвонова и др.) рассматривается вопрос: был ли мелкотоварный уклад частью социально-экономической структуры феодализма, или это уклад-попутчик? Или же это предвестник капитализма и существование его несовместимо с феодализмом? (см. подробнее [150, с. 5]).

На материалах по индийскому городу мы пытаемся показать, что средневековый город, будучи сам результатом достигнутого феодальным обществом развития, в свою очередь, благодаря концентрации здесь товарных отношений оказывал стимулирующее воздействие на феодальную экономику и способствовал «вызреванию» феодальной системы, что нашло отражение, в частности, в начавшемся кризисе государственно-феодальной иерархической структуры собственности. «Феодальность» города, проявлявшаяся и в корпоративности всех элементов его социальной структуры, и в преобладании здесь (как и в деревне) мелкого, хозяйственно-самостоятельного производителя, не исключала обособленности города от деревни в экономическом, социальном и правовом аспектах.

Специфика экономической и общественной организации и уровень развития города как элемента феодальной системы находили отражение в динамике социальной борьбы в городах. Это обусловило постановку в работе проблемы социального состава участников городских движений, формирования основных тенденций развития антифеодальной оппозиции городских торгово-ремесленных слоев.

Средневековый город Индии изучен совершенно недостаточно. В центре внимания исследователей экономической истории и по сей день стоит аграрный вопрос, самый важный для добуржуазных земледельческих обществ. Повышение в последние десятилетия уровня научных исследований, обозначившиеся задачи комплексного подхода к изучению общества с целью теоретического осмысления исторического процесса в целом привлекли более пристальное внимание ученых к доиндустриальному городу как элементу социальной системы. Причиной усиления интереса ученых к истории города стал современный процесс урбанизации, происходящий в условиях устойчивости добуржуазных, традиционных связей, подвергающихся частичной модификации и проникающих в современную капиталистическую социально-экономическую структуру.

Особо следует отметить большие успехи в изучении экономической истории Индии (в частности, городской проблематики), достигнутые индийской историографией, которая развивалась после завоевания независимости в острой полемике с представителями английской буржуазной школы историков-«утилитаристов», противопоставлявших «динамичный» Запад «застойному» Востоку, нуждавшемуся якобы в импульсе извне. Многие современные историки Индии отстаивают с полным основанием идею поступательного развития общества, приводя свидетельства больших достижений народов страны в доколониальный период не только в духовной, но и в материальной сфере деятельности, весьма высокого уровня развития социальных и политических институтов, экономических отношений. Принципиально важное значение имеет констатация учеными отрицательных последствий установления колониального господства, приведшего к «истощению экономики Индии», превра-

щенной в источник сырья и рынок сбыта для метрополии [188, с. V]. О разрушительном воздействии иностранного капитала на экономику страны писал Д. Д. Косамби [216, с. 365]. «Гигантский процесс дезурбанизации» в результате владычества англичан отмечал И. Хабиб [202, с. 76—77]⁴.

В исторических трудах многих ученых — С. Нурул Хасана, Сатиш Чандры, Т. Райчаудхри, И. Хабиба, П. Сарана, С. А. Ризви — содержатся важные положения и выводы, имеющие большое значение для понимания особенностей развития индийского города. Специальные исследования по могольскому городу были выполнены Х. Х. Накви, поставившей ряд кардинальных проблем истории могольского города, его экономической и социальной структуры, форм организации, объема и уровня промышленного развития. Ряд вопросов городской проблематики рассматривались на материалах отдельных областей и городов. Это работа С. Гопала о торговле и ремеслах Гуджарата в XVI—XVII вв. [199], книга Б. Г. Гокхале о г. Сурате в XVII в. [196]. Изучение города XIII—середины XVIII в. было бы немыслимо без обращения к работам индийских историков, специалистов в области социально-экономических отношений более раннего времени — древности и раннего средневековья. Среди этих трудов — монографии и статьи Р. Ш. Шармы, Б. П. Мазумдара, Л. Гопала, О. П. Вермы, Д. Девахути и др.

В западной индологии одним из пионеров в области изучения средневековых обществ Индии и ее городской истории был английский ученый У. Г. Морленд, труды которого, хотя и создававшиеся более 50 лет назад, не утратили во многом своего значения. Из работ западных ученых на эту тему следует назвать вышедшие за последние десятилетия работы М. Н. Пирсона, обратившего особое внимание на формы «политического участия» различных социальных слоев, в том числе купечества могольской Индии, а также монографию К. Л. Джиллиона, посвященную г. Ахмадабаду и интересную прежде всего в плане изучения проблем трансформации в течение XIX в. пришедших в упадок средневековых городских институтов, в частности административной системы.

В советской науке проблемы средневекового города в контексте аграрной истории рассматривались в работах К. А. Антоновой, Л. Б. Алаева, К. З. Ашрафян. Отдельные статьи Е. М. Медведева и Ю. Я. Цыганкова посвящены городу периода раннего средневековья.

Проблема уровня экономического и социального развития Индии на рубеже средневековья и нового времени, имеющая непосредственное отношение к вопросу о развитии средневекового города, исследовалась и неоднократно обсуждалась советскими историками К. А. Антоновой, В. И. Павловым, А. И. Чичеровым и др. Внимание ученых было сконцентрировано на вопросах общественного разделения труда, социально-экономической структуры промышленности, организации и общественных функций торгового капитала. Центральное место в работах и дискуссиях вокруг

проблемы уровня развития Индии до превращения ее в английскую колонию занимал вопрос о зарождении в недрах феодальной экономики раннекапиталистических форм и о влиянии европейской экспансии на развитие страны.

Недостаточная изученность конкретных аспектов истории индийского города объясняет гипотетичность ряда оценок, а выводы часто нуждаются в проверке. Это относится и к вопросу о значении политики правителей государства и правовых установлений для процесса докапиталистической урбанизации. Переоценка роли этих факторов (хотя и немаловажных) допускалась в свое время Мухаммедом Хабибом, одним из «патриархов» истории Индии, который связывал «городскую революцию» в Индии в XIII в. с «мусульманскими» (тюрко-афганскими) завоеваниями, в результате чего «городской трудящийся класс», вынужденный прежде жить согласно предписаниям шастр за пределами городских стен, получил возможность селиться в черте города (цит. по [181, с. 55]). С таким взглядом вполне согласуются распространенные в современной западной ориенталистике и исламоведении положения о «крайней урбанистичности ислама» [193, с. 493—540], об исламе как «религии, находящей наилучшее воплощение в городской среде» [176].

«Урбанизационной политикой» тюркских, афгано-могольских правителей Индии, мусульман по вероисповеданию, основывавших согласно с «традициями ислама» и в интересах управления завоеванной страной множество крепостей, перераставших в города, объясняет Х. Х. Накви быстрый рост их с XIII в. [230; 231].

«Исламизированный» вариант известной в европейской историографии «бурговой» теории генезиса города как результат гиперболизации роли политических и культурно-идеологических факторов, в частности «исламского фактора», не выдерживает проверки историческим материалом. Еще в 1969 г. на I Всеиндийском семинаре по экономической истории Р. Ш. Шарма отметил, что для решения различных проблем города, а именно вопроса, действительно ли «урбанизация была привнесена в Индию тюрко-афганцами», необходимо более тщательное изучение источников предшествующего периода (прежде всего дарственных грамот) [249а, с. 17].

Связывая развитие города, т. е. экономический прогресс, с «технологией», ряд ученых ограничиваются констатацией наличия двух типов городов — индустриального и доиндустриального. Последний в современной социологической, экономической и отчасти исторической литературе часто именуется традиционным (так квалифицирует город древности и средневековья К. Джиллион [195, с. 4]).

Закономерно поставить вопрос: был ли базировавшийся на ручном труде традиционный город типологически единым явлением? Естественно, что ответ на этот вопрос зависит от решения проблемы формационной расчлененности добуржуазных обществ Азии, в том числе Индии. Эта проблема пока не решается однозначно,

хотя большинство индологов, прежде всего советских, стоят на той точке зрения, что первой классовой формацией в Индии была рабовладельческая, на смену которой в V—VII вв. пришли феодальные отношения, существовавшие в виде уклада или протофеодальных отношений задолго до этого времени [99; 109].

Противоположная этому точка зрения Е. М. Медведева о происходившей на протяжении древности и средневековья «медленной эволюции в пределах однотипных производственных отношений» приводит к логическому выводу о типологической адекватности и городов этих эпох. Такое представление как бы иллюстрируется тем, что переход к средневековью в Индии в отличие от стран Западной Европы не сопровождался натурализацией экономики и упадком древних городов; разорению, по мнению Е. М. Медведева, подверглись в раннее средневековье лишь отдельные города в результате нашествий «варваров» (белых гуннов и др.) и различных политических потрясений [131, с. 168 и сл.].

Непрерывность (континуитет) городской традиции на Востоке в эпоху древности и средневековья нередко отмечается в восточноведной литературе как специфическая черта азиатского города, отличавшая его от европейского, выросшего якобы на «голом месте». Нельзя не вспомнить, что концепция континуитета была выдвинута впервые именно в связи с генезисом европейского средневекового города (итальянского, южногерманского и некоторых других) немецким историком А. Допшем и была чрезвычайно популярной в западноевропейской историографии в 20—30-е годы XX в. Исследования европейских городов привели многих к отказу от идеи континуитета А. Допша, хотя она и сегодня имеет своих сторонников. Идея континуитета находит своих приверженцев и среди исследователей азиатского города, которые в подтверждение своей точки зрения приводят (как делали некогда сторонники концепции континуитета западноевропейского города) то обстоятельство, что многие известные в древности города именовались в источниках и в раннее средневековье городами, они часто были обнесены стенами, в них сохранялись частично производственные и культурные традиции.

Однако значение такого рода фактов может быть верно оценено лишь при условии установления направленности всего исторического процесса и учета всего комплекса социальных отношений в обществе, определения удельного веса различных социальных форм, представляющих частью пережитки более ранних, нисходящих, частью — элементы новых, восходящих структур. Исследователям нужно, по-видимому, исходить из того, что при всей преемственности тех или иных традиций, правовых норм и институтов средневекового города социальное содержание их по сравнению с древностью претерпело качественные изменения, связанные с общей эволюцией социально-экономических отношений.

В этой связи внимание привлекают работы тех ученых, которые прослеживают на рубеже древности и средневековья и в первые его столетия упадок производственной деятельности и торгов-

ли в городах, сокращение денежного обращения, упадок городской культуры, связывая все эти явления с крушением древних цивилизаций и становлением феодальных отношений [249, с. 64—67, 129—131, 134; 198, с. 13, 82]. Р. Ш. Шарма, Л. Гопал, Х. Х. Накви и некоторые другие историки отмечают значительное расширение в средневековых городах промышленной деятельности и торговли, сокращение роли городского земледелия, изменение характера собственности и внутреннего содержания унаследованных средневековым от древности отдельных институтов.

Дальнейшие изыскания в этой области очень важны, хотя ограниченность серьезных данных, отсутствие количественных показателей соотношения между свободным трудом самостоятельных ремесленников и трудом зависимых производителей, удельного веса форм организации промышленности, степени развитости рыночных отношений и т. д. чрезвычайно осложняют задачу. Однако даже на современном уровне исследования можно констатировать большие различия в экономической и социальной организации производства, формах собственности и эксплуатации, численности населения, размерах территории и т. д. индийских городов древности и средневековья, что позволяет характеризовать те и другие в качестве типологически неадекватных явлений.

В современной историографии, в том числе индологической, нередко предлагается методика типологизации, в основе которой лежат общественные функции города. В связи с этим выделяются города — экономические центры, города-храмы, города — административные центры, многофункциональные города и т. д. Думается, что выраженность на данный момент той или иной функции конкретного города — критерий для формальной типологизации средневекового города, структурообразующей которого является только функция его как центра мелкоотварного ремесла и обмена, сочетаемая с другими функциями. Сведение на один уровень значимости всех функций города, несоблюдение «иерархии функций» способны, как нам кажется, привести к искажению общей картины⁵.

В отличие от сторонников «функциональной типологизации» Х. Х. Накви, исследуя могольские города, пришла к научно обоснованному выводу, что базой этих городов было ремесленное производство, от которого зависели их богатство и процветание; город без ремесленников, составлявших непреходящий компонент городского населения, пишет Накви, так же нелепым, как здание без фундамента [231, с. 6, 85]. То обстоятельство, что ремесленное производство в городах не только обслуживало потребности элиты, но и удовлетворяло запросы основной массы городского населения, помогло многим городам пережить политические катаклизмы конца XVII — первой половины XVIII в. и оскудение проживавшей в городах знати. Упадок индийских городов историк связывает прежде всего с деятельностью европейских торговых компаний.

Важный аспект истории средневекового общества, в частности города, — антифеодальная борьба. Некоторые проявления ее ста-

ли объектом внимания ученых, однако до настоящего времени эта проблема изучена крайне недостаточно. Известно, что данные источников о социальных конфликтах в средние века очень скудны. Отчасти это связано с характером письменных источников, которые для раннего средневековья (до XIII в.) представлены главным образом законодческой литературой, отражавшей брахманскую традицию, и материалами эпиграфики. Больше сведений о социальном неблагополучии в обществе, в частности о городских движениях и восстаниях, содержится в хрониках, получивших широкое распространение с XIII в. Свое воплощение социальная напряженность в средневековом обществе находила и в борьбе идей, отраженной в религиозно-философской и сектантской (частью фольклорного характера) литературе, свидетельствуя о широких масштабах пассивного, скрытого сопротивления угнетаемых слоев населения, в том числе горожан.

Некоторые авторы настаивают на «бесконфликтности» общества в Индии до XIII в., объясняя это спецификой ее «древнего социального строя». Как известно, это положение защищал идеолог индусского коммунизма М. С. Голвалкар, который утверждал, что этот строй «определял обязанности каждой группы населения и направлял естественный процесс эволюции всех индивидуумов и групп, подобно тому как интеллект руководит деятельностью бесчисленных частиц тела». Этим «интеллектом» Голвалкар считает касту, которая «не препятствовала прогрессу и не подрывала единства общества, напротив, делала возможным сотрудничество различных функциональных групп... служила великим скрепляющим звеном социальной системы». В этом Голвалкар видит преимущества кастового, «духовного» индусского общества, подорванного мусульманами, перед «материальными» классовыми обществами других стран, раздираемых противоречиями и классовыми конфликтами [197, с. 1]. Социальные конфликты в развитом феодальном обществе интерпретируются рядом авторов как результат установления власти «чужеземцев»-мусульман, в условиях господства которых каста была призвана стать «культурным барьером» для защиты индусских «социальных нравов» [186, с. 111].

Между тем изучение исторического материала показывает, что в защите «социальных нравов» было заинтересовано отнюдь не все население Индии, а лишь верхи общества, проявлявшие наибольшую приверженность к традиционным установлениям и институтам. Низшие слои горожан и крестьянства в ряде областей (Кашмир, Бенгалия, отчасти Пенджаб) переходили в мусульманство, чтобы избавиться от сословно-кастовой приниженности индуизма. Впрочем, и сам ортодоксальный ислам в Индии воспринял касту, поэтому кастовость как «культурный барьер» могла оберегать привилегии лишь социальных верхов. Борьба против кастовости проходит через всю историю страны, проникает ее культуру, поэзию, философскую мысль, являясь в зависимости от эпохи выражением социального протеста различных слоев, в том числе торгово-ремесленного населения городов.

Источники, положенные в основу данного исследования, составляют несколько групп. Это прежде всего хроники, вышедшие из-под пера средневековых историков. Единственной известной североиндийской хроникой до XIII в. является кашмирская хроника «Раджатарангини» Калханы, жившего в XII в. и претендовавшего на знакомство с трудами одиннадцати хронистов прежних царей [52, с. 4—5]; это свидетельствует о том, что «Раджатарангини» — продолжение существовавшей традиции индийской хроники. Труд Калханы до настоящего времени используется недостаточно как в советской, так и в зарубежной историографии. Многие важнейшие сведения о кастовой и социальной стратификации феодального общества, формировании классов этого общества, формах эксплуатации, государственной организации, экономики и пр. мало привлекали внимание ученых (хотя сам текст неоднократно переводился с санскрита на английский и немецкий языки).

Важнейшая и многочисленная группа хроник — это персоязычные истории, авторы которых жили обычно при дворах правителей-мусульман в государствах, где официальным языком, языком канцелярского делопроизводства, дипломатической переписки, поэзии и, наконец, историографии был фарси. В монографии используются образцы литературы этого жанра, созданные в XIII—XVIII вв. (подробнее см. работы К. А. Антоновой и К. З. Ашрафян).

Авторы хроник обычно происходили из духовного или «бюрократического» сословий. Их родственники и сами они занимали нередко высокие придворные должности: должность казия государства и столицы занимал при Гийас уд-дине Балбане Джузджани; вазиром Акбара был Абул Фазл Аллами — инициатор и проводник его реформ; придворным имамом того же правителя являлся Бадауни; крупнейший исторический труд принадлежит Али Мухаммад-хану Бахадуру — главе налогового ведомства Гуджарата. Нередко историки, даже не занимавшие сами важных должностей в государстве, были вхожи к правителям (по свидетельству Барани, султан Дели Мухаммад-шах Туглак часто беседовал с ним и спрашивал его мнение относительно нелегких дел его царствования, отмеченного мятежами и восстаниями). Хронисты были большей частью свидетелями описываемых событий — заговоров и мятежей знати, народных восстаний, карательных экспедиций и расправ.

Во взглядах хронистов находили преломление социально-политические идеалы феодальных слоев. В предисловии к своему труду «Тарих-и Фируз-шахи» Барани писал, что в историю входят лишь великие люди и их дела и изучать ее с пользой могут лишь те, кого можно считать сведущим в делах религии и управления государством, но не «люди низкого происхождения». Естественно, что свое внимание хронисты концентрировали на деятельности султанов и военачальников, описывая их доблесть, щедрость, взлеты и падения, превратности судеб, заботу о подданных и «неблагодарность черни». Большинство хроник в той или иной степени панеги-

ричны; это требует критического подхода к их свидетельствам и главным образом оценкам. Отдельные труды писались, напротив, с враждебных позиций (например, история Бадауни, настроенного резко враждебно к «нововведениям» Акбара в области религии и осуждавшего его политику притеснения крупных феодалов-джагидаров).

Особую группу источников представляет персоязычная мемуарная литература. Самый выдающийся ее образец — труд Захир уд-дина Бабура, поэта и военачальника, основателя Могольского государства в Индии и первого его правителя (1525—1530), «Бабур-наме». Сведения «Бабур-наме» позволяют судить о значительном распространении в индийском городе начала XVI в. оплачиваемого труда не имеющих собственного хозяйства работников в сфере промышленного производства, о внимании государства к ремеслам, покровительстве мастерам, о быте городов и т. д. Почти сто лет отделяют от Бабура его правнука падишаха Джahanгира (1605—1627), который совершил «подвиг», не только переписав труд Бабура, но и создав собственную «книгу» — «Джahanгир-наме». К этому же жанру формально может быть отнесено более раннее произведение — «Футухат-и Фируз-шахи», созданное в XIV в. делийским султаном Фируз-шахом Туглаком, описавшим свои «победы», заключавшиеся главным образом в расправах над сектантами в городах и пожаловании «народу» налоговых послаблений; не исключено, что это небольшое оригинальное произведение было написано по приказу султана.

Наибольшие искажения в феодальных хрониках (как и в мемуарной литературе) появляются при описании народных движений и это естественно, учитывая социальную природу взглядов их авторов, представителей феодального класса. Руководители и участники их именовались «сбродом», «чернью», «невеждами», «разбойниками и ворами», «грязноголовыми» и пр. Поскольку многие стихийные антифеодальные выступления проходили под лозунгами сектантских (часто мистических) учений, последователи их изображались «еретиками» и «безбожниками». Но при этом свидетельства хроник о «мятежах» и «бунтах» в городе порой чрезвычайно интересны, и даже упоминания о них (нередко мимолетные) указывают на обострение в те или иные периоды социальной борьбы в городе.

Представление о социальных конфликтах, антифеодальных движениях, их идеологии и формах организации дает литературная традиция самих движений, сект и мистических течений. Литература секты сатпантх представлена большим числом священных гимнов, экстатических поэм, притч, мифов и легенд о «чудесах». Образцы этой литературы изданы в 1948 г. в переводе на английский язык.

Учения мистиков-суфиев, многие из которых пользовались популярностью в городских массах, отражены главным образом в агиографической литературе (в частности, в труде Амира Хурда, давшего жизнеописание шейха ордена чистие Низам уд-дина

Аулийа). Социально-этические взгляды одного из виднейших шейхов того же ордена, незаурядного поэта Шейха Фарид Ганджшакара, дошли до нас в священной книге сикхов «Ади Грантх» («Грантх-Сахиб», или «Книга-господин»), включающей творения десяти сикхских учителей-гуру, равно как и сочинения многих поэтов-бхактов (Кабира, Сур Даса, Тулси Даса, Намдева, Даду и др.). Это важнейший источник для изучения идеологии антифеодальной оппозиции XV — середины XVI в. Литература бхакти создавалась на живых разговорных языках; это обстоятельство, равно как используемая образность и литературные приемы, заимствованные поэтами-бхактами из фольклора, не говоря уже о смысловой нагрузке аллегорий и трактовке мистического тезиса о возможности «личного» общения человека с богом и «спасения», доступного каждому как утверждение равенства людей на земле, позволяет характеризовать произведения поэтов как выражение недовольства феодальными порядками и системой феодальной и кастовой иерархии.

Трудно переоценить значение документального материала для исследования социально-экономической истории, в том числе истории средневекового города. Большое число официальных документов, многие из которых важны для освещения разных аспектов городской проблематики, дошло до нас благодаря усилиям Али Мухаммад-хана Бахадура (Мирза Хасан — имя, полученное при рождении). Он занимал должность смотрителя (даруга) рынка тканей в Ахмадабаде, в 1746 г. стал диваном Гуджарата. В качестве дивана Али Мухаммад-хан, человек незаурядного ума и энергии, предпринял попытки упорядочить финансы провинции, ограничить произвол могольских наместников и других могущественных феодалов.

Часть объемистого труда, посвященная истории Гуджарата до включения его в состав Могольской империи, построена на более ранних исторических работах, в частности «Мират-и Сикандари» Сикандар бин-Мухаммада, автора хроники гуджаратских султанов. Для написания истории Гуджарата как могольской субы были использованы известные хроники времен Акбара и Шах-Джахана. Интересны свидетельства Али Мухаммада, касающиеся истории первой половины XVIII в., событий которой он был свидетелем или имел информацию о них от очевидцев, в частности от своего отца, на которого часто ссылается. Однако украшением труда Али Мухаммад-хана, делающим его по-своему уникальным, являются включенные в него многочисленные документы, хранившиеся в архиве налогового ведомства субы, — указы (фирманы), жалованные грамоты (санада и парвана), распоряжения (дастур ул-амл), касающиеся утверждения в должности, пожалования земель, назначения жалования, сбора или отмены налогов с крестьян и с торгово-ремесленного населения. Среди документов весьма многочисленны рескрипты Аурангзеба (касающиеся и исследуемой нами проблематики). Это, несомненно, восполняет недостаток в материалах хроник того времени. Очень ценны и статистические дан-

ные о налогах, которые собирали в областях и городах чиновники султанов Гуджарата до 1573 г. Среди них — абсолютно уникальный реестр налогов Ахмадабада с указанием статей налогообложения в городе.

Приложение («Хатима») к «Мират-и Ахмади» представляет историко-географическое описание субы Гуджарат и столицы Ахмадабада, его истории, торговли, ремесленного производства, содержит историю многих суфийских шейхов и других почитаемых мусульманами «святых», могилы которых находятся в Гуджарате, дает картину административного устройства субы, организации класса феодалов и т. д. Чрезвычайно важен приводимый автором на основании реестровых записей времен Акбара подробный перечень округов и деревень, находящихся в ведении казны или во владении местных раджпутских князьков.

Указы могольских падишахов о земельных пожалованиях джагиров нередко содержат материал, могущий заинтересовать и исследователя города. Об этом свидетельствуют сборники документов архива штата Андхра-Прадеш в Хайдарабаде [67; 68]. Ряд интересных данных по городской проблематике (о фискальных и административных функциях города по отношению к деревне, проникновении городских торговцев и других обладателей денежного капитала в деревню, о ростовщической эксплуатации сельских производителей и др.) был взят нами из документов архивов двух религиозных общин — йогов Джахбара и вишнуитов Пиндори (штат Пенджаб) XVI—XVIII вв., изданных известными индийскими учеными Б. Н. Госвами и Дж. С. Гревелом [60; 61].

Огромной важности документальный статистический материал содержит знаменитый труд Абул Фазла Аллами «Аин-и Акбари» («Установления Акбара»), включающий данные о оставках земельного налога с городов и пригородов, округов и областей, позволяющие судить о различном хозяйственном использовании земли в деревне и городе, влиянии города на земледельческую округу, роли города как административного центра, приобщенности представителей торговых каст к феодальной эксплуатации, их ответственности как собственников земли за сбор земельного налога.

Сведения о конкретной истории городов — кастовой стратификации горожан, налогах, выплачивавшихся торгово-ремесленным населением, освобождении от повинностей и сборов в пользу феодалов и феодального государства, значительных накоплениях капитала у торговцев и отчасти ремесленников, источниках этих накоплений — дает эпиграфика, образцы которой представлены, в частности, в серии «Epigraphia Indo-Moslemica».

Важнейший круг источников — записки об Индии иностранцев. Для раннего средневековья это записки китайских паломников, в частности Фа Сяня и Суан Цзяня. Во многом свидетельства их уникальны и позволяют судить о хозяйственном и социальном укладе раннего города, системе управления и т. д. Обращает на себя внимание и то, что о многих городах паломники писали как о переживших свою славу и пришедших в упадок.

Для VIII—XIV вв. большое значение имеют труды арабоязычных историков, путешественников, географов, историков. Обширная торговля, в том числе морская, которую вел Халифат, далекие путешествия в различные страны ученых и мореплавателей имели результатом накопление разносторонних сведений об Индии. Крупный советский ученый-арабист И. Ю. Крачковский отмечал восходящую еще к омейядскому периоду традицию характеристики отдельных городов (или стран) в виде «достоинств» (фадаил) или «свойств» (хасанс), которая постепенно переросла в более подробные описания «Кутуб ад-булдан» («Книга о городах или странах»); последние нередко содержали сказочные сюжеты и занимательные рассказы.

Материалы путешествий клали в основу своих сочинений географы так называемой классической школы в арабской географии X в. (ал-Мукаддаси, ал-Истахри, Ибн-Хаукаль). Однако творчеству их были присущи ограниченность, выражавшаяся в отсутствии интереса к странам, лежащим за пределами «мусульманского мира», и искусственное, сознательное ограничение описанием лишь стран ислама. Индия в трудах географов была представлена лишь данными о Синде.

Более конкретные и достоверные сведения об Индии содержат труды арабоязычных географов IX—X вв. — ал-Джахиза (ум. в 869 г.) и ал-Джайхани (конец IX — первая четверть X в.). Тесно связан с арабоязычной географией IX—X вв. созданный на персидском языке анонимный географический труд «Худуд ал-алем» («Пределы мира»). Для изучения города в Индии интересна квалификация его автором многих населенных пунктов как «места торговцев» или «места торгога», что свидетельствует об определенном развитии товарно-денежных отношений в раннем средневековье.

На арабоязычную географическую литературу опирался отчасти один из мыслителей и ученых средневековья — Абу Рсйхан ал-Бируни [36а]. «Индия» ал-Бируни, являясь вершиной творчества ученого, занимает особое место в арабоязычной литературе X—XI вв. Это не просто обобщение знаний, достигнутых арабоязычной наукой в предшествующие периоды. Ал-Бируни дополнял и исправлял существовавшие представления по самым различным отраслям знания — астрономии, минералогии, поэтике, фармакогнозии, географии. Оригинальный во многом характер свидетельств ал-Бируни является результатом того, что они часто имеют в основе его личные наблюдения, а также рассказы осведомленных лиц и очевидцев, на которых он часто ссылается. Известно, что ал-Бируни неоднократно бывал в Индии, он посетил, вероятно, Синд и Пенджаб. Из ряда свидетельств «Индии» видно, что ал-Бируни дает сведения о реальном состоянии городов своего времени. Сведения «Индии» безусловно важны для изучения многих аспектов культуры и истории страны; проливают они свет также и на кастовую стратификацию в Индии.

В XIII—XIV вв. в арабоязычной литературе появляются новые

образцы описаний «чужих» стран. Главная особенность их заключается в том, что их авторы основывались на вполне реалистических, весьма конкретных сведениях, добытых ими лично или их информаторами. К такого рода образцам относятся труды и других арабских авторов [76; 77], в которых содержатся интересные сведения о городах Индии, их торговле, ремеслах. Результатом многолетних путешествий была книга несомненно талантливого человека и неутомимого путешественника марокканца Ибн-Батуты, его труд можно считать в равной мере географическим и историческим. Прожив в Индии ряд лет (1333—1347), он занимал должность казия Дели, управлял имуществом мазара (гробницы) делийского султана Кутб уд-дина Айбека. Свидетельства Ибн-Батуты, его описания «семи городов» Дели, зарисовки сцен городской жизни в дни праздников и в будни, во время голода и мятежей, приводимые сведения о сектантских движениях, обычаях населения, продаваемых на базарах продовольственных и других товарах, ценах на них весьма важны для исследования города.

Индию посещали путешественники и из других стран Азии. В XV в. сюда прибыл китаец Ма Хуань, которому принадлежит ряд наблюдений о торговле и городах. Примерно тогда же в качестве посла среднеазиатского правителя прибыл в Индию знаменитый Абдарразак Самарканди, давший описание ряда деканских городов империи Виджаянагар.

Интересны также свидетельства армянских купцов. Нельзя обойти молчанием армянский путеводитель по Индии XII в., составленный неизвестным автором (возможно, купцом) на древнеармянском языке: «Наименование городов индийских и персидских» [41]. Текст путеводителя в различных списках помещался в ряде собраний рукописей (начиная с XIII в.) географического и исторического содержания, служивших, видимо, справочником для армянских купцов. О том, что путеводитель не утратил практического значения и позднее, свидетельствуют повторные его издания в XVII—XVIII вв. В XVII в. армянские купцы Новой Джульфы (Иран), занимаясь посреднической международной торговлей, главным образом шелком-сырцом, начали проявлять большой интерес к индиго, закупки которого они производили в Биане, Лахоре и других городах Индии. Ряд интересных сведений содержат два армянских источника, связанные с активностью армянских купцов на индийских рынках: дневник купца Ованеса Джугаеци, проведшего 9 лет в Индии и Тибете⁶, и составленный в Новой Джульфе для торгующих с Индией армянских купцов специальный учебник-инструкция, автором которого является Костанд Джугаеци, собравший весьма ценную информацию об индийских городах и рыночной ситуации в них от навещавших страну торговцев⁷.

Большую и важную группу источников представляют записки европейских путешественников — дипломатов, купцов, торговых агентов, документы английских торговых факторий. Материал этот весьма разнообразен: он касается торговли и промышленно-

сти городов, быта населения, внешнего облика города и его административного управления, налогов и т. п. Нельзя не заметить, что до XVI в. европейские авторы давали восторженное описание индийских городов и их богатств. Посещавшие же страну в XVII в., хотя и говорили о многолюдности городов, мастерстве ремесленников, оживленных рыночных операциях, делали это несколько свысока. В 1626 г. старший голландский фактор Ф. Пельсарт считал, что слава многих важных городских центров Индии осталась в прошлом. По-видимому, оценки авторов XVII—XVIII вв. отражали определенную деформацию экономики и социально-политических отношений в Индии под влиянием европейской торговой экспансии.

Естественно, что в рамках одной работы и при исходном уровне изученности проблемы мы могли поставить перед собой относительно скромную задачу — исследование лишь некоторых аспектов средневекового индийского города. Не задаваясь целью реконструировать конкретную историю отдельных городов, мы использовали свидетельства источников об их возникновении, расцвете и упадке, о характере экономической и социальной структуры, обычаях населения для раскрытия наиболее характерных особенностей и тенденций развития средневекового города как элемента феодального общества.

Глава I

Средневековый город Индии— место концентрации населения, ремесла и торговли

Миграционные процессы и концентрация населения в городе

Скопление огромных людских масс в средневековых городах Индии (как и многих других стран Востока) — одна из особенностей, почти неизменно отмечавшаяся европейцами, посещавшими страну в XV—XVII вв. Источники не содержат цифровых данных о численности населения в XIII—XV вв., хотя, судя по косвенным сведениям, это были более значительные агломерации, нежели города древности и первых нескольких столетий средневековья, но они уступали городам Могольской империи XVI—XVII вв. В этот последний период, когда традиционный город Индии достиг апогея в своем развитии и когда начали проявляться симптомы разложения присущей ему социальной и экономической структуры, в стране насчитывались десятки крупных по масштабам того времени городов.

По мнению Х. Х. Накви, в Ахмадабаде в конце XVII в. жило 900 тыс. человек [230, с. 91] ¹. Если ее расчет верен, то это был самый крупный город доколониальной Индии. Правда, по другим подсчетам, население Ахмадабада составляло 500—600 тыс. [199, с. 235], т. е. примерно столько же, сколько в могольской столице Агре. Агра и Фатехпур-Сикри (первая, по данным Дж. Ксавье, насчитывала 500 тыс., по данным Манрике — 660 тыс.) в 1583—1586 гг., по свидетельству европейских путешественников, были больше Лондона (см. [202, с. 75]). Дели, уступавший Агре и Ахмадабаду по численности населения, был примерно того же масштаба, что и Париж ², а Лахор путешественники конца XVI—XVII в. описывали как один из самых больших городов мира, превосходящий своим величием Константинополь. Города с населением 100 тыс. не были, видимо, редкостью, по 200 тыс. было в Патне [56, т. 2, с. 140] и Масулипатаме [48, с. 90].

Однако концентрация населения доколониальной Индии была значительной лишь в столичных городах, центрах ряда провинций (суб) и областей (саркаров); сотни мелких городов (типа ка-

саба), центров земледельческих округов, лишь немногим превышали большую деревню. Как показали подсчеты индийского историка Б. Л. Бхадани, сделанные на основе данных раджастанских архивов о численности домов в городах, считавшиеся во второй половине XVII в. городами поселения имели по 1—3 тыс. жителей³ (Пхалоди, Покаран) и 5—10 тыс. человек (Санчор, Джайтаран, Соджхат); относительно крупные города — Мерта и Джалор — насчитывали соответственно 26,4 тыс. и 13,7 тыс. человек [174, с. 14, 16]. Что касается деревень, то и они были разными: по У. Г. Педдару (чиновник гражданской службы Бомбея), давшему описание гуджаратских деревень в 1872 г., численность населения в них колебалась от 100—200 до 2—3 тыс. человек; в усредненной деревне области Ахмадабад к началу 70-х годов XIX в. проживало 689 человек [49, с. 45, 46]. В деревнях центральной части Северной Индии усредненная деревня была значительно меньше: историк XIV в. Шамс Сирадж Афиф называет «обыкновенной» деревню этой области с населением 200—300 человек⁴.

Важной демографической проблемой является вопрос о соотношении между городским и сельским населением в средневековой Индии. Исследования Б. Л. Бхадани привели его к выводу, что городское население в небольшом княжестве Джодхпур (в границах на 1891 г.), не отличавшемся высокой степенью урбанизации, в 1658—1664 гг. составляло 12,12% (минимум) или 19,57% (максимум) всего населения⁵, насчитывая от 1627 тыс. до 1702 тыс. человек [174, с. 18]. В области Ахмадабад, максимально урбанизированной (по индийским эталонам) в средние века и пережившей в XVIII—XIX вв. упадок городов, к 1872 г. городское население составляло 28,55%; здесь было 13 городов, в которых было 236 918 человек, в среднем 18 тыс. в каждом (в то время как в каждой из 847 деревень той же области проживало, как отмечалось, в среднем 689 человек) [49, с. 45]. В целом по Индии могольского периода процент городского населения, согласно подсчетам И. Хабиба, равнялся 20 [202, с. 1]. Это значительно выше, чем во многих европейских странах добуржуазной эпохи⁶ и в самой Индии колониального периода⁷, отмеченного депопуляцией сотен и тысяч традиционных городов [202, с. 76—77].

Города Индии в средние века, как и повсюду, лишь в незначительной степени могли развиваться благодаря естественному приросту, учитывая большую смертность населения, неизбежную при скученности и плохих санитарных условиях⁸. Городское население сокращали периодические эпидемии, голод, имевший более трагические последствия для города (в частности, из-за трудностей снабжения в условиях плохих коммуникаций), чем для деревни, а также войны и мятежи, от которых страдали города, подвергавшиеся в качестве опорных пунктов и центров военных действий истребительным осадам и грабежам. В городах из-за скученности чаще, чем в деревнях, возникали губительные пожары.

Население любого, даже значительного, города было бы истреблено под влиянием таких факторов, если бы не имело источников пополнения извне. На примере истории многих городов можно видеть, что рост их населения и территории происходил в процессе расширения города, включения в орбиту его влияния сначала непосредственной его округи (билад, хавели), затем отдельных поселений и деревень, жители которых благодаря близости к городскому рынку переходили к «обслуживанию» его с помощью занятия торговым земледелием, садоводством, а главное — ремеслами и торговлей.

Расширение городов за счет земледельческой округи было подготовлено и обусловлено развитием производительных сил, и в частности ростом численности и плотности населения в сельской местности⁹.

Не вызывает сомнения, что средневековые города на карте страны появлялись прежде всего в районах с наиболее высокой плотностью населения, которые тогда совпадали в основном с районами интенсивного земледелия (например, долины рек Ганга и Инда). Естественно, были и другие факторы относительно интенсивной докапиталистической урбанизации — местоположение на перекрестках торговых путей, на морских побережьях, где шла международная и каботажная торговля и т. д.

Могучим фактором градообразования было само расселение общин, которое создавало условия для освоения новых пространств, сопровождалось заселением больших территорий и созданием необходимой плотности, без которой невозможно ни развитие внутреннего рынка и промышленности, ни образование национальных государств. Этот процесс, столь необходимый для появления новых городов, прослеживается при сравнительном изучении источников раннего средневековья и периода развитых феодальных отношений в Индии. В частности, в начале XI в., по данным ал-Бируни, деревни по дороге от г. Уджайна к Матхуре располагались друг от друга в «пяти фарсах или того меньше» (1 фарс равен примерно 6—7 км), и это расстояние представлялось путешественнику и ученому незначительным [36а, с. 199]. Однако во второй половине XIV в. Шамс Сирадж Афиф отмечал, что деревни примерно в том же районе (в Доабе — двуречье Джамны и Ганга и некоторых близлежащих округах) располагались в 2—3 курухах друг от друга (1 курух равен $\frac{1}{3}$ фарсаха, т. е. 2,0—2,3 км). «Страна достигла такой степени процветания, что во всем Доабе не было ни одной заброшенной деревни, ни одного невозделанного клочка земли... Так же обстояли дела за пределами Доаба, во всех областях и округах; например, в округе Саманы на один курух приходилось четыре населенные [цветущие] деревни» [19, с. 99, 295]¹⁰. Описывая экономическое положение Доаба того времени, Зия уд-дин Барани писал: «Области стали процветающими... луга, пустыни и степи были возделаны, и поле слилось с полем, сад с садом, деревня с деревней» [23, с. 574].

Рост плотности населения в сельской местности делал возмож-

ным расширением города за счет деревень его земледельческой округи, изменявших свой облик, превращавшихся постепенно в тяготевшие к городу торгово-ремесленные поселения и все более сливавшихся с ним. Так, по свидетельству Али Мухаммад-хана, спустя три года после основания Ахмад-шахом из династии Танк в начале XV в. г. Ахмадабада последний был обнесен кирпичной стеной. В это время население города было незначительным, и эмиры со своими домочадцами селились в пределах крепостной стены. Позднее город вышел далеко за ее пределы. Еще султан Ахмад-шах включил в черту города и его кварталов («пурджат» — перс. мн. ч. от санскр. «пура») несколько близлежащих деревень. Ряд поселений, существовавших задолго до основания города, вошли в его пределы. Это были Митхапура, Джамалпура, Кхимпур, Насирпур, Сиркувара, Расулпур, Рамапур, Нанипур и др.; впоследствии в Ахмадабад были включены другие селения — Асвал и Манджури, которые тоже «превратились в пура» [17, с. 11, 13—15].

Поселения, ставшие городскими кварталами-пура («каждый из них по многочисленности [своих жителей] был подобен городу»), представляли до этого торгово-ремесленные предместия. Это относится, в частности, к Усманпуру, где было 12 тыс. лавок, принадлежавших купцам и ремесленникам различных специальностей. Много «ткачей и [других] ремесленников» проживало в Харипуре. В Раджипуре, который был «старым» (существовавшим до основания Ахмадабада) поселением и сам «был подобен» городу, проживали иноземные купцы, ремесленники и большое число бохра, «которые являются крупными торговцами, занимающимися сухопутной и морской торговлей» [17, с. 12—14].

Территория города расширялась и в XVII в.: более отдаленные от собственно города поселения, считавшиеся при Акбаре (вторая половина XVI в.) деревнями, а именно Исапур, Асарва, Аспур, Самипур, Инайятпур, Шейхпур, позднее также стали кварталами Ахмадабада [17, с. 11].

Тот же процесс роста за счет близлежащих селений можно наблюдать на примере других городов (так, сооруженная в XVIII в. крепостная стена вокруг Сурата включила в его пределы несколько поселений, которые при Аурангзебе, т. е. до начала XVIII в., не входили в черту города [17, с. 222]).

Наряду с расширением за счет земледельческой округи городов важнейшей предпосылкой роста городского населения в средние века была миграция из сельской местности. Это явление некоторые ученые-индологи отмечали лишь для колониального периода, связывая его с капиталистической урбанизацией. Однако миграционные процессы происходили (хотя, возможно, и в меньших масштабах) и в доколониальный период.

Волны миграции из деревни в город определялись: 1) интенсивностью тех социально-экономических процессов в деревне, которые выталкивали в города сельское население (такими процессами были рост производительных сил в земледелии, приводив-

ший к углублению общественного разделения труда и создававший условия для перехода все увеличивавшейся части земледельцев к ремесленным, обычно более доходным, профессиям; рост производительных сил в сельском ремесле, возросший объем продукции которого и улучшение качества изделий выводили его за узкие рамки деревенского спроса; разорение сельских производителей под бременем феодально-ростовщической эксплуатации; жестокий социальный гнет, усугубляемый кастовой неполноправностью), и 2) существованием в городе платежеспособного спроса на изделия труда товаропроизводителей-ремесленников и на свободные руки бывших сельских производителей.

Соотношение между факторами «выталкивания» и «притягивания» зависело от огромного множества конкретно-исторических моментов.

В докапиталистическую эпоху даже наличие свободных пригодных для земледелия территорий не исключало относительное малоземелье. Оно могло быть результатом, в частности, самоограничения в землепользовании крестьянина, который не имел средств, чтобы освоить так называемые пустующие земли или не видел в этом смысла. Одновременная концентрация значительной части хороших земель в руках сельской элиты приводила к повышенному спросу не на землю вообще, а на обрабатываемую землю. Именно относительное малоземелье лежало в основе миграционных процессов в город, скопление здесь бедноты, искавшей любые возможности для приложения своего труда за ничтожное вознаграждение.

Важно отметить, что в раннее средневековье, когда полуаграрная структура города была более выражена, а рынок еще очень узок, миграция в города определялась не столько развитием производительных сил, сколько процессом феодализации общества, а именно: а) феодальной модификацией существовавших в древности форм рабовладельческой и квазирабовладельческой эксплуатации и зависимости безземельных производителей (эта модификация нашла отражение в замене принудительного труда вишти, с которым были связаны ограничения на передвижение, натуральными платежами [52, с. 201]); б) закабалением землевладельцев-общинников, ростом их налоговой задолженности и обезземелением части крестьян.

Как эпизодическое явление обезземеление части общинников и пополнение ими слоя безземельных работников можно наблюдать в Индии по крайней мере с эпохи Маурьев. «Болезнь, голод или иная причина иногда вынуждали крестьянина продавать свой участок или же приводили к тому, что его по приговору суда за неуплату налога сгоняли с земли, и тогда он скатывался до нищенского положения случайного поденщика» [100, с. 207]. Тема бедности проходит красной нитью через творчество многих поэтов периода поздней древности и раннего средневековья, рисовавших горестные картины жизни павших в отчаяние крестьянских семей:

Из ячменя размокшие лепешки
Сушить, ребят ревуших унимать,
Вычерпывать горшком разбитым воду,
Солому для спанья беречь от ливня,
Дырявое лукошко нахлобучив
На голову, в лачуге обветшавой
Доводится супруге бедняка [40, с. 192].

* * *

Детишки — мертвецы живые,
Укоры едкие родни,
Кувшин, залепленный смолой,
Терзают меньше, чем улыбка
И взгляд язвительной соседки,
Когда жена к ней каждый день
Заходит попросить иглу,
Чтоб залатать свои отрепья [40, с. 196].

Особенностью городов поздней древности и раннего средневековья было скопление огромных масс деклассированных элементов, не имевших ни квалификации, ни часто определенных занятий. Люмпен становился бичом для города, отсюда и внимание государственных деятелей к охране порядка в городе: специальные чиновники обязаны были отслеживать воров и разбойников, стража несла караульную службу днем и ночью.

Уход бедняков из деревни в город на заработки в эпоху поздней древности и раннего средневековья, демонстрируя «социальное неблагополучие» в индийской деревне, как бы предвосхищает более массовые в средние века миграционные процессы. Последние были связаны с эволюцией аграрных отношений в Индии с X—XI вв. и в особенности с XIII в. — под эгидой феодального государства, развитием военно-ленной системы, надстраивавшейся над патримониальными правами мелких феодалов-вотчинников или отменявшей частично эти права. Преобладание на протяжении XIII — середины XVIII в. служебного землевладения¹¹ обусловило крайне незначительные масштабы распространения собственного хозяйства феодалов, отсюда — отсутствие юридически оформленного крепостного права, которое могло бы ограничить мобильность населения.

Государственная власть в Индии обычно не чинила препятствий уходу крестьян-налогоплательщиков, которые оставляли или продавали землю, расплатившись с казной. Земля должна была возделываться тем, кто купил ее у старого владельца, получил ее от него в аренду или тем, кому она отдана была для возделывания чиновниками, если крестьянин просто оставлял ее. Учитывая существовавшее (вопреки представлениям некоторых исследователей о том, что земля не имела цены в добуржуазную эпоху) относительное малоземелье, связанное с необычайной трудоемкостью сельскохозяйственного производства, передача оставляемой земли другому владельцу не встречала серьезных препятствий. Один из важнейших документов аграрной истории могольской Индии — фирман Аурангзеба на имя дивана (главы фиска субы Гуджарат)

Али Мухаммад-хана от 1668 г. [16, т. 1, с. 268—272] не оставляет никаких сомнений в том, что общинник мог полностью ликвидировать свое хозяйство, оформив это соответствующим актом регистрации продажи, который не мог быть оспорен государством или частным феодалом [16, т. 1, с. 268—272]. Акт купли-продажи лишь облагался особым сбором¹². Фирман 1668 г. предусматривал различные случаи замены старого владельца лицом, которое обрабатывало бы покинутую землю (ответственность за это возлагалась на государственных чиновников), с тем чтобы казна не терпела убытка. Вместе с тем падишахский указ излагал правила выплаты земельного налога — хараджа — в случае перехода земли от одного владельца к другому или к пользователю. Важным обстоятельством, облегчавшим уход крестьянина-землевладельца с земли, было отсутствие в общинах (по крайней мере во второй половине XVII в.) круговой поруки¹³. Ограничивающие передвижение крестьян меры применялись лишь в отношении должников¹⁴.

В Индии не было формального запрета на переезды также и ремесленников, проживавших в деревнях. Это справедливо прежде всего для не зависевших от общины товаропроизводителей, облагавшихся налогами в пользу феодалов и государства. Но и ремесленники-камина, связанные с общиной системой «натуральных услуг» (джаджмани — по терминологии нового времени), эти «общинные слуги», не были людьми несвободными¹⁵, хотя в условиях преобладания натуральных отношений они и сами оказывались заинтересованы в «системе услуг», в рамках которой могли найти гарантированный заработок. Перемещения их были затруднены крайней бедностью, кастовой и социальной приниженностью, забитостью, лишавшими их инициативы и энергии. Не исключено также, что в деревне, где они получали мизерное вознаграждение, далеко не соответствовавшее стоимости затраченного труда, «общинные слуги» были к тому же в наследственной долговой кабале, что не могло не привязывать их к данному месту, данной общине.

Существовавшие этические нормы, закрепленные кастой, в определенной мере ограничивали мобильность, удерживали крестьян и ремесленников в деревне. Нельзя не согласиться с К. А. Антоновой в том, что здесь получавшие в наследство от своих предков землю и профессию крестьянин и ремесленник имели право на определенные традиции занятия и меру уважения; за пределами общины и касты они становились чужаками, неполноправными пришлыми [85, с. 56]. Но, несмотря на суровость законов касты, она не была абсолютным препятствием к передвижению, тем более что уход в город не обязательно приводил к потере касты.

В XIII—XVII вв. миграционные процессы стали интенсивнее под влиянием, во-первых, разорения сельских производителей в результате роста феодальной эксплуатации, усиливавшейся проникновением денежных отношений в деревню¹⁶, и, во-вторых, феодальной стабилизации и централизации, создания разветвленного

аппарата центрального и местного управления, усиления и расширения административных функций городов — центров провинций (наместничеств), областей, округов. Концентрация в городах феодалов-«абсентеистов», представлявших верхушку господствующего класса — мукта, позднее джагирдаров, вместе с наемными отрядами и домохозяевами, осуществлявшееся в городах в широких масштабах монументальное строительство (крепостей, дворцов, усыпальниц) привлекали из деревень в города как квалифицированных производителей, так и неквалифицированных работников; последние пополняли собой городской люмпен-пролетариат.

Однако мощным стимулом к усилению миграционных процессов стало формирование в городе рынка продовольственных и промышленных товаров, что обусловило переселение в города и концентрацию здесь производительного населения — сельских ремесленников и переходивших к ремеслам земледельцев. Предпосылкой этого было широкое развитие в деревне домашних промыслов, неразрывно связанное с ростом производительных сил как в земледелии, так и в сельском ремесле, углублением общественного разделения труда.

Средневековые источники регистрируют в городах многочисленных представителей ремесленных и торговых каст. Однако принадлежность на каждый данный момент к той или иной касте в городе не может указывать на то, что числящиеся в ней пришли в город, имея не только необходимую квалификацию, но уже состоя в данной касте или получив свой статус по наследству. Причисление к профессиональной касте в случае обладания определенными навыками не было чем-то невозможным. Отход части касты по каким-то причинам от традиционного занятия (в частности, земледелия) лишь со временем мог быть легализован, а сословно-кастовый статус приведен в соответствие с новым занятием данной группы.

Свидетельством перехода к городским ремеслам земледельцев являются сообщения источников о занятых здесь ремесленным трудом представителях землевладельческих каст¹⁷. Из «Мират-и Ахмади» узнаем, что многие ахмадабадские ткачи принадлежали к землевладельческо-земледельческой касте кунби [49, с. 107]. Из этой же касты были знаменитые изготовители золотых и серебряных нитей, которыми пользовались для производства высоко ценящихся парчовых тканей Ахмадабада [49, с. 126].

Не исключено, что большая часть мигрантов-общинников из деревень, подобно кунби в Ахмадабаде, приобщалась к ткачеству (лишь со временем изменяя свое кастовое самоназвание). Переход именно к этому роду деятельности был облегчен тем, что прядение, а иногда и ткачество были побочным занятием крестьянской семьи. Кроме того, существовал и морально-этический фактор: занятие ткача (по крайней мере в позднее средневековье) было наиболее почетным (после профессий ювелира, медника) и каста ткачей (в особенности мусульман-джулаха, ансари и др.) занимала относительно высокое положение в иерархии ремесленных каст, поэтому

была более приемлемой для прекращавших земледелие представителей высоких и средних землевладельческих каст. Однако к ткачеству переходили представители и более низких каст деревни. Этот процесс, фиксируемый социоэтнографической литературой XIX в., приводил к повышению кастового статуса многих деревенских ремесленников, в том числе неприкасаемых.

В средневековые города как бы переносилась деятельность и маслоделов-тели, очистителей хлопка, производителей индиго, профессия которых вырастала также из сельских промыслов. Уже в XIV в. были известны взимавшиеся в Дели налоги наddaфи (с очистителей хлопка) и нильгари (производителей индиго), отмененные Фируз-шахом. В одном из указов Аурангзеба также упомянуты тели и очистители хлопка, которые переходили из одной местности в другую и повсюду подвергались налоговым вымогательствам со стороны чиновников фиска, которые не позволяли им приступить к делу, пока не получали от каждого 1,5 рупии [16, т. 1, с. 232].

Картина резко изменилась в период упадка Могольской империи конца XVII — середины XVIII в., сопровождавшегося феодальными войнами, мятежами, внешними вторжениями (Надир-шаха Афшара, Ахмад-шаха Дуррани). Резкое сокращение при этом платежеспособного спроса в городах обусловило обратное движение населения — из города в деревни. Депопуляция когда-то многолюдных «традиционных» городов продолжалась и в колониальный период, вплоть до конца XIX в. Резко сократилось во многих частях страны само число городских поселений, главным образом средних и мелких ¹⁸.

Городская промышленность и социально-экономические формы ее организации

Концентрации в средневековом городе промышленности в форме отделявшегося от земледелия ремесла предшествовало развитие производительных сил в деревне — в земледелии и сельской промышленности. Прогресс в земледелии и развитии крестьянских промыслов был предпосылкой территориального разделения земледелия и ремесла.

Важным стимулом к расширению промышленности города индийского средневековья было появление здесь платежеспособного спроса на изделия ремесла, в частности накопление феодалами больших богатств (в том числе денежных), источником которых была феодальная эксплуатация. В феодальный быт все прочнее входили ремесленные изделия, представлявшие нередко образцы искусства — ковры, богато инкрустированные оружие и металлическая утварь, резные деревянные изделия, шелковые и парчовые покрывала, одежда и т. д. Роскоши могольского двора подражали наместники-субадары в провинциях, а также местные князья-земиндары.

В Индии начало докапиталистической урбанизации, предполагавшей, в частности, «концентрацию орудий производства», должно быть отнесено ко времени, весьма отдаленному от периода, когда средневековый город достиг своего расцвета. Важным показателем процесса общественного разделения труда в эпоху поздней древности была сама концентрация в городах промышленного производства. Однако социально-экономическая структура ручной промышленности древнего и средневекового города (начиная по крайней мере с XIII—XIV вв.), как и способ, которым изделие промышленного труда попадало от производителя к потребителю, объем промышленной продукции, диверсификация и специализация производства не были идентичны. Количественные характеристики промышленности городов древности и средневековья играли подчас решающую роль и вместе с другими условиями экономической и социальной жизни формировали тот или иной типологический вариант города.

По сравнению с древним городом средневековый город был продуктом относительно более высокого уровня общественно-экономического развития и общественного разделения труда. Выражением этого было преобладание в промышленном производстве города XII—XVII вв. мелкотоварного уклада, носителем которого был самостоятельный ремесленник-товаропроизводитель. Работая в собственной мастерской (часто с помощью членов семьи, родичей, бывших, по существу, на положении учеников и подмастерьев), он выполнял все процессы по изготовлению данного изделия. Ремесленники обслуживали местный рынок или исполняли заказ феодала либо какого-то частного лица, пользуясь своими инструментами, своим (иногда — заказчика) сырьем.

Известно, что простое мелкотоварное производство в промышленности существовало в разные исторические эпохи, приспосабливаясь к рабовладельческим, феодальным и капиталистическим отношениям, подвергаясь их воздействию. Однако масштабы его распространения, место в общественном производстве, органичность связи с основными тенденциями развития общества были неодинаковы. В эпоху поздней древности и в раннее средневековье условия для развития мелкотоварного производства в Индии не были благоприятными: отсутствие политической стабильности в децентрализованных, аморфных государственных образованиях с их подвижными границами и перемещавшимися столицами, упадок внешней и межобластной торговли значительно сократили спрос, который существовал в городах многих древних государственных образований. Само расширение обрабатываемых площадей (являвшееся основной линией, по которой шло развитие производительных сил того времени) отдаляло вновь появлявшиеся деревни от относительно немногочисленных городов, что делало необходимой концентрацию ремесла в самих деревнях.

По своему характеру основанная на ручном труде и связанная с рынком деятельность хозяйственного самостоятельного ремесленника более всего соответствовала уровню материального производ-

ства и социально-экономическим отношениям стадии развитого феодализма. Поэтому мы можем утверждать, что именно на этой стадии при определенных сдвигах в аграрном строе, приводивших к формированию достаточно объемных местных рынков, прежде всего городских, мелкотоварное производство заняло центральное положение в системе городского промышленного производства. Этому немало способствовали и создание на территории полуострова «упорядоченных» феодальных государств с централизованной системой управления, оживление межобластной и международной торговли.

Для сравнительного исследования социально-экономических форм организации промышленности в доиндустриальных городах — древности и средневековья — историки редко могут апеллировать к статистическим и другим цифровым данным (по крайней мере на нынешнем уровне исследования). В связи с этим даже косвенные показатели сдвигов не могут быть оставлены без внимания. К таким показателям относятся, в частности, свидетельства о расширении в средневековом городе по сравнению с эпохой древности мелкотоварного оружейного производства. В древних городах Индии, по свидетельству Страбона и Диодора, оружейники в отличие от некоторых других категорий ремесленников не платили налога царю: они получали от него установленную плату и содержание; как писал Страбон, они «работают только на него». Это подтверждает и Арриан, который выделяет оружейников из круга ремесленников, платящих налоги со своих изделий¹⁹.

Оружейное производство в средневековых городах практически выходит из-под контроля государства. Только немногие виды оружия изготавливались в государственных мастерских, например пушки. Мастера-пушкари находились под особым покровительством властей²⁰. Источники сохранили имена многих умельцев, работавших в кархана могольских падишахов как в столице, так и в провинциальных городах [248, с. 304, 306]. Мастера-железодельцы в этих же мастерских специализировались на производстве мушкетов, очевидно по определенным образцам и стандартам, о чем свидетельствует описание Абул Фазлом особого инструмента, созданного при Акбаре и предназначенного для одновременной чистки восьми мушкетов.

Однако производство оружия в средневековых городах не ограничивалось государственными мастерскими (во всяком случае, тех видов, изготовление которых не требовало объединения усилий многих умельцев). Еще в XIII в. Амир Хосроу Дехлави в «Иджаз-и Хосрови» называет лучников и оружейников среди других городских ремесленников — ювелиров, портных, кожевников, башмачников, канатчиков. Разнообразием отличались изделия кузнецов, выделявших разного рода инструменты и оружие, в том числе сабли, которые были тонки, как ивовый лист, и дрожали от малейшего дуновения ветра [18, с. 47].

Принятые правила феодальной службы, требовавшие приобретения воином снаряжения на собственные средства и явки по тре-

бованию своего патрона «конно и оружно» («ба асп ва силахи» [23, с. 63]), предполагали свободную продажу на рынке оружия, а следовательно, значительный объем продукции мелкотоварного оружейного производства.

Важнейшим прогрессом в промышленном производстве средневекового города Индии была специализация и диверсификация ремесла, т. е. появление многочисленных профессий и кадров ремесленников, рост объема ремесленной продукции. В городах были представлены различные отрасли ремесла: производство тканей, ковров, медной и керамической посуды, оружия, бумаги, деревообделочное, красильное, кожевенное производство, строительное дело, обработка сельскохозяйственных продуктов (сахарного тростника, индиго, хлопка), производство серы, полудрагоценных камней.

Продукция городского ремесла была рассчитана не только на феодалов, но и на массового городского потребителя, ибо уже в конце XIII в. изготовлялись товары весьма широкого ассортимента, как высокого, так и низкого качества ²¹.

Высокое развития достигло качество почти во всех частях страны. Шелковые изделия производили в Бенгалии, Бихаре и Гуджарате, шерстяные — в Кашмире; подлинную славу Индии составляли хлопчатобумажные ткани Гуджарата, Декана, Раджастанхана, Пенджаба, центральной части Северной Индии, городов долины Ганга ²². Они находили покупателей как на внутренних рынках, так и в Европе и во многих странах Азии и Африки. В Среднюю Азию, Иран, Турцию и Африку в XVII в. вывозили полосатую ткань алча, производившуюся в Тхатта (Синд) и других местах. В 1626 г. Ф. Пельсарту гуджаратский город Броч показался весьма живописным, обнесенным стенами из белого камня, «скорее похожим на форт, чем на город»; однако, писал он, жители «зависят от ткацкого производства и изготовляют имеющие хорошую репутацию прекрасные бафта; также и все другие сорта тканей для Мокка, Мозамбика и Юга (о-в Ява и др. — К. А.) ткутся здесь, как и в Бароде и иных местах поблизости» [65, с. 42]. О хорошем качестве индийских тканей, не только дорогих, изготовленных по специальному заказу двора ²³, но и тканей массового спроса, свидетельствуют иностранные авторы. Несмотря на определенный прогресс в текстильном производстве в средневековом городе, качество тканей во многом определялось естественными условиями в каждой данной местности. Большая зависимость от этих условий ²⁴ — характерная черта ремесленного этапа развития промышленности.

Высокое качество и большой объем индийской ткацкой продукции стимулировали скупку тканей европейскими торговцами. Экспорт их в азиатские и африканские страны стал важнейшим источником первоначального накопления капитала в ряде стран Европы в XVI—XVII вв.

Еще одной статьей индийского экспорта в XVII в. стала бумага. Она производилась в городах Кашмира, а также в Доулата-

баде, Ахмадабаде и некоторых других местах и вывозилась в ряд стран Ближнего Востока, в частности в Турцию и Аравию. Сам факт вывоза бумаги, видимо, говорит о значительном прогрессе в этой области. Не излишне в этой связи вспомнить, что еще в конце XIII в. при делийском султани Гийас уд-дин Балбане из-за недостатка бумаги фирманы — указы правителей смывались с целью повторного использования ее [172, с. 103].

В XVI в. гуджаратский город Камбей был прославленным центром по изготовлению утвари, украшений, рукояток для ножей и пр. из полудрагоценных камней (агат, сердолик и т. д.); отсюда они не только вывозились в различные части Индии, но и экспортировались, «что приносило большой доход» торговцам, писал Али Мухаммад-хан [17, с. 11].

Внимание иностранных купцов, не меньше чем индийские ткани, в XVII в. привлекали индиго, сера, отчасти сахар, которые производились не только в деревне, но и в городах, в рамках мелкотоварного городского уклада. На уровне «мировых стандартов» того времени находилось красильное дело в Индии. Прочные и яркие краски индийских тканей вызывали восхищение европейцев. Искусство это достигалось благодаря умелому использованию не только естественных красителей, но и различных химикатов [231, с. 11]. В начале XIX в. англичанин Б. Хейн писал, что европейские мастера должны изучать опыт индийских красильщиков для совершенствования своего мастерства²⁵.

В последние столетия средневековья растущая часть ремесленников авансировалась деньгами, сырьем купцами-скупщиками под залог создаваемых изделий и была от них в долговой зависимости²⁶. Потеря ремесленником способности к самостоятельному воспроизводству цикла по созданию товара стала важной предпосылкой и условием для появления раннекапиталистических отношений в сфере городской промышленности. Как показал в своих работах А. И. Чичеров, в конце XVI — середине XVIII в. торговый капитал скупщика перерастал в промышленный в процессе организации купцами капиталистической работы на дому [169, с. 175—254].

В конце средневекового периода диверсификация и специализация ремесла как главная линия технического прогресса в промышленности эпохи феодализма подготовили появление в некоторых отраслях городского промышленного производства мануфактур — как рассеянных, так и централизованных. Мануфактуры появлялись легче всего там, где вследствие специфики данного производства была необходима кооперация нескольких или большого числа работников. Так было, в частности, в судостроении, в горнорудной, металлургической промышленности. О значительном техническом прогрессе ручной промышленности свидетельствовало появление ткацких мануфактур с довольно детальным разделением труда и специализация ремесла²⁷.

Государственные мастерские имелись во многих городах, прежде всего столичных (Агра, Фатехпур-Сикри, Дели), в центрах

провинций (Лахор, Ахмадабад) и в некоторых других (Бурханпур и пр.). Существование государственных мастерских иногда объясняют недостаточностью объема продукции свободных ремесленников [245, с. 62] и невозможностью удовлетворить спрос двора. Но если это в какой-то мере справедливо для древних и средневековых городов до XIII—XIV вв., то позднее, когда ремесленное производство заметно расширилось и на рынки стала поступать большая товарная масса, основной причиной было, видимо, то, что государство и крупные феодалы, используя внеэкономическое принуждение, стремились эксплуатировать не только сельских, но и часть городских производителей и получать изделия ремесла (часто высококачественные) при минимальных затратах на рабочую силу.

В шахских мастерских изготавливались уникальные ткани, покрывала, шатры, создавались рукописи, иллюстрированные искусно выполненной миниатюрой [16, т. 1, с. 312]. Государство было важным заказчиком и работодателем. Государственные кархана давали определенную гарантию занятости. Это не могло не отражаться на качестве производившихся здесь изделий, часто более высоким, чем в сфере мелкотоварного ремесла [248, с. 315].

Продукция государственных мастерских шла на удовлетворение спроса двора и части знати. Но во второй половине XVI в., при Акбаре, придававшем, по свидетельству Абул Фазла, большое значение расширению производства и улучшению качества изготавливавшихся в кархана шелковых и шерстяных тканей, продукция мастерских, видимо, стала поступать на рынки. Во всяком случае, Абул Фазл отмечал, что казенные мастерские стали производить «все ткани, которые выделяют в различных странах»; при этом цены на них понизились настолько, что даже ткань, сработанную знаменитым Гийас-и Накшбандом, можно было приобрести за 50 мухуров, тогда как прежде она стоила вдвое дороже. Большинство тканей подешевело на 66—75%. Распространенной практикой была распродажа старых вещей, скопившихся в кархана. Она должна была проводиться только после соответствующего разрешения падишаха и «выяснения [существовавших рыночных] цен» у маклера — мукима [245, с. 60].

Связь государственных мастерских с рынком проявляла себя и в том, что они работали на сырье, которое попадало сюда не только в виде поставок натурой, но также и с рынка. Достаточно вспомнить, что в обязанность мир-самана, начальника над кархана, входила, по данным Абул Фазла, покупка необходимого сырья «на государственные деньги или в кредит у купцов». Изделия кархана или часть их поступали в продажу; цены на них назначались с учетом цен на городских базарах, что, без сомнения, свидетельствует о росте общественного значения рыночных отношений, все более проникавших в сферу натурального производства и трансформировавших его.

Трудно сказать, что представляли собой государственные кархана с точки зрения организации промышленного производства:

были ли они механической суммой индивидуальных производителей или же базировались на внутреннем разделении труда. Источники практически молчат об этом. Думается, однако, что мы вправе ожидать существования здесь также и характерного для мануфактуры разделения труда, равно как и применения наемного труда.

Расширение сферы применения последнего — одна из характерных особенностей развития промышленного труда в XVI—XVII вв. Естественно, что одновременно происходило сокращение сферы применения подневольного труда, уменьшение общественной его важности. Это не означает, что подневольный (частично оплачиваемый или не оплачиваемый вовсе) труд исчез, как таковой. Напротив, он может быть зафиксирован почти на всем отрезке изучаемого времени и значительно позднее (в Раджастанхана, например, принудительный труд ремесленников был упразднен в законодательном порядке лишь в начале XX в. [248, с. 315]).

Ремесленники могли в порядке принуждения привлекаться к выполнению тех или иных работ по строительству крепостей, дворцов²⁸ и пр., иногда получая за это плату, хотя и мизерную. По свидетельству Бернье, ремесленники могли заставить работать на какого-либо эмира или мансабдара и при этом расплачивались с ним без учета реально проделанной работы. Произволом, тем, что «рабочих здесь (в Индии. — К. А.) презируют, обращаются грубо с ними, хотят иметь все по дешевой цене», Бернье объяснял отсутствие, как ему казалось, в Дели хороших ремесленников. «Если какому-нибудь эмиру или манзебдару требуются услуги ремесленника, то он посылает за ними на базар и потом платит, сколько ему заблагорассудится; ремесленник должен еще благословить свою судьбу, если его в конечном счете не угостят корра. Откуда же у бедняги будет охота стараться? Он думает только о том, как бы поскорее спихнуть с рук работу и получить то жалкое вознаграждение, которое даст ему возможность раздобыть кусок хлеба. Поэтому совершенства в своем ремесле достигает только тот, кто состоит на службе у падишаха или какого-нибудь могущественного эмира и работает только на своего хозяина» [38, с. 224].

Как писал Дж. Фрайер (XVII в.), люди правителя «постоянно отвлекают ремесленников от их собственных занятий и силой принуждают работать за гроши» [48, с. 242]. «От пагубного обычая привлекать к выполнению принудительного труда», по словам Али Мухаммад-хана, страдали многие торговцы и ремесленники Гуджарата [16, т. 1, с. 260].

Единственное известное нам свидетельство о привлечении в государственных мастерских труда юридически несвободных производителей относится к концу XIV в. — времени правления Фирузшаха Туглака, войны которого в Северной Индии сопровождалась захватом в плен сотен тысяч людей. 50 тыс. пленников-рабов были обучены различным ремеслам и пристроены к султанским мастерским и службам [19, с. 269—270].

Очевидно, работники государственных мастерских могольского периода были люди свободные. «Все эти ремесленники, — писал Бернье, имея в виду работников государственных мастерских, — приходят каждое утро в свои карканэ и работают весь день, а вечером возвращаются к себе домой» [38, с. 226]. В персоязычных хрониках наемные работники именуются муздар, или уджурадар, амил («работник», арабо-перс.), а получаемая ими плата в натуре или в деньгах — «уджура»; в случае, если она выплачивалась поденно, ее называли «йаумие» или «рузана» (соответственно от араб. и перс. слов, букв. «дневной, поденный»). Наемные работники в мастерских даются в источниках везде дифференцированно от ремесленников. Так, одним из «достоинств Хиндустана» Бабур считал то, что «там бесчисленное множество наемных работников (муздар) и ремесленников (херфе-гер)» [21, с. 336].

Упоминал о муздарах, «проживавших более или менее близко от Дели и работавших в найме у кого-либо», Шамс Сирадж Афиф [19, с. 11]. Сведения о муздарах встречаются и в хронике XV в. «Тарих-и Мубарак-шахи» Сирхинди [29]. К сожалению, свидетельства их неопределенны и не дают конкретных данных о сферах применения наемного труда. Не исключено, что муздары — не только работники в сфере производства, но и домашние слуги, возницы и прочие, не имевшие ремесленной квалификации; среди них распространенной категорией были работники, занятые очисткой риса и помолом муки, зарабатывавшие обычно таким неквалифицированным трудом в домах зажиточных и высококастовых жителей²⁹. В несостоятельных и низкокастовых семьях очистка и помол зерна производились самими членами, как было принято в деревне в крестьянских семьях.

Относительно высокая производительность наемного труда по сравнению с подневольным становилась очевидной для средневековых государственных деятелей. Так, Абул Фазл сообщает о том, что до падишаха Акбара (1556—1605) крестьяне Кашмира насильственно привлекались к обработке цветов шафрана, взимаемого государством в качестве земельного налога. Крестьяне в принудительном порядке выполняли эту работу, а в случае потерь подвергались наказаниям; в результате производительность была невысокой: из 11—13 мер шафрановых цветов получали всего 2 сира шафрана. По милости падишаха, пишет историк, цветы шафрана стали распределять среди базарного люда и тех же крестьян, которые стали выполнять эти операции за плату (из 11 обрабатываемых мер 1 мера отдавалась работнику). В результате те же два сира шафрана стали получать не из 13 мер, как прежде, а из 7—8 мер шафрановых цветов [15, т. 3, с. 727, 734].

Работники в государственных мастерских не только не были подневольными производителями, но нередко могли даже диктовать свои условия найма: в дни правления Аурангзеба в Ахмадабаде отказывались принимать жалованье в неполноценной медной монете (вес которой был 14 маша вместо 21) работники казенных «строек, садов и других кархана». В результате был издан

специальный указ падишаха на имя дивана субы, чтобы поденная плата муздаров была увеличена и выплачивалась из расчета 1,5 танка вместо 1 танка, дабы покрыть их убытки, проистекавшие от порчи монеты [16, т. 1, с. 267].

Большинство наших сведений о наемном труде в сфере городского производства относится к государственным кархана. При этом внеэкономическое принуждение в шахских мастерских могло быть более выраженным, нежели в мастерских частных лиц, учитывая мощь военно-административной власти государства.

Число занятых в государственных мастерских работников не было стабильным и зависело от различных экономических и политических условий. В XIV в. в кархана делийского султана Ала уд-дина Хилджи работали 17 тыс. человек, из них 7 тыс. строителей, землекопов и глинобитчиков [28, т. 1, с. 123]. Только в ткацких мастерских Мухаммад-шаха Туглака насчитывалось 4 тыс. человек, изготавливавших парчовые ткани для нужд двора и гарема [76, с. 30]. В своих записках Захир ад-дин Бабур писал: «В одной Агре на моих постройках ежедневно работало шестьсот восемьдесят каменщиков из самой Агры; в Агре, Сикри, Биане, Дулпуре, Гвалиоре и Куиле на моих постройках каждый день работал тысяча четыреста девяносто один каменщик, также и всяких других ремесленников и рабочих... множество» [36, с. 336]. Не менее многочисленный был, видимо, «штат» работников падишахских мастерских при преемниках Бабура; мастерские эти были не только в столицах городов, но и в ряде других.

Сведений о наемном труде в мастерских самостоятельных ремесленников и в купеческих мануфактурах значительно меньше, чем в государственных. Возможно, это связано не только с реальным соотношением между наемным трудом в частном и государственном «секторах», но и с характером источников, которыми мы располагаем (это по преимуществу феодальные хроники и официальные документы). Но даже в этих источниках содержатся данные, позволяющие констатировать подобное явление. Так, по свидетельству Али Мухаммад-хана, к началу XVIII в. в Гуджарате было «множество кархана», принадлежавших торговцам шелком (эбришум фурушан). В них работали «наемные работники» (амале — мн. ч. от амил), как-то: пряильщики, красильщики, ткачи, вышивальщики [16, т. 2, с. 139].

С ростом городского населения, в особенности состоятельной части его, было связано расширение частного строительства, соответственно и масштабов применения наемного труда. На средства частных лиц сооружались храмы, усыпальницы, ремонтировались городские крепостные стены и ворота, осуществлялось строительство караван-сараев, домов в два-три этажа, напоминавших иногда крепость и принадлежавших не только знати, но и состоятельным горожанам-купцам.

Очень важно отметить, что оплата труда в значительной мере зависела от общей рыночной конъюнктуры, понижалась или повышалась в зависимости от базарных цен на продовольствие и дру-

гие потребительские товары. Так, в начале XIV в., по свидетельству Барани, в результате отмены после смерти Ала уд-дина регламентации рыночных цен значительно возросла стоимость тканей, хлеба и прочих товаров, поскольку купцы сами назначали цены на них; одновременно с этим возросла и оплата наемных работников с 10—12 до 70—100 танка [23, с. 385]. Вместе с общим ростом цен в XVII в. увеличилось и месячное вознаграждение неквалифицированного работника в Сурате — с 2,4 рупии в 1616 г. до 4 рупий в 1690—1693 гг. [204, с. 66—67].

Сказанное относится прежде всего к условиям найма работников для частных мастерских истроек. Что же касается положения занятых в государственных кархана, то, хотя они и не зависели от превратностей рыночной конъюнктуры, оплата их труда не только не соответствовала реальной стоимости затраченной рабочей силы, но и была ниже той, которую получали работники частных мастерских. Это подтверждается свидетельством гуджаратской хроники «Мират-и Ахмади», где говорится, что в 1671—1672 гг. «гончары, землекопы, плотники и другие наемные работники на (казенных. — К. А.) стройках Ахмадабада жалуются на мизерность поденной платы, которую они ежедневно получают из высокого саркара (шахского казначейства). По этой причине был издан указ, чтобы им давали более высокую плату по обычаю, который практикуется на прочих (частных. — К. А.) стройках города» [16, т. 1, с. 267]. Как отмечал А. И. Чичеров, владельцы этих частных мануфактур не могли непосредственно использовать систему феодального принуждения, что способствовало возникновению в этих мастерских элементов новых отношений [169, с. 208].

В целом наемный труд в Индии был очень дешев. Это говорили в один голос Ж. Б. Тавернье, Дж. Форбс и другие европейцы, посещавшие страну. Весьма показательны сведения об оплате, содержащиеся в архивах городов Раджастхана. Так, документы по Биканеру показывают, что за день работы каменщик получал здесь 4—6 анна³⁰; значительно ниже оценивался труд портного, который 6 анна получал за 4 дня работы; 6—8 анна имел в день квалифицированный работник на строительстве дворцов в Джайпуре и Котахе, согласно счетам, сохранившимся в раджастханских архивах 1693—1781 гг.; ювелира можно было нанять для изготовления украшений за 6 анна в день. Еще ниже была оплата неквалифицированного труда. В документах по Котаху она определялась в 1—2 анна в день; примерно столько же (1—3 рупии в месяц) получали в конце XVIII в. чокидары (сторожа), уборщики мусора, садовники [248, с. 311].

Близки к ним были ставки и в других городах — 4 рупии (в месяц) в Сурате [64, с. 229], 2 рупии и 10 анна в Ахмадабаде [16, т. 1, с. 291], 2 рупии 13 анна в Хугли [58, т. 2, с. 41]. Низко оценивался труд возчиков, грузчиков и пр. Буквально за гроши Ж. Б. Тавернье нанял 50 работников, которые сопровождали его во время путешествия через Раджастхан из Сурата в Агру и которые получили от него всего 4 рупии за месяц [72, гл. 5].

Особенно дешево ценился детский и женский труд [248, с. 311]. Женщины работали не только в домах в качестве служанок; использование их как неквалифицированных работниц на стройках было, по-видимому, весьма обыденным явлением. Об этом можно судить по одной из иллюстраций к рукописи «Акбар-наме», блестяще выполненной художниками-миниатюристами Тулси-старшим и Махху-младшим и хранящейся в Лондоне³¹. Миниатюра изображает визит падишаха Акбара в Фатехпур-Сикри для ознакомления с ходом строительных работ. Среди многих весьма интересных деталей привлекают внимание работающие женщины, занятые приготовлением скрепляющего раствора. Одна из них довольно массивным, видимо каменным, молотком мельчит породу (возможно, ракушки, из которых обычно изготовлялся раствор). Другая женщина просеивает через сито измельченную породу во избежание попадания в раствор осколков и крупных частиц.

Сопоставление получаемой наемными работниками в городе платы с существовавшими ценами на продовольствие, ткани и другие товары потребительского назначения убеждает в том, что жизненный уровень этих работников был крайне низок. Интересно сопоставить эту плату с доходами сельскохозяйственного населения. Воспроизведенный И. Хабибом образец документа 1697—1698 гг. об обложении подушным налогом населения пенджабской деревни показывает не только глубокое имущественное неравенство, но и бедность огромного большинства сельского населения. Из 280 человек мужского пола 73 (мальчики, нетрудоспособные, отсутствующие в тот момент и др.) не облагались налогом, а 22 человека освобождались от обложения «из-за полной несостоятельности». Годовой доход 13 заминдаров, ростовщиков, торговцев зерном превышал 2500 рупий, у 55 относительно богатых крестьян оценивался более чем в 52 рупии, а у 137 человек он составлял менее 52 рупий. В указе они называются малоимущими крестьянами (реза райа), которые, хотя и ведут хозяйство, целиком зависят от ссуд (такави) для приобретения семян и рабочего скота [202, с. 119—120].

Рост общественной значимости наемного труда в городе не только происходил под бременем налоговой эксплуатации ремесленников феодалами, но и был связан с развитием производительных сил в ремесле, специализацией его, дифференциацией процессов по изготовлению того или иного товара, наконец, увеличением цен на сырье³² и, возможно, орудия труда. Зарождение в сфере городского промышленного производства начатков раннекапиталистических отношений проявляло себя и в формировании элементов рынка рабочей силы. Уже возникновение необходимости государственной регламентации оплаты труда (она была предпринята делийским султаном Ала уд-дином в начале XIV в. [23, с. 100]) свидетельствует о немаловажном общественном значении и определенном распространении наемного труда. Но нормирование оплаты — в условиях феодального государства — скорее показатель отсутствия, чем существования элементов рынка свободной рабо-

чей силы. Однако даже для XIV в. государственная регламентация была, видимо, не нормой, а исключением из правил. Как показывают источники, цены на наемный труд складывались стихийно: на тот или иной промежуток времени они были относительно стабильными и примерно одинаковыми (или, во всяком случае, вполне сопоставимыми) в различных городах. Если сравнить эти данные с приведенными выше цифрами по оплате наемных работников в городе, можно заключить, что материальное положение основной массы сельских жителей пенджабской деревни (137 из 207 человек, облагавшихся налогом) было вполне сопоставимо, едва ли не одинаково с положением наемного работника в городе.

Причиной крайне низкой (по европейским стандартам) оплаты наемного труда было превышение предложения его над спросом. Нередким явлением в городах была незанятость (бикари) не только среди неквалифицированных, но и среди имеющих ремесленную специальность работников. Один из указов Аурангзеба, изданный в 60-х годах XVII в., отмечал, что в Гуджарате (где товарно-денежные отношения достигли весьма высокого уровня по сравнению с некоторыми другими частями страны) «вследствие отсутствия работы муздары и многие ремесленники ввергнуты в глубокую печаль» [16, т. 1, с. 260].

Торговая экспансия европейцев и политическая дестабилизация в конце XVII — середине XVIII в. сделали условия для дальнейшего развития промышленности в городах и самих городов крайне неблагоприятными. Приходят в упадок и не успевшие окрепнуть мануфактуры, лишившиеся рынков сбыта своей продукции и столь необходимого им покровительства со стороны государственной власти. Как указывал К. Маркс, в Европе «мануфактура постоянно всячески охранялась — покровительственными пошлинами на внутреннем рынке, монополиями на колониальном рынке и дифференциальными пошлинами на внешнем рынке... Мануфактура вообще не могла обходиться без охраны, так как достаточно было малейшей перемены в других странах, чтобы она лишилась своего рынка и была разорена; при сколько-нибудь благоприятных условиях ее легко было ввести в той или иной стране, но именно поэтому ее легко было и разрушить» [6, с. 58]. В Индии в XVIII — в первой половине XIX в. отсутствовали необходимые условия для развития мануфактур, тем более для развития мануфактурного производства в широких масштабах и становления мануфактурной стадии капитализма.

Город — центр торговли

Результатом и выражением общественного разделения труда было развитие рыночных отношений.

Значительная натурализация в раннее средневековье экономики (одним из показателей чего было формирование в деревне системы коллективного содержания штата «общинных слуг», вклю-

чавшего представителей «профессий») не означала, однако, полного прекращения торговли, центрами которой продолжали оставаться многие древние города; не замерла окончательно и межобластная торговля некоторыми жизненно необходимыми товарами — солью, железом и пр. Но только с IX—X вв. появляются довольно многочисленные данные о внутренней торговле различными товарами широкого потребления — зерном, рисом, пшеницей, ячменем, затем — сахаром, маслом, хлопком, пряжей, овощами, спиртными напитками. Эти товары служили объектами торговли не только между различными областями, но и между городом и его земледельческой округой. Развитие городского рынка для сельскохозяйственных продуктов было важным звеном в складывании внутреннего рынка вообще.

Об этом свидетельствует появление особых категорий купцов, занятых розничной торговлей. Существовал даже особый налог — праваникара, взимавшийся с розничных торговцев. Последние нередко зависели от более крупных купцов, получая от них товар для реализации на местных рынках. Появляются многочисленные купцы, специализирующиеся на продаже зерна, занятые сбытом грёма [198, с. 247], торгующие в городах рыбой, зеленью, спиртными напитками, веревками, бетелем, а также гончарными и другими изделиями [249, с. 453; 198, с. 151].

Растущие города с их многолюдным населением предъявляли спрос прежде всего на продовольствие, стимулируя развитие рынка сельскохозяйственных товаров, появление которого предшествовало появлению рынка ремесленных товаров. Зависимость городов от снабжения их продовольствием из деревень была столь сильной, что перебои в подвозе зерна и других продуктов вызывали сразу нехватку и даже голод. В годы неурожая и недорода продовольственные товары становились объектом спекуляции.

В большие города продовольствие и другие продукты привозили не только из земледельческой округи, но и из более отдаленных областей. Специальную главу посвятил торговле (главным образом межобластной) продуктами в своей монографии Ирфан Хабиб [202]. В нашем распоряжении нет данных, которые существенно дополняли бы его исследования. Отметим лишь, что движение земледельческой продукции происходило из областей более высоких урожаев, соответственно и высоких размеров налога (Бихар, Мальва, Аллахабад, Мультан), в области менее продуктивного земледелия (Гуджарат, Агра, Аджмир).

Представление об относительной рентабельности земледелия могольских суба можно составить на основании вычисленного нами (по данным Абул Фазла) размера (усредненного) налога — джама с 1 бигха земли (в дамах):

Бихар . . .	70,6	Дели . . .	29,3
Мальва . . .	56,4	Гуджарат . . .	27,0
Аллахабад . . .	51,2	Ауд . . .	19,8
Мультан . . .	49,9	Агра . . .	19,6
Лахор . . .	34,6	Аджмир . . .	13,5

Из нарративных источников узнаем, что Дели снабжался пшеницей, рисом, сахарным тростником не только из своей округи, но и из Манипура [51, т. 3, с. 181]. «Восточную страну» (Пураб), включавшую субы на восток от Агры — Аллахабад, Бихар, Орису, Бенгалию, Ф. Пельсарт изображал как исключительно богатую плодородную земледельческую область, где производилось огромное количество зерна (пшеница, рис), сахар, масло, которые вверх по Джамне и по суше доставлялись в Агру [65, с. 9]. Земледельческая продукция долины Ганга, житницы Северной Индии, поступала и в синдские города Тхатта и Лахрибандар.

Хотя объем перевозимой земледельческой продукции из одного района в другой и мог быть весьма существенным, однако при транспортных средствах того времени она составляла лишь незначительную часть производимых продуктов. Для массы крестьянства местный рынок должен был иметь несравненно большее значение. Отметив это, И. Хабиб делает весьма важный вывод о том, что неизбежно существовавшая «местная» торговля означала главным образом торговлю между городом и деревней» [202, с. 75].

Слова Ф. Бернье, близко знакомого с городским бытом, в частности с бытом проживавшей в столице знати, свидетельствуют о том, что базар в городе вопреки широко распространенному среди востоковедов мнению (впрочем, не получающему подтверждения материалами источников) служил удовлетворению прежде всего массового спроса, а не нужд знати. Двор и знать снабжались своими поставщиками, доставлявшими им продукты высокого качества, отличавшиеся от тех, которые можно было приобрести на рынке. Чтобы обеспечить себя хорошими продуктами, которых не было, по мнению Бернье, на базарах города, он установил связь с этими поставщиками: «С тех пор как я несколько познакомился с местными порядками, я достаю довольно хорошее мясо и довольно хороший хлеб, так как я посылаю слуг в крепость к королевским поставщикам, которые рады продать за хорошую цену то, что им ничего не стоит». Это был способ достать продукты не только лучшего сорта, но и по более дешевой цене, чем на рынке. «Однажды я рассмешил моего ага, когда сказал ему, что уже много лет привык жить воровством и хитростью, потому что иначе я на те сто пятьдесят экю, которые он мне платит в месяц, умер бы с голоду. А между тем во Франции я за полрупии мог бы иметь ежедневно мясо не хуже, чем у самого короля» [38, с. 221].

Европеец Бернье не устраивало качество мяса и мясных продуктов, однако он говорит о существовании в городе массового спроса на них, что свидетельствует об относительной многочисленности здесь мусульман и индусов из низших и неприкасаемых каст, употреблявших мясо в пищу. Кроме мяса (сырого и жареного) на рынках продавали домашнюю птицу, голубей, куропаток, рыбу; эмиры, чтобы принудить рыбаков ловить рыбу и в холодные дни, «прибегают к корра — длинному хлысту, который всегда висит у них на дверях» [38, с. 221—222].

В городе были «также кондитерские лавки, но сласти в них

плохо приготовлены, запылены и засижены мухами. Есть также в разных частях города несколько хлебных лавок, но так как печи здесь не такие, как у нас, то хлеб никогда не бывает хорошо выпечен. Однако хлеб, который продается в крепости, недурен, а эмиры пекут хлеб у себя дома, и у них он гораздо лучше. Они не жалеют свежего масла, молока, яиц в тесто. Но хотя хлеб делается у них на дрожжах, тем не менее у него пригорелый вкус. Он больше походит на пирожное и пышки и никак не может идти в сравнение с гонесским хлебом и другими вкусными сортами, которые можно получить в Париже» [38, с. 220]. «Бесспорно, люди знатные достают все, что им захочется, но это им удается благодаря многочисленной прислуге, благодаря корра и благодаря деньгам. Я уже несколько раз говорил, что в Дели нет середины. Здесь надо быть вельможей или вести жалкий образ жизни. Хотя я получаю довольно большое жалованье и не жалею денег, но мне долгое время приходилось жить впроголодь, ибо на базаре нельзя найти ничего, кроме дряни, которую не хотят брать вельможи» [38, с. 222].

«На одну лавку, в которой продаются красивые, тонкие ткани, шелковые материи с золотыми и серебряными полосками, тюрбаны с золотой вышивкой и другие товары, вы найдете по крайней мере двадцать пять лавок, в которых нет ничего, кроме горшков с растительным и коровьим маслом, груды корзин с рисом, ячменем, мелким горошком, пшеницей, всяким другим зерном и овощами. Этим обыкновенно питаются не только индусы, которые никогда не употребляют мяса³³, но и мусульмане низшего класса, а также и значительная часть войска» [38, с. 219].

С развитием городского ремесла было связано формирование в городах рынков сырья для промышленности. Лахор в описании Пельсарта в начале XVII в. был «крупным центром торговли в дни, предшествовавшие приходу англичан в Агру». Здесь находился главный международный рынок по продаже индиго, которое в большом количестве закупалось здесь армянскими и другими купцами. Через страны Леванта оно попадало в Европу, где, по словам Пельсарта, было известно как «лаури, или, правильней, лахори» [65, с. 30]. Гуджаратские шелкоткачи работали на привозимом в западные индийские города шелке-сырце из Бенгалии [65, с. 19; 72, с. 2]. Из района Сурат-Бурханпур, где, по словам Пельсарта [65, с. 9], возделывали много хлопка, его везли в восточные провинции Индии, где в городах его покупали ремесленники.

В городах уже в XIII—XIV вв. большое значение имел рынок промышленных товаров³⁴, так как именно промышленность (в тех или иных ее формах) была основной отраслью городской экономики. Продукция ее находила сбыт на месте производства: она приобреталась потребителями для собственных нужд или же скупалась торговцами, сбывавшими ее в других местах.

Нельзя, наконец, не обратить внимания на факты, свидетельствующие о появлении в средневековом городе Индии также и

рынка орудий труда. По свидетельству бенгальского поэта XVI в. Мукундарама, в Бенгалии наиболее сложная часть ткацкого станка — бердо, через которое продевались нити основы, — изготавлилась для продажи особыми ремесленниками — шанкарами³⁵. Имевшие широкое хождение деревянные штампы для наложения на ткань узоров изготавливались, в частности, в гуджаратской деревне Питахпур [160, с. 142]. Славилась и использовавшаяся в ткачестве инструменты — алат-и дакаки, изготавливавшиеся в Ахмадабаде из дерева кхирни³⁶. Нет сомнений и в том, что среди многообразной медной и другой металлической утвари, производимой ремесленниками, были чаны и прочие емкости, используемые городскими красильщиками; мастера по металлу изготавливали и продавали железные детали для сельскохозяйственных орудий, равно как и довольно сложные инструменты, которыми пользовались различные городские ремесленники.

Показателем развития внутренней торговли была диверсификация имевших хождение монет — появление мелких денежных единиц. Уже в XIV в. Фируз-шах в добавление к курсировавшим денежным знакам — золотому танка и серебряному джиталу (50 джиталов = 1 танка), делившемуся, в свою очередь, на данги (данг = $\frac{1}{6}$ танка), выпустил медную монету «во имя интересов простых и бедных» покупателей рыночных товаров [19, с. 344]. В могольской Индии самый крупный денежный знак — золотой мохур, равнявшийся по стоимости 14 серебряным рупиям, не имел широкого хождения; знатные люди собирали их в собственные хазана (казнохранилища) [65, с. 11].

Пельсарт называл еще «сиван» достоинством в 1,25 рупии; Джахангировы сиваны весили на 20% больше, чем при Акбаре. Более мелкой монетой были медные дамы, которые Пельсарт, как и другие европейцы, называл пайса. Монету достоинством в $\frac{1}{2}$ дама называли адхела. Для купли-продажи товаров «незначительной стоимости» использовали и белые морские раковины — каури; 80 каури стоили 1 пайсу [65, с. 29].

Изучая рыночные отношения, нельзя пройти мимо еще одного обстоятельства — неуклонного роста в течение XVI—XVII вв. цен, в частности на земледельческие товары. И. Хабиб связывает это с падением стоимости золота и серебра, что было отголоском происшедшей в Европе «революции цен» из-за притока этих металлов из Америки (награбленного испанцами золота у ацтеков и инков, а также добычи серебра с середины XVI в. на рудниках Южной Америки и Мексики) [202, с. 81—89, 393—394]. Нам представляется, что немалую роль в «революции цен» в Индии, как и в других странах Востока, сыграло также естественное повышение их в условиях возросшего спроса на продовольствие в городах. Не случайно, что тогда же стал ощущаться недостаток в мелких медных деньгах. Нехватка меди привела во второй половине XVII в. к значительной порче медной монеты [16, т. 1, с. 267]; но и это не спасло положения. Острая нужда в мелких монетах заставила ахмадабадских менял — саррафов — даже

вести железную пайсу, поскольку добыча меди была явно недостаточной и не могла удовлетворить возросшие потребности [227, с. 184].

Рынок нередко представлял попросту торговую улицу, где находились дома и лавки ремесленников и торговцев, специализировавшихся на изготовлении и продаже того или иного изделия. До сих пор многие улицы и переулки в городах сохраняют названия средневековых улиц-базаров, являвшихся одновременно местом поселения, кварталом данной кастовой общины — Чипава (в Джайпуре), Читарачали и Мачивада (в Удайпуре) и др. [248, с. 316]. «Улицы, — писал Овингтон о Сурате, — местами узкие, местами довольно широкие, по вечерам на них царит оживление куда больше, чем в Лондоне. Нелегко пробраться через ряды торговцев, предлагающих свой товар» [64, с. 129—130]. Улицу и базар, по существу, идентифицирует и Бернье. Как он передает, взятого в плен принца Дара Шукоха, брата Аурангзеба и его соперника в борьбе за власть, провезли на слоне по городу, «через все большие базары, т. е. торговые улицы, чтобы народ видел и не сомневался более, что это сам Дара» [38, с. 119].

Характерной чертой многих городов XIII—XVII вв. стало вытеснение на городскую окраину дворцово-крепостного ансамбля рынком и «деловыми» кварталами и улицами. Это можно заметить по топографии Дели, Ахмадабада, Броча, Сурата, Патны, ряда раджастанских городов (Джайсалмера и др.).

В источниках после XIV в. встречаются упоминания о специализированных базарах. Такими были, в частности, Чандни-чоук (Чандичок) и ряд других базаров в Дели и многих иных городах. Появление их свидетельствовало о том, что развитие городской торговли привело к забвению указаний древних законодателей, предписывавших различным шреши (гильдиям) не торговать в одном и том же месте. Это не исключало существования помимо этих общих рынков и рынков-улиц, населенных самими производителями и продавцами данного ремесленного изделия, также специализированных рынков. Так, из хроники Барани узнаем о существовании в Дели рынка зерна — манди (позднее «манди» стало эквивалентом понятия «рынок» вообще); упоминается «зеленый рынок», рынки где продавались лошади, рабы, скот. Часты в источниках упоминания о рынках тканей.

Помимо городов, где были постоянно функционировавшие рынки, в различных частях страны устраивались ярмарки. В конце XVII в. славились раджастанские ярмарки-хат в деревнях Пушкаре, Парватсаре, Раджнагаре, Нагоре, куда приезжали не только из ближайших мест, но и издалека. Особенно они были известны как места бойкой торговли скотом [248, с. 317].

Характерной чертой городской торговли было то, что она все более концентрировалась в руках скупщиков, посредников. В начале XIV в. купцы свозили в Дели зерно, не только полученное в виде налога, но и купленное у крестьян после выплаты ими ренты; это были купцы-мультиани [23, с. 316]. В источниках XVI—

XVII вв. содержится много данных о торговле продуктами земледелия, привозимыми в города крестьянами и сдаваемыми на «комиссию» местным торговцам, которые выступали посредниками между их производителями и городскими потребителями. Богатые купцы в городе фактически держали в своих руках торговлю различными техническими культурами. По свидетельству Ф. Пельсарта, старшего фактора голландской Ост-Индской компании, в г. Биане (в округе которого крестьяне выращивали индиго и производили краситель) проживало несколько состоятельных купцов, занимавшихся торговлей индиго. Главными были Мирза Садык и Гази Фазил, контролировавшие закупки большей части индиго. В доме одного из них каждый сезон устанавливалась цена на краситель, которая была на 1 рупию выше, чем в деревне. Только после установления ими цены, «но не прежде» начиналась в городе купля-продажа индиго [65, с. 17].

Естественно, что в условиях незавершенного процесса складывания внутреннего рынка крупные состояния накапливались купцами, ведущими внешнюю торговлю. Одним из самых богатых торговцев в XVII в. считался Вирджи Вора (Вирджи Бохра), житель Сурата. Он был торговым партнером англичан и имел состояние, оценивавшееся в 8 млн. рупий. Столь же значительным было состояние суратского купца Абдул Гафура, который, как отмечается в «Мират-и Ахмади», «выделялся среди богатых людей Сурата, вернее, даже всей субы (Гуджарата) своим богатством, обилием у него товаров и судов». Поскольку он не имел наследников — прямых потомков, его имущество стоимостью 8,5 млн. рупий поступило в пользу казны [16, т. 1, с. 370].

Источники сохранили имена многих других богатых купцов и банкиров (Хари Вайшья, Хушхал Чанд, Захир-бек и др.), которые ссужали европейских торговцев, могольских падишахов и местных купцов, строили на свои деньги храмы и укрепления³⁷, владели судами и посылали своих агентов в Арабию и разные страны [16, т. 1, с. 215]. По сравнению с накоплениями богатейших купцов состояния даже видных представителей знати были весьма скромными. Собственность умершего в 1683 г. субадара Гуджарата Мухтар-хана, имевшего мансаб 4 тыс. саваров, исчислялась всего в 21,1 тыс. рупий [16, т. 1, с. 311].

Условия развития внешней торговли менялись на протяжении средневековья.

Как известно торговые отношения Индии со странами древнего мира — Римом, Средней Азией, Ираном, Китаем — заметно сократились к концу правления династии Гупта и не были значительными в течение двух-трех столетий, последовавших за ее падением. Именно в это время в брахманской литературе делается весьма выраженное негативное отношение к торговле, в частности морской: «Браханнарадийя пурана» включает морские путешествия в число занятий, неугодных в «век Кали». Хотя формальным обоснованием этого могло служить соображение о невозможности соблюдения на кораблях во время длительных морских

поездок всех религиозных ритуалов, по мнению Л. Гопала, появление такого рода религиозных предрассудков было связано с определенным упадком в период раннего средневековья морской торговли Индии [198, с. 131].

Новое отношение к торговле и морским путешествиям отмечается лишь с конца VIII в. Наибольшее значение в это время приобрела торговля с Арабским халифатом. Не случайно, что в арабской литературе этого времени складываются вполне реалистические представления об Индии. В трудах арабских географов и историков — Абу Зайда ас-Сирафи, Бузург ибн-Шахрийара, Масуди, ал-Йакоби, Абу-Дулафи и др. — содержатся сведения о различных городах Индии, продававшихся там товарах, торговых путях [121, с. 82].

С этого времени в отличие от первых веков нашей эры, когда объектом торговли служили лишь специи и предметы роскоши — муслины и другие дорогостоящие хлопчатобумажные и шелковые ткани и изделия, из Индии стали вывозиться и более дешевые льняные ткани, дубленая кожа и изделия из кожи, а также некоторые технические культуры — сахарный тростник, хлопок-сырец, индиго.

В представлениях людей феодального восточного мира уже в IX в. внешняя торговля была прибыльным, хотя и рискованным предприятием. Недаром ал-Джахиз, давший вполне правдивое описание Индии, вкладывает в уста персонажа своего известного сочинения «Книги о скупых» слова о том, что огромные состояния нельзя добыть «иначе, как пережив опасности путешествий по морю [т. е. торговлей], или выполнив работу для султана, или добыв алхимией золото и серебро» (цит. по [121, с. 67]). Об опасности морской торговли, но и прибыльности ее говорит сложившаяся в средневековом Гуджарате притча: тот, кто едет на Яву, никогда не возвращается; но если случится, что вернется, он привозит с собой столько денег, что на них могут прожить два поколения.

Торговля с мусульманскими странами, имевшая наибольшее значение для Северной Индии, велась в значительной мере через Северо-Западную Индию и отчасти западное побережье страны. Этой торговле и городам Пенджаба и других областей, через которые проходили главные магистрали, был нанесен ущерб монгольским завоеванием XIII в. Резкое сокращение сухопутной торговли увеличило, естественно, значение для страны морской. Именно тогда со всей очевидностью обнаружилось слабая оснащенность Индии торговыми судами и техническая отсталость ее в области кораблестроения. До X в. нет достоверных данных, которые говорили бы о наличии у индийских купцов морских судов. Первые заслуживающие доверия свидетельства этого относятся лишь к XI в.³⁸ Но уже в XIII в., когда Марко Поло посетил Индию, немало местных купцов плавало на своих судах в Китай и на Запад. С этого же времени гуджаратские пиратствующие мелкие феодалы начинают причинять беспокойство плававшим вдоль за-

падного побережья Индии купцам, преследуя их и навязывая морские сражения. Естественно, что это предполагало наличие у пиратов Гуджарата пригодных для этого судов [198, с. 249—250].

Во времена Ибн-Батуты (XIV в.) в знаменитый тогда арабский порт Аден, где была колония индийских купцов, приходили суда из различных областей Индии — Тханы, Куилона, Каликута, Коллама, Чалима, Мангалора, Баркуры и др. Многие индийские купцы совершали торговые поездки на собственных судах. В морское плавание пускались десятки и даже сотни судов одновременно. По свидетельству Ма Хуаня (XV в.), у бенгальских купцов было много хороших кораблей, на которых они возили товары в дальние страны. Несколько больших кораблей и лодки отправлялись ежегодно из бенгальских портов на восток, в Малакку и Пассе (на Суматре), с грузом засахаренных фруктов, железа и других товаров [52a].

И все же главными перевозчиками грузов в Индию и обратно из Индии морским путем и в XIII—XV вв. были арабы. Индийские суда по количеству, а возможно, и по своим качествам не могли соперничать ни с арабскими, ни с китайскими судами, которые на протяжении многих столетий до этого бороздили морские просторы от Северной Африки, Аравии, Ирана до Индии, Китая и обратно. В руках арабских и китайских купцов в результате этого была сосредоточена в значительной мере не только морская, но и каботажная торговля Индии. Их соперничество и установившееся преобладание на море тормозили успешное развитие индийского судоходства в период, когда создание собственного торгового флота стало одной из насущных потребностей в условиях резкого сокращения сухопутной торговли страны.

Развитие внешней морской и каботажной торговли Индии привело к появлению и быстрому подъему многочисленных торговых городов. Уже в X—XII вв. на западном побережье Индии насчитывалось значительно больше портов, чем в древности и тем более в раннее средневековье. Но число их особенно возросло после XIII в. в связи с перемещением торговых путей. Внешней торговле были обязаны своим относительно высоким развитием Гуджарат и Малабар. Недаром средневековый индийский историк Сикандар бин-Мухаммад приписывает одному из делийских султанов XV в. следующие слова: «Трон Дели покоится на пшенице и ячмене, а гуджаратского султана — на кораллах и драгоценностях, ибо падишах Гуджарата владеет 84 портами» [70, с. 386].

Большую прибыль от морской торговли получали портовые города Южной Индии. Менее доходной была торговля Конканского побережья и Бенгалии, которые в то время оказались за пределами магистрального торгового пути, соединяющего Китай и Индонезию со странами Европы и Ближнего Востока.

В конце XV — начале XVI в. Индия стала объектом колониальной экспансии Португалии. Захват ими Гоа, а позднее Бассейна, Дамана и Диу, сооружение крепостей в стратегически важных пунктах на западном и восточном побережьях Индии обеспе-

чили португальцам контроль над ее внешней торговлей. Укрепленный Гоа, контролировавший Малабарское побережье, превратился в главную португальскую базу на Востоке. Владея Диу и Даманом, португальцы закрыли свободный проход в Сурат и другие гуджаратские порты для непортугальских судов. Хотя португальская экспансия не привела к большим территориальным захватам в Индии, она имела серьезные последствия и во многом определила последующее социально-экономическое развитие страны и ее политические судьбы.

Важным результатом торговой деятельности португальцев была значительная активизация внешней торговли ряда областей страны, что давало, в свою очередь, стимул к расширению производства коммерческих культур (прежде всего пряностей) и в некоторой степени тканей и других изделий ремесленного производства. Однако расширение внешней торговли благодаря торговой экспансии Португалии (а потом и других западноевропейских стран) не способствовало начавшемуся в стране процессу складывания внутреннего рынка. Напротив, ставшее с XVI в. разительным преобладание внешней торговли над внутренней сковывало появившиеся в обществе тенденции к созданию этого рынка. Это происходило главным образом благодаря вывозу из страны множества товаров, в том числе сырья и продукции местного ремесла (в основном ткачества). В то же время индийский торговый капитал оказался отрезанным от ключевых позиций в торговле с Европой и Ближним Востоком и лишенным одного из самых выгодных источников накопления — доходов от вывоза перца, муската и других пряностей, проходивших транзитом почти исключительно через Малабар, прибылей от вывоза через гуджаратские, малабарские, бенгальские и коромандельские порты высоко ценившихся индийских тканей.

Конечно, местные купцы все еще занимались подчас весьма крупными коммерческими операциями, ведя караванную и отчасти каботажную торговлю. Но масштабы этой торговли и доходность ее были несопоставимы с морской торговлей. Все попытки индийских правителей XVI в. — гуджаратских султанов Махмуда Бегара, Бахадур-шаха, могольских падишахов Хумаюна, Акбара³⁹, а позднее — Аурангзеба, пытавшихся изгнать португальцев и других европейцев из укрепленных ими факторий и морских баз, не увенчались успехом. Преобладание иностранцев во внешней торговле обрело местное купечество на роль младшего партнера и значительно ослабило позиции местного торгового капитала в социально-экономической жизни общества.

Захват португальцами в свои руки морской торговли Индии привел к заметному оживлению сухопутных внешнеторговых путей через Северо-Западную Индию. Пенджаб в XVI в. вновь стал играть немаловажную роль в караванной торговле Индии со Средней Азией, откуда индийские товары попадали в другие страны Востока, в Россию и Западную Европу. Однако эта торговля не была так же значительна, как морская. В конце XVII — пер-

вой половине XVIII в. она резко сократилась из-за кризиса, переживаемого феодальными деспотиями Османов, Сефевидов и самих Моголов, который сопровождался войнами, мятежами, восстаниями. Условия для торговли и накопления стали неблагоприятными.

Однако самый страшный удар внешней торговле Индии был нанесен сначала усиливавшейся экспансией рыцарей «первоначального накопления», постепенно осваивавших индийские рынки и все более оттеснявших местных купцов от выгодных источников накопления, затем последовавшим переходом ряда европейских держав, прежде всего Англии, от политики меркантилизма (инструментом которого был экспорт индийских товаров, в частности тканей, стимулировавший на протяжении короткого времени расширение в Индии ткацкого производства) к последовательной политике протекционизма, под сенью которой быстро росла своя промышленность, стоявшая на пороге промышленной революции. Последняя и решила судьбу индийского ремесленного производства и коммерции, резко сократив закупки и торговлю тканями, главным предметом индийского экспорта. Еще менее благоприятными оказались условия для превращения торгового капитала в предпринимательский. Немногие пионеры спорадически развивавшегося мануфактурного производства — шелкоткацкие мастерские гуджаратских купцов в Ахмадабаде — исчезли без следа. Все более выраженными становились ростовщические тенденции торгового капитала Индии, его компрадорские функции, способствовавшие прежде всего сырьевому ограблению Индии.

Глава II

Социальная и кастовая структура населения города

Социальные группы и кастовая стратификация

Существование классовых и кастовых групп, сложные их взаимоотношения — одна из характерных черт социальной структуры средневекового общества Индии. Это характерно и для структуры городского населения, где она усложнялась конфессиональным многообразием, более выраженным, чем в деревне. Касты и кастовая система зародились и развивались вместе со сложными процессами общественного разделения труда и социально-классовой дифференциации общества, в котором элементы патриархальности и даже архаики обладали определенной устойчивостью.

В индийских государствах поздней древности и средневековья каста имела весьма ярко выраженные социальные функции. Однако едва ли касту можно определять как «социальную общность», как делают некоторые исследователи [122, с. 39]. Нетождественность их вытекает из того, что в новое время, да и в предшествующие эпохи каста и кастовая система, исходящая из статусов различных слоев населения, в силу сакрализованности были крайне нединамичны (что создавало иллюзию абсолютной их неподвижности), лишь с большим «опозданием» регистрируя социальную эволюцию. Вследствие этого каста оказывалась «разорванной» между различными социальными и классовыми группами почти во все исторические периоды.

Каста, в которой «своеобразно проявилось классово-сословное, профессиональное и этническое деление позднеантичного и средневекового общества» [120, с. 31], будучи надстроечным институтом, оказывала мощное воздействие на систему экономических и социальных отношений в Индии.

Средневековые ученые и историки, в том числе иностранцы, нередко излагали в своих трудах традиционную религиозно-мифическую концепцию касты, представленную в ведах и дхармашастрах, безосновательно идентифицируя ее с современными им реалиями. Это относится и к такому мыслителю, как Бируни, который в описании касты был под влиянием «Ману» и ряда других древних и раннесредневековых авторитетов. Но все же при этом он делал попытку рационалистического объяснения происхождения варно-кастового строя, связывал его с деятельностью государей¹. Касто-

вость общества отмечал и француз Ф. Бернье. «Веды, — писал он, — предписывают, чтобы весь народ (как это и есть на самом деле) был разделен на четыре племени: браминов, или истолкователей законов, кшатриев, или воинов, вайска, или торговцев, которые обычно называются банья, и, наконец, судра, или ремесленников и землевладельцев. Этим четырем кастам не разрешается заключать браки между собой» [38, с. 273].

Кастовые статусы, формально определяемые степенью ритуальной чистоты, во многом были функцией экономического и социального положения в обществе тех или иных групп, хотя и никогда не сливались полностью с социальными градациями.

Феодалная знать в городе. В доиндустриальном обществе Индии «к наиболее высоким и ритуально чистым кастам принадлежали, как правило, те, которые владели главным для того времени средством производства — землей — или занимали господствующее место в структуре политической власти. Владение землей и обладание властью давали возможность получать часть прибавочного продукта, производимого обществом» [126, с. 34]. Именно этими кастами в обществе в целом и в средневековом городе было представлено верхнее звено социальной иерархии — различные сословия и группы класса феодалов. Многочисленность феодалов в городе и их власть над ним — характерное явление для многих азиатских стран, в том числе Индии: оно связано с особенностями аграрного строя, отсутствием крупного личного хозяйства феодалов и, как следствие этого, с «абсентеизмом» (последнее особенно справедливо для верхушки феодалной иерархии — мукта и джагирдаров, хотя в городах жили и многие представители относительно мелкой «вотчинной» знати).

Какие сословно-кастовые группы феодалов преобладали в городе, зависело прежде всего от типа самого города. В столицах могольских провинций и центрах областей жили крупные и средние джагирдары-мансабдары. Они были чаще мусульманами, потомками пришельцев из Ирана, Средней Азии, Афганистана и других стран или же обращенными в ислам местными феодалами; среди мансабдаров было немало и индусов. Последние, в частности заминдары Раджастхана, представляли значительную прослойку среди мансабдаров во времена Акбара; к концу XVII в., при Аурангзебе, число мансабдаров-индусов значительно возросло главным образом в результате присоединения к Могольской империи султанатов Декана и включения местных феодалов-индусов в систему феодалного серважа; в конце правления этого падишаха феодалы-индусы составляли более трети общего числа мансабдаров [94, с. 185]. В небольших городах (касаба, или центры округов — паргана и махаллов) концентрировались главным образом представители феодалной администрации на уровне округа (чаудхри, патели, канунго, шикдары и т. д.); среди них индусов было больше. В городах феодалы держали свои наемные отряды и многочисленную челядь.

Кварталы знати в городе тяготели обычно к дворцу и крепости.

Нередко они располагались по берегу реки, на которой стоял город и которая была своеобразной линией укрепления и в то же время источником водоснабжения. Так было, в частности, в одной из могольских столиц — Агре: дворцы знати по западному берегу р. Джамны были окружены здесь садами, в которых обычно находились усыпальницы владельцев, строившиеся еще при их жизни. Пельсарт поразил «чрезвычайно красивый и дорогой дворец» могущественного Асаф-хана (брата императрицы Нур-Джахан), имевшего мансаб 8 тыс. саваров (командующего номинально 8 тыс. всадников): здесь же располагался дворец отца Асаф-хана и Нур-Джахан — Иттимад ад-доула, имевшего мансаб 5 тыс. саваров. Его усыпальница, одна из жемчужин индо-мусульманского архитектурного искусства, не завершенная еще ко времени приезда туда Пельсарта (1626 г.), уже обошлась в 350 тыс.; предполагалось, что стоимость ее будет 1 млн. рупий [65, с. 5—6]. На западном берегу Джамны стояли дворцы и других мансабдаров, мусульман и индусов — Бахадур-хана, Раджи Бходжа, отца правителя Бурханпура Раи Пратапа, имевшего мансаб 5 тыс. саваров, дворцы имевших 3 тыс. саваров — Ибрахим-хана и Кишан Даса.

Дома стояли, однако, всего по несколько лет, так как были построены из глины и без известкового раствора; но белый цвет штукатурки стен, писал Пельсарт, был очень хорош и значительно превосходил то, что есть «в нашей стране» [65, с. 66]. Для приготовления штукатурки использовали негашеную известь, которую смешивали с молоком, сахаром и камедью. Нанесенную на стену смесь полировали агатами; при длительной обработке застывшая смесь могла стать прозрачной и использоваться как стекло для окон. Полы диван-хана, или «присутствия», в домах знати были закрыты коврами — здесь хозяин принимал своих служащих; о внутренних покоях — махалла — Пельсарт писал, что мебели там меньше, чем во французских домах, но золота и серебряной утвари больше [65, с. 67]. В XVII в. в домах знати стали появляться зеркала и другие предметы роскоши из Европы. Водоемы-танки в садах ежедневно заполнялись свежей водой, поднимаемой с помощью быков из колодцев. Как свидетельствовал Пельсарт, в Агре ее накачивали иногда в таком количестве, что по свинцовым трубам она поднималась фонтаном.

Жившие в городах эмиры, получавшие от падишаха «губернаторство и главные должности при дворе и в армиях», были, по словам Бернье, столпами государства и поддерживали блеск двора. «По улицам они следуют не иначе, как великолепно одетые, иногда сидя на слоне, иногда верхом на коне, а порою в палехи [паланкин], причем обыкновенно в сопровождении изрядного количества всадников из тех, которые охраняют их дом, и множества пеших слуг, которые идут спереди и сбоку, чтобы очищать для них дорогу, прогонять павлиньими хвостами мух и пыль, нести их зубочистки или плевательницу, воду для питья, а иногда счетоводные книги и прочие документы. Все те, кто находится при дворе, обязаны под страхом вычета из жалованья два раза в день яв-

ляться на поклон к государю в собрание — к десяти-одиннадцати часам утра, когда он отправляет правосудие, и к шести часам вечера» [38, с. 192].

Военно-феодалная знать из мусульманских каст могол и патан (образовывавшая вместе с двумя другими кастами — сайидами и шейхами — «благородных», ашраф-зат) была представлена пришельцами из Средней Азии, Ирана, Афганистана и их потомками. Индусская феодалная знать в городах принадлежала к военно-землевладельческим кастам (в частности, раджпутским кланам — ратхор, тонвар, чаухан, качваха, парихар, панвар и др.), доминировавшим в данном округе².

Многочисленную прослойку среди проживавших в городах феодалов представляли кайастхи — индусская каста писцов или чиновников налогового ведомства и «судейских». Ее возвышение фиксируется рядом источников первых столетий средневековья. Однако только в X—XII вв., вместе с развитием феодалной государственности, эта каста заявляет о себе как о весьма влиятельной социальной группе, безусловно приобщенной к феодалной эксплуатации. В иерархии каст, представленной в «Мират-и Ахмади» (середина XVIII в.), кайастхи занимали довольно высокое положение, следуя в перечне их непосредственно после брахманов и раджпутов [17, с. 135—137]. Кшамендра в своих знаменитых «осмеяниях» недвусмысленно говорит о деревенском происхождении кайастхи:

Писарь жалкий из деревни
Стал среди министров главным,
И ему послушен нынче
Сам министр войны и мира,
Слуги, множество шпионов;
Сам он то и дело едет
В страны разные с посольством,
Дети же его и внуки
Силой власти стали знатью³.

Сакрализованность социальных и правовых норм и институтов феодалного общества Индии определила доминирующее положение в кастовой иерархии духовенства — брахманов (в иерархии индусских каст), сайидов и шейхов (в иерархии мусульманских каст). Роль представителей духовного сословия в общественно-политической жизни города не была однозначной. Отдельные представители каст брахманов, сайидов и шейхов занимали высокие посты при дворе, в войске, в административной системе⁴, были собственниками полученных от правителей земельных пожалований. Многочисленные в городах храмы, мечети, монастыри-ханека были прибежищем огромной армии служителей культа, религиозных наставников — гуру, «святых», аскетов, ученых. Социальный престиж и авторитет их среди населения были велики. Из этой же среды выходили проповедники еретических учений, находивших отклик среди городского люда.

Влияние феодалов в индийском городе обеспечивалось прежде

всего военно-административной властью, которой они обладали и которая была «атрибутом феодальной собственности на землю». Но не только власть была источником политического доминирования представителей господствовавшего класса в городе. Как видно из источников, многим из них принадлежали здесь земли, сады, базары, лавки, караван-сарай, бани и прочая приносящая доход недвижимость, сдаваемая в аренду. Феодалы присваивали налоги с городского оборота, таможенные пошлины, собираемые в портовых городах, у переездов, у городских ворот.

С развитием городов и торговли феодалы начинают заниматься различными сделками. Корабли в заморские путешествия с целью торговли снаряжали султаны и падишахи, принцы, знать. «Сын Эмир-Джемлы, Махмет-Эмир-хан, — писал Ф. Бернье, — несмотря на то что он не более как простой эмир Аурангзеба, так почитается по всему королевству, и особенно в Мослипатаме (Масулипатам. — К. А.), что его доверенный, или таптапа, является почти хозяином области, покупает и продает, вводит и выводит свои корабли с товарами, и никто ни в чем ему не смеет перечить, ни потребовать с него каких-либо таможенных пошлин; так велико было прежде могущество отца его, Эмир-Джемлы, в этом королевстве, что время не смогло его искоренить» [38, с. 178]. По свидетельству Клода Гюго (XVIII в.), сам правитель Хайдарабада занимался ростовщичеством. «Его доходы растут, — писал К. Гюго, — благодаря значительному количеству наличных денег, которые он отдает в рост» [38а, с. 52].

К торговле и ростовщичеству были приобщены и многие представители духовенства как в городе, так и в сельской местности. В XVII в. в Гуджарате и Раджастанхоне известна была своими торговыми операциями каста нагар-брахманов (городские брахманы). Али Мухаммад-хан писал о гуджаратском городе Ваднагаре как о «знаменитом месте, где проживают нагар-брахманы — богатые люди, состоятельные банкиры, прекрасные купцы, которые ведут дела в каждом городе и округе в лакхах рупий»; в XVII в. они были разорены и рассеяны, «подобно звездам Большой Медведицы, маратхами, которые сожгли город вместе с его отличными, чудесно разрисованными и искусно отделанными домами» [16, т. 2, с. 445]. Брахманы-торговцы были очень многочисленны в последние столетия средневековья в Центральном Раджастанхоне, где скрещивалось несколько торговых путей. Это были местные брахманские касты — пакхарна в Биканере, Джайсалмере и Марваре; члены касты поливала, жившие в 12 деревнях западной части Биканера, были предприимчивыми купцами, равно как брахманы-нандваны в Марваре и брахманы-шримали из Миллани. Дельцами были и большинство брахманов в Караули, они доставляли соль из Самбхара, сахар из Агры, хлопок, гхи (топленое масло), ткани на соседние рынки. Брахманы-хайвани из Караули занимались перевозкой товаров в течение многих поколений. Торговлей жило большинство брахманов из каст нагар из Бансвара и гаур из Бхаратпура [248, с. 81—82].

Торгово-ремесленное население города, или сословие горожан. Важнейший компонент городского населения в XIII—XVII вв. представляли ремесленники и торговцы. В источниках этого времени — персоязычных хрониках и документах — они причисляются к категории «базари», «мардум-и базар» («люди базара»), «ахл-и касб-у-кар»⁵ («люди ремесла и дела»). Аналогами этих терминов были «шахри», «шахрвала» («городской», от слова «шахр»), «халк-и шахр», «мардум-и шахр» («люди города»), «касабати», или «касбати» (от слова «касаба» — «маленький город»).

Несмотря на существование среди торгово-ремесленного населения большого числа корпоративных групп, торговцы и ремесленники в городе представляли некую социальную общность. Она определялась: а) их местом в системе экономических связей как главных носителей товарно-денежных отношений, б) их зависимым от феодалов социальным статусом и политическим бесправием, делавшими возможным внеэкономическое принуждение (повинности, штрафы, вымогательства и изъятия сверх так называемых законных налогов). Осознание этой общности нашло отражение в многочисленных городских ересях и религиозно-мистических течениях конца XIV — середины XVI в., известных как «средневековый бхакти»⁶.

Отдельные компоненты этой социальной общности в индийском городе, соответствующей типологически (но не аналогичной с точки зрения зрелости) европейскому бюргерству, были более замкнутыми и менее мобильными образованиями, чем соответствующие им компоненты сословия бюргеров. Корпоративность их, закрепляемая кастовой эндогамией, и кастовая иерархия делали сословие городских торговцев и ремесленников в Индии более «феодальным», чем бюргерство в Европе, хотя и оно не было лишено внутрисословной иерархии статусов различных корпоративных групп.

Наибольшей престижностью в сословии горожан-шахри обладали торговцы. Вряд ли далек от истины был Пельсарт, когда писал: «Чем бы ни торговал лавочник — специями, лекарствами, фруктами, хлопчатобумажными товарами, тканями или чем-нибудь еще — он пользуется большим уважением, чем ремесленники; некоторые из них — весьма состоятельные, но и они испытывают на себе произвол правителей и чиновников, страдают от доносов. Знать может потребовать от них товаров по низким ценам» [65, с. 63].

Причиной относительно высокого статуса торговцев, в особенности состоятельных по сравнению с ремесленниками⁷, было характерное для периода поздней древности и средневековья преобладающее значение торговли (главным образом международной) над промышленностью.

В наиболее раннем (ведийском) варианте трехчленной варновой иерархии (брахманы, кшатрии, вайшья, т. е. жрецы, воины и земледельцы) торговцы и ремесленники вовсе не фигурируют. Несомненно, это было отражением необыкновенности торговли и ремес-

ла как занятий особых групп. По мере развития феодализационных процессов, закабаления общинных землевладельцев-земледельцев последних все чаще стали включать в более позднюю варнушудр, наиболее аморфную и расплывчатую (в нее входили также некоторые категории рабов, т. е. все те, кто должен был, согласно дхармашастрам, «обслуживать» три высшие варны). Варна вайшьев, хотя и более низкая, чем брахманы и кшатрии, стала варной торговцев и ростовщиков, каковой оставалась на протяжении всего средневековья. Впрочем, многие торговые касты этой эпохи идентифицировали себя обычно лишь с конкретной торговой кастой, заботясь больше о ее положении в местной кастовой иерархии, чем принадлежности к варне вайшьев.

Нельзя не заметить, что статус варны вайшьев-купцов несколько опустился по сравнению со статусом древних вайшьев-землевладельцев. Бируни в XI в. признавал за вайшьями право ношения священного шнура-яджнаповиты (брахманы носили три священных шнура, кшатрии — два) в знак причастности к «дважды-рожденным». Однако бросается в глаза, что изучение вед и жертвоприношения огню Бируни не называет правами вайшьев, которыми они пользовались согласно многим древним памятникам, в частности «Артхашастре». В то же время он говорит об обязанностях вайшьев «устранять затруднения брахманов», т. е. служить им. Понижение статуса вайшьев в первые столетия средневековья отражает следующее свидетельство Бируни: «Восхваления и чтения вед или жертвоприношения огню строго запрещены ему (шудре.— К. А.); так, если будет доказано, что шудра или вайшья читал веды, брахманы приводят его на суд правителя, и он приказывает отрезать ему язык» [36а, с. 457].

В первые века феодальной эпохи индийские купцы не имели крупных накоплений из-за небольшого объема внешней и тем более внутренней торговли. Об этом свидетельствуют, по мнению исследователей, те незначительные по стоимости купеческие дары храмам, которые зафиксированы в памятниках эпиграфики того времени. Соответственно невысоким было социально-кастовое положение купцов и в формировавшейся сословной иерархии феодального общества. Даже кайастхи, едва приобщившиеся к феодальной аристократии, были полны гордыни и высокомерно относились к купцам.

Примерно с IX—X вв., в связи с некоторым оживлением в стране торговли, в источниках все чаще встречаются упоминания о богатых и именитых купцах, уважаемых жителях городов наряду с брахманами. Заметно укрепляется в представлении людей сознание могущества денег. Современникам и свидетелям феодальных неурядиц и политической нестабильности представлялось «счастье царей непостоянным, а счастье купцов — непоколебимым» (цит. по [121, с. 188]).

И все же уничижительное отношение даже к наиболее состоятельным представителям «людей базара» со стороны феодалов в целом было характерно для всех периодов средневековья (хо-

тя и в разной степени). Историк XIV в. Барани передает, что дельхийский султан Гийас уд-дин Балбан (1265—1287), опиравшийся на тюркскую феодальную знать, строго следил за тем, чтобы «люди низкого происхождения» не получали в государственном аппарате ответственных должностей, не проникали бы ко двору. Однажды некий Фахр (или Фахру Пани), который в течение долгих лет был «раисом базара» в Дели, через приближенных султана предложил ему большую сумму денег, если тот согласится сказать ему, сидя на троне, хотя бы несколько слов. Узнав об этом, Гийас уд-дин был возмущен и отказался от встречи с купцом, заметив, что тот — «раис и эмир базара» и поэтому разговор с ним может унижить достоинство султана [23, с. 33].

Даже Акбар, пытавшийся расширить свою социальную базу за счет торгово-ростовщической верхушки, зафиксировал особое, привилегированное положение феодальных элементов по сравнению с «городскими» в памятке — «кодексе» прав и обязанностей «правителей и должностных лиц». Памятка была обращена к «счастливым сыновьям и преданным принцам, высокочтимым эмирам, всем мансабдарам, амилам, котвалам, которым предписывалось в делах управления городами, деревнями, торговыми поселениями — катра (букв. «рынок») действовать соответственно этому документу. Помимо требований преданности короне и беспощадного отношения к мятежникам, внимательного отношения к жалобам подданных, райатов, к увеличению земледельческой продукции, повышения бдительности и осведомленности во всех делах с помощью шпионов-информаторов и т. д. в документе содержалось указание, что «в обычае их не должно быть и общение с простым людом и толпой, как это в правилах людей базара» [16, т. 1, с. 163].

Тем не менее на протяжении XIV—XVII вв. четко проявляется тенденция к повышению статуса отдельных торговых каст. Некоторые из них идентифицировали себя с брахманами, другие — с кшатриями⁸. «Банья, или баккалы», в иерархии каст Гуджарата к середине XVIII в. занимали весьма почетное место, уступая первенство брахманам и кшатриям, но не кайастхам — касте феодальных «бюрократов» [17, с. 135—137]. Главным фактором повышения в индийском обществе последних столетий средневековья кастового статуса торговцев в целом был рост значимости товарных отношений.

Число и номенклатура торговых каст варьировались от места к месту; специализация торговли по мере ее расширения могла приводить к образованию новых каст. Степень диверсификации торговых каст можно представить на примере агарвала Раджастхана, одной из многих каст варны вайшьев, которые состояли из множества подкаст — даге, пугали, дамани, мантри, лодха, мундра, ратхи и т. д. Поливала (также вайшьи) имели не менее 62 подкаст [248, с. 90]. Значительной в Северной Индии торговой кастой были мультаи. Впервые упоминание о них встречается в хронике Барани, который писал, что султан Ала уд-дин выдавал куп-

цам-мультами авансы для доставки в Дели тканей [23, с. 316]. Судя по названию, эта каста происходила из пенджабского города Мультана. Гуджаратский банья — самая обычная фигура на рынках и в портовых городах Западной и отчасти Северной Индии. Распространенной в Пенджабе кастой были кхатри. Повсюду в Индии хорошо были известны купцы-банджары, торговцы зерном.

Своеобразная иерархия торговых каст определялась как реальным экономическим и социальным положением различных слоев торгового населения, так и определенными традиционно сложившимися религиозно-этическими представлениями, социальный подтекст которых бывал зачастую утрачен. Относительно низкой торговой кастой была каста дхусар, занимавшаяся продажей соли. Большим уважением, в частности в Ахмадабаде и некоторых других городах Западной Индии, пользовались досивания — торговцы тканями и тазиа — торговцы шелком-сырцом [49, с. 112]. По сведениям английского чиновника XIX в., купцы «первого класса» с незапятнанной репутацией могли получать от местных банкиров займы под 2—4% годовых, купцы «второго класса» — под 3—6%; еще выше был процент (6—8) на ссуду, даваемую купцам «третьего класса» [49, с. 68]. Базазов — торговцев тканями, ювелиров и менял (саррафов) Хафи-хан помещал на верхней ступени иерархической лестницы, а торговцев зеленью и мясников — на нижней [32, т. 2, с. 87—88].

Мелкие лавочники, торговцы-разносчики, базарные маклеры, столь многочисленные в городах, по своему имущественному положению были близки городским ремесленникам, простым товаропроизводителям. Именно эти слои городского сословия представляли основной объект феодального ограбления. Впрочем, от произвола властей страдали и более состоятельные представители торгово-ростовщического капитала. Европейцы свидетельствовали о том, что «баниа или другой купец не может стать по-настоящему богатым, если не заручится поддержкой кого-либо из знати, иначе ему грозит разорение. Ибо губернатор или эмир не успокоятся до тех пор, пока все сокровища, все имущество купца не окажутся в его собственных карманах и пока несчастный не будет разорен до нитки» [48, с. 246].

Верхние слои купечества нередко сами были приобщены к феодальной эксплуатации благодаря получению откупов на налоги с селений и с целых округов и даже областей. Помимо участия торговцев и ростовщиков в феодальной эксплуатации через фиск или в административно-налоговом аппарате⁹, благодаря занимаемой должности представители торгово-ростовщического капитала проникали в сельские местности, где земля приобреталась ими посредством ростовщических операций, путем выдачи ссуд под залог участка (точнее, владельческих прав на землю); приобретенная земля сдавалась в аренду, нередко ее бывшим владельцам. Санскритская надпись 1327 г., найденная близ Дели, содержит генеалогию шести поколений одной купеческой семьи. Член этой семьи, живший в XIII в., восхваляется как «совершенный во

во всех отношениях и искусный в торговых делах, в купле и продаже: он щедро давал скот, землю, золото и одежды» [213, с. 244—246]. Свидетельством того, что купцы в средние века были собственниками земли, служит известная их молитва, обращенная к богине Сарасвати: «Мы все умеем читать и писать. Мы — украшение города. Дай нам лучшие земли и дома и освободи их от налога» [172, с. 126]. Источником земельной собственности купцов в городах и сельской местности было часто владение водой: они сооружали или приобретали колодцы и другие средства орошения [45, 1913—1914, с. 43—45; 1915—1916, с. 17—18; см. также 89, с. 179—180]¹⁰. В налоговой статистике «Аин-и Акбари» (90-е годы XVI в.) в графе о кастовой принадлежности землевладельцев, ответственных за уплату налога в ряде округов Северной Индии, упоминаются некоторые торговые касты¹¹. В XVII—XVIII вв. довольно многочисленны были купцы-заминдары в Бенгалии.

Характерно для многих восточных городов существование в городе прослойки («патрициата»), важным источником доходов которой были не только торговля и ростовщичество, но и земельная собственность в городе и деревне. Видимо, была она и в городах Индии. Возможно, что именно эту прослойку средневековые авторы относили к категории «великих города», «больших людей города» — «кубар ахл ал-мадинат» (араб.) [51, т. 3, с. 386], «акабар-и шахр» (перс.) [28, т. 1, с. 107]. Историк начала XVII в. Ахмад Ядгар к числу «великих города» причисляет наряду с чаудхриями и «военными» ростовщиков-менял («бозорган-и шахр аз чаудхриан», «сипахиан ва саррафан») [20, с. 1].

В период упадка Могольской империи купеческая олигархия в небольших городах была настолько влиятельной, что почти безнаказанно могла облагать в свою пользу рыночные операции, не имея на то разрешения феодальных властей. Это явствует из жалобы глав общины йогов Джахбара (Пенджаб) дивану (главе фиска области), датируемой временем между 1765 и 1809 гг. (о датировке документа см. [60, с. 192, п. 1]). Жалоба заключалась в том, что «лавочники» (дукандаран) Суджанпура (процветавший в конце XVIII в. город в округе Шахпур-Кханди в Пенджабе) облагают йогов налогами с покупаемых ими товаров. Челобитчики уведомили, что «прежде этого никогда не бывало», и на этом основании просили, «дабы впредь этого не было» [60, с. 190].

Тенденции к феодализации части верхушки торгового капитала усилились в XVII в., но особенно в первой половине XVIII в. в условиях усиливавшейся экспансии Запада, которая сопровождалась постепенным вытеснением индийских купцов из прибыльной внешней торговли.

Кастовая корпоративность на протяжении всего средневековья оставалась характерной чертой организации ремесленного труда (как среди индусов, так и среди мусульман). «Все эти ремесленники, — писал Бернье, — приходят каждое утро в свои карканэ и работают весь день, а вечером возвращаются к себе домой. Так тихо течет их жизнь, и никто не стремится улучшить положение,

в котором он очутился по рождению. Вышивальщик воспитывает своего сына вышивальщиком, сын золотых дел мастера становится золотых дел мастером. Городской врач воспитывает сына так, чтобы он стал врачом. Никто не берет жен иначе, как из своей профессии, и этот обычай почти столь же строго соблюдается магометанами, как и индусами, которым он прямо предписывается законом. Многие красивые девушки вследствие этого остаются старыми девами, между тем как их родители могли бы найти им хорошую партию, если бы согласились отдать их в менее благородные семьи, чем их собственные» [38, с. 226].

Наследственность ремесленной профессии в средние века не исключала института ученичества (достаточно распространенного в древности), хотя и ограниченного принадлежностью ученика к данной касте. Известно, что сыновья умерших разорившихся членов ремесленной касты проходили обучение в домах других членов, их родичей или общинников; они редко наследовали «дело», переходившее по наследству к сыновьям, и формировали слой социально приниженных и эксплуатируемых производителей.

Кастовость ремесла играла противоречивую роль в деле обеспечения производственного цикла. С одной стороны, она обеспечивала передачу навыков и опыта, с другой — она, как и европейские цехи, тормозила дальнейший прогресс, нередко приводила к ухудшению качества создаваемого изделия, снижению профессионального уровня. При всех различиях, существовавших между цехом и кастой, они были корпоративными структурами, появление и существование которых было predetermined в принципе аналогичными условиями. Кастовые организации в Индии, как и цехи в Европе, как и «весь режим средневековой регламентации», были, несомненно, «общественными отношениями, единственно соответствовавшими приобретенным производительным силам и ранее существовавшему общественному строю, из которого эти учреждения вышли» [5, с. 403]. В функционировании их были заинтересованы и феодальные власти, которые видели в кастовых институтах ремесленных (как и торговых) корпораций также и своеобразные фискальные единицы; вплоть до конца XIX в. они использовались даже английской колониальной администрацией для сбора городских налогов — «касаб вира» — с ремесленников и торговцев [49, с. 107].

Возникнув в процессе общественного разделения труда, наследственно-замкнутая кастовая организация ремесла была призвана в условиях свойственной феодализму узости внутреннего рынка выполнить важную общественно-экономическую функцию: обеспечить сбыт, а следовательно, и возможность дальнейшего производства ремесленных изделий. Кастовая организация служила также сохранению секретов производства в данной наследственной профессиональной группе. В этом смысле роль индийских ремесленных каст была аналогична роли средневековых европейских цехов. Не случайно, что ремесленные касты индийские персоязычные историки лишь иногда называют «кау́м» (арабо-перс., букв. «на-

род», «племя») для обозначения общего понятия «каста». Гораздо чаще ремесленные касты фигурируют под их профессиональными названиями; применяется и термин «синф», определявший в ряде стран Ближнего и Среднего Востока профессионально-цеховые организации. Рост числа ремесленных каст на протяжении всего средневековья указывает на углубление общественного разделения труда и переход части населения от земледелия, пастушества, собирательства к ремеслу. Если памятники письменности рубежа древности и раннего средневековья называют 11—18 ремесленных каст (т. е. профессий), именуемых по аналогии с корпорациями древних городов «шрени», то к XII в. их насчитывалось уже от 64 до 75. Попытки объяснить факт умножения их лишь смешанными браками в нарушение кастовых законов [223, с. 107] или естественным приростом ремесленного населения не могут считаться убедительными.

Развитие производительных сил в ремесле, диверсификация и специализация ремесла приводили к формированию новых каст и подкаст. В XVI—XVII вв. каста мочи — кожевников почти повсеместно включала подкасты башмачников, красильщиков (возможно, они же занимались дублением кожи), лакировщиков, изготовителей упряжи (возможно, и мешков для хранения продуктов и др.), щитов, колчанов для стрел. В XVIII в. в Раджастхане в кожевенном производстве появились шиклигары и мийангары, специализировавшиеся на изготовлении изящных кожаных изделий [238, с. 309].

Составляя вместе с торговцами некую социальную общность — сословие горожан, ремесленники во внутрисословной иерархии занимали, как отмечалось выше, в целом более низкое положение, чем торговцы. «Феодалность» ремесленного компонента этого сословия заключалась в иерархичности кастовых статусов. «Иерархия», пронизывавшая профессионально-ремесленные касты¹², могла иметь свою специфику в каждом данном месте, городе, провинции. В средние века, начиная приблизительно с XII в., все же была некая общая закономерность в их размещении; иерархию ремесленных каст едва ли не повсеместно возглавляли ювелиры, занимавшиеся одновременно скупкой и продажей драгоценных металлов, медники-питалахара, привлекавшиеся феодальными правителями, храмами и знатью для гравировки текстов указов, дарственных записей на медных табличках [223, с. 108—109]. Чамары (дубильщики шкур, шорники, сапожники), занятие которых считалось одним из «грязных» в ритуальном отношении, занимали низшие ступени иерархии профессионально-ремесленных каст вместе с уборщиками мусора и нечистот и еще некоторыми неприкасаемыми.

Различным было и имущественное положение ремесленников. Среди них были весьма состоятельные люди: в источниках есть сведения о передаче ими в дар религиозным учреждениям денег и недвижимости; о строительстве на свои средства храмов (например, корпорацией шелкоткачей в Мандасоре был сооружен храм

солнца [100, с. 144]); совершая далекие паломничества, они по образцу богатых купцов и вельмож заказывали надписи на камне и медных табличках, чтобы увековечить этот акт благочестия [45, 1927—1928, с. 14].

Дома относительно богатых городских ремесленников, как и лавочников, были обычно двух- или трехэтажными. В верхних этажах жила семья, в нижнем размещалась мастерская-лавка; квартал ремесленников данной специальности представлял обычно улицу; дома, примыкая друг к другу торцами, нависали над улицей; расположенные по обеим сторонам узких улиц, они почти смыкались своими верхними этажами [248, с. 66].

Основная масса ремесленников не имела солидных накоплений. Слова средневекового арабского космографа Абу Талиба ад-Димашки (ас-Суфи) (1256—1327) о том, что «ремесло в руках — это гарантия от бедности и от богатства», характеризуют положение и индийских ремесленников. Ремесленники испытывали гнет купцов-оптовиков и ростовщиков, а в еще большей степени — феодалов. «Знатные люди, — писал Бернье, — оплачивают его (ремесленника. — К. А.) очень плохо и только когда им вздумается; подчас он бывает рад, если уйдет из их рук и его не попотчуют корра, этим ужасным большим кнутом, который всегда привязан на виду у дверей эмиров; он знает, для него нет никакой надежды чего-нибудь достичь в будущем, например купить должность или землю для себя и для своей семьи; из страха, что его сочтут богатым, он не смеет даже иметь вид человека, скопившего хотя бы какие-нибудь гроши, не смеет носить красивой одежды или вкусно есть и пить» [38, с. 203]. В источниках часты сведения о жалком положении ремесленников, жестокости «правителей, знати, дивана, котвала, бахши... и других королевских чиновников», притеснявших ремесленный люд. «Если кто-либо из них нуждается в работнике, человека не спрашивают, хочет ли он прийти; его хватают в его же доме или на улице, бьют, если он попытается отказать, а вечером платят половину той платы, которую должны были дать, или вовсе не платят» [65, с. 61]¹³.

Относительно лучше было положение работников государственных мастерских. «В этих странах уже давно бы исчезли красота и изящество ремесленных изделий, — пишет Бернье, — если бы государи и самые большие вельможи не держали мастеров, которые у них на жалованье, обучают своих детей и стараются стать ловкими, чтобы заслужить хоть некоторое уважение и избежать корра, и если бы не было крупных богатых купцов в городах, имеющих добрых и влиятельных покровителей и несколько лучше оплачиваемых рабочих, говорю — немного лучше, так как, какие бы прекрасные ткани мы ни видели в этих краях, не надо воображать, что ремесленник там в почете или может чего-нибудь добиться; он работает только по крайней необходимости или из-под палки; он никогда не становится богатым; хорошо, если у него есть на что жить и во что скромно одеться; если он зарабатывает деньги, то это не для себя, а для этих больших городских купцов, кото-

рые... сами с трудом существуют и не знают, как уберечь себя от оскорблений» [38, с. 204].

Однако при всем консерватизме кастовой системы положение в ней отдельных социальных и сословных групп, в частности ремесленников, не было абсолютно неподвижным. Во многих памятниках древности ремесленники (даже называемые порой «антьяджа») рассматривались как варновое население, хотя и относились к низшей категории варны шудр (адхама-санкара); к последним Панини (V—IV вв. до н. э.) причислял даже чандалов [223, с. 107; 98, с. 592].

Существенное ухудшение кастового статуса ремесленников произошло уже в период поздней древности и особенно в раннее средневековье. Развитие системы «общинных слуг», исходившей из подчиненного, зависимого положения ремесленников, обслуживавших общину, привело к тому, что их стали рассматривать как людей, имеющих статус несопоставимо ниже, чем статус землевладельцев-земледельцев, числившихся в массе шудрами. Именно с этим, мы полагаем, связана четко вырисовывавшаяся тенденция в памятниках письменности раннего средневековья вывести ремесленников за пределы системы варн и числить их неприкасаемыми. Впрочем, относительный упадок многих городов этой эпохи не давал оснований для концентрации внимания законодателей на статусе городских производителей.

Памятники письменности раннего средневековья («Медхатитхи», «Лакшмидхара» и др.) в отличие от многих древних текстов определяют антьяджа как категорию, стоящую вне системы варн, как неприкасаемых, к которым относятся ремесленники [223, с. 107 и сл.]. Эта же тенденция представлена у арабских географов и ученых IX—XI вв. — Идриси, Бируни и др. Неприкасаемые-антьяджа, по Бируни, это «представители профессий, не причисляемые ни к какой касте (точнее, варне.— К. А.), а объединяемые только по ремеслу». Среди антьяджа он различает две группы. Первая — отбеливатели, сапожники, фокусники, плетельщики корзин и щитов, корабельщики, рыбаки, охотники за зверями и птицами, ткачи. Вторая — еще более низкая группа, члены ее выполняли самые презренные работы вроде уборки мусора в деревнях; к ним Бируни относит хадья, домба, чандала, бадхатава¹⁴. Антьяджа не жили в городе. Они, писал ученый, не живут в пределах города, а «ютятся в жилищах только поблизости от него» [36а, с. 124—125].

Внутри каждой из названных групп антьяджа Бируни отмечал свою иерархию прав. Среди восьми профессий первой группы более низкое положение он отводит отбеливателям, сапожникам и ткачам, к профессии которых «все прочие не снисходят» и поэтому браков с ними не заключают. Среди второй группы антьяджа «хадья слынут самыми достойными, потому что они стоят выше всего нечистого; за ними следует каста домина, так как они играют на лютне и увеселяют. Члены сословий, стоящих ниже этих двух (т. е. чандала и домба. — К. А.), воспитываются для совершения

убийства и казней как рода занятий, и они берутся за это дело. Самая худшая каста — это бадхатавы, так как они не ограничиваются тем, что едят заведомую мертвечину, но идут и далее этого — едят собак и тому подобное» [36а, с. 125].

Примерно с XII в. намечается тенденция к повышению статуса ряда ремесленных каст. Важнейшей предпосылкой этого были разрыв определенных специальностей и групп ремесленников с сельской общиной, превращение их из «общинных слуг» в самостоятельных товаропроизводителей, развитие городского ремесла и самих городов как центров ручного производства. Начиная с X—XII вв. многие источники большинство ремесленных каст не считают неприкасаемыми. Это относится, в частности, к ткачам¹⁵ и ювелирам. Известны попытки ювелиров позднего средневековья идентифицировать себя не только с шудрами, но и с «дваждырожденными»¹⁶. Легенды о некогда высоком статусе ювелиров отражали, конечно, тенденцию к «подтягиванию» их низкого кастового статуса к реальному социально-экономическому, которым обладали многие представители этой кастовой группы в XVII в.

Поднять свою касту пытались и группы, экономическое положение которых было более скромным. Это, в частности, бенгальские тели; многие из них оставили свое традиционное занятие — маслоделие и занимались торговлей. При У. Хейстингсе, генерал-губернаторе Индии, высокопоставленный чиновник из этой касты предложил богатый дар храму Пури в надежде повысить статус своей касты. Однако местные жрецы отказались принять этот дар от члена касты, считавшейся нечистой. Тогда он обратился к пандитам Хугли и Навадвипа, и они вынесли решение о том, что бенгальские тели — торговая каста, получившая свое название не от «тел» — «масло», а от «тула» — «баланс», термин, часто используемый купцами. В результате тели Бенгалии стали считаться шудрянской кастой [185, с. 311].

В Гуджарате, Раджастхане, Пенджабе и других частях Северной Индии влиятельные торговые касты и подкасты, не довольствуясь положением вайшьев в кастовой системе индуизма, ища способа поднять свой статус, принимали джайнизм, некогда «кшатрийскую религию», не признававшую приоритета брахманов. Джайнизм со временем стал религией преимущественно городских торговцев. Преобладание среди торговцев Пенджаба и ряда других областей Северной и Западной Индии именно джайнов удостоверяется английскими переписями населения. Крупные купцы-оптовики, джайны, или шраваки, Гуджарата пользовались здесь большим почетом в конце XVII и в XVIII в. В течение длительного времени глава общины шравачаков имел титул нагарсетха Ахмадабада. Он и члены его общины делали щедрые пожертвования в пользу джайнских культовых учреждений, в частности «приюта для животных», как отмечалось авторами газетира этого города. Среди городского населения было много последователей вишнуизма, своеобразного сектантства в индуизме. Принятие ислама и джайнизма, вхождение в индуистские секты (которые не были пе-

дантичны в признании индуcской дхармы и в ряде случаев отвергали четырехварную структуру) было рассчитано на повышение статуса городских торговцев в социальной системе феодального города и общества.

Стремление к приведению в соответствие социально-классовых, экономических, правовых позиций с ритуальным статусом делало последний фокусом ценностной системы и главной целью политической активности заинтересованных групп. Средством для его повышения в этих условиях было восприятие атрибутов ритуальной чистоты — образа жизни, церемоний, одежды, украшений, пищи тех, кто этим рангом уже обладал [126, с. 34].

Рост городов и укрепление в них городских торгово-ремесленных элементов с XII в. привел, несомненно, к значительным изменениям в социальном статусе их отдельных категорий. Усиление удельного веса товарно-денежных отношений в феодальной экономике вносило существенные коррективы в социальную политику феодальных правителей. Еще Мухаммад-шах Туглак в середине XIV в., по словам хронистов, возвысил многих людей «низкого» происхождения, назначив их правителями областей и пожаловав икта и титулы. Источники называют «низкорожденного винокура», назначенного наместником Мальвы, садовника, ставшего вазиром нескольких областей, повара, сына музыканта, ткача и других, также получивших от султана высокие назначения и земельные владения. Хотя перечень средневековыми историками каст и профессий, к которым якобы принадлежали представители новой знати, не может быть признан точным¹⁷, однако он отражает стремление султана опереться в своей политике на определенные (несомненно, состоятельные) слои городского населения.

Еще ярче такого рода тенденции проявились во внутренней политике могольского падишаха Акбара. Известно, что многие представители торгово-ростовщического капитала при нем занимали видные государственные должности и получали разного рода привилегии¹⁸. Положение (видимо, лишь определенных слоев) торгово-ремесленного населения и политику падишаха по отношению к ним отражает, в частности, своеобразная иерархия общественных слоев, приводимая видным государственным деятелем, другом Акбара и вдохновителем его реформ Абул Фазлом. По его словам, благополучие государства обеспечивается деятельностью: 1) воинов, 2) ремесленников и торговцев, 3) богословов, 4) земледельцев и слуг. Такой порядок размещения сословно-кастовых групп далек от кастовой иерархии традиционного индуизма хотя бы потому, что отдает предпочтение городскому сословию перед сословием богословов (включая брахманов). В перечне Абул Фазла ремесленники и торговцы даются как одна общественная группа населения. Возможно, что для XVI в. это отражало еще существовавшую социальную общность основной массы торговцев и ремесленников.

Лишь дальнейшее социально-экономическое развитие городов и углубление товарно-денежных отношений, внося существенные

перемены в положение различных слоев городских торговцев и ремесленников (связанные главным образом с потерей последними статуса свободных товаропроизводителей и подчинением их торговому капиталу), привели к резкой социальной дифференциации среди торгово-ремесленного населения.

Не случайно в иерархии сословий и каст, данной в середине XVIII в. Али Мухаммад-ханом, торговцы и ростовщики, объединяемые им собирательным термином «банья», помещены непосредственно после брахманов и раджпутов и перед кайастхами; ниже банья помещалась земледельческая каста кунби, а затем только шли различные ремесленные касты (среди них названы ювелиры, кузнецы, ткачи, набойщики, маслоделы, плотники, портные, красильщики, кожевники). Отдельно от ремесленников — и это очень важно — называются неприкасаемые — «нечистые (халал-хур), которых называют дхерами» [17, с. 132].

Иерархия ремесленных каст, а внутри их — подкаст определялась конкретными условиями. Но и сами касты и подкасты и даже создававшиеся на их базе локальные городские или квартально-кастовые общины включали различные имущественные группы, что было предпосылкой появления элементов социальных противоречий между самими членами кастовых общин ремесленников.

В свете известных нам исторических материалов не представляется убедительной точка зрения И. Хабиба, полагающего, что цех и каста едва ли не полярны и, уж во всяком случае, существовали в различных исторических условиях: цеховая монополия в Европе происходила из недостаточного развития товарного хозяйства, рыночных отношений; в Индии же высокий уровень их делал ненужными и эту монополию, и сам цеховой строй, которые и в Европе исчезли, едва общество достигло уровня товарности, аналогичного индийскому [202, с. 70].

Нельзя забывать, что корпоративная структура (в цеховой ли, кастовой ли форме) немало способствовала развитию тех сил, которые со временем привели к разложению ее. «Под защитой режима цеховой регламентации, — писал К. Маркс, — накапливались капиталы, развивалась морская торговля, были основаны колонии». Однако, продолжает Маркс, «люди лишились бы плодов всего этого, если бы они захотели сохранить формы, под защитой которых созрели эти плоды... С приобретением новых производительных сил люди меняют способ производства, а вместе со способом производства они меняют все экономические отношения, которые были необходимыми отношениями лишь данного, определенного способа производства» [5, с. 403]. В Индии «плоды» корпоративного периода развития общества оказались в значительной мере утраченными в условиях европейской экспансии и колониального подчинения страны. Фактором, мешавшим развитию социальных противоречий внутри профессиональной касты-общины или проявлению их, были родственные узы с оттенком патриархальности, скреплявшие отношения между мастером и его учениками,

что не могло не смягчать противоречия и затушевывать социальную суть отношений мастер — ученик.

Городские низы. Низшую категорию городского населения составляли: многочисленная челядь, находившаяся на службе феодалов и их наемников, грузчики, водоносы, уборщики мусора, базарные фокусники, борцы, наемные работники государственных и частных мастерских, проститутки, нищие. Городские низы в источниках презрительно именуются «невежественными простолюдинами» (джихал авам ун-нас), «чернью» (аджамер) и т. д. К ним, впрочем, иногда относили и ремесленников, мелких торговцев-лавочников, певцов, танцоров¹⁹, врачей-лечителей.

Среди городских низов немалочисленную категорию представляли несвободные, т. е., по существу, рабы (арабо-перс. — «бенде», мн. ч. «бендеган», «бендха»; каниз, гулям, абейд; хинди — даса, даси, гола, чарак). Источники рабства были различны. Абул Фазл перечисляет семь категорий рабов (бенде): прежде всего это люди, которых можно покупать и продавать; ко второй категории он относил тех, кто выбирает для себя дорогу покорности и следования пирам (главам духовных орденов и религиозных сект); к третьей — детей представителей первой и второй категорий; остальные четыре категории — люди, ставшие рабами в результате совершенных ими преступлений — убийства, воровства и т. п. [14, т. 1, с. 190]²⁰. В рабство обращали и военнопленных. Большой приток их мог снизить цены на рабов, невысокие, видимо, и в обычное время.

Работоторговля была юридически институирована. В начале XIV в. султан Ала уд-дин Хилджи регламентировал цены на продаваемых на рынках Дели «лошадей, рабов, скот» [23, с. 312—314]. Документы раджастанских архивов конца XVIII в. (в частности, по Котаху) свидетельствуют не только о купле-продаже превращаемых в рабов детей, но даже о существовании особого налога в пользу властей, которым облагалась сделка (в размере четверти продажной цены) [248, с. 100]. О продаже детей впадшими в нищету родителями свидетельствуют и европейские путешественники.

Юридический статус раба — его зависимость — не определял его социального положения в средневековом обществе. Как мы показали в наших прежних работах, рабами числились представители служилой знати, «вассалы» правителей Делийского султана (XIII — середина XVI в.), как те, которые были куплены или взяты в плен, так и люди свободного состояния; сама вассальная служба этих «рабов двора» («бендеган-и даргах») называлась бендеги, т. е. тем же термином, что и зависимость от хозяина рабов, занимавших низы социальной иерархии [90, с. 121—124; 93, с. 166—167].

Рабы, как правило, не применялись в сфере городского производства в средние века. Данные об этом крайне немногочисленны. К ним следует отнести свидетельство историка Афифа об определении 12 тыс. из захваченных в плен людей во время одной воен-

ной кампании делийского султана Фируз-шаха (1351—1388) к «различным видам ремесла» в шахских мастерских в Дели [19, с. 269—270]. Судя по источникам, рабы в средневековых городах (как и в деревнях) использовались не в сфере производства, а главным образом в услужении во дворцах и домах богатых жителей города.

Свободный статус других категорий городских низов не обеспечивал им безбедной жизни. Беднота ютилась в жалких лачугах из тростника, глины, бамбука. В их жилищах почти не было мебели и утвари; последняя состояла обычно из посуды для хранения воды и варки обеда. В холодные ночи обитатели этих лачуг страдали от холода; чтобы согреться, обычно сжигали коровий помет в кострах возле домов; дым от огня стоял над улицами и ел глаза и горло, как писал Пельсарт [65, с. 61].

Преобладание предложения над спросом труда в городе определяло низкую плату, которую получали работавшие по найму люди. Их плата, по словам Пельсарта, не позволяла прокормить себя и свою семью [65, с. 63].

Скопление людей, не имевших профессии или не находивших ей применения, было нередко причиной «безработицы» («бикари») в городах. В большом числе ищущие работу, по словам Ибн-Батуты, толпились на городских базарах, у дворцов или ворот горожан в ожидании, не удастся ли наняться к кому-нибудь [51, т. 3, с. 86].

Городские низы были всегда взрывоопасны. Это заставляло правителей, даже отнюдь не сердобольных, проявлять заботу о том, чтобы «прокормить голодных» и «одеть нагих». Султан Гуджарата Махмуд II, по словам хрониста, был праведным мусульманином и «большим другом бедняков», для которых строил дома; по его приказу в городе жгли костры «у входа в каждый переулочек и базар в течение всей ночи, так что нуждающиеся люди могли спать вокруг них» [16, т. 1, с. 84]. Конечно, такие меры не были ни решением проблемы бедности, ни гарантией от «буйства черни», поддерживавшей нередко выступления и феодалов против центральной власти, и «людей базара». Однако активность городских низов ограничивали их собственная забитость, подавленность, определяемая жестокими законами касты в отношении неприкасаемых.

Определенным изменениям мог подвергнуться ритуальный статус и самых отверженных среди неприкасаемых. Так, уборщики мусора — чухра повышали свое место в кастовой иерархии, занимаясь кожевенным делом, традиционным занятием чамаров. Последние тоже могли поднять свой кастовый статус, перейдя к ткачеству [213, с. 604].

Перемены в социально-экономическом положении людей частично сопровождались изменением их кастового статуса. Переход к занятию, считавшемуся традиционным для более высокой касты, мог привести через несколько поколений к повышению кастового статуса тех групп, которые отказывались от своего более низкого

традиционного занятия и связанных с ним бытовых условий. И среди мусульман менявшийся социально-экономический статус мог привести к изменению кастового положения.

Наиболее ранние обследования и переписи населения, проводившиеся английскими властями в Индии в 50-х — начале 80-х годов XIX в., зафиксировали несоответствие между предписанным традицией занятием касты и реальным занятием ее представителей.

Однако это явление не было новым в XIX в. Оно отмечается во все возрастающих масштабах на протяжении всего средневековья, сопровождает процесс эволюции феодального общества и его элемента — средневекового города.

Квартально-кастовая община соседства

Корпоративность социальных групп и их компонентов как важнейшая особенность средневековых обществ находила воплощение в Индии в кастовости. Каста как ячейка социальной организации в деревне и в городе подчеркивала типологическую адекватность этих социально-экономических организмов феодального общества при всех их особенностях и различиях. Воплощением принципа корпоративности в индийском средневековом городе была кастовая община соседства. Она может быть реконструирована, хотя и неполно, на материале средневековых источников, источников нового времени и, наконец, на основе пережиточных институтов в современном доиндустриальном (хотя и модернизированном) городе.

Важнейшим условием существования и функционирования в городе кастовой общины соседства, вернее, многочисленных кастовых общин (или групп) была территориальная общность. Территории каст в городах представляли городские кварталы, что приводило обычно к совпадению кастовых и квартальных общин. Кварталы, на которые делились города, в средневековых источниках именовались пура (пур) и махалл (махалла). Термин «пура» (санскр.) мог определять и сам город, и поселение городского типа (не случайно элемент «пур — пура» является частью топонимов многих индийских городов), и городское предместье. В могольский период вместе с распространением в Индии арабо-персидской терминологии (в силу того что фарси был языком административно-налогового делопроизводства и документации, равно как и языком историографии) более универсальным был термин «махалл» («махалла»). В одном из своих значений он определял административно-фискальную единицу, включавшую различное число деревень вместе с небольшим городом — касабом как центром данного земельного округа; в этом значении махалл был синонимом «паргана» (именно в этом смысле термин использовался в налоговой статистике XVI—XVII вв., в частности в «Аин-и Акбари» Абул Фазла, во многих официальных документах этого периода и в нарративных источниках) и более позднего английского термина «дист-

рикт». Кроме того, в средневековых источниках махалл — территория феодальных владений, отнюдь не обязательно соответствующая махаллу как административно-фискальному делению. В источниках мы встречаем махалл-и джагир, махалл-и фоудждари, махалл-и ватандари, махалл-и заминдари [91, с. 132—134 и сл.].

В самом городе (по крайней мере это зафиксировано в указе падишаха Акбара 1583—1584 гг.) известны были махаллы различного типа. Один из них — административное деление, создававшееся в целях упорядочения управления городом феодальными властями, другой — стихийно возникавшая в процессе заселения города территориальная общность, имевшая в основе клановую, производственную, профессиональную, религиозную или иную общность. В обоих этих значениях термин «махалл» встречается в упомянутом выше документе, который предписывал «градоначальнику (котвалу) вместе с другими чиновниками (ахл-и калам) описать дома и строения в каждом городе (шахр), городке (касаба) и деревне и внести в реестры жителей каждого дома во всех махаллах с указанием рода их занятия, сколько там земледельцев и сколько всевозможных ремесленников, сколько воинов, сколько дервишей» [16, т. 1, с. 168—169].

Из приведенного отрывка видно, что речь идет о тех кварталах-махаллах, которые уже существовали в городе или в деревне. Однако далее указ предписывал местным властям *создать* особые, отличные от упомянутых, кварталы-махаллы и назначить в каждый из них начальника квартала (мир-и махалл), который следил бы за порядком на вверенной ему территории, оберегал бы ее от воров; в обязанности его входило следить за теми, кто покидает место жительства и кто прибывает, на какой срок и с какой целью и т. д. В такой махалл должны были назначаться еще два осведомителя (хабардары), записывающие в особые книги (дафтар) те или иные изменения на территории квартала.

Очевидно, что границы этих кварталов в городах если и учитывали границы кварталыно-кастовых общин соседства, то не совпадали с ними абсолютно: квартал как административная единица в городе, находящаяся в ведении государственного чиновника мир-и махалла, мог охватывать территорию нескольких кастовых общин и как бы надстраиваться над ними. Существование в городах такого рода административных делений зависело от степени эффективности феодальной системы управления в целом, от способности государственной власти осуществлять в те или иные периоды контроль на местах. Поэтому такие административные кварталы могли создаваться и исчезать по мере усиления или ослабления феодального государства.

В противоположность им махаллы как территории кастовых общин были весьма стабильными образованиями. По размеру территории и численности населения эти махаллы сильно различались между собой. В частности, число жителей в них колебалось от нескольких сот до нескольких десятков тысяч. В 70-х годах XIX в. чиновник гражданской службы Бомбея Ф. П. Лели, автор ряда раз-

делов в IV томе Бомбейского газетира, посвященного Ахмадабаду, писал, что в некоторых пура (pol у Лели, переводится им как «ворота») было от 5—10 до 50—60 домов; самым крупным был Мандви-пол (т. е. квартал базара), который в его время включал несколько менее крупных «полов»; площадь его составляла 50 тыс. акров, а население — 10 тыс. Многие пура, или махаллы, представляли собой улицу, имевшую один или два входа, снабженных воротами. Последние часто устанавливались на средства видного обитателя квартала, имя которого иногда присваивалось махаллу [49, с. 294—295]. Они охранялись стражником, который не оплачивался жителями квартала, а перебивался подачками от входивших и выходивших обитателей или посетителей пура.

При ввозе или вывозе из кварталов товаров положено было платить пошлину, которая шла по идее в общественный фонд жителей квартала. Государство, в свою очередь, могло иметь долю в сборах у ворот городских пура. Во всяком случае, в перечне казенных сборов в Ахмадабаде до включения Гуджарата в состав Могольской империи (1573 г.) упоминается этот сбор [16, т. 1, с. 17—18].

Ворота кварталов закрывались на ночь от воров; защитная роль пура Ахмадабада стала особенно велика в последние десятилетия XVIII — первой половине XIX в., когда стены города пришли в упадок [49, с. 295]. Ворота многих пура были укреплены в 30—50-е годы XVIII в.²¹ в связи с усилением внутренних усобиц и беспорядков в Гуджарате. Это обстоятельство привело Лели к ошибочному представлению о появлении «356 полов» именно в этот период. История же ахмадабадских пура как городских кварталов восходит к XV в.

Часть махаллов в городах представляла комплекс городских или пригородных усадеб знати. В конце XIII в. во времена правления делийского султана Гийас уд-дина Балбана, как передает Феришта, пришли 15 «несчастливых правителей», изгнанных монголами из Туркестана, Мавераннахра, Хорасана, Ирака, Азербайджана, Фарса, Турции (Рума), Сирии, и получили пристанище при дворе султана; благодаря им в Дели и его пригородах возникло 15 новых кварталов-махалла — Кашгари, Самарканди, Хорезм-шахи, Гури, Руми, Санджари, Абаси и др. В 1292 г. в Гийаспуре (где находится могила шейха ордена чиштие Низам уд-дина Аулийа) поселились вместе с 4 тыс. соплеменников, женами и детьми нанявшиеся на службу к султану Джалал уд-дину монгольские военачальники из разбитого им войска; Гийаспур с этого времени стал называться Могулпур [28, т. 1, с. 94].

Кварталы знати находились обычно в пределах городских крепостных стен или в непосредственной близости от них, в той части города, которая тяготела к дворцово-крепостному ансамблю. Как передает Али Мухаммад-хан, г. Ахмадабад, основанный Ахмад-шахом в начале XV в., спустя два года был обнесен крепостной стеной из кирпичей, скрепленных известью, с башнями и бойницами; стена в окружности была 2 куруха (5—6 км) и имела 12 ворот. В то время, сообщает историк, население города было незначительным и

эмиры со своими домохозяевами заселяли территорию в пределах стен. Со временем, однако, город разросся и люди начали селиться за пределами городских стен. Вокруг первоначального города Ахмадабада возникли новые пура; часть их была основана эмирами, поселявшимися за стенами, но близко к ним, и носила имена своих основателей [17, с. 11—15].

Также и в Бхопале, столице второго (после Хайдарабада) по важности мусульманского княжества Центральной Индии, где благодаря длительному сохранению традиционного уклада жизни и сегодня хорошо просматриваются черты социальной организации города в предшествующие периоды, центральная часть Шах-и хас, в XVIII в. окруженная первым, самым ранним рядом стен, была заселена патанами, кайастхами и джайнами, т. е. представителями феодальной верхушки города и крупными торговцами и ростовщиками [222, с. 3—5].

Естественно, что кварталы знати, как и богатых купцов, были вполне благоустроенными, нередко окружены садами. Али Мухаммад-хан так описывает пура, где жили купцы: «Здесь стояли высокие, красивые дворцы из камня, построенные купцами и шрофами, которые богаты и, пользуясь уважением и влиянием во всей Индии, ведут дела на много лахов рупий» [16, т. 2, с. 453].

Огромное большинство махаллов в городах, тем более крупных, представляли кварталы ремесленников и городских низов — людей, работавших по найму, перебивавшихся случайными заработками, деклассированных элементов. Они находились обычно за пределами дворцово-крепостного ансамбля; в Ахмадабаде за чертой сооруженных Ахмад-шахом городских стен на весьма почтительном расстоянии от них располагался один из самых крупных и богатых торгово-ремесленных кварталов — Усманпур [16, т. 1, с. 147]. Никакого определенного порядка в расположении этих кварталов по отношению друг к другу, видимо, не было. Так, во многих раджастханских городах, в частности в Удайпуре, попеременно шли кварталы чамаров, резчиков по дереву, маслоделов, виноделов, рисовальщиков, мастеров по лаку. Ближе к центральной улице, ведущей ко дворцу и ставке градоначальника, находились лавки кондитеров, изготовителей медной утвари и ювелиров [248, с. 58]. Расположение кварталов гончаров на окраинах города определялось самими условиями производства — местонахождением источника воды (река, озеро), столь необходимой в гончарном деле, равно как и запасов глины.

Конечно, удаленность от города кварталов многих ремесленных и других низких каст и неприкасаемых определялась отнюдь не всегда экономическими соображениями. В этом находила отражение унаследованная от деревни система социальных и сословно-кастовых градаций. Города же средневековья, в особенности те, которые вырастали из деревень, повторяли или сохраняли структурные черты последних. Печать этого хранят даже некоторые современные доиндустриальные города: как было показано американским социологом Хэллхерстом, проводившим в 50-е годы XX в. полевые обследования в г. Рамнагархе (Пенджаб), традиционно низ-

кие группы — уборщики мусора, чамары и другие живут в специальном поселении — басти (колонии) на окраине старого города (Пуранапура) [208, с. 23]; это характерно и для многих других городов.

Квартальные общины могли быть и многокастовыми. Но в этом случае они, как правило, включали хотя и различные, но все же близкие по социальному статусу и роду занятий профессиональные группы. Постепенно, однако, кастовый состав кварталов разнообразился. Так, в XIX в. в Ахмадабаде наряду с кастовыми кварталами был квартал-пура (пол), который населяли брахманы, купцы-банья и кунби [49, с. 294—295]. Многокастовыми в Ахмадабаде были кварталы Усманпур (где, согласно данным «Мират-и Ахмади», было 12 тыс. лавок, принадлежавших купцам и различным ремесленникам), Харипур (здесь жило много ткачей и других ремесленников) и Раджипур (население которого составляли ремесленники и купцы, среди которых было много бохра — крупных торговцев, занимавшихся сухопутной и морской торговлей) [17, с. 12—14]. Наконец, известна ахмадабадская пура Панчал, которая получила свое наименование от названия пяти ремесленных каст, составлявших ее население, — ткачей, цирюльников, сапожников, плотников, прачек [17, с. 8—9]. В квартале Бихара, который появился в Ахмадабаде в 1729 г., также проживало несколько каст; во всяком случае, члены касты гола, занятые обмолотом риса, гончары-кумбхары и кунби совместно несли расходы по расположенному здесь помещению для собраний жителей квартала [49, с. 296].

Не исключено, что некоторые многокастовые кварталы в городе представляли те части его, которые возникали в процессе поглощения разраставшимся городом его земледельческой округи, деревень с их гетерогенным населением, и были, таким образом, исходно многокастовыми. Как передает Али Мухаммад-хан Бахадур, основатель Ахмадабада Ахмад-шах включил «в пределы города и его кварталов ряд близлежащих деревень» [17, с. 189]. Двадцать поселений аграрного типа, как-то: Исапур, Инайятпур, Шейхпур и др., которые во второй половине XVI в. были деревнями, не входившими в город, позднее стали кварталами Ахмадабада. Этим Али Мухаммад-хан объясняет расхождения в данных о числе кварталов города: 360 пура до начала XVII в. и 380 пура — позднее [17, с. 11].

И все же большинство городских кварталов были, видимо, однокастовыми поселениями. В источниках встречаем упоминания о кварталах: Лохарпура (квартал оружейников и кузнецов-лохаров), Махалл-и дхобине (квартал прачек), Кумхарпура и Чамарпура (кварталы гончаров и кожевников) — они имелись в г. Бхопале (Мадхья-Прадеш), столице одного из известных мусульманских княжеств XVII—XVIII вв. Здесь же в особых кварталах жили ткачи, мясники, молочники, неприкасаемые [222, с. 3—5]. Многие литературные памятники сохранили рассказы о кварталах городских проституток²². В Удайпуре и ряде городов Раджастхана представители трех высших варн — брахманы, кшатрии, вайшья жили в разных частях города [248, с. 58].

Население однокастового квартала (скорее всего, небольшого)

представляло нередко подкасту — экзогамную группу более или менее близких родичей; члены ее называли друг друга братьями, девушки и вдовы считались дочерьми общины и пользовались всеобщей защитой.

В городе, как и в деревне, кастовая община соседства представляла культурно-нормативную систему: она предписывала своим членам тип украшений, поведение в быту, обычаи, ритуалы, празднества. Каждая каста имела свои внешние признаки и символику. В махалла, или пура, имелись специальные места или помещения (вади) для собраний кастовой общины; здесь находился обычно также и храм божества — покровителя данной общины²³. В Ахмадабаде в XIX в. было 64 вади индуcских каст (в более мелких городах — Шахাপуре, Дарьяпуре, Кхадийа, Джамалпуре — от 13 до 23). Из них 48 могли вместить не более 500 человек, восемь — от 500 до 1 тыс., два — от 1 тыс. до 1500, три — 2 тыс., одно — 3 тыс., два — 10 тыс. человек [49, с. 111, 295]. Один из двух самых просторных вади принадлежал мусульманской касте-секте Бахар Али в г. Мизапуре (округ Шахпур, Гуджарат); здесь стоял «священный трон» главы секты, перед ним собирались последователи Бахар Али и молились. 20 фунтов зерна в каждый понедельник раздавалось беднякам [49, с. 296].

Каждый домовладелец в городе по случаю свадьбы или иного крупного семейного события должен был устраивать праздник для жителей всего пола (даже если они принадлежали к разным кастам); жители пола должны были принимать участие и в похоронных церемониях в случае смерти одного из обитателей. За нарушение правил квартально-кастовой общины соседства виновный подвергался штрафу. В прежние времена, как отмечал составитель газетира Ахмадабада в 70-е годы XIX в., виновному в нарушении правил не разрешалось зажигать в доме свет и устраивать праздники.

Квартально-кастовая община в городе была также и своеобразным коллективом городских землевладельцев. Право собственности на землю, согласно обычному праву, признавалось за каждым домохозяином — жителем квартала вне зависимости от его кастового статуса в отличие от деревни, где владельческое право было обусловлено принадлежностью к той или иной доминирующей в данной местности землевладельческой касте [49, с. 121—122]. Средневековые источники сообщают о праве собственности в городе на землю под домами у представителей низких каст, даже неприкасаемых. В этой связи представляет интерес рассказ Калханы о намерении кашмирского царя построить храм в Сринагаре на облюбованном им участке, где стояла хижина некоего чамара. Чамар первоначально отказался удовлетворить требования чиновников и уступить им свой дом. Узнав об этом, царь приказал строить храм в другом месте, заметив: «Кто же захочет захватом *земли* (курсив мой. — К. А.) запятнать богоугодное дело». Однако чамар явился ко двору и заявил, что, если государь лично войдет в дом и потребует это, тогда он согласится. Царь отправился к чамару «и купил хижину за золото» [52, с. 121—122]. О том же свидетельствует гуджаратское

предание, как некая куртизанка, имевшая дом на западной окраине Дхолки, в месте, облюбованном местной рани для постройки водоема, отказалась от продажи дома, заметив, что этим прославит свое имя больше, чем княгиня сооружением водоема [44, с. 83].

В источниках встречаются упоминания о городских маликах, продающих свои дома (соответственно — землю) [32, т. 2, с. 675—676], о специальных налогах (бечан), взимаемых чиновниками фиска с продажи земли, что свидетельствует о неединичном характере операций по купле-продаже земли в городах. Однако эти операции были здесь ограничены (как и в землевладельческих общинах деревни) правом преимущественной покупки дома (земли) соседями, членами кастовой группы. Лели отмечал в газетире Ахмадабада, что ни один человек в «поле» не мог продать своего дома или заложить его кому-либо из чужаков, не предложив его сначала жителям данного квартала, поскольку собственность на дом в «поле» была в определенной мере общей. Правда, в XIX в. (в период составления газетира) это правило не соблюдалось, но в случаях отчуждения или заклада жители «пола» всегда заботились о том, чтобы продать дом представителям своего же «класса» и «никогда — людям низкой касты». В случае заклада или продажи дома жители «пола» имели право на получение от $\frac{1}{2}$ до 2% полученной закладчиком или продавцом суммы.

Хотя право преимущественной покупки было аналогично правовым нормам, существовавшим в деревне, отсутствие в городе доминировавшей землевладельческой касты вносило существенные изменения в правовые отношения земельной собственности. Вместо отношений поземельной и личной зависимости, которые возникали в деревне на базе права собственности высококастовых общинных коллективов, в городе на отношения между различными кастовыми и социальными группами права на землю не влияли. Каждая из городских кастовых общин в вопросах землевладения была вполне самостоятельной по отношению к другой, владела землей и распоряжалась ею (вплоть до продажи). Существовавшая здесь социальная иерархия каст имела иную почву. Не последнюю роль в определении социального положения данной кастовой группы в городе играло наличие денежных средств у ее членов.

Огромное большинство квартально-кастовых общин соседства в городе, как отмечалось, представляли своеобразные корпоративные объединения живущих в данном месте профессиональных групп, прежде всего ремесленников и купцов. Такие кастовые общины могли иметь общественные фонды, которые создавались взносами всех членов группы [49, с. 71]. Размер фонда зависел главным образом от состоятельности членов данной кастовой группы. В XIX в. в Ахмадабаде многие небогатые ремесленные касты вообще не имели таких фондов. Из-за отсутствия таких фондов, штрафы, выплачивавшиеся нарушителями правил ремесленной кастовой общины, шли лишь на организацию обеда для членов касты, если же размер штрафа был слишком мал, то в фонд обеда, который устраивался, едва набиралась необходимая для этого сумма.

Более значительными были общественные фонды купеческих кастовых общин. Они имели своим источником штрафы, которые платили члены группы, не соблюдавшие установленных общиной выходных и праздничных дней, сборы с получавших наследство членов, посмертные дарения в пользу общины, небольшие налоги, взимаемые за провоз через ворота пура некоторых товаров. Общественные фонды купеческих общин шли на благотворительные расходы в пользу нуждающихся членов, на культовые сооружения (в Ви-рамгаме джайнские купцы Гуджарата несли расходы по содержанию паджрапола, или «дома животных», имевшего сакральное значение), на сооружение колодцев и других источников питьевой воды, мест отдыха на дорогах для путешествующих (своеобразные постоянные дворы), на учреждение общественных кухонь [49, с. 112]. Распоряжались общественными фондами главы общин.

Почти всеми делами кастовых общин ведали специальные советы. «Подобно тому как в каждой деревне среди земледельцев имеется совет, возглавляемый старейшинами и регулирующий общинные дела,— писал Лели,— в городе не только среди купцов, но и среди кузнецов, плотников, железоделателей, каменщиков, красильщиков, горшечников, маслоделов и других ремесленников имелись гильдии, предписывавшие правила торговли и ремесла и решавшие споры». Эти «гильдии» Лели называл махаджанами, если они имели отношение к «более высоким» торговым кастам, и панчаятами — к относительно «низким» ремесленным кастам [49, с. 106].

В больших городах бывало по несколько махаджанов. Наибольшим влиянием пользовался махаджан торговцев тканями. Главы его (они же возглавляли кастовую общину соседства) в течение длительного времени были нагарсетхами Ахмадабада. В маленьких городах саукары, т. е. банкиры и богатые купцы, будучи здесь относительно немногочисленными, обычно объединялись для тех или иных целей в одну гильдию, известную как городской махаджан, пользовавшийся здесь большим авторитетом [49, с. 112]. Формально махаджаны и панчаяты представляли интересы всех членов данной касты своей общины. Однако особое положение в них занимали старшины. Каждая гильдия имела обычно двух наследственных старшин-сетхов («сетх» — санскр., букв. «лучший человек»); так могли именовать любого уважаемого купца. Старшины бедных и невлиятельных кастовых общин назывались не сетхами, а пателями [49, с. 107—108, примеч. 1]. Принцип наследственности глав общин соблюдался столь неукоснительно, что даже в тех случаях, когда наследовавший должность был недостойн занимать ее (дурной характер, неспособность и пр.), он сохранял титул сетха или пателя, власть же и функции его брал на себя другой член той же семьи.

Единственным оплачиваемым должностным лицом в общине был гомашта (clerk), который созывал собрания гильдии, собирал денежные налоги, вел документацию (счета), докладывал сетху обо всех обстоятельствах в общине, нарушениях каким-либо членом ее установленных праздничных дней, вообще следил за выполнением всех предписаний общины [49, с. 108].

Поскольку кастовые общины соседства ремесленников и купцов были своеобразными профессиональными коллективами, деятельность махаджанов и панчаятов была направлена на защиту их профессиональных интересов. Таковым было, в частности, обеспечение преемственности навыков данной производственной (ремесленной) или торговой касты благодаря строгому соблюдению принципа наследственности профессии. Мальчик из той или иной ремесленной (или торговой) касты обучался обычно отцом или кем-нибудь из родичей. Если таковых не было, он поступал за небольшое вознаграждение в качестве гомашта к какому-нибудь ремесленнику (в своей же касте). Существовал обычай, согласно которому мальчик, обучавшийся ремеслу не отцом, с самого начала обучения получал маленькое жалованье в соответствии со своими успехами. В день Нового года он преподносил мастеру в качестве символического дара лист бетеля со специями или кокосовый орех и получал от него чашу со сладостями. В тех случаях, когда отец мальчика давал обед, мастер занимал почетное место на возвышении и пользовался разного рода почестями; он, в свою очередь, дарил мальчику тюрбан или небольшую сумму денег. Овладев ремеслом и дав торжественный обед членам общины, ученик становился полноправным ее членом. Если ученик был беден, в устройстве обеда кастовый панчаят оказывал ему содействие [49, с. 109].

Узколокальная ориентированность, «закрытость» каждой профессиональной квартально-кастовой общины города имела целью оградить ее членов от конкуренции. Даже оставивший под давлением обстоятельств данное занятие член касты мог вернуться к нему только на определенных условиях, а именно выплатив задолженность по обязательным ежегодным взносам. Это, однако, не исключало пополнения общины за счет чужаков. В XIX в., во всяком случае, включение последних в общину не было чем-то экстраординарным. Известно, что в Ахмадабаде 29 гильдий взымали с чужаков вступительный взнос. В общине изготовителей бумаги он равнялся 20 рупиям, у медников — 500 рупиям. В более мелких городах вопрос о приеме часто решался механически благодаря принадлежности к данной касте, и, если проситель удовлетворял предъявленным ему другими членами касты требованиям, он получал все «общинные привилегии» [49, с. 108, 110].

Городские кастовые общины-корпорации ремесленников, соотносясь с рыночной ситуацией (далеко не всегда благоприятной в условиях относительной ограниченности спроса), регулировали объем производства; панчаяты фиксировали обязательные выходные и праздничные дни для своих членов, вынуждая их не работать в эти дни, устанавливали часы работы, строго запрещали сверхурочную работу. Источники приводят примеры регламентации объема производимого каждым членом данной общины товара. Так, продукция ахмадабадских ткачей, предназначенная для экспорта, выпускалась за пределы города только специальным органом («12 каридна») панчаята ткачей; количество ткани, которую мог выставить для продажи каждый ткач, строго фиксировалось, и упомянутым

агентам было запрещено брать у производителей больше. Объем продукции городских изготовителей изразцов определялся старшиной их общины, равно как и цены на эти изделия и размер жалования подсобным работникам. В целях регламентации объема производства товаров кастовые панчаяты могли запрещать введение в процесс производства каких-либо усовершенствований [49, с. 109—110].

Кастовая ремесленная группа в городе тщательно оберегала свои секреты производства. Как передает Али Мухаммад-хан, в Ахмадабаде, в квартале городского монетного двора, проживала каста шримал, занятием которой было изготовление золотых нитей (использовавшихся для знаменитых парчовых тканей). Они работали в мастерской города, «не сотрудничая ни с кем», и не выдавали никому свои профессиональные секреты. Узнав об этом, пишет историк, падишах Аурангзеб издал указ, в котором говорилось, что запрет на профессию противен религии, поэтому такие действия должны быть прекращены [16, т. 1, с. 293].

Нарушение правил профессиональной кастовой общины обычно наказывалось штрафом. В Ахмадабаде, например, каменщик, виновный в нарушении запрета на сверхурочную работу, должен был заплатить 51 рупию. Отказ от уплаты штрафа мог привести к изгнанию из общины, что было суровым наказанием, поскольку членство в ней давало ремесленникам часто большие преимущества (защита от конкуренции и пр.) [49, с. 110]. Изгнанному из корпоративной кастовой общины было очень трудно обосноваться на новом месте. Если «изгнанник» был самостоятельным ремесленником-хозяином, никто из квалифицированных работников не стал бы у него служить; если это был работник (не имеющий своей мастерской), он не получал работы и инструментов; в лучшем случае он мог рассчитывать на более низкое жалование, чем другие работники мастерской. Если из касты изгонялся торговец, занимавшийся ввозом и вывозом товаров, то, лишенный поддержки членов своей корпорации, он вынужден был оставить свое дело [49, с. 111]. Никто, согласно «Мират-и Ахмади», не мог вести торговлю на базарах, не имея на это санкции глав местных торговых каст.

Хотя кастовые общины-корпорации в городе были весьма замкнутыми образованиями, их совместные действия не были, очевидно, чем-то невозможным или исключительным. Между подобными общинами могли заключаться соглашения о совместных действиях в поддержку одной из них или в защиту ее интересов от посягательств чужаков. В этом отношении весьма интересный материал сообщает газетир Ахмадабада. Поселившиеся в городе каменщики выполняли работы за 8 анна в день, в то время как местные каменщики нанимались за 10 анна. Местная гильдия каменщиков, установив сношения с гильдией горшечников, заставила последнюю издать специальные приказы, запрещающие производителям кирпича продавать свои изделия кому бы то ни было, кроме агентов-далалов гильдии местных каменщиков [49, с. 109].

Важной функцией кастовых торговых и ремесленных общин в

городе было определение рыночных цен, хотя политика цен, осуществлявшаяся ими, зависела и от общей рыночной ситуации, от повышения или понижения цен на другие товары, а также от той реакции, которую вызывала эта политика цен у других кастовых общин — потребителей ее изделий. В этом отношении интерес представляет попытка гончаров городка Дхандука (Гуджарат) повысить цены на свои изделия с целью компенсировать расходы на продовольствие и прочие товары, стоимость которых возросла. Акция гончаров вызвала острое недовольство потребителей. Махаджан купцов и банкиров, имевших широкие связи с влиятельными людьми, принял ряд мер, дабы воспрепятствовать этому: в отдаленные деревни были посланы люди для покупки из общественных фондов гильдии и доставки в Дхандука глиняных горшков; было санкционировано употребление во время брачных церемоний металлической утвари; всем жителям города было строгойше запрещено покупать изделия местных гончаров. Последние все еще не сдавались и не шли на снижение цен. Спустя несколько месяцев наступило время ежегодного аукциона по продаже залежей глины. Агент гильдии саукаров был послан туда с предписанием во что бы то ни стало сккупить эти земли, чтобы лишить горшечников сырья. Эта мера оказалась той каплей, которая переполнила чашу. Горшечники пошли на уступки и снизили цены на изделия своего труда. Подобные же меры в том же городке Дхандука принимались против организованного повышения цен на свой труд плотниками и цирюльниками, однако в силу особых обстоятельств эти меры не увенчались успехом. Когда муниципалитет Ахмадабада установил новый сбор с ввозимых в город товаров (1 пайса с каждого ослиного вьюка), изготовители кирпичей обязали членов своей кастовой группы продавать изделия только на месте их производства, тем самым стоимость провоза и новый муниципальный сбор оказались переложеными на покупателей [49, с. 109]. Хотя приведенные примеры взяты из середины XIX в., однако они свидетельствуют о явлениях отнюдь не новых для этого времени.

Как видим, сила корпоративной солидарности ремесленных и торговых общин города в интересах самозащиты могла использоваться для борьбы с подобными же корпоративными организациями. Но все же защитная функция касты и кастовых общин была направлена прежде всего против государственно-феодальной администрации и ее представителей.

Только благодаря тому что и ремесленник, и купец средневековья отнюдь не были индивидуалистами, они были, в сущности, общинниками, как и все их современники, принадлежность к общине-корпорации давала им возможность выжить, делала способными к организованному сопротивлению, которое нередко достигало цели. Известен, например, эпизод из истории Гуджарата середины XVII в., когда правитель Бароды потребовал от ткачей снизить цены на изготавливаемые ими ткани. Получив отказ, он приказал арестовать непокорных, но тогда все ткачи организованно покинули Бароду и ушли в Ахмадабад. Правитель вынужден был смириться и во избе-

жание еще больших убытков городу и казне просил ткачей вернуть; более он не возобновлял таких попыток [236, с. 48].

Известно, что ремесленная кастовая община в принципе защищала интересы каждого отдельного своего члена в его споре с клиентом. В Гуджарате, например, ни один ремесленник в городе не брался закончить работу, которую оставил его «коллега» из-за конфликта с заказчиком (если гильдия находила, что требования ремесленника — ее члена были разумными) [49, с. 110].

Защитные функции выполняли и торговые касты. Так, торговцы г. Сурата в 1664 г. подали Аурангзебу жалобу на вымогательства и произвол чиновников, взимавших незаконные поборы; купцы просили принять меры, угрожая оставить Сурат. Аурангzeb вынужден был сместить старых и назначить новых, «честных» чиновников [223, с. 263]. Весьма красноречива запись на стеле в округе Мевар (Раджастхан). В местечке Расми (в прошлом — городе) сохранилась стела, установленная кастовыми панчаятами города в ознаменование своей победы над чиновниками, занимавшимися вымогательством, и в целях предупреждения незаконных поборов в дальнейшем. В стеле говорилось: «Написано купцами, банкирами, жрецами и собравшимися панчаятами Расми... Поскольку сборщик городских налогов проявил к купцу по имени Пакар акт несправедливости, взыскав с него чрезмерно [высокие] сборы на [продаваемое] зерно и реза [неотбеленная ткань], мы покинули это место; однако государственные чиновники поклялись не поступать так в будущем и уговорили нас вернуться; и мы, панч, собравшись и взяв в свидетели бога, установили этот камень» [74, т. 2, с. 1729].

Нельзя сбрасывать со счетов, что сама оппозиция феодальным порядкам торгово-ремесленных слоев выливалась нередко в сектантские, по существу, общинные движения, и общинно-кастовая солидарность немало способствовала их организационному оформлению, хотя их руководители выступали иногда с «антикастовых» позиций. Суть последних заключалась в том, что анафеме предавалась не столько каста как таковая или «общинность» в любой ее форме, а та конкретная кастовая иерархия, в которой городские торговцы и ремесленники представляли ее более низкие (если не самые низкие) по сравнению с военно-бюрократической и жреческо-богословской элитой звенья.

Нельзя забывать и того, что эта борьба, не только не ставившая целью ликвидацию всякой «общинности» (кастовых групп, в частности), но объективно исходившая из принципа ее и черпавшая в ней свой заряд устойчивости, вынуждала феодалов лавировать, идти на уступки, смягчать бремя налоговой эксплуатации.

Приведенный материал о защитных функциях кастово-общинных групп торговцев и ремесленников, который мог бы быть значительно дополнен имеющимися в нашем распоряжении и приводившимися другими исследователями фактами, не позволяет согласиться с положением В. И. Павлова о том, что «организации купцов и ремесленников (на Востоке, в частности в Индии.— К. А.)... выполняли лишь одну из функций западноевропейских гильдий и цехов:

они регламентировали торговлю и ремесло и не допускали чужаков в сферу своей деятельности. Однако другая не менее важная функция западноевропейских гильдий и цехов — защита своих членов от произвола феодалов была на Востоке малоизвестна» [106, с. 56]. Трудно не согласиться с Л. Б. Алаевым в том, что «сравнение предполагает одинаковое знакомство с двумя сравниваемыми явлениями, а о развитии торгово-ремесленных организаций в странах Востока мы знаем неизмеримо меньше, чем о европейских цехах». На историческом материале Южной Индии историк пришел, как нам представляется, к правильному заключению, что отрицание у общинных организаций торговцев и ремесленников функций защиты своих членов опровергается реальной обстановкой в Южной Индии XIV—XVIII вв. [81, с. 58]. Эти же функции, как мы видели, выполняли кастовые группы и в Западной Индии, в Гуджарате. Нет оснований полагать, что аналогичные явления в той или иной степени не были характерны и для других частей страны.

Фиксируемый в XIX в. упадок корпоративности ремесла Ф. П. Лели связывал с создавшимися в колониальный период условиями большей безопасности для индивидуальной деятельности благодаря установлению англичанами «законности и порядка», а также появлению новых средств коммуникаций (телеграфа, железных дорог), «делающих возможным быстрое распространение новостей и помогающих ремеслу и торговле освободиться от своры агентов, которые под различными предложениями являлись орудиями корпоративной (communal) тирании». Важным фактором высвобождения от корпоративности Лели считал внедрение паровых двигателей, которые способствовали становлению отношений, выходящих за пределы компетенции «гильдий» и каст [49, с. 108, 111].

Очевидно, что средневековая корпоративность приходила в упадок по мере развития капиталистических отношений, пусть даже деформированных колониализмом. Однако не вызывает сомнений, что отдельные симптомы нарушения корпоративности начали появляться еще в доколониальный период.

Многокастовые объединения регистрировались на материале эпиграфики Южной Индии и А. Аппадораи, Дж. Баргессом; из советских ученых на профессионально-территориальные объединения торговцев, ремесленников и прочих профессий, т. е. представителей различных каст, обращал внимание Л. Б. Алаев. Ярким примером такой организации была упомянутая в надписи 1720 г. из Рамнаде община шетти, в которую входили мясника, храмовой сборщик податей, член касты комати, мусульманин, староста деревни, прядильщик шелка, маслобойщик, винокур, ткач из подкасты шетар [81, с. 52—53]²⁴.

Социальные функции ремесленной касты к концу средневековья, видимо, были существенно ослаблены. В основе этого была происходившая диверсификация и специализация труда в процессе развития производительных сил, результатом чего явилось разложение старых кастовых образований. Отмеченные функции (в частности, по защите своих членов) слабели по мере процесса углубления в

кастовых общинах имущественного и социального неравенства, приводившего к определенной социальной конфронтации между основной частью кастовой общины и ее старшинами — пателями; последние ведали раскладкой повинностей и налогов, представляя связующее звено между государственным феодальным фиском и общиной, распоряжались и общинными фондами. Передавая по наследству свои прерогативы-обязанности, они сами не занимались ремеслом и были заняты больше сбытом продукции. Не случайно, видимо, они занимались определением продажных цен на изделия данного ремесла [16, т. 2, с. 760].

Влияние и власть старшин ремесленных корпораций значительно усиливались благодаря тому, что через них происходил сбор всевозможных налогов. Согласно свидетельству старого красильщика из Вирамгама (Гуджарат), одного из информаторов Ф. П. Лели, «в прежние дни, если какой-либо государственный чиновник хотел покрасить ткань, он присылал ее к нашим старшинам, которые принимали работу к исполнению; все расходы они выплачивали из общего фонда или же определяли вклад в это каждого из ремесленников». Естественно, что чиновники оказывали старшинам содействие в распределении этих «заказов». «Государство было всегда готово внимать жалобе [старшин] на всякого, кто, занимаясь нашим ремеслом, отказывался брать на себя долю общего бремени или повиноваться приказу старшин. Каждый виновный в этом мог быть привлечен к суду, пока не выполнит требуемого или не покинет город», — свидетельствовал тот же информатор английского чиновника [49, с. 107].

Завершая раздел о городской квартально-кастовой общине, представлявшей, как правило, монокастовую группу, следует заметить, что в доколониальной Индии стали появляться надкастовые и межкастовые (кросскастовые) профессиональные объединения купцов и ремесленников; в Гуджарате они назывались махаджан (не путать с махаджаном²⁵ как панчятом богатых торговых каст). Так, в Ахмадабаде XVIII—XIX вв. махаджан ткачей, кроме членов касты ткачей включал представителей землевладельческо-земледельческой касты кунби и торговой касты ваниа; такого рода фактов в Гуджарате, по словам Ф. П. Лели, «было много» [49, с. 107]. Вряд ли можно сомневаться в том, что они свидетельствовали как о кастовой мобильности, так и о подрыве важнейшего принципа средневековой корпоративности — строгой наследственности занятий.

Нарушение средневековой корпоративности обнаруживало себя и в том, что кастовые городские корпорации постепенно отказывались от ограничений по приему новых членов. Во многие махаджаны можно было вступить, внося определенную плату. Размер вступительного взноса зависел от характера, состоятельности и престижности нового типа корпорации и, по данным Лели, равнялся от 20 до 500 рупий [49, с. 408, 110].

Подрыв принципа средневековой монокастовой корпоративной организации труда и капитала в феодальном городе Индии, фик-

сируемый хотя и относительно поздними источниками XVIII — середины XIX в., начался, несомненно, задолго до этого времени. В пользу этого говорит тот факт, что XVIII — середина XIX в. были временем относительного упадка индийских городов, их производственной и торговой деятельности, сужения внутреннего рынка, что не создавало условий для ликвидации кастово-корпоративной организации промышленности и торговли. Отход от средневекового принципа корпоративности, находившей наиболее яркое воплощение в кастовости, мог прогрессировать лишь в условиях подъема рыночных отношений, а не спада, имевшего место в предколониальный и колониальный периоды. Регистрация явления разложения корпоративности преимущественно источниками XVIII—XIX вв. объясняется характером последних, но не поздним происхождением самого явления.

Приведенные данные, как нам представляется, свидетельствуют о тенденциях к разложению корпоративно-кастовой структуры ремесла и торговли в индийском средневековом городе, развитие которых было заторможено еще до установления колониального режима (середина XVIII в.) в результате наметившегося спада рыночных отношений. Дошедшие до XIX в. разлагавшиеся и деформированные корпоративные организации были частью ликвидированы в процессе начавшегося развития капитализма или же модифицированы в той или иной степени и приспособлены к развивавшимся новым отношениям.

Глава III

Город — средоточие военно-административной власти феодалов

Специфика социально-экономических отношений в средневековой Индии — преобладание общинного землевладения и так называемый абсентеизм феодалов в деревне, отсутствие в широких масштабах феодального собственного хозяйства — во многом определяла высокую степень концентрации военно-административной власти как атрибута феодальной собственности. Крупные централизованные феодальные деспотии XIII—XVII вв. с разветвленной системой центрального и местного управления обеспечивали внеэкономическое принуждение земледельческого населения.

Местом средоточия военно-административной власти становились укрепленные ставки феодальных правителей и общинные центры, которые по мере развития общественного разделения труда могли превращаться в город, где концентрировались население, торговля и производственная деятельность. Крепости — форпосты феодального закабаления общин на протяжении всего средневековья оставались важным средством экономической и социальной политики феодалов. Являясь частью города, крепости обеспечивали их власть не только над земледельческими округами, но и над самим городом.

Крепость и ее роль в системе управления

Письменные источники и археологические раскопки свидетельствуют о давней истории крепости в Индии. Согласно Каутилье, автору известного трактата о политике царской власти — «Архашастры», идеальный укрепленный город был окружен системой рвов и покрытой колючим кустарником насыпью, на которой строились стены с многочисленными квадратными башнями и крытыми выступами для лучников [37]. Археологическими раскопками в Ориссе обнаружен образец фортификационного искусства — Шишупальгарх, мастерски сложенное кирпичное сооружение, воздвигнутое на земляном укреплении и окруженное некогда рвом с водой. Если верить греческому автору Мегасфену, оборонительные сооружения

Паталипутры состояли из мощной деревянной стены с 570 башнями и 64 воротами. Близ Патны действительно раскопаны гигантские деревянные бревна. Согласно мнению ряда исследователей, эти бревна представляют, по всей видимости, остатки городских стен Паталипутры эпохи царей из династии Маурья.

Почти все известные крепости домусульманской Индии, как справедливо отмечал А. Бэшем, были расширены и перестроены в более позднее время и уже не дают истинного представления о древнеиндийской военной архитектуре. Одно из исключений — стена из грубо обтесанных камней, защищавшая деревянный город Раджагриху [100, с. 143—144].

Тюркские военачальники Мухаммада Гури (XII в.) и делийские султаны в XIII—XV вв. не раз имели случай убедиться в мощи раннесредневековых крепостей Индии. Многократным и безуспешным осадам и штурмам подвергался Рантхамбор (в Раджастхане), расположенный на скале высотой более 500 м и окруженный массивными стенами с башнями и бастиями; по индийским преданиям, более 70 царей в различное время тщетно пытались захватить эту крепость [25, с. 172; 23, с. 214—215]. Оказать сопротивление завоевателям были способны многие раджпутские крепости: прославленная твердыня Мевара, высеченная в огромной скале крепость Читор, Манду, Девагири и др. Гийас уд-дин Туглак (1320—1325) во время похода на Бенгалию взял мощную крепость (хисар) Тирхут, окруженную высокой стеной и семью рвами с водой [28, т. 1, с. 132]. Вокруг района Агра — Дели находились сильные крепости Биана, Дулпур, Рапары, Итаве, Калпи, Канаудж. Эти крепости, известные частью с периода раннего средневековья, оказывали упорное сопротивление многим военачальникам-завоевателям — правителям Гура (Западный Афганистан), делийским султанам. В начале XVI в. с помощью их познакомился на собственном опыте основатель Могольской династии в Индии Мухаммад Захир уд-дин Бабур [36, с. 338].

К самым мощным раджпутским фортификационным сооружениям относятся укрепления Гвалиора. Крепость и дворец Ман Сингха, сложенные из обтесанных камней, поразили воображение давшего их подробное описание Захир ад-дина Бабура: «Из дворцов, построенных раджами, дворцы Ман Сингха лучше и выше всех» [36, с. 391]. Во второй половине XVII в. Бернье писал, что в крепость Гвалиора «обыкновенно запирали принцев¹, считая ее неприступной, так как она расположена на скале с крутыми склонами, имеет в своих стенах хорошую воду и достаточно провианта для содержания гарнизона» [38, с. 62].

Много крепостей строилось делийскими султанами. Большое внимание они обращали на укрепление своей столицы — Дели. В начале XIV в. была сооружена одна из крепостей Дели, являвшаяся ставкой Гийас уд-дина Туглака, — Туглакабад, обнесенная массивной стеной со скалами, снабженная цитаделью и воротами. По свидетельству Ибн-Батуты, в Дели в первой половине XIV в. было 28 ворот [51, т. 3, с. 146].

В могольский период крепость остается неотъемлемой частью города. Художники-миниатюристы могольской и находившихся под ее влиянием деканской и других школ часто изображали штурм и осаду укрепленных городов, жанровые сцены на фоне или в пределах крепостных стен. Даже на иллюстрациях к древним религиозно-эпическим произведениям (например, «Рамаяне») художник XVI в. жизнь и приключения героев изображал на фоне крепостных стен (имеющих башни, укрепленные двойные ворота) и плотно поставленных домов, возвышающихся над стеной (Миниатюра № 56.931, 47.110/186 в экспозиции Национального музея в Дели). Миниатюрист XVIII в. нарисовал Чанд Биби, играющую в поло на лужайке перед городом, заключенным в трех рядах глинобитных стен, в пределах которых — дворец, беседки, группа домов, тесно прижатых друг к другу (Миниатюра № 63.1378 в той же экспозиции).

В XVI в. ряд сильных крепостей был построен Шер-шахом (Рохтас близ Кух-и Балнатх) и Акбаром (Атток на р. Инд и др.). Большое стратегическое значение придавалось Акбаром месту слияния Джамны и Ганга, где был основан Аллахабад. «Этот важный и знаменитый пункт переправы через Ганг,— по словам Бернье,— со своей крепостью является как бы первыми воротами Бенгалии» [38, с. 106]. Построенная при Акбаре же крепость Агры, монументальное сооружение, по мнению Пельсарта, «по виду и по стоимости превосходит многие знаменитые постройки мира» [65, с. 3]. Ее «двойник» — Делийская крепость (известная как «Лал Кот», или «Красный форт»), построенная при Шах-Джахане и Аурангзебе, пожалуй, один из последних выдающихся образцов монументальной архитектуры, имевших военное значение. Авторы многих древних и средневековых политических трактатов и законоведы — от Каутильи, Ману, Шукры до Басавараджа, Пармананды, Р. Аматьи — неизменно подчеркивали значение крепости в защите царства; царь, не имеющий крепостей, сравнивался с коброй без ядовитых зубов [218, с. 156].

Однако многие города не имели крепостей вовсе, другие были слабо укреплены. Так, крепость Сурата которая, по словам Пельсарта, была «прекрасно построена», а со стороны суши обнесена валами, снабженными четырьмя воротами, не считалась сильным фортификационным сооружением. Говоря о взятии ее Мурад Бахшем в период его борьбы за престол, Бернье замечает: «Сказать правду, у него не было основания очень гордиться взятием этой крепости, так как она не имела настоящих укреплений; тем не менее осада продолжалась более месяца, и крепость никогда не была бы взята, если бы не голландцы, придумавшие подвести мину, которая, взорвав большой кусок стены, принудила осажденных к сдаче» [38, с. 73—74].

Кроме укрепленных городов существовало большое число небольших крепостей — тхана. В отличие от мощных фортификационных сооружений, защищавших города и известных обычно под названиями «хисар», «келе» (кила) и «кот», тхана строились на гра-

ницах государства или наместничеств, у речных переправ и горных проходов, а также просто на дорогах.

Тхана служили базами для борьбы с мятежными князьями и племенами, для изъятия у них дани, расширения владений султанов за счет земель непокорных феодалов и независимых племен или этнокастовых групп. Весьма часто тхана служили не только форпостом в целях обороны, но и были местом, где взимались дорожные пошлины. Так, при султанах Гуджарата заминдар Багла-ны, неся службу с 3 тыс. всадников, владел крепостью Малахрао, благодаря чему имел возможность взysкивать пошлины с проезжих караванов («крепость Малахрао — источник пошлинных сборов» [16, т. 1, с. 16]).

Однако крепости, даже самые сильные, обрастая городскими поселениями, теряли постепенно свое оборонное назначение, что произошло, в частности, с Агрой в XVII в. На это влияло и распространение в Индии огнестрельного оружия. Однако свое значение как места концентрации военной и административной власти крепость сохраняла на протяжении всего рассматриваемого нами периода.

В крепости были сконцентрированы двор правителя и войсковые контингенты, административные ведомства — диваны; здесь хранили казну, собранные налоги. «Когда вы входите через ворота в крепость (г. Дели. — К. А.), — писал Бернье, — перед вами открывается большая, широкая улица, разделенная на две части каналом с проточной водой. По обеим сторонам улицы тянутся длинные диваны, или возвышения, вроде тех, как есть у нас на Новом мосту. Они вышиной в пять-шесть футов и шириной в четыре фута. По краям диванов расположены аркады. На этих длинных диванах сидят всякие контролеры и другие мелкие чиновники и отправляют свои обязанности; здесь им не мешают лошади и народ, который ходит внизу по улице. Ночью здесь сидят манзабдары, или эмиры низшего ранга, которые несут дежурство... В цитадели имеется еще много маленьких улочек как по правой, так и по левой стороне; они ведут к помещениям, где эмиры несут караульную службу по очереди, раз в неделю, в течение суток. Помещения эти можно назвать великолепными, так как эмиры всячески стараются украшать их за свой счет. Обыкновенно тут имеются большие диваны, т. е. возвышения; перед ними открывается цветник; в цветнике маленькие каналы с проточной водой, маленькие бассейны и фонтаны... Кроме этого имеется еще много диванов и палаток в разных местах, которые служат в качестве канцелярий для разных чиновников» [38, с. 225—226].

Обычно крепость напоминала «город в городе». Как отмечал Пельсарт, форт Агры, снаружи неприступный, изнутри не имел сходства с укреплением и был построен как обыкновенный город, с улицами и лавками [65, с. 4]. В цитадели Дели, по Бернье, кроме административных ведомств, караульных помещений имелась улица, по обеим сторонам которой располагались лавки. «Собственно говоря, эта улица представляет собой базар, очень удобный во вре-

мя сезона дождей и летом благодаря длинной и высокой сводчатой крыше, которая ее покрывает. Воздух и свет проникают сюда через широкие круглые отверстия в крыше». Здесь же, в цитадели, находятся кархана — ремесленные мастерские. Выделываемые в этих кархана изделия были рассчитаны на весьма узкий круг потребителей — шахский двор и феодалов.

Однако экономическое значение крепости не было велико, и основной центр хозяйственной жизни города находился за ее пределами, концентрируясь все более в предместьях «собственно города».

Городское управление

Известно, что проблема государственной власти привлекала внимание древних и средневековых ученых и нашла отражение как в правоведческой литературе (дхармашастры и комментарии к ним), так и в политических трактатах и трудах государственных деятелей. Идентифицируя обычно власть суверена с государственной властью, древние и средневековые авторы видели существо ее отношений с подданными в сотрудничестве, выразившемся в защите монархом своих подданных, которые за это выплачивали ему налоги — «жалованье за защиту»².

Процесс становления и эволюции феодального государства, административно-налогового аппарата и городской администрации как его части проходил параллельно со складыванием и эволюцией феодальных отношений. Формы организации государства обычно отражали достигнутый обществом уровень социально-экономического развития и соответствовали ему. Местом концентрации всей государственной «бюрократической» машины становились города — ставки феодальных правителей.

В государстве Харши главный город округа (дистрикта) назывался «адхиштхана» (санскр.), или «место власти, управления». Здесь находилась резиденция правителя округа — вишайи [192, с. 197]. Название «паи-тахт» (перс., букв. «место трона») присваивалось столичным городам. Просто крупные города в персоязычных источниках Индии были известны как «шахр»; этот термин происходил от древнеперсидского «кшатра» — «власть», подчеркивая представление о средневековом городе в эпоху его генезиса как об административном центре прежде всего [107, с. 125].

Источники этого времени свидетельствуют об укреплении феодального управленческого аппарата, его разветвлении, усилении функции насилия в интересах складывавшегося класса феодалов. Важным показателем этого было формирование феодальной бюрократии, относимой традицией к касте кайастхов.

Судя по надписям еще эпохи Гупта, главной городской администрации был градоначальник (нагарака). Его основными обязанностями были сбор налогов и поддержание законности и порядка с помощью службы охраны, тайных агентов, войск, расквартиро-

ванных в больших городах и подчинявшихся военачальнику, ответственному за порядок,— дандаяка (функции последнего мог исполнять сам нагарака).

В джайнских хрониках послегуптского периода начальник города назывался талара; он был представителем феодальной знати и даже приближенным ко двору лицом [182, с. 361]. Так же как нагарака в гуптских надписях, наградхикарин в кашмирской хронике Калханы (XII в.) был государственным служащим, имевшим, видимо, ряд полицейских функций; по данным этого хрониста, в Сринагаре было одновременно четыре наградхикарина [52, с. 234]. Калхана упоминает еще одно должностное лицо в Сринагаре, которое имело полицейские функции,— это раджастхана; в начале XII в., при царе Сусале, полицейский чиновник «джанакасимха,— пишет Калхана,— был уважаем министрами, кавалерией, знатью, тантринами, горожанами и другими» [52, с. 472].

Создание в начале XIII в. Делийского султаната, где привилегированная верхушка принадлежала к пришельцам из Средней Азии, Гура (Западный Афганистан), Хорасана (Восточный Иран), стало важным этапом в развитии феодальной государственности в Индии. Незавершенность феодализационных процессов, относительная слабость класса феодалов и форм его организации, хранившей на себе следы клановости, патриархальных пережитков, были причиной того, что пришлые элементы прочно утвердились в Северной Индии и на Декане, создав под своей эгидой более или менее крупные государства. Будучи по ряду причин (сохранение захваченных в борьбе с местной знатью привилегий; угроза со стороны монголов и др.) заинтересованными в консолидации, пришельцы поддерживали централизаторские тенденции новых правителей. И хотя мусульманское завоевание, вопреки мнению некоторых исследователей, не означало возникновения нового для Индии общественного строя — феодального, тем не менее оно сопровождалось усилением форм феодальной государственной организации в противовес пережиточным формам клановых институтов.

Появление в Северной Индии относительно централизованного феодального государства на одно-полтора столетия раньше, чем на Юге (Виджаянагар), объяснялось не только стремлением иноэтнической мусульманской прослойки индийских феодалов к консолидации, но и более высоким уровнем развития здесь феодальных отношений и родов.

Иерархическая структура класса феодалов в ранний «мусульманский период» получила дальнейшее развитие в Могольской державе, когда имперская система субинфеодации включала наряду с пришлой также и местную землевладельческую знать³ и, конечно же, огромную армию местных чиновников из этой же касты кайастхов, не говоря о представителях феодализировавшейся верхушки многочисленных общин и этнокастовых групп.

Максимально завершенные, зрелые формы феодально-административная система в Индии получила при Моголах. В соответствии с существовавшими в Могольской империи административными де-

лениями (суба, саркар, паргана) система управления кроме центрального насчитывала три уровня — провинциальное (на уровне субы), областное и окружное (соответственно на уровне саркара и махалла-паргана). Провинциальная и областная администрации во многом копировали центральную; администрация махалла, подчиненная им и ближе других стоявшая к такому объекту администрирования, как общинное землевладение, имела ряд специфических черт, а именно значительно большую преемственность общинного управления.

В 1594/95 гг. («14-й год божественного исчисления», введенного Акбаром), когда под началом знаменитого политического и государственного деятеля Абул Фазла Аллами были определены размеры государственного налога (джама), в Могольской империи было 12 суб. Это Аллахабад, Агра, Ауд, Аджмир, Ахмадабад, Бихар, Бенгалия, Дели, Кабул, Лахор, Мальва, Мульта; позднее в империю были включены субы Берар, Хандеш, Ахмаднагар. В XVII в. при преемниках Акбара появилось еще несколько суб в процессе расширения имперских территорий. Каждая суба делилась на саркары, которых было примерно по 10 в каждой провинции. Саркары включали десятки махаллов, или паргана.

Этим основным административным делениям соответствовали три категории городов. Центрами суб и саркаров были довольно крупные города, относимые, как и столица, в документах, статистике и историографической традиции к категории шахр. Центры паргана были известны как касаба. В соответствии с числом саркаров и паргана в 1594/95 г. было 105 городов — столиц саркаров и 2737 **касаба — центров махаллов** [44, с. 129]. Для последнего десятилетия правления Акбара источники называют 120 больших городов (видимо, столиц саркаров) и 3200 касаба [15, т. 3, с. 545—546].

Кроме саркаров и махаллов в некоторых субах в качестве самостоятельных административных единиц имелись крепости-тхана⁴ и морские порты⁵; ввиду их особой значимости они были вне ведения провинциальных, областных и окружных властей. Назначение сюда чиновников — мутасадди, фоудждара, казия, мухтасиба, даруги монетного двора, счетоводов и казначеев — производилось непосредственно из центра.

В XVII в. глава фискального ведомства при Шах-Джахане ввел административное деление, промежуточное между саркаром и паргана, — чакла. 13 чакла зафиксировано в Бенгалии в XVIII в.; 16 чакла на большей части территории Ауда сдавались в откуп (иджара) откупщикам, которых называли чакладар, мустаджир, а также амил, низам и которые совмещали свои функции с функциями правителей. Чакла могли быть и особыми городскими кварталами (в Ахмадабаде, например, было 17 чакла) [245, с. 212—213].

Поскольку низшей административной единицей был махалл, или паргана, из которых формировались более крупные единицы, имеет смысл дать более детальную характеристику именно этого административно-фискального деления, столицей которого был самый распространенный тип городского поселения — касаба.

Термин «паргана» в значении «округ» преобладает во всех хрониках, документах и эпиграфике домогольского периода (в Делийском султанате XIII—XIV вв. и многих государствах, возникших в результате децентрализации и упадка его в начале XV в.). Он сохраняется и позднее, в могольский период, и фигурирует в хрониках, дарственных, купчих и других документах конца XVI—XVII в. Однако основным термином, определявшим административно-фискальный округ, был «махалл», или «махалла». Синонимичность для этого времени терминов «махалл» и «паргана» в упомянутом значении отмечали многие историки⁶. Однако были и различия между ними, которые проистекали из того, что паргана всегда означала территорию, в то время как махалл могли составлять (правда, редко) налоговые сборы, транзитные пошлины, налоги с торгов (Абул Фазл в статистике «Анна» называет махаллы Базар-и кадим, или Старый базар, Базар-и ноу — Новый базар, Кули-базар, Чанд-базар и т. д. в Бенгалии [44, с. 143, 151]), а также с рынков относительно крупных городов, портовые сборы [202, с. 259] и даже поборы с группы людей (например, паломников).

В статистике «Анна» среди махаллов — облагаемые налогом городские земли, площадь которых фиксировалась в бигха-и иллахи. О различных типах махаллов можно судить по саркару Ахмадабад: там два махалла составляли сам город и монетный двор, два — морские порты, остальные 29 были округа, или собственно паргана. Махаллом мог называться также и городской административный квартал, равно как и квартал или территория, занимаемая кастовой общиной в городе, не совпадавшая с первым; в отличие от паргана махаллом назывались и деревенские кварталы (например, «махалл-и кадим», т. е. «старый квартал» в деревне Нароли Санга в таппа Парол параганы Катхуа в Пенджабе [60, с. 106]. В государстве Шиваджи всевозможные государственные мастерские и службы именовались «кархана и махаллы» [217, с. 125]. В соответствии с буквальным значением слова — «место» — мы встречаем «махалл» в сочетании с термином, определявшим тот или иной тип землевладения (махалл-и джагир и т. д.). Махалл как административно-фискальная и территориальная единица, совпадающая с паргана, представлял земледельческий округ вместе с его центром — касаб⁷. Центром махалла могла быть и просто крепость, о чем свидетельствуют названия некоторых из них (Котла в саркаре Кара субы Аллахабад, Кот, Котра в саркаре Рохтас субы Бихар и т. д.). Они могли со временем превратиться в небольшие города, но могли оставаться местопребыванием окружной администрации и воинского отряда.

Сильный разбой в размерах налога и территории махаллов-паргана (от нескольких сот до многих сот тысяч бигха земли и даже 1—2 млн.) говорит против того, что это были единицы, появившиеся в результате принятых административных мер.

Границами для административных делений нередко служили естественные рубежи (реки, горы, джунгли). Однако еще Г. Эллиот обратил внимание на несовпадение сплошь и рядом границ махал-

лов с естественными границами. Единственной причиной их «иррегулярного распределения» он считал «право собственности» (цит. по: [202, с. 162]). В условиях средневековой Индии это было неразрывно связано с общинным землевладением различных племенных и кланово-кастовых групп (раджпутов, джатов и т. д.). Совпадение административных делений с клановыми территориями, сохранявшееся в той или иной степени и в послемоогольский период, отмечалось и другими историками [202, с. 161; 83, с. 45].

В налоговой статистике Абул Фазла обращает на себя внимание упоминание в специальной графе рядом с площадью и налогом махалла кастовой принадлежности землевладельцев каждого из них. Как показали наши подсчеты, 74,6% всех махаллов в упомянутых провинциях были «однокастовыми», т. е. землевладельцы принадлежали к одной касте и часто — к одному и тому же клану.

Максимальный процент (85—93) однокастовых махаллов был в субах Гуджарат, Бихар, Лахор, несколько ниже среднего — в субах Аллахабад, Ауд, Мультиан, Мальва и минимальный (53—59) — в субах Агра и Дели, исторических центрах Северной Индии на протяжении ряда столетий. Это, возможно, было связано как с историческими обусловленной интенсивностью этнических процессов в этом последнем регионе, так и с политикой феодальных правителей. Как отмечал Л. Б. Алаев, султаны и падишахи не могли не стремиться к созданию таких административных единиц, которые разрезали бы территории кланов на части, дабы ослабить сопротивление процессу централизации; но вместе с тем во многих случаях они должны были учитывать традиционное и естественное дробление на районы и проводить свое деление по границам клановых территорий [83, с. 45].

В городах в зависимости от того, центром какой административной единицы они являлись, концентрировалась администрация махалла, саркара, субы. В центре субы, который одновременно был главным городом центрального (т. е. главного в данной субе) саркара, видимо, могла размещаться администрация на уровне и субы, и саркара. Также и в главных городах саркаров бывали одновременно представлены администрация всего саркара и аппарат центрального махалла.

Размещавшийся в городах государственно-административный аппарат был нацелен на изъятие у крестьян и распределение между представителями феодального класса прежде всего прибавочного продукта земледелия. Неудивительно, что подчиненная этому деятельность двух основных ведомств — финансового и военного — не была строго разграничена. Функции представителей военного и налогового ведомств сплошь и рядом совмещались. Налоги взимались с помощью войска, против неплательщиков направляли свои отряды главы военной администрации провинций и областей — субадары и фоудждары, поскольку в их обязанность как представителей центральной власти и глав всей администрации входило обеспечение порядка и соблюдения законов, что ассоциировалось не в последнюю очередь со своевременной уплатой населением всевоз-

можных налогов. В то же время высокопоставленные чиновники фиска, сами диваны, могли возглавлять военные экспедиции или участвовать в них. Выполняя главным образом функции по сбору налогов, диваны империи и субы, подчиненные им многочисленные чиновники (формально вплоть до сельских пателей и счетоводов-патвари) в той или иной мере были обязаны заботиться о воспроизводстве, об улучшении состояния земледелия [16, т. 1, с. 269—272].

Городская администрация была частью размещавшегося в городе государственно-административного аппарата; во главе ее стоял котвал, который должен был соблюдать интересы государства и отдельных феодалов, и прежде всего обеспечить сбор городских налогов.

Котвала (санскр., букв. «начальник крепости») многие европейцы, бывшие в Индии в XVII—XVIII вв., называли шерифом, учитывая его, по существу, полицейские функции. Будучи представителями феодального государства, котвалы пользовались большим авторитетом и властью. Так, в XIII в. к котвалу Дели обратились за помощью и заступничеством престарелые иктадары и члены их семей, владевшие согласно указу султана Шамс уд-дина в двуречье Ганга и Джамны деревнями, которые хотел у них отобрать спустя 50 лет с момента пожалования Гийас уд-дин Балбан, ссылаясь на то, что из 2 тыс. иктадаров Доаба только немногие несли военную службу в соответствии с условиями пожалования. Благодаря посредничеству котвала султан Балбан отказался от своего намерения [23, с. 63—64]. В начале XIV в. котвалом Дели был Ала ул-мульк, дядя по отцу историка Зия уд-дина Барани; он пользовался при дворе султана Ала уд-дина Халджи большим влиянием и получил от него земельное пожалование. Его родной брат и отец историка был наибом (правителем) Барана (совр. Буландшахр). Как передает историк Сикандар бин-Мухаммад, автор хроники правления династии Танк в Гуджарате, котвал г. Ахмадабада Ходжа Джахан был известен тем, что в период правления четырех султанов Гуджарата его земельные пожалования не уменьшались и не упразднялись. Наоборот, каждый из падишахов давал ему дополнительные пожалования [70, с. 290, 292].

Также и при Моголах на должности котвалов городов назначались видные должностные лица, имевшие громкий титул «хана», нередко — родственники и приближенные падишахов. При Шах-Джахане котвалом Ахмадабада был Шахнаваз-хан, тесть принца Аурангзеба [38, с. 103]. Последний, став падишахом, назначил котвалом Данишменд-хана, патрона Ф. Бернье; а так как этот хан «постоянно занят науками или иностранными делами, то Аурангзев в виде особой милости и привилегии освободил его от ежедневного двукратного посещения собрания для приветствия падишаха, как этого требует старый обычай, притом без всяких вычетов из жалованья, как это сделали бы с другими эмирами, если бы они пропускали эти собрания» [38, с. 172].

Котвал, согласно «Мират-и Ахмади», назначался указом падишаха по представлению и рекомендации начальника артиллерии,

В период ослабления центральной власти (в конце XVII — первой половине XVIII в.) назначение производилось субадарами.

В фирмане падишаха Акбара от 1583/84 г. котвал называется «стражем закона». В обязанности его входили контроль и охрана порядка, поимка воров и преступников, предупреждение пожаров и принятие необходимых мер против них, контроль за рынками, забота о сохранности выморочного имущества, обеспечение санитарных условий в городе и др. Фирман, трактующий эти и другие обязанности котвала, предписывал ему «вместе с другими чиновниками описать дома и строения в каждом большом городе, городке и деревне и внести в реестры жителей всех [городских] кварталов (махалл) от дома к дому, с указанием рода занятий их жителей — сколько земледельцев и сколько всевозможных ремесленников, сколько воинов, сколько дервишей». Котвалу, как уже говорилось, предписывалось создать специальные кварталы (махаллы) и в каждый из них назначить начальника округа, который должен был следить за порядком в квартале и охранять его от воров. «Ни один домовладелец, — говорилось в указе, — не может уехать куда-либо, не поставив в известность соседа, мир-и махалла и информатора (хабардар). О каждом из посторонних домовладелец должен говорить начальнику квартала, и регистратор новостей (хабар-рисан) впишет его в книгу (дафтар). Одним словом, следует в каждый махалл назначить одного-двух информаторов, с тем чтобы изо дня в день они описывали бы состояние дел в этом махалле, [сообщали] о радостях и печалях, о прибытии и отъезде [людей] из этого махалла. Всегда, когда новый человек прибывает в данный махалл, они тотчас же должны сообщить об этом и не допускать, чтобы кто-либо без поручителя останавливался в данном махалле» [16, с. 1, с. 168—169]). Возможно, что этот указ имел целью предупреждение не только разбоев и воровства, но также бегства из деревень и укрывательства недоимщиков.

Одной из главных обязанностей котвала при Моголах был контроль над рынками. Ранее, при султанах Дели, рынки находились в ведении особого центрального ведомства — диван-и рийасат, которое едва ли имело свои отделения на уровне отдельных областей и округов. О специальном ведомстве для управления рынками в источниках могольского периода нет данных. Функции диван-и рийасат выполнялись котвалом, уполномоченным следить за уплатой налогов с торговых операций — пошлин с ввоза и вывоза, сборов с купли и продажи товаров на самих рынках. Нарушители установленных правил уплаты налогов подлежали суду самого же котвала. Манрике, совершивший две торговые поездки от Дакки до Патны и от Лахора до Тхатта по речным путям Северной Индии, передает, что купцы, везущие свои товары в другое место, были обязаны являться в контору котвала и получать (видимо, после уплаты определенной суммы) удостоверение, предъявление которого освобождало от уплаты пошлин в других местах данной административной единицы. Попытка Манрике уклониться от уплаты пошлин закончилась неудачно: он был задержан бдительными страж-

никами котвала в порту Раджмахалла (на границе Бихара и Бенгалии) и со связанными руками предстал перед ним. Спасло его, как он полагает, лишь его иностранное подданство. Зато проводник и слуги Манрике получили по 50 палочных ударов [56, т. 2, с. 120—123]. Как и глава диван-и рийасат, котвал должен был следить за тем, чтобы не нарушались установленные правителями цены на городских рынках, предупреждать всякого рода махинации и злоупотребления.

Упомянутый выше фирман Акбара обязывал котвала назначать на рынки далалов (маклеров), которые информировали бы о заключавшихся здесь сделках (конечно, крупных). «Купля-продажа на базаре товаров должна совершаться лишь с согласия мир-и махалла и хабардара». Сделка, совершенная без посредничества маклеров, с которых котвал брал предварительно залоговые суммы, считалась нарушением порядка: «Всякий, кто продает или покупает без их ведения, должен платить штраф».

Падишахский указ предусматривал, что котвал должен заботиться об имуществе умерших или покинувших место жительства людей; составив опись этого имущества, он должен передать ее амину, с тем чтобы наследники или претенденты, могущие объявиться в будущем, получили бы свою часть наследства в соответствии с законом [16, т. 1, с. 166—169].

В местных и иностранных источниках (Бадауни, Ф. Пельсарт, Н. Мануччи и др.) есть упоминания и о таких обязанностях котвала, как недопущение на рынках недовеса, запрещение азартных игр и производства и употребления спиртных напитков, размещение публичных женщин в особых кварталах за городом и охрана тех, кто посещает их; он должен был предотвращать насильственные сожжения вдов и давать санкцию в случае, если вдова настаивала на этом, предупреждать браки детей до 12 лет, следить за тем, чтобы кладбища размещались за городом в целях обеспечения санитарии в городе, чтобы забой скота производился в соответствии с принятыми правилами лишь в определенные дни года и т. д. На котвала упомянутым выше указом Акбара возлагалась обязанность устанавливать места для купания людей, чтобы они были по течению ниже тех мест, откуда забиралась питьевая вода; специальные места должны были выделяться для купания женщин [16, т. 1, с. 169]. В обязанности котвала (как и ряда других государственных чиновников) входил контроль за ценами на рынках на предметы первой необходимости, прежде всего продукты питания⁸.

Выполнение котвалом его функций обеспечивалось приданным ему отрядом из 100 пехотинцев из числа солдат, находившихся в ведении субадара-низама; личный войсковой контингент котвала состоял из 50 всадников. Упомянутый выше фирман Акбара предписывал котвалу назначать стражников, обязанных днем и ночью стеречь вверенную им часть города. Французский путешественник Тевено передает, что люди котвала трижды обходили по ночам улицы, подвергая аресту подозрительных лиц и криками призывая домохозяев быть осторожными [73, с. 20]. Для выполнения своих

многообразных функций котвал прибегал к услугам и шпионов, нанимая их среди неприкасаемых (халалхур), которые были уборщиками и по два раза в день выносили мусор и нечистоты из домов горожан [57, т. 2, с. 421].

Важнейшим государственным «присутствием», осуществлявшим непосредственно административную власть в городе, была чабутра — контора (канцелярия) котвала. В крупных городах могло быть несколько чабутра (в одном из указов Аурангзеба упоминаются «чабутра каждого квартала» Ахмадабада [16, т. 1, с. 260]). В 80-х годах XVII в. чабутра котвала служила часто местом заключения преступников, всякого рода правонарушителей, должников и пр. Али Мухаммад-хан говорит о мятежных грасиа (заминдары, имевшие наследственные земли), которые по 4—5 лет находились в заключении в чабутра в Ахмадабаде [16, т. 1, с. 304].

Казна брала на себя расходы по содержанию узников чабутра. В 1682/83 г. был издан указ о том, чтобы бейт ул-мал (налоговое ведомство) отпускало бы ежедневно 1 сир пшеничной муки, 2 куса материи и 5 танка-муради для арестантов и умирающих в чабутра заключенных, которые не имеют богатых родственников. Еще один падишахский указ от 1697/98 г. был издан в ответ на прошение главного казия Мухаммада Акрама о том, чтобы узники чабутра котвалов и крепостей обеспечивались на средства бейт ул-мал головным убором, длинным халатом, штанами и прочей одеждой в зимнее время [16, т. 1, с. 302].

В чабутра, судя по указам Аурангзеба, котвал лично решал вопрос о характере вины приведенного сюда человека (вне зависимости от того, кто привел его — жалобщик, должностное лицо и т. д.); если оказывалось, что взятый под стражу человек совершил проступок против шарията, котвал должен был направить его к казию; если же дело касалось неуплаты налога, то к субадару. Местом заключения служили и крепости, куда помещали обычно знатных преступников. Тюремь для простонародья имелись в главных городах саркаров и паргана и назывались «банд».

Каждой чабутра кроме отряда воинов был придан штат чиновников. Среди последних иногда называют канунго, десаи (или чаудхри), видимо, по аналогии с чиновниками, ведавшими сбором феодальной ренты с земледельческих угодий. Число чиновников, занимавшихся сбором городских налогов, было значительным, в результате чего вымогательства достигали невиданных размеров. В одном из указов Аурангзеба отмечалось, что Сурат переживает крайний упадок из-за того, что развелось множество канунго и купцы перестали посещать порт. В указе говорилось, что еще раньше было приказано, чтобы в порту было только 2 чаудхри и 2 канунго, которые бы хорошо обращались с подданными [16, т. 1 с. 263]. Это предписание, вероятно, не соблюдалось, чем и был вызван повторный рескрипт.

В функции государственно-административного аппарата (в частности, чиновников городской службы) входил и контроль за снабжением городов продовольствием. Концентрация в индийских

городах огромных людских масс, в том числе войсковых контингентов (главным образом наемных), феодалов-накди (т. е. получавших денежное жалование), в условиях недостаточного развития рыночных отношений, плохих коммуникаций и примитивности транспортных средств превращала снабжение продовольствием в объект постоянной заботы и беспокойства феодальных правителей Индии, тем более что перебои в доставке продовольствия в городе из-за войн, мятежей, разбоев на дорогах, неурожаев, вызывая острую нехватку и даже голод, сопровождались нередко волнениями.

С этим связана регламентация цен на городских базарах феодальными правителями. Как передает Барани, в начале XIV в. при султанах Ала уд-дине были установлены цены на фрукты, рыбу, скот, некоторые изделия ремесла — оружие, обувь, ткани; контроль над рынком был столь строгим, что торговцы не могли продать и одного мана зерна хотя бы на один дирхем выше назначенной султаном цены. Многочисленные осведомители на рынках должны были докладывать о нарушении правил и выявлять всех, кто продавал по ценам выше установленных.

Однако обеспечить достаточно низкие цены на продовольствие только посредством регламентации оказалось невозможным. Поэтому были приняты меры для создания в городе запасов зерна. В этих целях был издан указ о том, чтобы «деревни казны (халисе) в Двуречье платили хараджи исключительно зерном и зерно доставлялось бы в город Дели в султанские амбары». Натурой же должна была взиматься «половинная доля султана» в окрестностях «Нового Дели» (в источниках XIV в. — ставка султана Ала уд-дина).

Поскольку государство само не было в состоянии организовать своими средствами транспортировку огромной массы земледельческой продукции, ответственность за это была возложена на купцов, именуемых историком караванщиками. Вместе с семьями они были насильственно поселены в деревнях по берегам Джамны. Караванщики должны были заниматься не только транспортировкой изымаемой у земледельцев в качестве ренты продукции, но и покупкой у крестьян зерна, остававшегося у них после всех платежей, и пересылкой его в город. Специальный чиновник наблюдал за их деятельностью [23, с. 306].

Есть сведения, что в конце XVII в. и позднее в городах Раджастана, в частности в Джайпуре и Котахе, ежедневно выпускались своеобразные преysкуранты цен (нарх) на продаваемые на рынках зерно и прочие товары [248, с. 319].

Регламентация ограничивала свободу рыночных отношений и деятельность торговцев, равно как и производителей-ремесленников. Так, ограничения, наложенные двором делийских султанов на покупку и потребление высококотиrowавшихся девагирийских шелков, неизбежно препятствовали развитию и самого производства их, поскольку искусственно сокращался спрос на эти изделия. Историк передает, что диван-и рийасат, наблюдавший за соблюдением установленных правил на рынке тканей у Бадаунских ворот в

Дели, выдавал разрешение на их покупку только маликам, эмирам и другим знатым людям. Купцы, продавшие им свой товар, получали расписку, которой удостоверялся факт купли [23, с. 383—385].

Осуществлявшаяся насильственными, чисто феодальными методами регламентация не могла обеспечить стабильных низких цен. Вместе с тем эти меры вызывали недовольство горожан и торговцев. Известно, что преемники Ала уд-дина отказались от принципов его налогового законодательства. Как писал историк Барани, сын и преемник султана — Кутб уд-дин Мубарак-шах «избавил народ от тяжелых налогов и жестоких поборов, а насилия, истязания, заключение в кандалы и темницы, побои были устранены из практики диван-и везарет... установления же и приказы Ала уд-дина — упразднены». По словам историка, «народ не слышал больше предписаний, что делать и чего не делать, что говорить, что есть, что продавать; люди базара радовались смерти Ала уд-дина, зерно вздорожало, ткани продавались по ценам, назначаемым самими торговцами» [23, с. 384—385].

Более надежной гарантией необходимого для больших городов снабжения продовольствием и сырьем для промышленности могли стать относительно низкие дорожные пошлины. Один из указов падишаха Акбара отменял все пошлины на зерно, масло и многие другие продукты при сохранении сборов с шелковых тканей, оружия, лошадей, верблюдов и других товаров, которые не имели массового спроса. Отмена налогов Аурангзебом на провоз зерна, овощей, фруктов, рыбы, молочных изделий была вызвана нарушившими нормальную торговлю чрезвычайными обстоятельствами в середине XVII в. — междоусобной войной за престол сыновей Шах-Джахана и другими войнами и мятежами. Нехватка товаров в городах обусловила появление нескольких повторных указов падишаха, которые направлялись субадарам, фоудждарам и откупщикам-курури в различные части страны, тем более что в городах вспыхивали «голодные бунты», например в 1674 году в г. Ахмадабаде.

В городе важнейшим из административных учреждений было ведомство дивана, главы фиска, которому был придан огромный штат чиновников, занятых сбором налогов главным образом с сельской местности, хотя документация, хранившаяся в канцеляриях дивана, содержала данные о налогах также и городов. В известную статистику, составленную в 1594/95 г. по двенадцати субам Могольской империи, включены были не только сведения о налогах в пользу государства с земледельческих угодий в деревне, но также данные о налоге с городских земель.

Как и чиновники городской службы, диван и его штат время от времени исполняли полицейские функции, связанные главным образом с неуплатой налогов, и не только сельскими, но и городскими жителями. Присутствие в городе такого важного чиновника существенно усиливало авторитет и военно-административную власть феодала в городе.

Будучи элементом государственно-административного аппарата, феодальная судебная администрация формировалась вместе с развитием феодальной государственности, надстраиваясь над кастовыми судами сельских и городских общин. Уже в раннесредневековых государствах был известен специальный чиновник, ведавший правосудием, — прадвивака [100, с. 125]. Правда, в судопроизводстве, осуществляемом государственными чиновниками в городах того времени, еще принимали участие представители уважаемых горожан. Так, в известной драме «Глиняная повозка» изображена сцена суда; в заседании кроме главного судьи, именуемого здесь адхикараника (от санскр. «адхикарана», букв. «правительственное учреждение», что подчеркивает официально-административный характер его прерогатив) и писца-кайастхи был также купец-шресхтин, видимо представитель влиятельных горожан.

Следование во многих древнеиндийских монархиях советам смрити (т. е. сутр и шастр) со временем становилось все более обязательным [100, с. 122]. Это находило отражение в сакрализации древнеиндийских законодческих текстов и комментаторской литературы к ним, создававшейся брахманами и откровенно защищавшей прерогативы социальной брахманско-кшатрийской (раджпутской) верхушки. Уже в XI в. известный поэт Кшамендра создал образ судебного исполнителя-кайастха — жадного жестокого адхикаранабхатта, подчиненного начальнику «ведомства по делам грехов и добродетелей» — астханадивира:

Есть ли из кайастхов худший,
Чем судебный исполнитель,
Сей вершитель приговоров?
Если в дом к кому нагрянет,
Там разгром, разор и слезы!
Слава, слава всем судейским!
Все они испепеляют
И людей и скот, и зданья,
Как пожар, что в день последний
Всю вселенную сжигает!⁹

С XIII в. в централизованных феодальных деспотиях Северной Индии, в особенности при Моголах, судебная администрация получает свое дальнейшее развитие. В этих государствах, где официальной религией был ислам, шариат — мусульманское право — стал основой судопроизводства и был приспособлен для защиты интересов правящей феодальной элиты в Делийском султанате и других «мусульманских» государствах Индии.

Сам шариат приходил во все большее противоречие с действительностью. Многие предписания его, настаивавшие на нормах патриархальных или раннефеодальных отношений (осуждение ростовщичества, десятина ушр с мусульман и др.), были преданы забвению и не соблюдались, другие истолковывались иначе. Одной из главных целей предпринятого при Аурангзебе грандиозного начинания — составления свода действовавших законов, ставшего изве-

ственным как «Фатва-и Аламгири» («Законы Аламгира»), было приведение установлений шариата в соответствие с существовавшими нормами и приспособление их к условиям более позднего времени и другого общества, во многом несхожего с тем, в недрах которого они рождались.

Сакральность права в условиях существования в Индии различных религиозных общин была еще одним серьезным препятствием для создания центральной судебной системы¹⁰. Стремлением упорядочить судебную администрацию была продиктована принятая при Аурангзебе во второй половине XVII в. попытка выделения из шариатских законов тех установлений, которые, по мысли «реформаторов», имели отношение не только к мусульманам, но и к последователям других религий; к другой группе были отнесены законы, регулирующие права только мусульман. Этот принцип был впервые в истории мусульманской юриспруденции провозглашен в «Фатва-и Аламгири», составленном большим числом ученых по приказу Аурангзеба [245, с. 319, п. 4]. Кроме приспособления норм шариата к изменившимся во времени условиям «Фатва-и Аламгири» придавал официальную силу закона ряду местных индийских правовых норм, что могло бы в определенных условиях способствовать некоторой стабилизации власти.

О вполне определенных социальных функциях ислама и шариата в средневековых государствах Ближнего и Среднего Востока свидетельствует появление (еще в халифате Аббасидов) должностного лица — государственного чиновника, сочетавшего полицейские функции с функцией контроля за исполнением нравственно-этических норм и иных предписаний религии, защита которой отождествлялась с защитой самих основ феодального государства от всякого рода «крамолы» и «бунтарей». Таким чиновником был мухтасиб. Результатом двойственности функций и статуса мухтасибов было то, что действия их контролировались садрами и субадарами одновременно [239, с. 203]. В индийских городах присутствие мухтасиба может быть зафиксировано еще в Делийском султанате; полицейские функции его стали особенно выраженными в могольский период; мухтасиб был представителем духовного сословия и назначался на должность с санкции главного садра или его представителей в провинциях; подобно другим мансабдарам, он получал жалованье от государства¹¹.

Согласно традиции, установившейся еще в Арабском халифате, мухтасиб был обязан предотвращать «незаконные», т. е. противоречащие религиозным установлениям, действия (занятие ростовщичеством, употребление наркотиков и спиртных напитков, посещение кварталов города, населенных публичными женщинами, и т. д.); заботиться о том, чтобы вдовы и разведенные женщины вновь вышли замуж; наказывать хозяев, плохо питающих скот и изнуряющих его непосильной работой; защищать рабов от жестокости хозяев; разбирать жалобы, касающиеся наследования имущества. На базарах он должен был проверять правильность мер и весов, чтобы торговцы не обманывали покупателей [245, с. 374—375].

Важной обязанностью мухтасиба было следить за тем, чтобы правоверные исправно совершали пять предписанных ежедневных молитв. Контроль за выполнением этого долга становился особенно бдительным в пору обострения социальных противоречий и активизации «низов». Изменив своему религиозному вольнодумству молодости, Мухаммад-шах Туглак, видевший не без основания в многочисленных сектантских учениях опасность для «спокойствия» и «благополучия» государства и не случайно получивший кличку «Хуни» («Кровавый»), стал требовать от своих подданных педантичного выполнения норм Корана и шариата. По свидетельству Ибн-Батуты, султан строго карал людей, пренебрегавших молитвами. В соответствии с его приказом мухтасиб должен был бдительно следить за тем, чтобы в часы, отведенные для молитв, люди не находились на базарах. Каждого нарушившего запрет и застигнутого на рынке в непопущенное время ожидала суровая кара; однажды было казнено сразу девять человек [51, т. 3, с. 286—287]. Выполнение мухтасибом полицейских функций привело к тому, что некоторые средневековые историки не делали различий между ним и градоначальником-котвалом ¹².

Возможно, что заключавшиеся гражданские сделки (купля-продажа недвижимости и пр.) проходили как бы апробацию у мухтасиба с точки зрения законности их или незаконности. Об этом можно судить на основании фирмана Шер-шаха Сура, излагаемого его историком и современником Хасан Али-ханом. Из фирмана явствует, что мухтасиб г. Кангры, получив денежную взятку от заинтересованных лиц (стоявших, безусловно, вне общины), объявил о дозволенности с точки зрения ислама свободной покупки обрабатываемых полей. Это заставило пострадавших (членов землевладельческой общины, имевших право преимущественной купли земли) обратиться с жалобой к правителю. По распоряжению Шер-шаха мухтасиб был доставлен к двору и казнен [31, с. 61], поскольку центральная власть взяла на себя миссию покровительницы стародавних норм общинного землевладения.

Верховную судебную власть олицетворяли правители — падишахи. Средневековые ученые, историографы и политики развили концепцию справедливого и мудрого правителя, защитника слабых и угнетенных, карающего притеснителей, сурово наказывающего зло и пороки. Наиболее яркое воплощение эта концепция получила у Абул Фазла, который считал, что в обязанности суверена входит забота о благе всех подданных вне зависимости от их вероисповедания, социального статуса и имущественного положения, обеспечение спокойствия и «всеобщего мира» в государстве. В представлении Абул Фазла, падишах, способный выполнить эту миссию, является «совершенным наставником» (муршид-и камил, пир-и даст-гир); «духовным владыкой мира» (джагат госаин), как титуловала могольских падишахов раджпутская знать [243, с. 83]. Идеал справедливого правителя и его «мудрых вазиров», творящих правосудие, находил отражение и в народной литературе — сказках, рассказах, анекдотах, притчах, в частности в одном из шедевров ин-

дийского фольклора — цикле легенд о Бирбале, приближенном Акбара, именовавшемся «вершителем правосудия» и «мудрым советником» [39, с. 7].

Центральная власть, претендовавшая на миссию защитницы «простых» людей от тирании «сильных», в отдельные периоды не только декларировала свою озабоченность судьбами райатов, но и законодательным путем пыталась ограничить произвол, своеволие и безнаказанность знати. Многочисленными указами запрещались сбор незаконных поборов, всевозможные вымогательства, злоупотребления чиновников фиска, джагирдаров, заминдаров. Большой интерес представляет падишахский указ от 1678/79 г., который объявлял «не дозволенным религией» «наказание богатством», т. е. уплата штрафа лицом, совершившим тот или иной серьезный проступок. Диваны и амины всех округов ставились в известность, что правонарушителей следует карать лишь заключением в тюрьму, смещением со службы, изгнанием и тому подобными мерами; в указе подчеркивалось, что ни один житель махалла не должен соглашаться на принятие денежной компенсации за совершенное против него или его родичей правонарушение¹³. Ранее выплата «цены крови» за убийство практиковалась шире. Так, в XIII в. в Делийском султанате представитель знати, виновный в убийстве человека, был отдан султаном в рабство близким убитого, но откупился, заплатив 20 тыс. танка [28, т. 1, с. 76]. В могольский период выплата «цены крови» перестала быть официально признанной нормой, хотя, несомненно, практиковалась, в особенности среди небольших этносов, не изживших еще норм родо-племенных отношений.

Обязанностью падишаха было заслушивание жалоб своих подданных, обычно у специального окошка-джхарока во дворце. В указе, изданном Джахангиром при вступлении на трон и милостиво подтверждавшем чины, должности, владения, полученные нукерами (слугами) покойного падишаха Акбара, строго запрещалось эмирам присваивать себе право вершить суд, внимая жалобам людей у джхарока собственных резиденций [24, л. 12а]. Об Аурангзебе Бернье писал, что каждый день он «заставляет подавать себе жалобы, которые ему издали показывают в толпе, заставляет прочитывать их себе, вызывает к трону тяжущиеся стороны, расспрашивает их и часто тут же на месте решает дело, хотя существует еще адала-хана, т. е. судебная палата, где он аккуратно присутствует раз в неделю в сопровождении своих главных кади, или судей. Кроме того, он раз в неделю терпеливо заслушивает в течение двух часов десять человек из простонародья, которых ему представляет какой-нибудь добрый и богатый старец» [38, с. 230]. В каждом большом городе, по свидетельству Пельсарта (1626 г.), имелся качхари, или «королевский суд», где диван, бахши (издатель записок Пельсарта полагает, что речь идет о фоудждаре), котвал, казии и другие чиновники ежедневно или четыре раза в неделю собираются вместе и решают различного рода дела, кроме дел об убийстве, разбое или крупной краже, которые входят целиком в компетенцию правителя субы [65, с. 57].

Очевидно, что судебные функции отправлялись целой армией чиновников — субадарами, фоудждарами, главами налоговых ведомств — диванами, котвалами, наконец, казиями. В обязанности субадара, например, кроме его многочисленных функций по управлению провинцией входил контроль за действиями судей-казиев. Согласно 32-й статье посвященного судопроизводству указа Аурангзеба, субадар раз в месяц обязан просматривать дела узников чабутра, дабы не допускать проволочек в разбирательстве дел, способствовать тому, чтобы невинный был отпущен на волю. Так же и градоначальник-котвал должен был лично вникать в дела людей, приведенных в чабутра, и освобождать тех, за кем не было вины [16, т. 1].

Аналогичные обязанности имел мутасадди (букв. «занимающий должность», «заведующий») портовых городов. Как и субадар, мутасадди назначался из центра, был непосредственно подчинен падишаху и имел статус правителя. Кроме сбора налогов он вел следствие по гражданским делам, представлял и исполнительную власть на вверенной ему территории, хотя в порту в числе прочих чиновников (бахши, мухтасиба, даруга и др.) был и казий [245, с. 202].

То обстоятельство, что с XIII в. в Северной Индии, где правили мусульманские династии, судопроизводство стало осуществляться на основе шарията, обусловило участие и особую, едва ли не центральную роль в судопроизводстве мусульманских богословов, знатоков Корана, хадисов и шарията, из числа которых назначались казии, являвшиеся, по существу, государственными чиновниками, представителями центральной власти на местах. Они назначались главным садром — садр ус-судур, он же кази ул-куззат и мир-и адл [245, с. 323—324]; последний термин появляется лишь в источниках могольского времени, его буквальное значение — «глава правосудия», который, в свою очередь, получал должность по приказу падишаха (казии в города-порты, имевшие особый статус, могли назначаться самим падишахом, как и мутасадди и некоторые другие чиновники). В XVII в. передача по наследству должности казия, как и многих других могольских чиновников-мансабдаров, не была редкостью [35, т. 1, с. 75—76]; известен пример того, как в одной семье должность казия передавалась от отца к сыну на протяжении 400 лет [195, с. 22].

Деятельность казиев контролировалась наместниками-субадарами, которым они обязаны были еженедельно представлять доклад о делах. Государство регулировало дни и часы работы казиев, хотя такого рода установления, видимо, часто нарушались. В этом отношении весьма интересен указ падишаха Аурангзеба, гласивший: «Его величеству было доложено, что судьи субы Ахмадабад сидят в судебном присутствии всего два дня в неделю, дважды в неделю — по вторникам и средам — являются к субадару и тремя днями в неделю они наслаждаются как свободными. Вышел падишахский указ, гласящий, что такая практика не существует ни при императорском дворе, ни в субах, почему же она существует здесь (в Гуджарате.— К. А.)? Ходжа Мухаммад Хашим, диван субы, должен

настоячиво требовать, чтобы судьи присутствовали в суде в субботу, воскресенье, понедельник, вторник, четверг; назиму субы они должны представляться в среду, [и только] пятница должна считаться свободным днем. Они должны находиться в суде с раннего утра, чтобы решать дела согласно установлениям религии, уходить в свои дома после полудня» [16, т. 1, с. 275].

Казий разбирал гражданские дела (о браке, разводе, наследстве), заверял своей печатью законность разного рода имущественных сделок (купля-продажа, дарение земли и прочей недвижимости); как лицо, обладающее личным авторитетом, он мог брать на хранение деньги и имущество людей, временно покидавших свой дом (это отражено в фольклорной литературе, см. [39, с. 181]). Однако нельзя согласиться с тем, что уголовные дела не подлежали компетенции казия, как полагал, в частности, С. Н. Синха. Основываясь на документах, хранящихся в архивах Хайдарабада (Декан), У. Н. Дей показал, что казии в различных частях страны занимались решением как гражданских, так и уголовных дел, прибегая к помощи пандитов в тех случаях, когда истец или ответчик были индусами [191, с. 121].

Несомненно, что вся система судопроизводства и деятельность судебных властей были подчинены интересам защиты феодального правопорядка и особых привилегий феодалов. Не случайно Шахнаваз-хан, автор «Маасир ал-умара», биографического «словаря» XVIII в., заметил саркастически, что для вершащих суд «невежественных казиев» городов «священными книгами и шариатом служили реестры дешмукхов и слова заминдаров», представителей землевладельческой знати, которым они служили (цит. по [244, с. 82]).

«Что касается законов,— писал Пельсарт,— то они почти незаметны, так как правление совершенно произвольное¹⁴, хотя и есть книги законов, которые находятся в ведении законоведов-казиев... Но кто осмелится спросить правителя: „Почему ты правишь нами так, а не иначе? Наш закон предписывает то-то“» [65, с. 57].

Объектом судопроизводства практически были исключительно «простолюдины». Это явствует из судебного законодательства Аурангзеба, трактовавшего правила и меры наказания за правонарушения. Одно и то же правонарушение (в частности, нарушение запрета на изготовление и продажу спиртных напитков) влекло за собой разные меры наказания в зависимости от социального статуса виновного. Если правонарушитель был простолудином, его подвергали порке, если же нет, то дело его докладывали двору [16, т. 1, с. 281]. Поэтому, видимо, не был далек от истины Бернье, писавший: «В этих же странах (Турция, Иран, Индия. — К. А.), за редким исключением, которое иногда составляют купцы, судится только всякий сброд или несчастные люди, занимающие одинаковое общественное положение и не имеющие средств подкупить судей или купить лжесвидетелей, которые там бесчисленны, дешевы и никогда не наказываются. Это я слыхал со всех сторон и знаю по опыту нескольких лет» [38, с. 210].

В могольских судьях Пельсарт увидел «безбожных неправосу-

дей» и выражал свое сочувствие тем, кто вынужден обращаться к ним за справедливостью. «Их глаза горят жадностью, их волчьи пасти алкают, а брюхо голодно по куску хлеба бедняка; каждый стоит с протянутой рукой, чтобы [что-то] получить; поэтому никакой милости или сочувствия не может быть, кроме как за деньги. Этот порок свойствен не только судьям и чиновникам, это — всеобщая болезнь; от самого низкого до высшего, включая самого короля, все заражены ненасытной жадностью» [65, с. 57].

Особенно плохо приходилось тем, кто не обладал ни богатством, ни социальным престижем. В случае обвинения бедняка в убийстве или другом тяжком преступлении вряд ли производилось расследование — «уборщики мусора (неприкасаемые) без излишних церемоний тащили его на казнь». Не имел досуга скрупулезно и внимательно изучать суть дела бедняков и казий. Он «быстро отпускает тяжущихся, наградив ту или другую сторону, а иногда и обе палочными ударами по пяткам... И если бы один из этих несчастных, будучи виновен, имел несколько экю, чтобы подкупить судью или писцов, и столько же, чтобы купить парочку лжесвидетелей, то он мог бы выиграть тяжбу или тянуть ее, сколько ему заблагорассудится» [65, с. 211]. Жадность и коррумпированность судей — один из обычных сюжетов восточного фольклора. Он широко представлен и в индийской народной литературе («Бесчестный судья» и др. в «Забавных рассказах» о Бирбале; см. [39, с. 181]).

Отсутствие в индийской деревне сеньориальных судов приводило к расширению компетенции городских судебных инстанций, распространяемых и на сельскую округу. Видимо, именно поэтому суды в городах были буквально завалены делами. Еще в домогольский период в гуджаратской столице Ахмадабаде судебные пошлины составляли значительную сумму в налоговых поступлениях города, а именно 300 тыс. рупий, немногим менее $\frac{1}{7}$ всей суммы сборов с города и $\frac{1}{5}$ поступлений от рынка, т. е. рыночного оборота [16, т. 1, с. 17—18]. Все дела, выходящие за пределы компетенции кастовых судов в деревне, неизбежно поступали на рассмотрение судебных властей в близлежащем городе, в юрисдикции которого она находилась (по данным Абул Фазла, в юрисдикции каждого касаб было от 100 до 1000 деревень [15, т. 3, с. 545—546]).

Архивные документы по Бхагалпуру периода, непосредственно предшествовавшего установлению английского господства, показывают, что главные казии провинции назначали казиев округов-зила, которые, в свою очередь, могли выбирать себе заместителей (наиб-и кази); но и последние имели своих помощников в административных единицах, на которые делились зила. Подобная сеть казиев, видимо, свидетельство проникновения сконцентрированной в городе административно-судебной системы в сельскую местность. П. Саран видит в этом, однако, лишь симптом упадка могольской администрации [245, с. 108, 336]. Как нам представляется, подчиненность деревни судебной юрисдикции города, несомненно, была важным фактором усиления многообразного влияния города на деревню, и прежде всего усиления власти сидевшего в городе феодала.

Концентрация военно-административной, налоговой и судебной власти в городе превращала его в цитадель феодализма, важную опору власти феодала как в самом городе, так и в деревне, препятствуя динамичному развитию городских институтов и самих городов.

Самоуправление городских кастовых общин и феодально-государственная администрация

Государственная администрация в городе была лишь одним из уровней административного управления, который знал докапиталистический город Индии. Кроме него существовало еще два уровня — самоуправление городских кастовых общин соседства и «муниципальное» управление (или элементы его), олицетворявшее в городе власть совокупности общин, вернее их глав, и занимавшее промежуточное положение между двумя вышеназванными администрациями.

Формирование феодально-государственной системы управления и концентрации военно-административной власти в городе не привели (да и не могли привести) к ликвидации корпоративности как принципа организации городских общин (большинство которых были представлены сословно-профессиональными коллективами, спаянными родственными и кастовыми узами), а следовательно, и их самоуправления. В средневековых государствах самоуправляющиеся общины были, безусловно, подчинены государственной машине; вместе с тем они разлагались под воздействием процесса социально-экономической дифференциации в самих общинах. Однако они проявляли определенную устойчивость, существуя параллельно с государственной администрацией, неспособной в условиях феодального общества управлять на уровне как деревенских, так и городских кастовых общин соседства.

Хотя сведения о самоуправлении городских общин Индии крайне немногочисленны для всех периодов средневековья, все же можно сделать ряд заключений:

1) Роль общинной автономии в период раннего средневековья была более значительной, чем в эпоху развитых феодальных отношений, поскольку авторитет и влияние элементов самоуправления общин были обратно пропорциональны силе и централизованности государственного аппарата управления. Централизованные феодальные государства, придя в XIII в. на смену аморфным государственным образованиям племенных княжеств и их конгломератам (государство Харши и Гуджара — Пратихара), неоднородным по самой своей природе и ориентировавшимся частично на свободные еще общинные массы, ознаменовав переход общества к развитым феодальным отношениям, нанесли сильный удар по автономии самоуправляющихся коллективов. Само становление и стабилизация феодально-государственного аппарата происходили параллельно с

угасанием феодальных общинных форм самоуправления, резким сужением их компетенции, влияния, возможностей.

2) Общинная, корпоративная автономия (в деревне и в городе) была более выражена на Юге, чем на Севере (за исключением Гуджарата и Раджастхана), поскольку власть князей и царей здесь была слабее, чем власть суверенов мощных централизованных феодальных государств, каковыми был Делийский султанат в XIII—XIV вв. и Могольская империя XVI—XVIII вв.

3) Заимствованные городскими общинами принципы организации деревенских общин по целому ряду причин (и прежде всего из-за развития рыночных отношений) оказались менее устойчивыми.

Роль и авторитет древних шрени — профессионально-кастовых объединений типа гильдий или цехов — в общественно-политической жизни страны убывали вместе с укреплением феодальной государственной машины. На рубеже древности и средневековья относительно самостоятельностью обладал совет — адхиштхана-адхикарана, включавший 20 вишайа-махатара (глав общин) и упоминаемый в медных табличках времен Гупта. Среди вишайа-махатара называются весьма уважаемый «банкир города», главный купец, главный ремесленник — по-видимому, главы соответствующих гильдий [192, с. 197—198]. Должности членов совета были наследственными [100, с. 112]. Подобные советы (возможно, даже с более широкими полномочиями) зафиксированы на Декане и в послегуптский период, в частности в государстве Чола. Они устанавливали сумму налога и исполняли юридические функции, действуя согласованно с представителями центральной государственной администрации [100, с. 112]. Наличие местного самоуправления на Декане ученые отмечают также для времени Ядавов.

В Северной Индии в послегуптский период некоторые функции по местному управлению осуществляли гхошти (идентифицируемые иногда со шрени), куда входили видные люди города: купцы-махаджаны и представители ремесленных гильдий. Под их управлением состояли городские рынки. Они могли налагать на своих членов налоги для принесения дара храму, контролировали в отдельных случаях налоги с рынков, получали в пользу государства пошлины, сборы с пилигримов [182, с. 362—363].

Городские советы типа адхиштхана-адхикарана и гхошти были схожи с деревенскими панчакула, которые стали играть заметную роль лишь с XIII в. Как и первые, панчакула состояли из глав различных каст; в отличие от панчакула, решавших дела, относящиеся лишь к данной кастовой общине, они следили за соблюдением брачных правил, выносили решения о мере наказания за нарушение законов кастовой общины. Власть панчакула все более подчинялась государству; его члены даже могли назначаться правителем, о чем свидетельствуют некоторые раджастханские надписи XIII—XIV вв. Являясь своеобразным посредником между государственной властью и жителями деревни, панчакула решали вопросы, связанные с землевладением и налогообложением, сбором средств на благотворительные и общественные нужды [238, с. 40—42].

В раннесредневековых государствах наблюдаются догосударственные, общинные институты (либо элементы их), догосударственные формы самоуправления — собрания всех членов общины (сельских или городских), ополчения. Последние в литературной традиции поздней древности и раннего средневековья (Каутилья и следующие ему в этом Агни Пурана, Камандака, Нитишара, Нитивакья мрита) известны как маула-бала («наследственное войско») в отличие от наемного бхрита-бала и митра-бала — видимо, войска, поставляемого царю зависимыми от него князьями [223, с. 44—46]. Так, в Кашмире еще в VIII в. деревенское население в чрезвычайных обстоятельствах выставляло свои отряды в поддержку наемных войск того или иного государя [52, с. 161]. В государственных образованиях, где правили представители раджпутских кланов, отряды из членов того или иного клана иногда вплоть до нового времени составляли основу военных сил князей.

В раннее средневековье в городах Индии время от времени создавали свои отряды и торгово-ремесленные корпорации — шрени. Шрени-бала содержались городскими общинами для охраны жизни и имущества их членов. Цари иногда прибегали к услугам шрени-бала¹⁵.

Уже на протяжении раннего средневековья шрени-бала переживают существенную метаморфозу, связанную с феодальным подчинением самоуправляющихся общин. Некоторые надписи показывают, что шрени, подобно всем прочим вассалам, были обязаны поставлять отряды воинов [249, с. 105]. Так или иначе, шрени-бала после XII в. мало напоминают элемент самоуправляющейся городской общины. Обязанность шрени выставлять воинские контингенты в это время представляется не чем иным, как своеобразной повинностью торгово-ремесленного населения в пользу феодализировавшегося государства.

Калхана, описывая события начала XII в., говорит о формировании горожанами своих отрядов как о чем-то необычном, вызванном чрезвычайными обстоятельствами — непрерывными волнениями и мятежами в правление кашмирского царя Сусалы, когда «в том страшном бедствии... даже ремесленники... взяли за оружие» [52, с. 463]. В другом месте Калхана свидетельствовал: недовольство дамарами, которые грабили аграхары и города, стало столь велико, что «жрецы, как и горожане, дерзко готовились к сражению с ними» [52, с. 478].

В XIV в. Чандешвара, ученый и государственный деятель из Митхилы, прямо и недвусмысленно говорит о том, что входящие в шрени-бала получают плату за службу, но бегут с поля боя, едва только увидят опасность для себя. Такая оценка боевых достоинств отличается от мнения Каутилья, который отдавал предпочтение шрени-бала перед войском, поставленным царю вассальными князьями, мотивируя это тем, что в отличие от этого войска шрени-бала «принадлежат той же стране, что и царь, и разделяют его надежду и судьбу в неудаче и удаче» [223, с. 45].

Можно со значительной долей уверенности предположить, что

в это время термин «шрени-бала» получает иной смысл. Это уже не элемент самоуправляющихся городских торгово-ремесленных общин, а войсковой контингент, выставляемый в порядке вассальной зависимости городскими корпорациями. Судя по приведенному выше свидетельству Чандешвары, это простые наемники, возможно, набранные из деклассированных городских элементов, которые образовали в городах довольно широкий слой заинтересованных в любой работе людей. Такая практика стала особенно выраженной в конце XVII—XVIII в. В источниках этого времени неоднократно встречаются упоминания о касабати (букв. «горожане»). Среди касабати были, видимо, люди весьма состоятельные, которые занимались даже скупкой земли (сведения об этом более обычны для XIX в.). Однако к ним относили и всякий «сброд», перебивавшийся в городах случайными заработками, нанимаясь, в частности, на военную службу. По свидетельству Али Мухаммад-хана, в Гуджарате в период упадка власти могольских падишахов и острой междоусобной борьбы касабати использовались в качестве солдат многими военачальниками и наместниками. «Солдаты Сафдархана (военачальник в Гуджарате при падишахе Фаррух-Сайаре. — К. А.) были главным образом касабати и коли, — читаем в „Мират-и Ахмади“. — Они приходили в ужас от взгляда на поле сражения и боевого строя армии, от пушечных выстрелов, вихря и свиста стрел, падающих тел» и покидали поле боя [16, т. 2, с. 16]. Касабати были многочисленны, в частности, в войсках Шуджаат-хана, наиб-и низама (заместителя наместника) Гуджарата при Мухаммад-шахе; они «никогда не соблюдали боевого порядка и не проявляли стойкости во время сражения»; едва завидя копыта маратхов, они бежали, не пытаясь оказать противнику сопротивления [16, т. 2, с. 56].

Вербовка касабати в феодальные войска была, видимо, связана со все возрастающим скоплением в городах людей без определенных занятий. Несомненно, что именно этот слой поставлял во многих частях страны воинов в сипайские отряды, формировавшиеся французской и английской Ост-Индскими компаниями. Увеличение удельного веса наемных отрядов из касабати было связано и с процессом разложения в позднее средневековье клановых общин раджпутов, джатов, частичной крестьянизации их, что приводило к уменьшению роли отрядов из числа высококастовых общинников-землевладельцев.

Исчезновение института шрени-бала как одного из инструментов самоуправления городских ремесленных и торговых общин — проявление и показатель упадка автономии и подчинения их складывавшейся феодальной администрации государства, которое приспособило существенно урезанные, частично модифицированные общинные органы к своим интересам, прежде всего фискальным.

Элементы контролируемой властями автономии городских общин наблюдаются на протяжении всего средневековья. В XIV в. Шамс Сирадж Афиф со всей определенностью говорит о должности «градоначальника» из горожан, власть которого должна была санкцио-

нироваться властями: «Есть старый обычай среди людей ремесла в обязательном порядке отправлять кого-либо в шахскую ставку (букв. «в войско». — К. А.) для получения дозволения на то, чтобы стать раис-и шахр» [20, с. 290] ¹⁶. Возможно, что в XIV в. раис не был представителем феодальной администрации, хотя и контролировался властями.

Иначе обстоит дело с так называемыми градоначальниками-нагарсетхами в Гуджарате в XVII—XVIII в. Из «Мират-и Ахмади» узнаем, что в 1632 г. фирманом Шах-Джахана громким титулом нагарсетха («сетх города») был пожалован купец и банкир Саху Джавахири в благодарность за крупную денежную сумму, «подавленную» им падишаху. В указе перечислялись его обязанности: следить за поддержанием в городе чистоты и порядка, контролировать базары и заключающиеся на базарах торговые сделки, обеспечивать «благосостояние народа», ограждать людей от «разбойников и смутьянов», заботиться об исправности дорог, городских стен, укреплений, бань и мечетей.

Как видим, некоторые из функций нагарсетха совпадали с функциями котвала: то обстоятельство, что нагарсетх, не будучи мусульманином, должен был по распоряжению властей следить за содержанием в порядке мечетей, показывает, что власти видели в нем представителя государства, а не общинно-кастовой группы.

В отличие от раиса города, который в XIV в., видимо, лишь формально утверждался султаном, нагарсетхи могли назначаться и смещаться падишахом и его наместниками. Так, нагарсетх Хушал Чанд, бывший главным купцом и банкиром города, по наущению «некоторых злонамеренных лиц» был смещен субадаром Мубариз ул-мулком, который назначил нагарсетхом видного торговца шелком Ганга Даса. Вновь назначенный нагарсетх, по словам Али Мухаммад-хана, взимал запрещенные государством чрезвычайные налоговые сборы (бивара) «в полном соответствии с тем, чего желал Мубариз ул-мулк». Позднее Ганга Дас стал жертвой собственной исполнительности: новый субадар Гуджарата махараджа Абхи Сингх, искавший повода, чтобы завладеть богатствами Ганга Даса и его родственников, имевших собственные кархана и вывозивших шелковые ткани из Гуджарата, арестовал его в Бхадра, крепости Ахмадабада, под предлогом, что он собирал запрещенный могольским падишахом бивара; на нагарсетха и других торговцев шелком был наложен штраф в 900 тыс. рупий, который разорил купцов. Нагарсетхом был назначен некий Ахмад из «малой общины» бохра (незадолго до этого произошел раскол бохра-исмаилитов), который в то время «приобрел имя и стал сетхом своей общины» [16, т. 2, с. 136—141].

Титул и должность нагарсетха не были привязаны к одной и той же кастовой общине города. На этой должности, как мы видели, были сначала главы общины банкиров — джайнов-шравиков, затем торговцев шелковыми тканями — вишнуитов, наконец, представитель исмаилитов-бохра. Авторитет нагарсетхов во многом определялся тем, что они были главами религиозно-кастовых общин и

делали богатые подношения культовым учреждениям, выделяли большие суммы на благотворительность (на средства нагарсетхов из общины джайнов-шраваков содержалось, в частности, «убежище для животных»).

Возможно, что должность нагарсетха в отдельные периоды вознаграждалась из каких-либо статей государственных доходов. В 70-е годы XIX в. Лели сообщал, что один из предков Рао Бахадура, бывшего в это время нагарсетхом Ахмадабада, получил в качестве земельного дара округ (?) Палитана [49, с. 114]. Возможно также и то, что в периоды междоусобиц и крайнего ослабления государственной администрации городские общины сами вознаграждали нагарсетхов за те общественные функции, которые они время от времени выполняли наряду с обязанностями государственного представителя¹⁷. Известно, что в 1781 г., когда Ахмадабаду угрожали маратхи, ведущие гильдии признали нагарсетхом Хушал Чанда, который спас город от маратхских разбоев, уплатив в качестве контрибуции большую сумму денег; в знак благодарности ему было дано на «вечные времена» право налагать сбор в 1/4 % стоимости товаров, привозимых в торговый двор города [49, с. 114].

Американский исследователь К. Л. Джиллион видит в институте нагарсетхов XVII—XIX вв. пережиток древних городских институтов, которые в Гуджарате (отчасти в Раджастанхоне) проявляли определенную устойчивость [195, с. 5, 19]. Однако, как нам представляется, хотя нагарсетхи Ахмадабада были всегда главами богатых городских общин, их положение и функции свидетельствуют о том, что они не столько представляли общины города, сколько были чиновниками, ставленниками государства. Решения же, которые они принимали как главы религиозных общин (о праздничных днях и пр.), по словам Лели, полностью игнорировались членами других религиозных общин.

Центральная власть, в особенности при Моголах, стремилась подчинить себе кастовые общины городских торговцев и ремесленников, установить контроль над их деятельностью. В «Аин-и Акбари» среди прочих рекомендаций и предписаний правителям и чиновникам содержится инструкция котвалу города, в которой говорится: «В каждой касте ремесленников пусть назначит он [котвал или начальник города] одного из них начальником, а другого далалом (маклером) и с их ведома составит список покупаемого и продаваемого ими. Ежедневные записи пусть посылает в казну» (цит. по: [85, с. 135—136]).

В попытках могольской администрации урезать компетенцию общинных органов управления и их автономию нет ничего специфически индийского или восточного. Известно, что во Франции XIV—XV вв. (после подавления и разгрома городских коммун), где королевская власть была сильнее, чем в ряде других стран (Германия, Италия), король не только вмешивался в вопросы приема в цех новых мастеров, но даже продавал само право на звание мастера. Разветвленный феодальный административно-налоговый аппарат Моголов в городе функционировал, видимо, довольно эффек-

тивно, проникая в корпоративную структуру городских общин, присваивая или дублируя некоторые функции органов самоуправления. Так, из указа Аурангзеба, изданного на восьмом году его правления, следует, что чиновники фиска взимали сбор в размере 1,5 рупии с «чужаков» — чесальщиков хлопка и маслоделов, которые, придя из других мест, поселялись в городе, становясь членами соответствующих общин. Это значит, что чиновники, по существу, пытались регулировать прием новых членов в данную локальную квартально-кастовую общину. Еще одним налогом, взимаемым чиновниками, был сбор с тех, кто, едва окончив обучение тому или иному ремеслу — вышивке, золотому шитью, изготовлению грубых тканей и пр., — хотел приступить к работе; как отмечалось в указе, чиновники не допускали их к занятию ремеслом, прежде чем «что-нибудь» взыщут [16, т. 1, с. 232]. Специальный налог они брали с купли-продажи домов в городских кварталах (2,5 рупии на каждые 100 рупий стоимости дома) [16, т. 1, с. 260].

Определенные попытки центральная власть предпринимала с целью «открыть» некоторые виды ремесел. Мы упоминали выше об указе Аурангзеба, в котором осуждалась принятая у изготовителей золотых нитей Ахмадабада практика «запрета на профессию», — он объявлялся «противным религии» и подлежал устранению [16, т. 1, с. 293].

Однако подчинение общинно-кастовых органов самоуправления происходило не только в процессе механического наложения на них власти феодалов, ограничения их компетенции, приспособления к интересам феодального государства, и прежде всего фиска. Это происходило также в результате феодализации верхушки городских общин¹⁸ как одного из проявлений развития процесса имущественного и социального размежевания в самих городских общинах.

Частичное сращение феодального административного аппарата с феодализированной верхушкой городских кастовых общин, демонстрировавшее крайний упадок учреждений и норм общинного самоуправления в городе, происходило на протяжении всего периода развитых феодальных отношений в Индии.

Налоговая эксплуатация города феодалами

Статьи городских налогов

Торгово-ремесленное население несло тяжелое бремя налогов и повинностей в пользу феодального фиска, государства, его представителей. В Делийском султанате, Могольской империи и других государствах, где у власти стояла мусульманская феодальная верхушка, нормы шариата лежали в основе налоговой системы и традиционным сбором с торговли и ремесла считался закят в размере 2,5% стоимости проданного товара. Как отмечал Афиф, все товары, привозимые в караван-сарай городов, облагались «справедливым закятом» [19, с. 375]. Из документального материала (в частности, указов Акбара и Аурангзеба) видно, что в XVI—XVII вв. закятом в Индии стали называть налог с доходов не только мусульман, но и индусов.

Денежные налоги в совокупной сумме городских сборов, безусловно, преобладали над натуральным обложением; последнее заключалось также и в принудительном труде ремесленников и отчасти купцов, который по характеру своему был более «феодальным», чем денежный налог. Многочисленность статей городского обложения сверх закята — косвенное свидетельство их обременительности для горожан. Из источников XIV в. узнаем, что все привозимые в Дели товары после выплаты в караван-сараях города закята доставлялись на казенные склады, где взимался дополнительный сбор — дангана, т. е. с каждого танка стоимости товара 1 данг (4 данга составляли 1 джитал; 50 джиталов равнялись 1 танка), или 0,5% [238, с. 99, примеч. 1]. Этот «незаконный» сбор взимался как с местных, так и с иностранных купцов и приносил казне значительные доходы [19, с. 375]. На городских рынках брали особые налоги с продажи овощей, листьев бетеля, рыбы, веревок, гончарных изделий [30]; чунги-йе галла называли пошлину с привоза на городские рынки зерна [238, с. 245—246]; налогом джазари облагались мясники: с каждой зарезанной коровы они платили 12 джиталов [30; 19, с. 376]. Базарные маклеры-далалы, выступавшие посредниками при купле-продаже, платили сбор далалат-и базари [238, с. 245—246].

Налоги платили и ремесленники, нередко сами продававшие свои изделия. Источники называют нильгари, взимаемый с произ-

водителей красителя — индиго, наддафи — с чесальщиков хлопка; сабунгари платили мыловарщики, роугангари — маслоделы [30]. В XIV в. налог с переписчиков писем в Дели был известен как китаби; амири-йе тараб взимали с базарных музыкантов и танцоров. Вне зависимости от рода занятий податные слои среди горожан платили котвали, или налог в пользу градоначальника, ихтисаби — «цензора нравственности» — мухтасиба. Судебные пошлины были известны как дад-беги [30]. Среди прочих налогов упоминается и мустагал. В хронике Афифа читаем: «Что же такое мустагал? Это — налог на земли под домами, лавками (кера-йе замин-и ханеха ва дуканха), им облагались даже вдовы и бедняки, не имеющие средств к существованию» [19, с. 374].

Представление о номенклатуре городских налогов в первой половине XVI в. дает перечень налогов г. Ахмадабада, который вплоть до середины XVIII в. (по крайней мере) хранился в архиве налогового ведомства могольской субы Гуджарат и был в числе тех документов, что Али Мухаммад-хан, диван этой провинции, включил (в оригинале или в изложении) в свой труд «Мират-и Ахмади» [16, т. 1, с. 16—17]. Этот перечень уникален, поскольку дает самый подробный из известных нам списков городских налогов XVI в. вместе с указанием их размера. Анализ этого документа был посвящен доклад автор настоящих строк на XXXIX конгрессе историков Индии в 1978 г. в г. Хайдарабаде.

В документе налоги города разделены на две большие группы. В первую включены: налоги, собираемые с городского рынка (манди), судебные пошлины, сборы с земледелия в городе. Вторая группа налогов более многочисленная. Сюда входят налог с рынка скота, не идентифицированный нами налог дхарича, сборы в пользу чиновников городской администрации — котвали и мухтасиби, налоги, собираемые у ворот города и городских кварталов-пура¹, (налог с ворот?) предместьев; в эту же, вторую группу налогов включены сборы с почтовых операций и перевоза (товаров, возможно, и людей), налоги с владельцев лавок для продажи опиума, шелковых изделий, золотых и серебряных нитей, сургучников, или лакировщиков; наконец, пошлины (мунхи и чунги). Всего в списке поименовано 19 налогов (табл. 1).

Судя по приведенным размерам налогов Ахмадабада, основным был налог с рынка: 1 млн. из 1,55 млн. рупий всех казенных сборов с города. Это вполне закономерно, если учесть, что в средневековой Индии (видимо, и в большинстве других стран Азии) налогом облагалось не производство (во всяком случае, нельзя пренебречь тем, что в средневековых источниках данные об обложении налогом мелких городских товаропроизводителей-ремесленников в зависимости от объема производства отсутствуют), а операции по купле-продаже. Контроль государства над ним, таким образом, был опосредован рыночным оборотом. Большой объем рыночных сборов может служить показателем значительности ремесленного производства Ахмадабада, что подтверждается и нарративными источниками. Правда, на городских рынках продавалась продукция

*Налоги в г. Ахмадабаде (до 1573 г.) *,
рупий в год*

Статьи обложения	Сумма налога
Рынок	1 000 000
Судебные пошлины	300 000
Земледелие в городе	50 000
Итого	1 350 000
Котвали	15 000
Дхарича	50 000
Рынок скота	35 000
Лавки сургучников, или лакировщиков	5 000
Лавки изготовителей золотых и серебряных нитей	10 000
Лавки по продаже опиума	5 000
[Лавки] шелковых товаров	18 000
Перевоз грузов	5 000
Почтовые операции	1 500
Мухтасиб	5 000
Налог с лавок	15 000
Налог с ворот кварталов (пура)	3 500
Налог с городских ворот	13 000
[Налог с ворот?] предместьев	14 000
Мунхи и чунги (пошлины)	5 000
Итого	200 000

* [16, т. 1, с. 17—18].

также предместий отдаленных областей и городов, причем объем ее мог быть немалым, несмотря на мизерность сборов у ворот города и его кварталов (13 000 и 3500 рупий соответственно) и пошлин мунхи и чунги. Возможно, это объяснялось незаинтересованностью в высоких ввозных пошлинах самих феодалов, живших в городе и делавших нередко запасы продовольствия, поставляемого из их икта (земельных владений). Часть продукции икта, вероятно, передавалась ими купцам-агентам для реализации на рынке, где и облагалась основным сбором — налогом с оборота.

Следующую по объему после налога с рыночного оборота крупную статью городских поступлений представляли судебные пошлины — 300 тыс. рупий. Столь существенный объем их, видимо, связан с исторически сложившимся в Индии (как и во многих других странах Азии) отсутствием сеньориальных судов в деревне. Как отмечалось, кастовые суды (панчаяты) решали лишь вопросы, связанные с нарушением кастовых законов. Находившиеся же в городах суды казиев оформляли дарственные и сделки по купле-продаже земельного имущества и прочей недвижимости жителей не только города, но и окрестных деревень. Вместе с тем внушительная общая сумма

судебных пошлин — показатель «социального неблагополучия», проявлявшего себя в фактах грабежа, воровства, неуплаты долгов и т. д.

Третьим по объему, но сильно уступающим двум вышеназванным сборам был бабат-и зераат, или налог с городского земледелия (не путать с налогом с земли, находившейся под городскими застройками — домами, лавками, банями и пр.). В Ахмадабаде он давал казне 3,27% всех налогов города. Налог же с земли под городскими застройками в нашем документе следует видеть за статьями налогов, взимавшихся с владельцев различных лавок. Этот налог хорошо известен и по другим источникам для периодов более раннего и более позднего по отношению ко времени составления списка налогов Ахмадабада.

Налоги второй группы сильно уступали по объему первой группе. Из налогов второй группы более значительными по размеру были сборы с владельцев лавок шелковых товаров, что является косвенным свидетельством их (лавок) многочисленности, с лавок по продаже опиума, облагавшихся, видимо, по повышенным ставкам из особых морально-этических соображений (известно, что употребление наркотиков и спиртных напитков, а также азартные игры считались противными религии и были формально запрещены), налог с перевозчиков грузов, дхарича и пошлины мунхи и чунги; относительно много давал рынок скота; три налоговые статьи — почтовые операции, мухтасиб и налог с ворот пура — давали казне совсем немного — в сумме всего 10 000 рупий; остальные сборы приносили от 10 000 до 18 000 рупий каждый.

Для могольского периода в Гуджарате (после 1573 г.) источники дают многие из вышеназванных и целый ряд других сборов. Число их, а возможно, и размер росли по мере роста торгового оборота, расширения рынка продуктов земледелия и ремесла, равно как и усиления власти феодалов над городом.

Указ Аурангзеба 1672 г. дает перечень большого числа городских налогов, от уплаты которых мусульмане были освобождены. Падишахский фирман предписывал джагирдарам махаллов субы Гуджарат собирать эти налоги с индусов, как в предшествующие времена, в правление Шах-Джахана. Указ интересен тем, что дает представление о многообразных городских налогах [16, т. 1, с. 286—288]. В указе назывались: дорожные и пастбищные сборы с торговцев зерном — банджаров, взимавшиеся с каждой телеги, упряжки вола или верблюда; с продажи на городском базаре рыбаками их улова, выращенных земледельцами в огородах овощей, привезенных в город; с продажи соломы, хвороста, трав, молочных продуктов. Отмене подлежали сборы у переправ с купцов и путешественников, налог с земли под лавками на рынке, с грузчиков, налог с лавок набойщиков тканей, изготовителей чанов или металлических сосудов, в которых варили сахар, чеканщиков каменных и железных гирь, чесальщиков хлопка и маслоделов, поваров. Как следует из текста указа, особые налоги платили изготовители ткацкого навоя; налоги с них отменялись фирманом, как и налог с продажи земли

в городе, некоторые судебные налоги (в частности, особый сбор с ответчика в случае решения судебного дела в его пользу), налог со вступающих в повторный брак. Незаконным действием объявлялось изъятие чиновниками четверти стоимости украденного и возвращенного законному владельцу имущества, равно как и выплаченного долга. Подлежали упразднению сборы с перевозчиков грузов, с уборщиков мусора на зеленом базаре; незаконными объявлялись сборы, которые взымали курьеры-мевары государственной почты (дак-чоуки) за доставку шахских указов и др.

Обложению в городах подлежала фактически любая сделка с недвижимостью и эксплуатация ее. Важным доходным имуществом в городах были лавки, базары, караван-сарай, бани, сама земля, дома, нередко сдаваемые в аренду. Как отмечалось в одном из указов Аурангзеба, когда кто-нибудь рубил дерево (или даже ветку его), стоявшее возле наследственного дома горожанина, даже если дерево угрожало разрушить дом, чиновники фиска взыскивали с него налог [16, т. 1, с. 259].

Многие налоги взымались повторно. В одном из указов Аурангзеба говорится как о не соответствующей закону практике, когда налог за покупку вола перевозчиками грузов платился сначала в месте, где он приобретался (в Бурханпуре), затем там, куда доставлялся (в Ахмадабаде). Дважды брался налог с тех, кто пригонял в Ахмадабад для продажи скот: по прибытии и по случаю продажи; даже если продажа не состоялась и человек был вынужден со своим товаром покинуть город, чиновники и по этому случаю взымали мзду [16, т. 1, с. 262].

Тяжесть налогов увеличивалась из-за злоупотреблений чиновников. Продажность их стала нормой; напротив, добросовестный сборщик налогов вызывал недоверие и даже неодобрение своих «коллег». Как передает Али Мухаммад-хан, человеком редкой честности был его отец, сборщик налогов в порте Камбей. «Я никогда не оставлял неизъятими тех денег, которые подлежали изъятию. Я никогда никого не притеснял изъятием незаконного», — говорил он. Когда, смещенный с должности, он покидал Камбей, жители города, богатые купцы и мелкие торговцы, простолюдины, молодые и старые, в городских переулках и базарах выражали печаль по поводу его отъезда. Свое уважение к нему они выражали подношениями кокосовых орехов, сладостей, цветов, листьев бетеля. Те, кто был еще достаточно крепок, шли, те, кто имел свои средства передвижения, ехали, сопровождая смещенного чиновника несколько километров на его пути из города [16, т. 2].

При всей относительной унифицированности налоговой системы, возможной в условиях централизованного феодального государства, и размер, и номенклатура городских сборов, взымавшихся на каждый данный момент времени и в данном месте, зависели во многом от изобретательности местных чиновников. Не случайно Али Мухаммад-хан писал, что чиновники фиска — канунго, десаи вместе с главами городских общин — сетхами изыскивают все новые способы для обложения налогом ремесленников и купцов [16, т. 1, с. 260].

Так, назначенный Бахадур-шахом субадаром Гуджарата Хан Фируз Джанг обнаружил, что в г. Ахмадабаде в отличие от Бурханпура, откуда он прибыл, не налагали сбора на продажу в городе овощей. Установив этот налог и в провинциальной столице, он назначил чиновников для регистрации у ворот города подвозимых фруктов и овощей. Налогом облагались и те, кто приходил в город с грузом топленого масла (гхи), проносимого на голове [16, т. 1, с. 390—391].

После смерти последнего Великого Могола — Аурангзеба и с ослаблением контроля над деятельностью местной администрации в правление его сына Бахадур-шаха, вступившего на трон уже пожилым человеком, дела в государстве пришли в расстройство. В это время, по словам Али Мухаммад-хана, начало появляться «много новшеств в незаконном изъятии» налогов. Прежде он никогда не слышал и понятия не имел о таком «неприятном налоге», как биура, который в Гуджарате взимали с торговли, ремесла, поголовно и подомно. Этим налогом, который Али Мухаммад-хан называл «особым баджем», были обложены в 1723/24 г. одним из полузависимых от Дели правителей-низамов «все слои городского населения [Ахмадабада] — саррафы, ремесленники, приехавшие купцы». Для сбора биура были назначены жестокие сборщики. Платить его должны были и индусы, и мусульмане; размер его равнялся 3,5 рупии (видимо, вне зависимости от имущественного состояния облагаемого). Сведения об уплате этого налога торговцами и ремесленниками Гуджарата относятся также и к 1730/31, 1740/41, 1744/45, 1752/53, 1754/55 гг. В начале 50-х годов XVIII в. в гуджаратских городах во время сбора биура устанавливали стражу, дабы воспрепятствовать бегству населения или выносу за пределы города денег и товаров.

Централизованное распределение городских налогов между феодалами

Вместе с развитием в Индии служебного землевладения под эгидой государя как главы складывавшейся феодальной иерархии в XI—XII вв. (но в значительно более широких масштабах с XIII в.) земли и налоги городов стали объектом дарений и пожалований отдельным представителям знати. В Делийском султанате и некоторых других государствах Северной Индии XIII—XV вв. городские налоги стали распределяться между феодалами через военно-ленную систему икта, а с середины XVI в. в Могольской империи — через систему джагиров.

Государство как совокупный феодал определяло долю тех или иных представителей правящего класса в прибавочном продукте с земледелия в зависимости от занимаемой должности и чина или ранга (в могольский период — «мансаб»), равно как и номенклатуру и размер городских налогов, включавшихся в жалованье отдельных чиновников, представителей знати.

Большая часть городских налогов резервировалась за центральной властью — государственным казначейством и составляла категорию халиса. Это были чаще всего налоги с рынков и с больших городов и портов, которые, как отмечалось выше, представляли особые махаллы, или паргана, на которые в могольский период не распространялась компетенция правителей-субадаров и которые управлялись чиновниками, назначаемыми непосредственно короной. Так, порты Сурат и Хугли нередко оставались в распоряжении падишахской казны, хотя в отдельные периоды их налоги (видимо, частично), как и налоги других городов, давались в качестве жалованья² должностным лицам [65, с. 42; 58, т. 2. с. 79—80] или приближенным и родичам правителей в знак особой милости. Из зарезервированных за казной городских налогов иногда делались изъятия в пользу должностных лиц, затем выделенные налоговые статьи вновь забирались в халиса.

Налоги городов (как и деревень) централизованным порядком через военно-ленную систему (икта, джагир) попадали в распоряжение отдельных феодалов (мутка, джагирдаров)³, не имевших чаще всего непосредственного отношения к городским службам. Налоги, определенные им в жалованье, составляли лишь часть последнего. Например, «город Ахмадабад, его пригород-хавели, [составлявший особый] округ-паргана, вместе с паргана Петладом и несколькими другими паргана были пожалованы в джагир» первому могольскому субадару Гуджарата Мирзе Азиз Кокалташу сразу же после его завоевания (1572 г.). Жалованье (джагир) Газневи-хана, сына Малик Ханджи Джалори, служившего с 7 тыс. всадников, составляло 10 кроров танка, или 1 млн. рупий; его джагир состоял из Джалора, монетного двора, налога от рынка (манди) и 11 махаллов, включавших 600 деревень, которые давали ему 370 тыс. рупий [16, т. 1, с. 63]. Жалованье чиновников, представителей феодально-государственной администрации в городе (котвал, мухтасиб, казии и пр.), целиком выдавалось из налогов города.

Хотя городские налоги, как видим, подобно феодальной ренте с деревень, давались в качестве жалованья представителям военно-административной феодальной власти, однако налоговая документация существовала отдельно от документации по ренте. Знаменитая статистика до джама (государственному налогу) на 1595/96 г. включала лишь те городские налоги, которые взимались с городских земель.

Однако отдельные крупные феодалы, военачальники и пр., получая в качестве жалованья налоги городов, в особенности небольших, стремились к максимально возможному расширению своих прав в отношении населения и самой территории городов. С такого рода притязаниями центральной власти порой приходилось считаться. В этом отношении интересен рассказ Ибн-Батуты, согласно которому делийский султан Мухаммад-шах Туглак дал в икта эмиру Гийас уд-дину Мухаммаду, отпрыску рода аббасидских халифов, который прибыл в Индию из Мавераннахра и поступил на службу к султану, «город (мадинат) Сири» (часть Дели, возникшая как

ставка-резиденция Ала-уд-дина Хилджи, правившего в конце XIII — начале XIV в.) и еще 7 деревень. Спустя некоторое время султан приказал построить в Сири дворец для одного из своих приближенных. Гийас уд-дин Мухаммад был крайне раздосадован этим и хотел покинуть Дели и вернуться в Мавераннахр. Султан был вынужден отказаться от своего намерения [51, т. 3, с. 262].

Должностные лица, стремясь к власти, которой они не были наделены де-юре, присваивая себе те или иные прерогативы, в случае нужды, когда им не удавалось реализовать даже предоставленные им права, не прочь были вспомнить, что обязаны своим положением государству, представителями которого в городах они являлись. Так, в 1693/94 г. назим субы Гуджарат — Шуджаат-хан через начальника почты Яр Мухаммада поставил в известность Аурангзеба об ущербе, который он терпит в результате того, что в Ахмадабаде «многие люди основали новые махалла и сами собирают пошлины с повозок с зерном... Поскольку различные налоги⁴ города пожалованы мне, такое положение вещей наносит ущерб доходам государства. Падишахский указ был издан на имя дивана субы о том, что „необходимо узнать действительное положение вещей и установить, чтобы торговцы зерном не привозили свои товары в новые предместья, а доставляли бы их, как прежде, в старые, чтобы не было потерь в налоге Шуджаат-хану, которому различные налоги пожалованы“» [16, т. 1, с. 316].

Сеньориальные города в Индии в XIII — середине XVIII в. были, видимо, редкостью. Возможно, что к этому типу ближе всего подходят некоторые небольшие города, принадлежавшие храмам и другим культовым учреждениям, религиозным общинам или семьям представителей духовного сословия, которым обычно жаловались не только права наследственного владения, но и налоговый и административно-судебный иммунитет. Примером тому может служить небольшой городок вблизи Ахмадабада — Расулабад. Как писал в середине XVIII в. автор «Мират-и Ахмади», Расулабад был основан некогда знаменитым шейхом Шах-Аламом в дни правления в Гуджарате династии Танк. С этого времени городок являлся местом поселения потомков шейха, представителей бухарских сайидов Индии. Деревни (карийат), расположенные близ Расулабада, были пожалованы сайидам в качестве «мадад-и мааш ва хардж» (букв. «средств для пропитания и расходов»). «Ни один назим (правитель субы Гуджарат), — писал Али Мухаммад-хан, — не тревожил население Расулабада»; с давних времен родичи и потомки пожалованного шейха сами «разбирали дела и решали споры, [касающиеся] ремесленников и [вопросов] купли-продажи земли» [17, с. 15—16]. По свидетельству Ибн-Батуты, г. Аджудхан (Пенджаб), где находился монастырь — ханака известного своей добродетелью шейха суфийского ордена чиштие Фарид уд-дина Ганджшакара (XIII в.), был пожалован ему делийским султаном в качестве инама (букв. «дар», наследственное и иммунитетное владение) [51, с. 3, с. 135].

Особенно многочисленны в источниках (прежде всего в надпи-

сях) свидетельства о дарениях храмам, мечетям и другим культовым учреждениям доходов от того или иного вида торговли, ремесла, рыночных сборов. Раджастханская надпись 1434 г., например, трактует, о дарении храму 14 танка из суммы налога, собираемого с местного рынка; согласно джайнской надписи из Раджастхана же, храму жаловался налог с провозимых через Моркхана (округ Биканер) грузов в размере 6 танка [248, с. 333].

Права религиозных учреждений и общин в городах могли возникать как в результате дарений (государством, отдельными феодалами, самими городскими общинами и частными лицами), так и благодаря покупке ими в городе тех или иных сдаваемых внаем помещений — лавок, караван-сараяв, домов; сведения об этом имеются в ряде документов из архивов двух религиозных общин XVI—XVIII вв. — йогов Джахбара и вишнуитов Пиндори (тот и другой городок находятся в Пенджабе) [60; 61].

Городские налоги, зарезервированные за казной или выделенные в качестве жалованья должностным лицам городской и не городской службы, а также поднесенные в качестве дара религиозным учреждениям и общинам, могли сдаваться на откуп, как и налоги с земледелия. Так, вступив на трон, Фаррух Сайар пошлины и базарные сборы с рынка в Ахмадабаде дал на откуп Мухаммаду Джафару, дяде Али-Мухаммад хана [16, т. 2].

Откупщиками городских налогов бывали должностные лица феодальной городской администрации — даруга (полицейский чин) рынка тканей или сам котвал, но все чаще ими становились представители торгово-ростовщического капитала. Так, в Гуджарате при сыне Аурангзеба — Бахадуре (1707—1712), когда возобладали тенденции децентрализации, субадар Гуджарата назначил откупщиком-карори рынка маклера-далала; теперь он «восседал в налоговом ведомстве» и стал вершить те дела, которые «согласно государственным правилам» были делом шахских чиновников; последним осталось «лишь их название» [16, т. 1, с. 343].

В городах кроме огромной армии чиновников городской администрации, состоявших на жалованье у государства, которое выплачивалось из городских же налогов, была, видимо, немалочисленная группа тех, кто не получал официально определенного жалованья и обеспечивал себе средства всякого рода вымогательствами и поборами с населения. Так бывало даже в периоды относительной стабилизации и «порядка». Например, в 1688/89 г. главный казий Ахмадабада доложил Аурангзебу, что, в городе в судах, в катчири (ведомство по сбору закята и других налогов) и в диване служат стражниками люди, которые не получают жалованья и поэтому «взимают деньги с жителей и причиняют им беспокойство и ущерб». Поэтому был издан падишахский указ, который запрещал такие действия под страхом наказания [16, т. 1, с. 284].

Таким образом, сложная, часто многоступенчатая система сбора городских налогов, практика откупа их приводили, как и в деревне, к значительному усилению налогового бремени, лежавшего на городских производителях-ремесленниках и торговцах. Факт концен-

трации в городе мощного феодально-государственного аппарата делал город едва ли не более беззащитным перед лицом феодала, чем саму деревню.

Удельный вес городских налогов в доходах феодального государства и феодалов

Для установления роли городов в общественно-экономических отношениях в средневековых государствах большое значение имеет определение удельного веса городских налогов в общей сумме доходов феодалов, хотя и не вызывает сомнения то, что в средневековой Индии основным источником богатства и могущества феодалов была эксплуатация земледельческого населения. Исследование экономической роли города в средневековых обществах чрезвычайно затруднено отсутствием данных, в особенности статистических. Индийские историки в последние два десятилетия все чаще обращаются к материалам архивов; публикации и исследования этих материалов, несомненно, продвинут знания в этой области, в которой до настоящего времени сделано еще крайне недостаточно.

Обращаясь к статистическим данным по земледельческому налогу Гуджарата до 1573 г. и располагая данными о налоговых поступлениях от ряда городов и земледельческих округов, можно составить некоторое представление о соотношении между ними. Как явствует из налоговых документов времен последнего султана Гуджарата, саркар Ахмадабад, включавший 10 округов-паргана⁵ с 914 деревнями, в качестве совокупной феодальной ренты платил 3 млн. рупий. Это значит, что сумма налоговых поступлений г. Ахмадабада того же времени — 1,55 млн. рупий — соответствовала налогу примерно с 457 деревень, или половине налога саркара Ахмадабада.

Поскольку деревни были неодинаковы по площади облагаемой земли (включавшей землю под посевами, под строениями, под лугами и даже небольшими участками леса в границах поселения [202, с 5—6]), имеет смысл сопоставить городские налоги с налогом с единицы земельной площади, однако в этом случае необходимо учитывать различную продуктивность земель.

Если допустить, что налоговые ставки при Акбаре в 1595/96 г. примерно соответствовали ставкам при гуджаратских султанах, получим: налог с Ахмадабада 1,55 млн. рупий, выраженный в дамах⁶ (62 млн.), был равен 29% налога (джама) с саркара Ахмадабад с его более чем 8 млн. бигха земли, т. е. соответствовал налогу примерно с 2,3 млн. бигха. Если принять за площадь 1 деревни 2144 бигха-и иллахи (3859 бигха-и дафтари), вычисленную на основании данных статистики времен Аурангзеба, то найдем, что 2,3 млн. бигха могли распределяться между 1082 деревнями. Однако расхождение с результатом первого нашего вычисления (457 деревень) будет не столь велико, если помнить, что в «Мират-и Ахмади» содержатся сведения о совокупной феодальной ренте с деревни, а «Аин-и Акбари» — о джама, на которую претендовало государство (или

джагирдар) и которая равнялась лишь 55,56% всей совокупной ренты [224, с. 91—121; 225, с. 401].

Исходя из этого, 1,55 млн. рупий налога с Ахмадабада будут соответствовать налогу не с 1082, а с 601 деревни; это хотя и превосходит результат нашего первого вычисления, однако вполне сопоставимо с ним.

Для коррекции может быть предложено еще одно вычисление, основанное на учете производительности 1 бигха земли, которая хотя и не была величиной постоянной, но для одного и того же региона в пределах двух-трех десятилетий едва ли сильно изменилась. При обмеренной в одной средней гуджаратской деревне площади в 2144 бигха земли совокупная рента деревни должна была равняться около 104 тыс. дамов, или 2604 рупии (при 27 дамах джамы и, следовательно, 48,59 дама совокупной ренты с 1 бигха). Это значит, что сумму, равную налогу с г. Ахмадабада, выплачивали примерно 595 гуджаратских деревень.

Естественно, однако, что результаты вычислений будут иными, если сравнивать налог г. Ахмадабада с налогом деревень других суб и даже других саркаров той же субы Гуджарат, поскольку различными были как облагаемая налогом площадь деревень, так и производительность 1 бигха. Вся сумма джамы 12 могольских суб (Аллахабад, Агра, Ауд, Аджмир, Ахмадабад, Бихар, Бенгалия, Дели, Кабул, Лахор, Мультан, Мальва) после 10-летнего налогового регулирования была определена в «3 629 755 246 дамов (или в 90 743 881 рупию) и 12 лакхов листьев бетеля» [44, с. 129]. Следовательно, налог с Ахмадабада составлял 1,7% джамы (без учета доходов от листьев бетеля) всех 12 суб, или 0,95% совокупной ренты (55,56% которой составляла джама) с той же территории.

Документы налоговой канцелярии домогольского Гуджарата содержат сведения о налогах с некоторых других городов этой области: налог «с рынка и земледельческий налог касбы» Бароды составлял 500 тыс. махмуди-чингизи⁷ (или 400 тыс. рупий), налог с г. Паттана — «рыночные сборы, котвали и земледельческий налог касбы» — 160 тыс. рупий.

Очень условно может быть вычислен налог с Сурата, который за вычетом налога порта, беря сборы от рынка и земледелия касабы с его 31 махаллом (здесь, несомненно, городские кварталы) и 996 деревнями давал 50 лакхов (махмуди) чингизи, т. е. 4 млн. рупий, или 160 млн. дамов. Отделить налог с деревень от городского налога весьма сложно. Если принять за средний размер деревни 2144 бигха, а за среднюю совокупной ренты — 26,09 дама (при джаме 14,5 дама) [14, с. 261—262], получим, что одна деревня области Сурат в домогольский период должна была платить 55 937 дамов, или 1399 рупий, а все 996 деревень — 1 393 404 рупии. Это значит, что городской налог с Сурата (без порта) составлял 2 606 596 рупий, что превосходило даже налог с Ахмадабада. Впрочем, едва ли можно настаивать на абсолютной достоверности полученных результатов.

К сожалению, приводившиеся выше абсолютные значения нало-

гов с некоторых гуджаратских городов мы не можем ни сопоставить, ни дополнить данными статистики «Аин». Цифры налога здесь относятся, как правило, к фискально-территориальным единицам, включавшим до десятка или нескольких десятков деревень, которые находились в налоговой юрисдикции города, и к самому городу. Лишь в отдельных случаях городской налог дается дифференцированно от налога с его земледельческого округа и пригорода. Но в обоих случаях джама города — это лишь налог с обмеренной земли, включающий, видимо, земли и под огородами, садами и пр., и под городскими строениями, а не вся сумма городских поступлений.

По мнению Ш. Мусви, неземледельческий доход казны в сумме джамы в конце XVI в. составлял 10% [225, с. 401]. Эта оценка представляется нам сильно заниженной в свете наших подсчетов, показывающих, что налоги только одного города (хотя и перворазрядного, но не единственного) — Ахмадабада — равнялись примерно 1% совокупной ренты 12 могольских суб. Наша предположительная оценка неземледельческого дохода феодалов в Индии в конце XVI и в XVII в. — не менее 20—30% всех доходов феодалов. Она базируется на том, что: 1) в 12 могольских субах было не менее 10 городов хотя и уступавших Ахмадабаду, но вполне сопоставимых с ним по уровню развития ремесла и торговли; 2) весьма значительны должны были быть доходы феодалов от налогов в более чем 100 городах — центрах суб и саркаров и почти в 3 тыс. касаб; 3) ремесло и торговля были сосредоточены не только в городах, но и в окрестностях городов и в близлежащих к ним деревнях; 4) сумма джамы могольских суб в статистике «Аин» лишь условно может быть принята за сумму земледельческого налога, взимавшегося государством; в действительности в ряде случаев она включает также и неземледельческие доходы государства, а именно налоги с земли в городах, с копей, рудников, приисков, облагавшихся по весьма высоким ставкам.

Об огромных размерах государственных сборов с городов, торговли и ремесла можно судить по тому, что во второй половине XVII в. только дорожные пошлины (рахдари) на провоз продовольствия, «зерна и всего, что предназначено для еды и питья» составляли 2,5 млн. рупий в год. Эта цифра называется в указе Аурангзеба 1658/59 г., изданном в связи с нехваткой продовольствия во многих городах страны в результате войн и мятежей, нарушивших нормальные коммуникации. Эти налоговые статьи, как отмечалось в фирмане, были статьями доходов эмиров и мансабдаров в их джагирах и «приносили огромные богатства» [16, т. 1, с. 221]. Если учесть многообразие налогов, которые выплачивались торговцами и ремесленниками — жителями городов, и то, что пошлины с продовольствия были лишь одной и, видимо, далеко не самой значительной статей в неземледельческих сборах государства (судя хотя бы по реестру налогов Ахмадабада), можно предположить, что все городские сборы во много раз превышали сумму рахдари и приближались к предложенному нами размеру — 20—30% совокупной феодальной ренты.

Государственное регулирование налогообложения городов

Государственная налоговая политика имела целью регулярный, своевременный полный сбор установленных налогов. Уплата торговцами, ремесленниками и некоторыми другими жителями городов налогов возводилась в обязанность, как и феодальная рента, взимаемая с земледельческого населения. Неплательщики и должники могли быть подвергнуты всякого рода насилиям и принуждению — побоям, заключению в тюрьму и даже казнены. Этой цели — сбору налогов — была подчинена деятельность не только собственно налоговых чиновников (диванов, мутасадди, аминов и пр.), но и полицейских (котвал, мухтасиб) и судебных властей (казиев). Самоотсутствие строгого разделения функций по сбору налогов, функций военно-полицейских и судебных свидетельствовало о том, что эксплуатация городского населения (как и сельского) совершалась на основе внеэкономического принуждения.

Вместе с ростом городов, развитием ремесла и торговли росла заинтересованность феодалов в обложении горожан. Контроль государства становился все более жестким в целях увеличения доходов от городов, усложнялись система контроля и аппарат, осуществлявший его. Об этом свидетельствовала законодательная деятельность могольских падишахов, издавших десятки, если не сотни указов, касавшихся регулирования городских налогов и их сбора. Весьма показателен падишахский указ 1702/03 г., содержащий требование к налоговым чиновникам во всех провинциальных городах ежемесячно по почте (с гонцами) отправлять к падишахскому двору документацию по сбору на местах налогов и пошлин [16, т. 1, с. 314]. Некоторые из указов имели целью недопущение задолженности и укрывательства лиц, уклоняющихся от уплаты налогов. Эту цель преследовал, видимо, упоминавшийся нами фирман падишаха Акбара, обязывавший котвала вместе с другими чиновниками проводить перепись населения городских кварталов с указанием рода занятий, не допускать выезда жителей из квартала без предварительного извещения специального чиновника, равно как и въезда и поселения в квартале чужака, не имеющего поручителя.

Сбор городских налогов через верхушку (сетхов, пателей) городских кастовых общин соседства, действовавшую на местах в тесном контакте с государственной администрацией, существенно облегчал сбор налогов в городах с местных производителей и торговцев.

Сложнее было регулировать сбор пошлин с торговли между городами и их земледельческой округой, с межобластной и внешней торговли, поскольку происходило движение больших масс товаров, производимых или приобретаемых в одном месте и реализуемых в других⁸. Твердые правила взимания пошлин сплошь и рядом отсутствовали, предписанные государством правила часто нарушались, а также иногда менялись самими же властями в целях извлечения максимальной выгоды. Все это создавало возможности

для злоупотребления со стороны чиновников и для всевозможных комбинаций купцов, пытавшихся избежать уплаты «законных» и «незаконных» поборов. Дабы пресечь возможность таких комбинаций, в частности подделки купцами документов, удостоверяющих предоставленное им двором право свободного провоза товаров, падишахский фирман 1693/94 г. обязывал диванов провинций отсылать ко двору за своей печатью копии документов, которые предъявлялись купцами [16, т. 1, с. 299].

Нарушались и установленные Аурангзебом правила уплаты закята индусскими купцами. Поскольку он освободил от закята купцов-мусульман (с индусов закят взимался в размере 5%), то купцы-мусульмане договаривались с индусскими купцами и провозили беспошлинно их товары под видом своих собственных. Как говорится в указе Аурангзеба, изданном на 25-м году его правления, это стало известно падишаху; в связи с тем что этот «великий обман» наносил убытки бейт ул-малу, он распорядился восстановить закят с мусульман, облагая их в соответствии с шариатом $1/40$, или 2,5% [16, т. 1, с. 266].

Подобные меры против злоупотреблений были часто неэффективны из-за нестабильности власти, частых политических перемен, царившего беззакония и феодального произвола. Отмененные налоги продолжали взиматься при преемниках законодателя, упразднившего их, и даже при нем самом. Так, прибывший в Индию в 1334 г. Ибн-Батута писал, что здесь в правление делийского султана Мухаммад-шаха Туглака с купцов под разными предлогами забирают четверть стоимости товара, который они везут. Спустя два года после его прибытия вышел указ султана о том, чтобы «не брать с населения ничего, кроме закята и ушра»⁹ [51, т. 3, с. 117]. Однако нет сомнений, что этот указ остался на бумаге; известно, что при Мухаммад-шахе возросло налогообложение, именно при нем стали весьма обременительными абвабы, т. е. налоги сверх предусмотренных законом (шариатом) (по словам Зия уд-дина Барани, они были введены при этом султанине [23, с. 473]). Общая направленность политики Мухаммад-шаха — увеличение налогового бремени [89, с. 138—142], в том числе и с горожан, что обусловило резкое обострение при нем, особенно в последние годы правления, социальной напряженности в государстве и широкий размах городских волнений.

Первая в Делийском султанате акция центральной власти, имевшая целью облегчение положения горожан, была предпринята не Мухаммад-шахом (свидетельство Ибн-Батуты об ограничении им налогов с торговли лишь закятом не находит подтверждения у индийских персоязычных историков), а его преемником — Фируз-шахом Туглаком. Придя к власти в 1351 г., Фируз-шах начал правление с подавления выступлений махдистов, исмаилитов и других сектантов. Вместе с тем он нашел, что «при прежних султанах существовали крайне неразумные законы, которые обязывали райатов (здесь: крестьян.— К. А.) и других подданных государства платить разорительные налоги... Султан Фируз-шах,— писал историк

Шамс Сирадж Афиф, — устранил все поборы, не дозволенные ша-риатом, а те, что были дозволены, уменьшил. В соответствии с законом он приказал дивану отменить все требования сверх налога, который следовало взимать, — два джитала на один танка; если какой-либо чиновник взыщет сверх указанного, он будет казнен» [19, с. 98—99]. Зия уд-дин Барани сообщает о распоряжении султана «взимать харадж и джизию в соответствии с устанавливаемым размером дохода и освободить людей от чрезвычайных поборов (кусамат, мн. ч. от кисмат), надбавки на поборы (зиядат-и талабиха), обложения без учета потерь (набудха) и обложения, основанного на предположительной [оценке] (тассавури)» [23, с. 574].

Фируз-шах нашел нужным облегчить и положение горожан. Им были сняты с населения такие незаконные налоги, как дангана, который взимался как с местных, так и с иностранных купцов в размере 1 данга, равно как сборы с продажи на рынках гончарных изделий, рыбы, веревок, овощей, листьев бетеля, сбор с базарных посредников-маклеров, пошлину с ввозимого на городские рынки зерна (чунги-йе галла), сбор с мясников, целый ряд налогов с ремесленников — производителей индиго, чесальщиков хлопка, маслобойщиков, мыловаров, продававших на рынке свои товары, с представителей «свободных» профессий — переписчиков писем, базарных музыкантов, танцоров и др. Многие из перечисленных налогов, отмененных султаном, по свидетельству историка начала XVII в. Феришты, были упомянуты в его указе, который был высечен на стене мечети в Фирузабаде. Об отмене этих же налогов говорится в «Футухат-и Фируз-шахи» («Победы Фируз-шаха»), написанном им самим или по его приказу вскоре после вступления на трон [30].

Правление Моголов открывает новую страницу в налоговом законодательстве центральной власти, свидетельствовавшем о том большом значении, которое придавалось развитию торговли и ремесел, защите интересов состоятельных торгово-ростовщических слоев городского населения.

Знаменательно то, что одной из немногочисленных государственных акций основателя и первого правителя Могольской державы в Индии Захир уд-дина Бабура было издание известной «Грамоты», которая кроме запрета изготовления, хранения и употребления вина как не дозволенного религией провозглашала также и отмену торгового налога — тамги: «Мы сложили с мусульман тамгу во всех землях, хотя властители прежних времен всегда взимали ее... и вышел приказ не брать и не взимать тамги в городах и селениях, на дорогах, путях, переправах и плотинах» [36, с. 360]. Правда, речь идет об освобождении от пошлины только мусульман и мотивируется это тем, что тамга не санкционируется мусульманским законом.

Принципиально иной подход к проблеме представлен в законодательных актах падишаха Акбара и его преемников. В 1590/91 г. по «всем областям Хиндустана» был разослан указ «Об отмене закята», копия его сохранилась в налоговой канцелярии субы Гуджарат и была включена Али Мухаммад-ханом в «Мират-и Ахма-

ди». В указе говорилось, в частности: «Отмечены и упразднены все сборы с (продажи.— К. А.) всех сортов злаковых, зерна, овощей, [приготовленной] пищи, парфюмерии, масла, соли, сахара, различных благовоний, всяких равновидностей льна и хлопка, утвари, золотых изделий, дерева, топлива, соломы, сена и других товаров, которые являются предметами спроса людей и необходимы для жизни высших и низших (слоев.— К. А.); исключение составляют налоги с (продажи.— К. А.) лошадей, слонов, верблюдов, овец, коз, оружия, шелковых тканей, которые собираются во всех частях государства в форме тамги, дорожных пошлин, однопроцентного налога (йек-сади)» [16, т. 1, с. 148].

Как видим, отмене подлежали прежде всего налоги на предметы широкого потребления, продукты питания и сырье для ткацкого ремесла; налоги сохранялись лишь на скот и изделия относительно узкого спроса (оружие, шелковые ткани); золотые изделия, упомянутые вслед за утварью, имели, как известно, и ритуальное назначение, поэтому не должны рассматриваться как предмет роскоши; покупателем лошадей, верблюдов, слонов, оружия, шелковых тканей была знать, впрочем как овец и коз, мясо которых употребляли в пищу не индусы, составлявшие основную массу населения, а мусульмане — феодальная элита в государстве Акбара. Целью указа объявлялась защита «слабых». Чиновникам строго вменялось в обязанность следить за тем, чтобы «нога тирании неблагоприятных верхов не давила бы на головы низших, лежащих во прахе... Мы устранили полностью на всё перечисленное налоги, которые умножали наши сокровища и наполняли нашу казну» [16, т. 1, с. 149].

В «Установлениях» преемника Акбара, названных «Аин-и Джахангири» (по аналогии со знаменитым трудом Абул Фазла Аллами «Аин-и Акбари»), говорилось, что бремя пошлины и дорожных сборов, которые в правление Акбара давали казне 1600 маундов золота, было снято им «с божьих созданий» [16, т. 1, с. 160]. Не вызывает сомнения, что налоги эти продолжали собираться чиновниками: при Джахангире, как при Акбаре, несмотря на торжественное заявление об их отмене. Это видно из слов самого Джахангира, совершившего путешествие в Гуджарат и описавшего, в частности, этот край в своих мемуарах «Джахангир-наме». Он писал, что при султанах Гуджарата, т. е. до включения этой провинции в состав Могольской империи в 1573 г. налог с торговли здесь был очень велик. Видимо, значительным он оставался и при Акбаре. Джахангир распорядился, чтобы с купцов Камбея взымали лишь $\frac{1}{40}$ долю торгового оборота, т. е. те же 2,5%. Однако в других портах, свидетельствовал Джахангир, чиновники по-прежнему взымали $\frac{1}{2}$ долю («десять из двадцати долей») и причиняли всевозможные беспокойства купцам и путешественникам [24, с. 254б].

Многочисленные указы, карающие лихоимство и вымогательства чиновников фиска, упраздняющие различные, не санкционированные властями сборы, были изданы Аурангзебом [16, т. 1, с. 232]. Историк Хафи-хан писал в середине XVIII в., что этим падишахом было упразднено 80 налогов, большая часть которых — городские сбо-

ры: «Но хотя он отменил эти абвабы и издал строгие указы, запрещающие их взимать, абвабы, кроме пандари, который собирался главным образом в столице и резиденциях наместников, продолжали собираться на местах фоудждарами и джагирдарами». Причину этого историк видел в том, что «в дни правления падишаха Аламгира (Аурангзеба) во всем государстве Индостан в сердцах джагирдаров, фоудждаров и заминдаров не оставалось страха перед наказанием» [32, т. 2, с. 89].

* * *

Таким образом, город, городское ремесло и торговля являлись важным объектом налоговой эксплуатации феодалами, которые в XIII—XVIII вв. распределяли между собой городские налоги главным образом через систему служебного землевладения, хотя немалые доходы представители знати имели от принадлежавшей им в городах недвижимости (базаров, лавок и пр.).

Среди городских налогов преобладали денежные сборы с рыночного оборота, меньшее значение имели налоги с городского земледелия, с городских ворот и ворот отдельных кварталов и многие другие сборы. Относительно значительными были судебные пошлины, что связано с административными функциями города в отношении сельской местности.

Удельный вес городских налогов достигал, видимо, 20—30% доходов государства в целом. Государственная налоговая политика, защищавшая интересы класса феодалов прежде всего, была направлена на обеспечение своевременного и максимально возможного (без риска нанести ущерб благосостоянию городов) обложения торгово-ремесленного населения. Однако эта политика не могла полностью игнорировать интересы последнего, в особенности верхушки торгово-ростовщического капитала и некоторых ремесленных кастовых общин, представлявших в XVI—XVIII вв. своеобразную городскую олигархию (патрициат), все более сливавшуюся с феодальным административным аппаратом. Попытки центрального правительства, представителя «порядка в беспорядке», ограничить феодальный разбой встречали сопротивление как военно-служилой знати, так и самой феодализировавшейся части городского населения из торговых и ростовщических каст, приобщенных к феодальной эксплуатации в деревне и налоговой — в городе.

Глава V

Социальная борьба в городе

Для типологизации средневекового города, определения его специфических особенностей и уровня развития, достигнутого в доколониальный период, важное значение имеет исследование социальной борьбы в городе. Она начинает обнаруживать себя по мере укрепления «бюргерства» («мардум-и шахр») — городских торговых и ремесленных слоев в период развитых феодальных отношений (с XII—XIII вв.), а подспудно — в течение одного-двух столетий, предшествовавших этому. Назревание социальных конфликтов, недовольство среди торговцев и ремесленников в городах раннего средневековья отразила поэзия натхов (Чарпат и др.), дерзко выступавших против брахманства, осуждавших общественное неравенство, находившее воплощение в кастовой иерархии, клеймивших порочность и своекорыстие власть имущих. Их проповедь отказа от мирских благ и радостей, необходимости нравственного самосовершенствования через аскезу была отражением социального протеста различных слоев населения, в том числе ремесленного люда. Не случайно в соответствии с традицией (возможно, поздней) Горакнатх, один из крупнейших представителей этой поэзии, считался по происхождению ткачом. О связи натхов с народной средой свидетельствуют также элементы фольклора в их творчестве.

Мы различаем три этапа, или периода, социальной борьбы торговых и ремесленных элементов («бюргерства») города эпохи развитых феодальных отношений (XIII — середина XVIII в.), соответствовавшие различным периодам в развитии средневекового города.

Первый период (XIII — XIV вв.) — время разрозненных, изолированных друг от друга сектантских выступлений (нередко в русле феодальных мятежей). Этот период отмечен разобщенностью горожан по корпоративным, кастовым, религиозно-сектантским группам и отсутствием сознания общности их интересов и антагонистичности этих интересов существовавшему общественному порядку.

Второй период (XV — середина XVI в., кое-где начало XVII в.) мы считаем временем укрепления «бюргерства», усиления солидарности его и оппозиции феодальным властям. Проявилось это в распространении течений, утверждавших «единство» и «братство»

и осуждавших сектантскую изолированность и вражду между отдельными группами (религиозными, кастовыми, сословными) горожан, защищавших свои права как особой социальной категории и отрицавших привилегии и приоритет феодальной элиты (и светской, и духовной). Наиболее ярким выражением этого стало движение бхакти.

Третий период в развитии социальной борьбы в городе датируется нами от середины XVI в. (кое-где начала XVII в.) до установления колониального господства в середине XVIII в. Он характеризуется спадом движения бхакти в результате углубления социальных различий среди горожан и антагонизма между ремесленным людом, наемными работниками, с одной стороны, и богатым купечеством — с другой. Крупное купечество под влиянием политики феодального государства, стремившегося расширить свою социальную базу за счет городской верхушки и все более ухудшавшихся в связи с европейской экспансией условий для «большой коммерции», сильнее проявляло тенденцию к феодализации при одновременном усилении среди представителей торгового капитала ростовщических и компрадорских элементов, что не могло не ослабить социальную борьбу в городах, сопротивление их феодалам.

Ф. Энгельс отмечал: «Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания» [7, с. 361]. Для многих городских движений в Индии было характерно сочетание всех упомянутых форм антифеодальной оппозиции: еретические учения часто содержали в себе элементы мистицизма; и те, и другие могли становиться знаменем вооруженной борьбы.

Вне зависимости от формы оппозиции борьба городских торгово-ремесленных слоев на первом этапе отличалась невычлененностью из феодальных восстаний и мятежей, руководители которых были враждебны правящей группировке. Это свидетельствовало об относительной слабости городских элементов и их незрелости в XIII — XIV вв. Союз этот с феодалами облегчался «присутствием» феодалов в городах, где они имели определенные экономические интересы — владели недвижимостью, базарами и пр. Пример такого движения — восстание 1301 г. в Дели под руководством Хаджи-Моула, вассала («раба») старого котвала Дели, смещенного Ала уд-дином Хилджи. Вокруг него концентрировались представители военно-феодальной знати, потерявшие после прихода к власти новой династии свои владения и должности. Недовольных поддержал «народ Дели», который, по словам Барани, был доведен до крайности «притеснениями и расправами» нового градоначальника Тармади. Этим-то недовольством, подчеркивает Барани, и воспользовался Хаджи-Моула, чтобы возвести на престол некоего Алави, потомка по материнской линии Шамс уд-дина Илтутмышы, проживавшего в Старом Дели вдали от государственных дел. Участие в восстании городского люда подтверждает сам

Барани, свидетельствующий о «сражениях», которые происходили в Дели между войсками одного из карателей Малика Амир-и Ку-ха и башмачниками (моузадуз) [23, с. 281]¹. Столь же неопределенным по целям и неоднородным по составу участников было восстание «эмиров сотен» в 1347—1348 гг. в Девагири (Доулатабад). Наказание постигло всех жителей города — «мусульман и индусов, воинов и людей базара» [23, с. 515].

В правление Мухаммад-шаха Туглака против него выступил наместник Лахора, которого поддерживали жители города. После поражения многие из них были преданы мучительной казни. Расправой руководил помощник вазира Мухаммад ибн-Наджжаб. Своей жестокостью он вызвал ненависть народа, давшего ему, по словам Барани, клички «дракон» и «собака султана». Сам Мухаммад-шах торжественно величал его «львом рынков» [51, т. 3, с. 333].

XIII—XIV века в истории городов Северной Индии и отчасти Декана отмечены широким распространением среди их населения еретических учений. Сектанство было не только формой идеологии, но и своего рода формой организации. Сектанты были нередко связаны строгой дисциплиной, обязанностью соблюдения тайны. На организацию многих сектантских общин большое влияние оказали суфийско-дервишские ордены. Все последователи сект были обязаны безоговорочно повиноваться воле и слову своего учителя.

Возникая на почве индуизма или ислама, сектантские учения отрицали или «улучшали», «исправляли» ортодоксальную религию с ее холодным формализмом и дорогой, сложной обрядностью. Одной из индусских сект была секта, последователей которой историка называли «ибяхати»² и «буд-перестан» (идолопоклонники). По свидетельству Барани, они объявились в г. Дели в правление Ала уд-дина Хилджи. По его приказу всех их схватили, наиболее злонамеренных — казнили, так что после этого, пишет историк, никто не произносил слова «ибяхат» [23, с. 336]. Очевидно, расправа не прервала деятельности секты, и в правление Фируз-шаха, т. е. спустя более полвека, ибахати были весьма влиятельной общиной-сектой, которая «подстрекала народ к неверию». Свое учение секта исповедовала тайно. Ее последователи собирались по ночам в назначенном месте, ели, пили вино и поклонялись сделанному ими же идолу; все это, писал гневно в своих «Победах» Фируз-шах, они называли богослужением [30]. Автор «Сират-и Фируз-шахи» описывает ритуал посвящения, принятый у сектантов: во время тайных сборищ они покрывали землю коровьим пометом и, «согласно обычаю идолопоклонников», бросали туда рис и цветы. В некоторых источниках говорится о «бесстыдстве» сектантов, оргиях, происходивших на их сборищах. И. Х. Куреши отмечал, что ортодоксальное духовенство постоянно выдвигало такого рода обвинения против многих сект [238, с. 255]. Сектанты и их руководители по приказу Фируз-шаха подверглись жестокой расправе.

Весьма многообразны были сектантские течения среди мусульман, представлявших во многих городах XIII—XIV вв. значитель-

ную прослойку торгово-ремесленного населения. Одним из них был исмаилизм³, точнее, низари, или иранский исмаилизм (источники говорят о «карматстве»).

Гонения на исмаилитов в Делийском султанате, где официальной религией был ислам суннитского толка, и апелляция секты к забытым, «демократическим» лозунгам ислама превращали исмаилизм в знамя оппозиционных выступлений, обеспечивали популярность учению в широких слоях городских жителей. Выступление «карматов и еретиков» в 1236 г., по словам историка Джузджани, было самым крупным событием правления султанши Разии в Дели. Подстрекаемые неким «мудрецом» по имени Нур-и Турк, они пришли в Дели из Синда, Гуджарата, Двуречья. Здесь, в столице, «по призыву Нур-и Турка вокруг него собралась чернь (оубаш халк)». «Мудрец» всячески поносил представителей высшего суннитского духовенства, богословов, «внушая простому люду (халк-и авам) ненависть к порядкам улемов толка Абу-Ханифа и Шафи». Около тысячи вооруженных «еретиков и карматов» ворвались в пятничную мечеть Дели и напали на «правовверных», из которых многие погибли от мечей или были растоптаны в толпе. Находившиеся в городе военачальники Разии во главе своих конных отрядов, вооруженные мечами, в латах и стальных шлемах обрушились на «еретиков и карматов» и истребили многих из них [25, с. 189—190; см. также 29, с. 24].

К XIV в. относится первое известное нам упоминание об индийских махдистах. Из «Побед Фируз-шаха» узнаем, что в Дели некий Руки выдавал себя за мессию — «последнего Махди, посланца бога». Он написал «Книгу», где излагал свое учение. Султан считал необходимым наказать этого человека, «дабы помешать мусульманам впасть в заблуждение и отречься от ислама» [30]. Множество «учителей» выступало в городах с проповедями. В Гуджарате даже объявился человек, который сказал: «Я есть бог». Он собрал вокруг себя много последователей. По приказу султана его схватили, а написанную им «Книгу» предали огню [30].

Но были и такие, кто вообще отрицал идею бога, — «безбожники» (дахрие); Фируз-шах безжалостно наказывал их. Главой их в XIV в. был Ахмад Бихари, житель Дели, тесно связанный с известными суфийскими шейхами. По свидетельству «Манакиб уль-Асифа», Ахмад Бихари часто навещал шейха Шараф уд-дина Манери и был с ним в дружеских отношениях. Этот «одержимый безумием человек» проповедовал свое учение тайно; он издевался над пророком Мухаммедом, отрицал его святость как человека, имевшего девять жен. Делийские улемы заявили султану Фируз-шаху, что Ахмад Бихари заслуживает смерти за подобные речи. Султан созвал знатных города, которые и вынесли Ахмаду смертный приговор. Его последователи были высланы в различные города. «Таким образом, — заключает Фируз-шах, — порочность этой секты грязноголовых была уничтожена» [30].

Характерной чертой городских движений на первом (отчасти и на втором) этапе была связь с мистическими учениями, в част-

ности доктринами суфийских орденов. Присущее им порой аскетическое неприятие мира — от самоистязаний и умерщвления плоти до отказа от богатства и роскоши — приобретало часто смысл отрицания существующего порядка. Советский историк И. П. Петрушевский отмечал, что общей чертой мистических течений в разных религиях был более или менее последовательный отказ от обрядности официального культа. Этот отказ основывался на идее возможности для каждого человека личного общения с богом и соединения с ним, что было конечной целью человеческого бытия, достигаемой через беспредельную любовь к богу, служение ему, самоотречение, нестяжательство и пр.

Эволюционируя на протяжении многих столетий, суфизм в различные периоды приобретал особые черты в зависимости от конкретных условий времени и места. Возникший на исламской почве (вопреки мнению многих западных и русских дореволюционных ученых, считавших его исключительно результатом заимствований и наслоений), суфизм развивался под влиянием многих немусульманских религиозных и философских систем, прежде всего неоплатонизма, а также в известной степени веданты (но не буддизма, как полагал Макс Хортен) [143, с. 313—315]. В свою очередь, он оказал немалое воздействие на немусульманские течения, в том числе на христианский мистицизм, а в Индии — на бхакти. Взаимовлияниями различных религиозных течений допустимо лишь частично объяснить наличие сходных черт в их догматике и культовой практике. Такие черты были, однако, не столько следствием заимствований, сколько порождением схожих условий в социально-экономической, политической и культурной жизни народов.

Мистицизм и в индуизме, и в исламе поднимал ряд философско-религиозных и этических проблем, которые не ставились в ортодоксальных учениях, и тем самым способствовал развитию религиозно-философской мысли. Может быть, поэтому он привлекал внимание представителей феодальной «интеллигенции» (членами суфийского ордена чистые в Индии были, как известно, знаменитый поэт Амир Хосроу Дехлави, его друг и поэт Амир Хасан, историк Барани и др.).

Суфийские проповедники начали посещать Индию довольно рано. Известно, что здесь в конце IX — начале X в. побывал суфийский деятель ал-Халладж, впоследствии казненный за пропаганду своего учения. Некоторые суфии постоянно жили в индийских городах еще до образования Делийского султаната. В XIII — XIV вв. в стране функционировало несколько орденов. К этому времени суфизм имел уже трех-четырёхвековую историю. В пропаганде его первыми захидами выражался социальный протест против роста имущественной и социальной дифференциации мусульманской общины, феодализации общества, усиления светской власти феодалов, носителями которой выступали Омейяды. Деятельность орденов в IX—XI вв. была связана с городскими ремесленными кругами и городскими движениями. Известный арабский мыслитель Газзали (ум. в 1111 г.) «освободил» суфизм от крайних экстази-

ческих элементов, акцентировал внимание на его обрядовой стороне и одновременно выхолостил социальную заостренность учения ранних суфиев. Постепенно «феодализируясь», мусульманский мистицизм, однако, не сразу утратил некоторые демократически-плебейские тенденции.

Роль суфийских учений в общественной жизни Индии в разные периоды была неодинаковой. Знатных покровителей и приверженцев в первой половине XIII в. имел глава ордена сухравардие Беха уд-дин Захариа (ум. в 1266 г.) [232, с. 313]. Аристократические тенденции этого ордена усилились в XV в. В Гуджаратском султанате его шейхи активно вмешивались в борьбу феодальных группировок [70, с. 153—157, 173—174, 316], а в Пенджабе даже притязали на светскую власть.

Демократическими традициями был известен в Индии XIII — первой половины XIV в. орден чиштие⁴. В 30-е годы XIII в. Фарид уд-дин Ганджшакар, шейх ордена, покинул Дели и поселился в небольшом пенджабском городке Аджудхан (совр. Пакпатан в Пакистане). Здесь он основал «Джамаат-хана» («Дом общины»), где каждый мог получить кров и пищу. Идеал общественного устройства, основанного на равенстве, отражала организация быта в ханека, где все обитатели должны были трудиться — доставлять дрова, топить печь, стирать, варить. Еда делилась поровну, и никому не отдавалось предпочтения.

Шейх Фарид, провозгласив «несовместимыми святость и достаток» и отвергая пожалования и дары, так как не хотел прослыть «дервишем, владеющим деревней», учил своих последователей: «Не ешь чужой хлеб, а [сам] дай хлеб людям». Остро реагировал он на неравное положение бедных и богатых:

Фарид! У одного много муки,
У другого нет и соли.
Когда они уйдут в иной мир.
Станет ясно, кто достоин наказания [94, с. 156].

Живший в XIV в. шейх чиштие Низам уд-дин Аулия, как писал Амир Хурд, автор агиографического сочинения, посвященного этому шейху, «широко открывал двери тем, кто хотел стать его последователем, и исповедовал всех грешников: знать и простой народ, богатых и бедных, маликов и нищих, ученых и неграмотных, горожан и сельчан, воинов и людей гражданских, свободных и рабов» (цит. по [205, с. 33]). В Дели и Адждмире кельи «святых»-чиштие находились часто в самых бедных, густонаселенных частях города со смешанным индо-мусульманским населением.

В XIII — начале XIV в. шейхи тариката (ордена) чиштие следовали теоретическим установкам и практике раннего суфизма. Это выражалось в трактовке ими понятия «факр» (нищета) как одного из этапов на пути (тарикат) суфия, ищущего духовного совершенства и слияния с божеством. В противоположность поздней интерпретации факра как нищеты духовной, ничтожности человека перед богом, чиштие толковали его как бедность материальную и в соответствии с этим отказывались от излишеств, проповедо-

вали нестяжательство; осуждали богатство⁵. Однако со временем, видимо, понятие «факр» трансформируется и у чиштие, хотя и позднее, чем у других орденов. Во всяком случае, Фируз-шах, по свидетельству Барани, в первые годы своего правления пожаловал деревни, земли и сады не только семье Беха уд-дина Захариа Сухравардие, но и потомкам шейхов ордена чиштие Фарид уд-дина Ганджшакара и Низам уд-дина Аулийа [2, с. 560].

С тех же позиций чиштие решали вопрос о дозволенном (халал) и недозволенном (харам) источнике существования. В ранней суфийской литературе этому вопросу уделялось большое внимание. Захиды, суровые ригористы из среды мухаддисов, объявляли безусловно запретным принятие любого даяния от власть имущих, поскольку богатство их не заработано честным трудом, а добыто путем насилия. Жизнеописания шейхов ордена чиштие, подобно биографиям захидов, полны рассказов о том, как они в отличие от шейхов сухравардие отвергали дары султанов и знатных лиц [232, с. 14—15]. Дозволенным источником существования для суфия шейхи ордена чиштие считали личный труд и милостыню. По мнению ряда теоретиков суфизма, в том числе и Низам уд-дина Аулийа, последний способ добычи жизненных средств был даже предпочтительнее, поскольку предполагал полную отдачу себя на милость бога и отказ от собственной воли. Элементы аскезы в практике проповедников чиштие до начала XIV в. имели еще демократическое содержание и привлекали симпатии обездоленных, хотя среди последователей шейхов (и Фариды, и особенно Низам уд-дина) было немало людей богатых и знатных.

Существование тесных связей между суфиями и феодальной средой было главным источником богатства многих суфийских обитателей (ханека). Представляя часто враждебные феодальные клики, отдельные деятели суфизма были в центре острой политической борьбы в государстве⁶. Некоторые выступления феодальных группировок с «благословения» шейхов суфийских орденов получали нередко поддержку широких слоев населения.

Так было в конце XIII в., когда последователь и ученик Шейха Фариды — Сиди Моула, прибывший в Дели по совету своего учителя для проповеднической деятельности, стал душой заговора. Как и Шейх Фарид, Сиди Моула претендовал на роль защитника и покровителя обездоленных. Основав в столице большую ханека, он «прилагал старания для прокормления и содержания бедных и народа». «Хотя он,— пишет историк Феришта⁷,— не ходил в мечеть на пятничную молитву, а совершал намаз у себя дома, в одиночестве, и не соблюдал установленных великими [деятелями] религии правил богослужения общины, тем не менее он был воителем за веру и подвижником»; шейх вел аскетический образ жизни, ел смоченную водой рисовую лепешку, не имел ни жены, ни служанок, не принимал даров от знати. Но в своем ханека он устраивал роскошные празднества для знати, какие могли устраивать лишь султаны. Дервиш дарил драгоценные камни, серебро и золото, словно деньги поступали к нему прямо с монетного двора.

Люди недоумевали, из каких средств Сиди Моула мог расходовать столько денег; некоторые даже считали, что он искушен в алхимии. Очевидно, его щедрость была результатом общения с высокими покровителями, представителями знати, хотя его учитель запрещал это, мотивируя свой запрет тем, что связь со знатью «неизбежно гибельна для нас, факиров» [28, с. 92—93].

За спиной Сиди Моула действовала враждебная пришедшей в Делийском султанате к власти династии Хилджи старая тюркская знать, креатура Гийас уд-дина Балбана (балбани). Стремясь вновь пробраться к государственной кормушке, знать балбани составила заговор, действуя именем «святого». Сиди Моула вошел в роль и раздавал своим мюридам (последователям) титулы и чины. Одаренные им, в свою очередь, намеревались сделать его халифом. С помощью своих 10 тыс. сторонников Сиди Моула намеревался захватить власть в Дели; двум своим приверженцам он поручил убийство Джалал уд-дина Хилджи. Заговор был раскрыт; многие из знати заплатились жизнью. К казни приговорили и самого Сиди Моула, который был брошен под ноги слона [28, с. 93—94].

Беспокойство делийских султанов, начиная от Али уд-дина и кончая Мухаммад-шахом Туглаком, по поводу растущего авторитета суфийских проповедников было связано не столько с политическими интригами феодалов, группировавшихся вокруг суфийских шейхов, сколько с обострением социальной борьбы, ареной которой был, в частности, город, и распространением суфийских идей, воспринимаемых иногда как признак вольнодумия, в широких слоях населения.

Настороженное отношение султанов к суфийским деятелям в середине XIV в. сменилось кровавыми расправами над ними, начатыми Мухаммад-шахом Туглаком. Барани говорит о нем как об одном из самых образованных людей своего времени: он был хорошо знаком с персидской поэзией и сам сочинял стихи; ни один учитель стихосложения, ни один ученый или каллиграф, поэт и врач не мог соперничать с ним в своем искусстве или устоять в диспутах против сокрушительных аргументов султана [23, с. 515]. Султана в молодости и начале его деятельности, безусловно, характеризовало вольнодумие. В приписываемом ему сочинении мемуарного жанра (фрагменты рукописи хранятся в Британском музее, были опубликованы в оригинале и переводе на англ. яз. А. М. Хусейном) Мухаммад-шах писал о влиянии суфизма, которое он испытал в юности: «Во мне возобладало неверие по мере того, как росли мои сомнения в существовании бога. Я находился в очень плохом душевном состоянии, и в результате ни одно из моих намерений не преуспевало... Важные дела управления, народа, религии и государства пришли в расстройство. Беспорядок был так велик, что все предпочитали быть язычниками» [213, с. 157]. Эти слова созвучны свидетельству современника султана, историка и поэта Ишами о дружбе и тесных связях Мухаммад-шаха с «индусами и йогами», о его действиях, идущих вразрез с исла-

мом. В забвении заповедей Корана и изречений пророка упрекает его и Барани [23, с. 223].

Однако взгляды султана изменились после нескольких лет правления. Приведенный выше отрывок из мемуаров (возможно, псевдомемуаров) Мухаммад-шаха кончается словами о том, что в конце концов он оставил свои сомнения и поверил в бога. Обострение социальной борьбы в городе, принимавшей форму сектантства, привело султана к резкому изменению политики в отношении последователей и самих проповедников мистических и других учений. Как свидетельствует Ибн-Батута, султан строго карал людей, пренебрегавших молитвами. На городские базары посылались специальные чиновники, которые должны были наказывать всех, кого находили здесь во время богослужения. Однажды было казнено сразу 9 человек, среди которых был певец. За это же жестокому наказанию он подверг «сатариинов» [51, т. 3, с. 286—287] — людей, закрывавших лицо покрывалами (известно, что в средние века вожди многих сектантских движений накидывали на лица покрывала). Даже Ибн-Батута впал в немилость за то, что осмелился посещать суфийского шейха [51, т. 3, с. 293—302].

Выступления горожан в 40-х годах XIV в. поставили Мухаммад-шаха перед необходимостью лавирования. Как свидетельствуют историки, в последние годы своего правления он стал назначать на должности людей незнатного происхождения: «Низкорожденного Азиз Хамара он сделал наместником Мальвы и поручил ему подавить восстание эмиров сотен Девагири» [23, с. 502—503]. Хияну, сыну музыканта-певца, он дал области Гуджарат, Мульта и Бадаун; некоему садовнику он поручил вести дела диван-и везарет этих областей, хотя садовники, по словам историка, считались самыми низкими людьми (саглетерин мардум); повара Микаи, сына садовника, шейха Бабу-и Бак, сына ткача, он также «приблизил к себе, пожаловал им икта и должности» [28, т. 1, с. 140].

Такая политика диктовалась, с одной стороны, стремлением Мухаммад-шаха создать новую служилую знать и тем самым ослабить позиции могущественных мукта и эмиров. С другой стороны, это была, возможно, попытка противопоставить верхушку торгово-ремесленного населения основной массе, ослабив таким образом размах городских движений. Однако эта политика не дала желаемых результатов. Начало правления преемника Мухаммад-шаха — Фируз-шаха ознаменовалось новыми выступлениями в городах. Начав свое правление кровавыми расправами с «еретиками» и «язычниками», Фируз-шах был вынужден тем не менее пойти на уступки торгово-ремесленному населению. В своем произведении «Футухат-и Фируз-шахи» султан называет большое число различных феодальных повинностей и поборов, взимавшихся с ремесленников и купцов прежними султанами и упраздненных им.

Одним из результатов городских движений XIII—XIV вв. было некоторое смягчение эксплуатации торгово-ремесленного насе-

ления городов. Это обстоятельство, а главное, кровавые расправы султанов привели к спаду городских движений.

* * *

XV—XVI века были ознаменованы дальнейшим развитием городов и консолидацией сословия горожан. Движение этого (второго) периода в истории социальной борьбы в городе характеризовала тенденция к преодолению конфессиональной и кастово-корпоративной ограниченности как выражение все более осознаваемой социальной солидарности и зрелости антифеодальной оппозиции у городских элементов⁸. Антифеодальные тенденции горожан в XV—XVI вв. обнаружили себя в многочисленных религиозно-мистических учениях, объединяемых в литературе понятием «движение бхакти» (санскр., букв. «любовь к богу, преданность ему»). В этих учениях нашли наиболее полное свое воплощение социально-политические, этические и эстетические идеалы торгово-ремесленного населения городов. Распространение в различных частях страны среди торгово-ремесленных слоев учений бхакти на одном и том же отрезке времени свидетельствует о синхронности адекватных социальных процессов в индийских городах.

Близки и понятны широким слоям населения были не только идеи бхактов, но и сама форма изложения — простая и доступная всем, используемые поэтические образы, близкие народной поэзии, навеянные жизнью народа, в том числе ремесленников, торговцев, крестьян. Десятки проповедников писали и произносили свои проповеди не на санскрите, которым владел лишь узкий круг образованных людей из высших слоев общества, а на живых разговорных языках. Именно тогда были созданы образцы новой литературы — «Рамаяна» Тулси Даса на восточном диалекте хинди, включившая гимны и другие творения сикхских гуру, записанные позднее на панджаби; именно тогда создали свои поэтические произведения представители блестящей плеяды поэтов-бхактов: Кабир, творивший на брадже, Намдев, писавший на маратхи, бенгальские поэты Сур Дас и Чайтанья и др. В связи с этим творчество бхактов было важной вехой в развитии как литературы на новоиндийских языках, так и самих языков — хиндустани, бенгали, панджаби, маратхи и др.

Идеология бхакти отражала не только определенный уровень социального развития общества, связанный с укреплением городов и городского торгово-ремесленного слоя, но и эволюцию религиозно-философской мысли индийцев в процессе взаимовлияния и взаимодействия на индийской почве различных культурных традиций — индуизма и ислама. Влияние последнего на индуистские в своей основе мистические учения бхакти было опосредовано суфизмом — мусульманским мистицизмом. Сочетав в себе отдельные элементы ислама и индуизма, бхакти стало как бы выражением процесса сближения местного и привнесенного в страну мусульманами культурных субстратов, частью единой индо-мусульманской

культуры. Поэтому идеология бхакти представляла прогрессивную тенденцию культурного процесса в средневековой Индии: в качестве «демократической» струи в этом процессе она противопоставляла себя феодально-клерикальной культуре, отрицала ее сословно-классовые принципы⁹.

Имея в виду синкретический характер учений бхакти, вряд ли можно признать научно обоснованной даваемую иногда в индийской националистической историографии интерпретацию средневекового бхакти как «возрождения индусской культуры», которой был нанесен ущерб в результате установления «мусульманского господства»¹⁰. Естественно, что при этом средневековое бхакти рассматривается как явление, адекватное бхакти древности. Известно, что идея бхакти действительно присутствует во многих эпических и религиозно-философских сочинениях древности. Как и в XV—XVI вв., она ассоциировалась с мистическим представлением о возможности человека достичь блаженства или спасения посредством верного служения и преданности богу. Однако существовало глубокое, принципиальное различие в общественном содержании социально-политических движений, облаченных в одни и те же мистические одежды. Зародившись в кшатрийской среде, бхакти древности было узкоаристократическим и отражало противоборство военно-землевладельческой аристократии теократическим тенденциям брахманов. Бхакти в средневековье, как отмечалось, — идеология движения социального протеста горожан против сословно-кастовых привилегий светских и духовных феодалов, движения, которое вызревало в недрах самого феодального общества и было определенным итогом его развития.

Отмечаемая в XV—XVI вв. тенденция к преодолению конфессиональной и корпоративно-кастовой обособленности отдельных групп среди торгово-ремесленного населения нашла свое воплощение в проповедуемой бхактами идее единобожия. Идея единобожия, бога-создателя, бога-абсолюта, бога-истины последовательно проповедовалась всеми учителями-бхактами. Гуру сикхов Нанак учил:

Есть только один бог,
Вечная истина — имя его,
Создатель всего,
Не боящийся ничего и ничему не угрожающий,
...Милостью гуру ставший известным людям.

В отличие от персонифицированных божеств индуизма, наделенных антропоморфными чертами, бог бхактов — абстракция. Он лишен каких-либо человеческих черт. «Тысячи глаз — твои глаза, — говорил Нанак, — но ты не имеешь ни одного. Тысячи ликов — твои лики, но ты не имеешь своего. Тысячи стоп — твои, но ты не имеешь ни одной. Тысячи носов — твои, но ты не имеешь носа» [69, с. 29].

Выступая против фанатизма и религиозного мракобесия, отрицая подвижничество и аскетизм как средства познания бога, высмеивая йогов и факиров, бхакты восстали против притязаний

брахманов и мулл на роль «посредников» между человеком и богом, соответственно отвергались ими обрядность и культовые установления любой канонизированной религии. «Индус молится Раме, мусульманин — Рахману (т. е. Аллаху.— К. А.); они враждуют и убивают друг друга, но ни одному из них неведома истина»,— проповедовал Кабир. Истинный же бог находится в сердцах верующих, «имя бога — сокровенное», и нет нужды искать его в храмах, мечетях, совершать паломничество к святым местам, так как «нет места, где бы не было Создателя». «Город индусского бога на Востоке (Бенарес), а город мусульманского — на Западе (Мекка), но ищите его у себя в сердце, ибо там бог и мусульман, и индусов» (цит. по [85, с. 163]).

Бог вездесущ, учил Нанак; бог — в поле и в мастерской ремесленника, так же как и в святилище. Зачем же тогда ходить в храм или мечеть? Согласно легенде, Нанак однажды улегся спать ногами к Мекке. Это увидел мулла и обвинил его в богохульстве. Нанак ответил ему: «Ты думаешь, что я сплю ногами к дому бога и тем проявляю непочтительность. Но попробуй повернуть их в такую сторону, где бы не обитал бог» [69, с. 22—23]. Искренняя вера — вот что заменяет и подвижничество, и служение безжизненным идолам, и паломничество, и обряды.

Идея единобожия в поликонфессиональном обществе средневековой Индии могла звучать призывом к пренебрежению религиозными перегородками и предрассудками. «Поскольку я вижу тебя во всем, я не вижу разницы между индусом и турком,— говорил Даду.— Оба имеют одинаковую душу, тело, глаза и нос; оба они — творение господина. Оба слушают ушами, ощущают вкус языком, оба испытывают голод и одарены разумом; одно и то же нравится и не нравится обоим, и оба одинаково чувствуют боль и радость» [цит. по материалам Архива К. М. Ашрафа в Берлине].

Учения бхакти (хотя каждое из них возникало на определенной этнолингвистической и культурной почве) были объединены мистической идеей о равенстве людей перед богом и возможности «спасения» (или «постижения бога») для каждого человека, вне зависимости от его кастовой и религиозной принадлежности. Современниками Кабира и Нанак, Чайтаньи и Намдева и самими проповедниками бхакти эта мистическая идея переносилась в область социальных отношений и воспринималась как утверждение принципа общественного равенства и отрицание феодальной иерархии.

Полагая лишь личные заслуги человека перед богом, выражавшиеся в любви и преданности ему, в чистоте помыслов, в богоугодных деяниях, единственным путем постижения бога, бхакты, по существу, отрицали идею о неизбежности божественного предопределения, а вместе с ней — справедливость и разумность общественного устройства, где положение человека определялось его богатством и происхождением. «Бхакти-марга» («Путь любви к богу») избавлял, по Чайтанье, человека от предопределения — кармы. Сопровождаемый своим верным сподвижником, кузнецом

Говинда, Чайтанья много лет странствовал по городам и деревням Восточного Индостана, проповедуя учение о едином боге, вера в которого делает рожденных в низкой и высокой касте равными. «Неприкасаемый выше брахмана,— утверждал он,— если он предан богу». Естественно, что проповедь Чайтаньи пользовалась большой популярностью среди низших каст. Живя в ремесленных кварталах бенгальских городов, Чайтанья собирал вокруг себя ткачей, парфюмеров, метельщиков, продавцов бетеля и изделий из ракушек. Среди его последователей не было ни богатых купцов, ни ростовщиков. Вероятно, это было одним из самых «плебейских» течений бхакти.

В общину сикхов в XVI в. входили представители разных торговых, ремесленных и земледельческих каст, а также неприкасаемые. В жалобе пенджабских брахманов Акбару на действия третьего гуру сикхов Амардаса (1552—1574) говорилось: «Он рассаживает своих последователей в ряд и заставляет их вкушать пищу из своей кухни, не считаясь с кастой и независимо от того, являются ли они джатами, бродячими певцами, мусульманами, брахманами, кшатриями, торговцами, метельщиками, сторожами или плотниками» (цит. по [147, с. 180—181]). Позднее в ряды сикхов влились широкие массы джатского крестьянства. Именно оно составляло основную массу сикхской общины в антимогольских движениях XVII—XVIII вв. Но и в этот период средние и мелкие торговцы и ремесленники оставались приверженцами учения.

«Знатное происхождение и великая слава, подобно праху, не имеют цены»,—учил своих учеников-сикхов гуру Нанак. Только вера и любовь к богу делают людей одинаково угодными Господу, а потому одинаково достойными и его милости. Эта вера так чиста и благодатна, что снимает с человека позор рождения в низкой касте, очищает его от прегрешений, возвышает нищих и убогих. «Низкородженными» Нанак объявлял не тех, кто был унижен и бесправен в обществе, а тех, кто не верил в его бога, даже если они были богатыми и власть имущими:

Тот, кто забыл тебя,— низкородженный,
[Говорит] Нанак: [не поминающий] его имени
Человек подобен низшему из неприкасаемых...
Что пользы в изысканной пище и прекрасной одежде,
Если истина не влилась в нас?
Что пользы в обилии свежих фруктов, сахара, масла,
Цветов и мяса?
Что пользы царю в его войсках, в его мудрых министрах
и храбрых полководцах?
Если в сердце его нет имени бога,
[Говорит] Нанак, все это — прах [69, с. 54, 78].

На Декане в XV в. выдающийся поэт Намдев, сын портного, провозгласил равенство людей перед богом. От определяемого кастой приниженного положения в обществе человека избавляла, по Намдеву, преданность Кришне. Учение Намдева привлекло к нему симпатии бедных ремесленников, представителей низших каст и неприкасаемых.

Бхакты посягнули также на один из самых важных принципов индуизма и ислама, возводивших знание священных книг в единственно возможное средство общения с богом и постижения его воли. «Можно прочесть целые возы и караваны книг,— писал Нанак,— можно проводить в чтении их месяц за месяцем, год за годом, всю жизнь. Но все это — ложь и заблуждение». Богохульниками называл вероучитель сикхов священнослужителей: «Ежедневно вкушают они запретный плод лжи. И при этом еще поучают других, объясняя, что есть истина, а что — ложь. Сами заблудшие, они вводят в заблуждение тех, кто идет за ними по их пути» [69, с. 76].

Преданность богу и служение ему мыслились бхактам как отверженность моральным и этическим нормам, соответствовавшим идеалам горожан. Важное место в них занимало требование личного труда как средства обретения уважения в этом мире и воздаяния в мире ином. «Домохозяин», занятый «делом», трудящийся на благо своей семьи и общества в целом, объявлялся Нанакom угодным Всевышнему. Кабир и Намдев — ткач и портной — своим усердным трудом служили образцом для подражания. Близкие по духу к бхактам последователи секты сатпантх внимали своим пирам, вещавшим: «Господь любит лишь тех, кто рано встает, чтобы совершить молитву; в ином мире гурии протянут свои руки лишь тем, кто рано вставал; лентяи же, подобно земледельцу, упустившему время сева, тщетно будут ловить их руки и восклицать: увы, увы!» [69, с. 61]. Гимны трудолюбию в литературе бхактов и некоторых сектантских течений (сатпантх, махдизм и др.) — вызов не только знати, но и святошам, призывавшим к уходу от мирских дел¹¹.

Красной нитью через творчество проповедников многих сектантских учений проходит идея любви к ближнему. Каждый член общины должен был оказывать гостеприимство, давать пищу и воду нуждающемуся, помогать находящимся в беде и нужде [71, с. 102]. «Джанатпури» содержит рассказ о том, что Имам-шах по дороге в рай с удивлением увидел группу людей, среди которых одни горели в огне, другие были обнажены и умирали от голода. На вопрос Имам-шаха, за какие грехи они пребывают в столь жалком положении, ему ответили, что здесь находятся те, кто никогда не подавал милостыни, те, кто не давал беднякам одежды; теперь они сами обнажены и лишены пищи [71, с. 128]. Учителя сатпантхов выступали против расточительства и богатства, роскоши, стяжательства; никто не возьмет с собой в иной мир своих дворцов, золота, лошадей, его богатство останется этому миру, говорилось в одном из гнанов, приписываемых пиру Садр уд-дину [71, с. 108]. О демократическом характере идеологии сатпантхов свидетельствует также осуждение ими ростовщичества.

В исторической литературе ставился вопрос о типологической адекватности средневекового бхакти и идеологии европейского Возрождения; проводились параллели также и с религиозно-реформаторскими движениями. При этом исследователи нередко ис-

ходят из формальных характеристик, забывая о том, что одни и те же лозунги, обращенные к одним и тем же авторитетам (тем более культурным или религиозным), не обязательно связаны с одними и теми же социальными слоями и их требованиями, которые и определяют содержание явления. К числу таких формальных характеристик относится обращение к античной традиции, свойственное и деятелям европейского Возрождения, и движению бхакти¹². Даже такие черты, как отрицание обрядности официального культа и посреднической миссии священнослужителей, в отрыве от исторических реалий не могут раскрыть истинного содержания того или иного движения социально-политического протеста.

Как известно, эпоха Возрождения в Европе была «универсальным переворотом в сфере экономической, социальной, политической, культурной» [148, с. 71] и связанной с разложением феодальных и зарождением раннекапиталистических отношений. Широкое социально-политическое движение, охватившее в XVI в. большинство стран Западной Европы, принявшее форму борьбы с католической церковью и именуемое поэтому Реформацией, ознаменовало следующий этап развития антифеодальной борьбы, в которой наряду с бюргерством принимала активное участие зарождавшаяся буржуазия, в течение нескольких веков отстаивавшая себя в борьбе против феодального государства, его права, морали, идеологии.

Движение бхакти отражало значительно меньшую по сравнению с городами Западной Европы периодов Возрождения и Реформации зрелость антифеодальных тенденций в Индии в XV—XVI веках.

Следует отметить еще одну важную особенность бхакти (отличавшую его от Возрождения и Реформации и имевшую в основе своей множественность культурных традиций в стране и этнолингвистическую неоднородность) — ограниченность сферы их воздействия, их влияния в пределах отдельных этнокультурных добуржуазных общностей. Поэтому, если и можно говорить о бхакти как религиозно-реформаторском движении, поскольку его последователи заново осмысливали догматы ортодоксальной религии, его нельзя отождествлять с культурно-историческими феноменами европейского Возрождения и Реформации, которые, как известно, знаменовали кризис феодализма и были предвестниками будущих буржуазных революций.

И все же в движениях средневекового бхакти нельзя не увидеть образец «революционных религиозных воззрений», выражение острого социального конфликта в феодальном обществе, конфликта, облаченного в форму борьбы религиозных идей. Подобно тому как Мартин Лютер «противопоставил... распадающемуся феодальному обществу — картину общества, совершенно не знавшего многосложной, искусственной феодальной иерархии» [7, с. 368], в Индии проповедники бюргерских по своему содержанию учений сделали своим идеалом общественного устройства общину

равных, которая призвана была в соответствии с их представлениями возвыситься над корпоративностью и кастовой иерархией феодального общества.

* * *

Антифеодальным тенденциям в индийских городах, проявлявшимся в форме борьбы с религиозной ортодоксией и мракобесием, не суждено было, однако, окрепнуть. Существенный удар им был нанесен «могольской стабилизацией». Придя на смену феодальной раздробленности XV — первой половины XVI в., являвшейся периодом своеобразной областной централизации, она была в определенных отношениях периодом новой феодальной стабилизации, нанесшей весьма существенный удар назревавшим антифеодальным социальным силам.

Со второй половины XVI в. в развитии местного торгового капитала все отчетливее начали обозначаться две тенденции: к компрадорской деятельности и к дальнейшему упрочению связей с феодальным землевладением и всей системой феодальной эксплуатации. Обе тенденции связаны с оттеснением представителей местного капитала от наиболее выгодных источников накопления в торговле, что, разумеется, подрывало возможности становления экономической и социальной самостоятельности индийского купечества. Спаянное тысячами нитей с феодальными производственными отношениями и компрадорской торговлей, оно, особенно его наиболее состоятельная прослойка, все меньше проявляло склонность противопоставлять себя феодальному классу и государству. С развитием этих процессов слабеет и бхакти как антифеодальная идеология торгово-ремесленного населения города.

Процессы имущественной и социальной дифференциации среди «бюргерства» как определенной общности эпохи средневековья, при всех неизбежных для той эпохи кастовых и иных корпоративных перегородках, в этих условиях не привели к трансформации антагонизма между мелкими производителями и крупными, богатыми представителями торгового капитала, выступавшими все более в роли эксплуататоров их труда, в противоречие между трудом и капиталом. Нам известен лишь один эпизод, свидетельствующий о столкновении между богатыми купцами и ремесленниками. В 1714 г. в Ахмадабаде ремесленники-мусульмане, которых Али Мухаммад-хан характеризует как «невежественных простолюдинов» и «чернь», стали грабить лавки индусских менял — саррафов и баззазов (крупных торговцев тканями), ломившиеся, по словам историка, от денег и товаров. Мусульманский казий отказался выполнить требование восставших присоединиться к ним, и толпа в ответ разожгла костры возле его дома и начала «бесчинствовать». Капур Чанд, ахмадабадский сетх, поставил вооруженную охрану у своего дома и у ворот «махаллов саррафов и приезжих купцов». Толпа бросала камни и комья грязи. Столкновение продолжалось несколько дней, с обеих сторон были раненые и убитые. Волнение прекратилось только после того, как правитель

субы Давуд-хан ввел в город войско [16, т. 1, с. 405—407; 32, т. 2, с. 755—756]. События в Ахмадабаде не лишены религиозной окраски, тем не менее социальная основа их вполне очевидна.

О социальной дифференциации городского сословия свидетельствуют также самостоятельные выступления ремесленников уже в XVII в. Так, в 1621 г. выступили против правителя Камбея, который ввел новый налог, ткачи города; в 1636 г. организованно покинули город ткачи Бароды в знак протеста против действий правителя, который заключил в тюрьму нескольких ткачей, чтобы заставить их снизить цены на свои изделия, в закупке которых (для перепродажи) он был заинтересован лично. Дружные действия ткачей, скрепленные их профессионально-кастовым единством, вынудили правителя просить их вернуться в город и пообещать им оставить свои домогательства [169, с. 103].

Третий период в истории социальных движений в городе доколониальной Индии отмечен упадком движений бхакти как формы антифеодальной торгово-ремесленной оппозиции. Сама идея бхакти, т. е. мистическая идея возможности непосредственного общения человека с богом, продолжает присутствовать в религиозно-философских доктринах тех или иных гуру и на этом этапе. Однако то социальное содержание, которое получил культ бхакти в XV — середине XVI в., оказалось исчерпанным.

Первым, кто попытался (и много в этом преуспел) выхолостить из бхакти его «социальный заряд», был падишах Акбар, вернее, его советник и временщик, мудрый и образованный Абул Фазл Аллами. Отдельные тенденции к расширению социальной базы власти в феодальном государстве мы отмечаем для середины XIV в. Во второй половине XVI в., в условиях значительного роста городов и рыночных отношений и развития антифеодальной оппозиции, эти тенденции, лишь изредка появлявшиеся прежде, получают дальнейшее развитие в политике Акбара. Борьба его против феодальной анархии, поощрение торговли, строительство дорог и мостов, караван-сараев, базаров, унификация денежных единиц, мер и весов, указы об отмене большого числа поборов и повинностей с торгово-ремесленного населения, способствуя развитию торговли, преследовали важную политическую цель — обеспечение поддержки трона видными представителями торгового капитала. Эта же линия в политике Акбара нашла отражение в религиозной реформе, попытке создания синкретической религии (дин-и иллахи), призванной заменить ислам, индуизм и другие верования, имевшие последователей в Индии.

Дин-и иллахи фактически учитывала отдельные догматы ислама, идей бхакти и суфизма и некоторых сектантских учений (в частности, махдизма). Помимо лозунга религиозного объединения (одного из основных у многих проповедников бхакти) она выдвигала принцип свободы толкования религиозных догматов и ратовала за приспособление их к конкретным условиям. Однако дин-и иллахи и ее истинный создатель и вдохновитель Абул Фазл Аллами в противоположность бхактам исходили из молчаливого при-

знания социального и сословно-кастового неравенства, отрицание которого составляло главную суть бхакти. Отражая тенденцию к созданию государства типа абсолютистской монархии дин-и иллахи была, видимо, рассчитана также на подрыв единой торгово-ремесленной оппозиции, предпосылки для которой назревали уже в то время.

С защитой идеи бхакти выступил в середине XVII в. принц Дара Шукох, наследник Шах-Джахана, объявивший, что его религия — религия 72 народов, что «поклонение богу, когда оно происходит не наедине, становится ложным», что «там рай, где нет мулл, где нет споров с ними» [207, с. 152, 158]. Известный как переводчик на персидский язык ряда санскритских текстов и мистической драмы «Прабадха Чандродайя», а также своей дружбой с индусскими пандитами и раджами, Дара имел тесные связи и с суфийскими шейхами, в частности с Мухаммадом Сайидом, заявившим: «Я повинуюсь Корану, я — индусский жрец и монах, я — европейский раввин, я — христианин, и я — мусульманин» [207, с. 100], с сикхским гуру, помогавшим Даре во время его бегства в Пенджаб. Дара Шукох был обвинен в ереси и отступничестве и казнен по приказу своего брата Аурангзеба, поборника мусульманской ортодоксии. Впрочем, у Дары идея индо-мусульманского синтеза была подчинена идее политической стабилизации, выражала лишь устремления к укреплению и консолидации феодального класса Могольской империи. Вряд ли далек от истины был Ф. Бернье, писавший, что религиозные взгляды Дары были своего рода «политикой, средством привлечь к себе христиан, довольно многочисленных в его артиллерии, и особенно заслужить любовь раджей, чтобы в случае надобности иметь их на своей стороне» [38, с. 58]. Но очевидно и то, что, даже лишенная своего прежнего социального смысла, идея индо-мусульманского единства была популярна в широких слоях городского населения. Не случайно «народ Дели» предпринял отчаянную попытку отбить Дару у стражников, сопровождавших схваченного принца. Как свидетельствовал Хафи-хан, «приверженцы Дары Шукоха, ремесленники (аснаф-и херфе), обитатели переулков и базаров, зеваки из разных слоев (каум), подстрекая друг друга, напали [на стражников] и кидали в голову Бахтияр-хана (афганского военачальника, доставившего Дару.— К. А.) комья земли, обливали нечистотами. Волнение было таково, что думали — начнется новый великий бунт». Было установлено, что зачинщиком беспорядков был некий Хейбат, «который поднял на ноги весь город». За свою дерзость он был казнен [32, т. 2, с. 86—87].

В XVII — середине XVIII в. некоторые сектантские и религиозно-философские течения, распространенные в предшествующие периоды, все еще обладали притягательной силой для городских масс. Это относится, в частности, к махдистам, выступавшим в 1646 г. в Паланпуре (область Паттан, суба Гуджарат) под руководством некоего Сайида Раджу, ставшего известным впоследствии как Раджу Шахид («Мученик за веру»). Согласно фетве, из-

данной улемами, махдисты были «заблудшими, невежественными и сбившимися с пути простолюдными (авам ан-нас)» [16, т. 1, с. 220—221].

В правление Аурангзеба в 1672 г. произошло восстание и секты сатнами, которые, по словам автора «Маасир- и Аламгири», были обуреваемы «мятежной гордыней». Среди восставших были «плотники, уборщики мусора, дубильщики и другие низкие и подлые люди из ремесленных каст». Восставшие одержали ряд побед: им даже удалось занять Нарнол и Байрат, хотя, по словам историка, они были почти не вооружены, но проявляли чудеса храбрости, поскольку даже враждебно настроенный по отношению к ним хронист замечает, что они «повторяли подвиги великих войн Махабхараты» (цит. по [202, с. 344]), сражаясь с падишахскими войсками, которые в конце концов разгромили сектантов¹³.

Выступление городской бедноты Ахмадабада в 1681 г. было, по-видимому, также связано с деятельностью некой мусульманской секты. В этом году, как передает Али Мухаммад-хан Бахадур со слов многих людей, слышавших об этих событиях от своих отцов и дедов, Гуджарат постиг страшный голод. Непомерно возросли цены на зерно и хлеб, и люди впали в отчаяние. Однажды во время какого-то мусульманского праздника на городском базаре было большое скопление людей, собравшихся здесь для развлечения. Субадар Гуджарата Мухаммад Амин-хан, возвращаясь с молебна, направился в сопровождении отряда воинов к базару. «Дети и взрослые, юноши и старцы, мужчины и женщины... подняли вопли и крик, сетуя на дороговизну и недостаток продовольствия». Среди них был «возмутитель» Шейх Абу Бекр, известный среди людей под «бессмысленным», по словам историка, именем «Бераи худа» (букв. «во имя бога»). Он возбуждал и подстрекал «толпу простых людей, [которые], прекратив вопли и рыдания, проявили дерзостное насилие, стали бросать камни и комья грязи в паланкин Мухаммада Амина». «От его будоражающего слова повсюду поднялся мятеж,— писал историк.— Огонь мятежа разгорелся так сильно, словно в городе произошло воскрешение мертвых». Воины, сопровождавшие субадара, пустили в ход оружие. «Когда смута стала всеобщей», Мухаммад Амин-хан счел целесообразным скрыться и направился к городской крепости. Позднее он пригласил на пир в крепость шейха якобы для того, чтобы выслушать его объяснения. На этом пиру шейх был отравлен [16, т. 1, с. 300—301].

В 1685 г. в Гуджарате произошло восстание матья; Али Мухаммад-хан характеризует их как людей, которые были заняты ремеслом и торговлей. Часть их, известная как матья-момна, были последователями Сайида Шахджи в Ахмадабаде. Видимо, свою веру они исповедовали тайно. Тот же историк передает, что в дни правления Аурангзеба, преследовавшего различные секты, в Гуджарате по подозрению в ереси была схвачена группа людей; некоторые из них были убиты, другие брошены в темницы, закованы в цепи. Кто-то из схваченных выдал тайну существования секты

последователей Сайида Шахджи. Падишах приказал, чтобы Сайид Шахджи явился к казию Ахмадабада для рассмотрения его вероучения. Поскольку Сайид жил в мазаре (гробнице) пира Имам-шаха, ему было написано письмо с требованием прибыть в Ахмадабад. Шахджи отказался выполнить это требование. Тогда правитель области Шаджаат-хан послал за ним стражников, но по дороге Шахджи умер [16, т. 1, с. 321].

Смерть пира послужила поводом для выступления его последователей. Собравшиеся в большом числе «юноши и старики, дети и взрослые» бросили свое имущество и родные места и направились к Ахмадабаду. Переправившись через Нарбаду, они заняли Броч и обосновались здесь. Жителей города они не грабили и не убивали. Вскоре к ним присоединилась другая группа «таких же смутьянов». Узнав об этом, фодждар Бароды и других округов во главе своего войска направился к Брочу, но взять крепость не смог и вернулся обратно¹⁴. «Сила матья умножилась», и среди простого народа пошли слухи, что оружие бессильно против них. Для подавления восстания сектантов было прислано войско правителя Гуджарата. Али Мухаммад-хан Бахадур замечает, что у этой толпы «бессмысленных смельчаков» не было военачальника; она не знала, как защищаться и как организовать оборону крепости. Воинам субадара удалось взобраться на крепостную стену и проникнуть в город; они открыли крепостные ворота, и войско Шаджаат-хана вошло в город. Началась расправа с восставшими, оказывавшими упорное сопротивление и проявившими большое мужество. Те из них, кто не был убит в стычках, бросались в реку, кончая жизнь самоубийством [16, т. 1, с. 322—324].

Характерной чертой эволюции многих сект, все еще поддерживаемых населением индийских городов в конце XVII — середине XVIII в., была феодализация их верхушки. Так, пир сатпантхов, его родичи, мукхи, мутаввали (содержатели мазаров) в XVII в. владели значительными богатствами, основным источником которых, вероятно, была десятина, получаемая от членов секты. Выплата десятины рассматривалась как средство самоочищения, заслуживающее вознаграждения: «Грехи и преступления ваших прежних жизней будут забыты, если вы платите предписанную десятину» [71, с. 80], — проповедовали пиры. Отказ от уплаты десятины был равносителен преступлению: «Не совершай воровство, уменьшая то, что должно быть выплачено в качестве десятины»; «О братья, не совершайте скрытого воровства, не платя десятины» [71, с. 61, 64]. Помимо десятины верующие были обязаны делать определенные подношения, дары, именуемые «милостыней». Сбором десятины и даров ведал ставленник главы общины — мукхи. «Достоинство и положение Сайида Шахджи очень возросли благодаря большому числу последователей и доходу от дарений».

По свидетельству Али Мухаммад-хана Бахадура, десятина выплачивалась настолько неукоснительно, что если кто-либо имел десять детей, то одного из них отдавал в собственность или зависимость (бе-таалук) сайиду (пиру) или же взамен этого платил

определенную сумму. Пир жаловал детей сектантов своим сыновьям, давал в качестве приданого за невестами. Мюриды рассматривались пиром и его родичами как источник дохода и, «подобно наследственному имуществу, делились между сыновьями Сайида» [16, т. 1, с. 320—321]. Сам Сайид Шахджи жил обособленно, скрываясь за занавесом, мало общаясь с людьми. Если же его последователи из других мест приходили к нему для изъявления своей веры в него, он высовывал из-за занавеса свою стопу, к которой они могли приложиться и почитали это за великую честь.

Определенные налоги со своих последователей стали взимать со временем и гуру сикхов. Спустя всего несколько десятилетий после смерти основателя сикхизма Нанака гуру из духовных наставников превратились в феодальных владетелей, облагали налогами рынки, содержали пышный двор, вооруженную гвардию, делили среди своих родичей доходы с последователей, рассылали своих агентов для сбора богатых пожертвований и подношений.

Уже третий гуру сикхов Амардас, откупив землю в Амритсаре и построив большой пруд, получил от Акбара грамоту, подтверждающую его права как землевладельца. Земли сикхской общины он разделил на 12 округов и в каждом назначил наместника. Премник Амардаса Рамдас (сикхский гуру в 1574—1581 гг.) получил прозвище «Сача падишах» («истинный правитель, шах»). Он разослал по всей области Лахор своих агентов-масандов, собиравших пожертвования и проповедовавших учение сикхов. Арджан, гуру сикхов в 1581—1606 гг., поделил доходы общины между членами своей семьи. Добровольные пожертвования превратились в обязательный налог. Арджан жил как феодал, имел пышный двор и вооруженную охрану, вел крупную торговлю [85, с. 167]. В XVII в. особенно отчетливо стала проявляться тенденция к обожествлению гуру, отождествлению его с богом («один бог, одно слово [т. е. имя бога], один гуру»), противоречившая установкам раннего (бхактийского) сикхизма.

Традиционная для многих религий и религиозных течений Индии проповедь ненасилия использовалась верхушкой некоторых сектантских общин в целях подчинения членов сект ее власти и влиянию. Пир учил своих последователей покорности и послушанию. Так, последователи сатпантха должны были безоговорочно повиноваться своему пиру и его ставленнику — мукхи: «Никогда не спорь с мукхи. Только те, которые поглощены мирскими делами, спорят с мукхи. Из-за этого они впадут в ничтожество и лишатся духовной награды» [71, с. 117].

Все более определенно проявляется тенденция верхушки сект к созданию своеобразных феодально-теократических государств в миниатюре. Неорганизованность и слабость антифеодальных сил эпохи средневековья мешали формированию представления о каких-либо формах отношений между людьми, кроме отношений феодального господства и подчинения. В этих условиях идея социального равенства была всего лишь несбыточной утопией, про-

поведь которой противоречила практике сект как феодальных, по существу, институтов. Протестовавшие некогда против кастовости и кастовой исключительности секты и сектантские течения все более вырождались в замкнутые касты, нередко проповедуя нетерпимость к инакомыслию и настаивая на собственной «истинности».

Ослабление антифеодальных тенденций горожан, прежде всего богатой верхушки, не исключало отдельных выступлений их против феодальных властей. В этой связи можно вспомнить, в частности, неравную борьбу, в которую вступил с местными феодальными правителями богатый и влиятельный купец Ахмадабада Капур Чанд Бхонсали. Утвержденный могольским падишахом Мухаммад-шахом в должности нагарсетха, он прибыл из Дели в Ахмадабад и начал свою деятельность. В те времена, отмечает Али Мухаммад-хан, помощник субадара Гуджарата Анап Сингх Бхандари взимал с горожан «незаконные штрафы и поборы под вымышленными предлогами и таким образом угнетал их». Капур Чанд «препятствовал ему в такого рода поступках и оказывал ему противодействие». Отношения их так обострились, что нагарсетх перестал наносить визиты наибу. Из 500 «безработных» людей он создал отряд всадников и пехотинцев и расположил его вокруг собственного дома. В сопровождении этого отряда он отправлялся даже для молитв в храм в Бехрамपुरе. Более того, «всякий раз, когда марварийские тираны (имеются в виду насмные воины-марвари, известные в XVII—XVIII вв. своими бесчинствами и грабежами.— К. А.), которые не боялись бога, забирали кого-либо из горожан, он посылал своих людей на дорогу, с тем чтобы силой отбить его у них». Около месяца Капур Чанд вел себя крайне независимо. Однажды к нему ночью были подосланы от наиба Анап Сингха Бхандари гонцы, которые вручили ему письма. Едва он углубился в чтение, как был убит подосланным тайным убийцей. Когда домочадцы и члены касты нагарсетха взяли его тело с намерением кремировать и подошли к городским воротам, они были атакованы людьми наиба, рассеявшими собравшихся. Видимо, опасаясь волнений, наиб решил предотвратить скопление горожан. Тело Капур Чанда было кремировано втайне по приказу наиба [16, т. 2, с. 34—35].

Еще один эпизод вооруженной борьбы бюргеров в начале XVIII в. с феодалами в городе описал Али Мухаммад-хан. В дни, когда в Ахмадабаде происходила ожесточенная борьба между вновь назначенным наибом субадара Мехер Али-ханом и смещенным наибом Анап Сингхом Бхандари, не желавшим уступать ему своей должности, в борьбу оказались втянутыми (на стороне вновь назначенного наиба) горожане, тогда была нарушена нормальная деловая жизнь города. В это самое время «видный купец Али Мухаммад Али оставил свое наследственное занятие, так как он обладал огромным богатством и ему на ум пришли нехорошие мысли, которые стали причиной его гибели». Безусловно, не одобрял действия «князя купцов» (малик ат-туджжар) Али Мухаммад-хан (недаром он был чиновником феодального государственного ап-

парата — диваном субы Гуджарат). Как он передает, купец надумал построить сильную крепость и снабдить ее всем необходимым. На берегу моря, близ порта Гогха, на небольшом островке, называемом Прем, он соорудил крепость с башнями и цитаделью, на что были потрачены огромные деньги. После этого он стал убеждать людей из различных мест строить здесь дома и поселяться в новом месте. Многие действительно явились сюда. Но на острове было много змей, которых, несмотря на бесчисленные усилия, не удалось истребить. «Остров змей» пришлось покинуть. И тогда выбор купца пал на местность в полукурухе от порта Сурат на берегу р. Тапти.

Посредством интриг и подкупов должностных лиц ему удалось построить здесь собственную крепость. Бок о бок с ней появилось несколько базаров, вдоль берега Тапти были сооружены «прекрасные и величественные» дома, облицованные глазурью. Купец Али Мухаммад Али назначил сам начальника крепости, градоначальника и свиту. «Драконоподобные пушки» были размещены на башнях. Сам купец жил здесь большую часть времени. Для жительства сюда пришли «торговцы и другие люди». За короткое время крепость пришла в состояние процветания, поскольку здесь стали складировать ввозимые товары. Специальный чиновник «составил перечень его [города] правил и установлений». Сурат начал терять свое значение, и «слава его меркла» [16, т. 2, с. 109—112]. Все это приносило купцу огромные доходы.

С намерением положить конец постоянным вымогательствам должностных лиц и чиновников государства «князь купцов» вступил в контакт с проповедником Сайидом Али, который был «источником порчи и беспорядка» и имел большое число последователей. Однажды утром во главе трехтысячного отряда кавалерии и пехоты он явился к ханека Сайида. Сюда же были приглашены Ахмад Чалапи и другие купцы. Люди Али Мухаммада Али привели также казия и муфтия. Когда все собрались, Сайид Али, получивший накануне в подарок от купца 2 тыс. рупий, начал свою проповедь. Обратившись к казию и муфтию, он сказал: «Разве это дозволено исламом? В соответствии с каким установлением религии и Книги [Корана] Бахрам-хан (мутасадди Сурата.— К. А.) требует денег от малик ат-туджжара?» Он восхвалял купца за щедрость, доброту и т. д. Казию ничего не оставалось делать, как написать обращение, осуждавшее действия чиновников. Это, однако, не предотвратило военного столкновения между купцом и Бахрам-ханом. Война со стрельбой из «луков и ружей» и даже пушек продолжалась около месяца; «многие молодые и старые, богатые и бедные потеряли жизнь и богатство». В ходе войны купец имел ряд удач. Ему даже удалось заставить мутасадди Бахрам-бека покинуть крепость и тайно бежать. Но удача все же изменила купцу, «дерзость» которого в конце концов стоила ему жизни [16, с. 1, с. 147—152].

Немаловажным событием в истории городских движений было выступление суннитской «большой общины» бохра в Ахмадабаде,

представлявшей главным образом состоятельных купцов. Сам факт раскола общины бохра в начале XVIII в. свидетельствовал об углублении социальных различий среди горожан, более четком социальном размежевании, разрывавшем даже небольшие религиозные касты, имевшие в момент своего появления более однородную социальную базу. В начале XVIII в. бохра, по свидетельству Али Мухаммад-хана, занимались «более или менее крупной морской торговлей с многими странами» и были богаты. Причиной волнения «большой общины» бохра было наложение на них «противного [религии], незаконного и не заслуживающего одобрения» налога — бивара (биура), который взимался в Гуджарате правителями этой субы вопреки неоднократным указам могольских падишахов в первой половине XVIII в. «один или два раза в год», иногда с ввозимых товаров, иногда в виде подушного или подымного сбора. Налагался бивара и в качестве чрезвычайного налога, в виде штрафа [16, т. 2, с. 106]. Спустя некоторое время тот же субадар вновь потребовал уплаты бивара. Бохра решили не платить налога, учитывая, что требование бивара исходило от назима (субадара) Мубариз ул-мулка, отзыв которого из Гуджарата был, казалось, решенным делом; рассчитывали и на то, что назим «из страха перед восстанием» посмотрит на их отказ сквозь пальцы. Бохра собрались в пятничной мечети Ахмадабада. Сюда же явился некий Шейх Абдулла — представитель той же общины, который тридцать лет вел жизнь затворника, не вступая ни в какие контакты с миром. «Облаченный в одежду факира», он предстал перед бохра и начал «изрекать пустые и нелепые слова», как-то: «Смещенный (речь шла о назиме.— К. А.), являющийся причиной ущерба и обид, должен быть схвачен, если сам не уходит из города». Это высказывание было подобно маслу, подлитому в огонь. В «бессмысленных словах» шейха и являемых им чудесах, в самом пришествии его к людям после стольких лет отшельничества бохра увидели «божью помощь» и благословение. Волнение стало усиливаться.

Назим субы пригласил к себе дивана, казия и других чиновников для обсуждения создавшегося положения. Было решено отказаться на сей раз от сбора бивара. Посланец назима передал общине его слова: «Я освободил бохра от бивара из уважения к шейху. Все эти люди должны отправиться в свои дома с легким сердцем». Однако выказанная назимом «мягкость и уступчивость», по словам хрониста, привела лишь к тому, что «грубость, суровость и непреклонность шейха удвоились... Он был рад беспрдельно и ответил развязно и глупо, что бивара не должен налагаться и на других и что назим должен покинуть город».

Как видим, душой событий стал или был сделан шейх, представитель духовного сословия, низы которого были близки демократическим слоям городского населения и пользовались среди них огромным авторитетом. Важно и то, что руководители и участники антифеодальных манифестаций в городе сознавали существование общих интересов у горожан. Под «другими» Шейх Абдулла

подразумевал, несомненно, представителей различных конфессиональных групп в городе, и прежде всего индусов. Это не осталось сокрытым от Али Мухаммад-хана, считавшего, что требование шейха об освобождении от бивара не только бохра, но и «других» было «ловким ходом, с помощью которого он хотел привлечь к себе индусов и доказать свою заботу о них, с тем чтобы они стали покорны и послушны ему. Таким образом, он мог стать главой и источником мятежных действий».

Создавшееся положение убедило назима в необходимости решительных мер. Назначенный им для командования конным и пешим отрядом Илахияр Бахши получил приказ отрезать собравшихся в мечети людей от остальной части города, чтобы воспрепятствовать дальнейшему скоплению здесь горожан. Когда отряд, выйдя из крепости Ахмадабада, проходил через «Трое ворот», собравшиеся здесь «звероподобные простолюдины», хранившие в своих сердцах слова шейха, бросились к лавкам базарной улицы и начали бросать в проходившее войско кирпичи и комья грязи. Они были атакованы войсками, под натиском которых бросились в бегство. Али Мухаммад-хан, хотя и осуждавший непомерные вымогательства властей¹⁵, не относился с сочувствием к действиям горожан. В назидание он приводит стихотворение, проникнутое уверенностью в их бессилии перед мощью властей: «Нельзя ожидать, что сила будет на стороне армии горожан. Как может искра стать звездой?». Все, кто находился в торговых рядах, близ ворот мечети и на дорогах, увидев эту расправу, бежали, оставив на месте Шейха Абдуллу с небольшой группой людей, которые оказали сопротивление; в результате стычек некоторые из них были убиты, другие — ранены. «Реки крови текли в мечети». Шейх был арестован вместе со своими «приспешниками» и главой общины бохра. «Чудеса и святость его исчезли». Бохра вынуждены были уплатить бивара в удвоенном размере [16, т. 2, с. 113].

Как видим, состоятельная верхушка «бюргерства» в противоборстве с феодальными властями могла и на этом, третьем этапе городской истории выступать инициатором и организатором городских восстаний. Она не только апеллировала к массам, при этом часто безотносительно к их религиозной принадлежности, но и становилась на путь военного сопротивления феодалам.

* * *

В работах, посвященных типологизации исторического процесса в Азии в средние века и в новое время, неоднократно отмечалось в качестве показателя социально-экономической незрелости средневекового города на Востоке отсутствие городских коммун, «вольных городов», без которых не мыслится история европейского города. Отсюда делался еще один вывод — о том, что восточные города (городские торгово-ремесленные слои) не противопоставляли себя феодалам, не были особой социально-политической силой.

В этих рассуждениях, исходящих, казалось бы, из исторических фактов, есть существенные неточности и упущения. Они заключаются, в частности, в том, что создание коммун интерпретируется *исключительно* как результат самостоятельной борьбы горожан с феодалами, свидетельствующий о политической зрелости бюргерства, противопоставляющего себя феодальному классу; при этом в значительной степени воображаемая, мнимая самостоятельность бюргерства в Западной Европе XI—XIII вв., на которые приходится борьба за «коммунальные свободы» городов, изображается как показатель высокого социально-экономического развития европейского города, которого азиатский город феодальной эпохи не достиг даже к началу нового времени.

Как показывает история западноевропейских городов, борьба их за коммунальные свободы велась не самостоятельно, а в союзе с королевской властью или же в условиях, когда королевская власть сама вела ожесточенную борьбу с феодалами — светскими и духовными сеньорами. На определенном этапе развития феодальных отношений, отнюдь не завершающем их историю, королевская власть как представительница «порядка в беспорядке», являвшаяся не надклассовой силой, а лишь выразительницей интересов класса феодалов в целом, была заинтересована в союзе с бюргерством во имя обуздания своих непокорных и могущественных вассалов. Во многих странах Европы союз короля и городов наметился уже в X в., королевская власть поддерживала сплошь и рядом движения бюргеров против феодальных сеньоров, даровала и утверждала коммунальные хартии. Союз короля с бюргерами время от времени нарушался, а затем возобновлялся и на определенном этапе помог королевской власти одержать окончательную победу над мятежными феодалами, которые, как известно, не могли обходиться без короля, но «по отношению к которому находились в состоянии непрерывного бунта». Однако, едва добившись с помощью городских элементов победы над феодалами, королевская власть в ряде стран Европы сумела подчинить себе города и ликвидировать их коммунальные свободы.

Таким образом, борьба городов в союзе с королевской властью обеспечила стабилизацию феодального государства, перевес центральной власти над отдельными крупными феодалами, но не ослабление или тем более подрыв их господства. Едва добившись этого, монархи не только прекратили раздачу коммунальных хартий, но и использовали мощь государства для подавления коммун, ликвидированных в течение нескольких десятилетий одна за другой. «Объединение более обширных областей в феодальные королевства являлось потребностью как для земельного дворянства, так и для городов. Поэтому во главе организации господствующего класса — дворянства — повсюду стоял монарх» [6, с. 24].

Нельзя пренебрегать и тем, что борьба за коммуны в Европе происходила не на завершающих этапах развития средневекового города, а в начальный его период. Кроме естественного в европейских условиях союза короля с городами в XI—XII вв. важной

предпосылкой возникновения коммун было стремление поселявшихся в городах сельских мигрантов-ремесленников, купцов и пр. создать на новом месте свои общинные формы организации, которые обеспечивали бы им спокойствие и безопасность благодаря самоуправлению и автономии; этой цели, несомненно, и служили завоевываемые коммунальные свободы.

Условия генезиса и развития городов и городского сословия в Индии были во многом отличны от европейских. Здесь процесс стабилизации феодальных отношений и создания централизованных феодальных государств не тормозился в той же степени, что в Европе, могуществом отдельных феодалов. Сепаратистские тенденции их в раннее средневековье и позднее не были выражены настолько, чтобы препятствовать феодальной централизации: верхние эшелоны власти были представлены знатью, скрепленной клановыми и кастовыми узами; располагавшиеся ниже феодальные слои противостояли первым в этнокастовом отношении, но сила и влияние их были ограничены безусловным политическим преобладанием верхнего эшелона, поддерживавшего центральную власть. Сама специфика аграрных отношений и форм собственности создавала благоприятные условия для феодальной централизации, которая в Индии проходила не столько в ожесточенной борьбе с феодалами (как в Европе), сколько при поддержке их и была направлена против независимости общин. При такой расстановке социальных сил в период становления города последний не был столь же неременным союзником основного носителя централизации феодального государства — государя.

Немаловажную роль в том, что город в Индии не пережил периода коммун, подобно европейскому городу на относительно раннем этапе его истории, было и то, что здесь, как и в ряде других стран Азии, где отсутствовало крепостное право, не было серьезных юридических препятствий для миграции в города и поселения в них. Борьба европейских городов в X—XII вв. преследовала едва ли не главную цель — юридическое высвобождение от сеньора, избавление от крепостной зависимости. Следует добавить, что в индийских городах как бы изначально существовала готовая форма корпоративного («автономного») самоуправления, в которую включались мигранты, в виде касты. Появлению вольных городов препятствовало и нахождение феодалов в городе, в особенности крупном.

Отсутствие в истории индийского города «коммунального периода» не означало, однако, его относительной (по сравнению с европейским городом) неразвитости, незрелости. Если это и было в тот или иной промежуток времени, то показателями были другие явления, а не отсутствие коммун.

В источниках есть многочисленные сведения о предоставлении феодалами городским торгово-ремесленным слоям и всей городской общине определенных «вольностей» в различные периоды истории города¹⁶. Довольно часты в источниках и указы султанов и падишахов, освобождающие от налогов, всякого рода «неспра-

ведливых», «незаконных» притеснений и обид. Еще в «Победах» Фируз-шаха после рассказа о жестоких преследованиях «сектантов, еретиков», «безбожников», «язычников», Фируз-шах приводит длинный перечень упраздненных им повинностей и поборов, взимавшихся до этого с мелких городских торговцев и ремесленников [30; 19, с. 375; 238, с. 244—245]. Важным установлением было задержание падишахом Джахангиром постоя солдат в домах горожан. Один из пунктов (6) падишахского фирмана, изданного вскоре после коронации, был озаглавлен: «Солдаты не должны останавливаться в домах». В этом пункте говорилось: «Каждый из моих солдат, приходя впервые в город, хорошо, если нанимает для себя [жилье]; если же нет, то он должен устроить для себя пристанище, разбив палатку за пределами города. По правде говоря, нет ничего хуже того беспокойства, которое причиняется населению, когда в дом, где сидит семья, входит он и все приходит в волнение. Он желает занять в доме лучшее место. Женщины и дети от этого страдают. И как долго они могут защищать себя? Да и есть ли в доме удобное для защиты место?» [16, т. 1, с. 186—187].

Интересна в этом отношении и грамота-указ, данный падишахом Аурангзебом в 1657/58 г. на имя ахмадабадского купца-банкира Сатидаса, который еще при Шах-Джахане был «фаворитом двора», оказывал ему услуги, поставляя, в частности, дорогостоящих арабских коней. Грамота, данная Аурангзебом вскоре после вступления на трон, гласила, что «все усилия его величества направлены на благополучие райатов и простых людей, являющихся чудесными созданиями вечного бога». Далее говорилось о том, что Сатидас, получивший разрешение от падишаха отправиться в свой родной город — Ахмадабад, должен «по возвращении оповестить всех купцов-махаджанов, простых жителей и все население о нашем (Аурангзеба. — К. А.) справедливом управлении и соблюдении интересов райатов... с тем чтобы они могли процветать в местах своего жительства и домах, в спокойствии духа и с внутренним удовлетворением заниматься торговлей, ремеслом и вознесением молитв». Государственным чиновникам строго предписывалось не причинять Сатидасу и «другим жителям ни под каким видом беспокойства» [16, т. 1, с. 240—241]. До нас дошли и другие рескрипты того же падишаха, обязывавшие чиновников быть справедливыми в отношении населения городов, указы, отменявшие многочисленные поборы с торговцев и ремесленников в городах.

Хотя эти распоряжения не были эффективны, поскольку, как писал Хафи-хан, в сердцах джагирдаров, заминдаров и других не осталось страха перед наказанием, издание их свидетельствует об общей направленности государственной политики по отношению к городскому торгово-ремесленному населению, которая определялась как ролью торговли и городских ремесел в экономике феодального государства (значительная часть доходов которого была связана с этими сферами хозяйственной жизни), так и существовавшей в городах оппозиции феодальному режиму. Не исключено,

что до конца XVI в. такая политика определялась больше последним обстоятельством, позднее же на первый план выдвинулись экономические интересы феодалов и феодального государства.

Конец XVII — середина XVIII в. отмечен рядом мощных антимогольских движений, в которые были вовлечены широкие слои крестьянства (джаты, маратхи и другие землевладельческо-земледельческие касты). Однако лидерство в этих движениях принадлежало местным элитам формировавшимся добуржуазных наций (или этнокультурных общностей) — пенджабцев, маратхов и др., которые в борьбе с агонизировавшей Могольской империей стремились к созданию собственной государственности и в соответствии с этим направляли антифеодальные тенденции крестьянства в нужное для себя русло.

Безусловное политическое доминирование местных элит (главным образом средних и мелких феодалов) в антимогольских движениях этого периода было результатом не только роста их собственного влияния в процессе феодализации джатских и маратхских общин: важнейшим фактором явилось ослабление «бюргерства» как социальной силы в результате роста среди верхушки городских элементов тенденции к феодализации и компрадорской деятельности в условиях могольской стабилизации и экспансии европейского торгового капитала. Поэтому антифеодальная борьба крестьянства не могла в Индии последних столетий средневековья служить социальным преобразованиям, как в Западной Европе, где бюргерство и зарождавшаяся буржуазия использовали антифеодальные тенденции крестьян в интересах ниспровержения феодальных режимов. В итоге плодами борьбы индийских крестьян воспользовались местные феодальные элиты, основавшие свои более или менее крупные, более или менее эфемерные княжества в различных частях распадавшейся державы Моголов.

Характерной чертой социальной борьбы городских торговцев и ремесленников на третьем этапе ее было сочетание антифеодальной оппозиции «бюргерства» с протестом против политики «покровительства» и попустительства европейскому торговому капиталу, усиливавшему свою экспансию.

Приведенные в настоящем разделе работы материалы не подтверждают тезиса, выдвигавшегося в исторических трудах некоторых ученых, а также националистически и консервативно настроенных деятелей Индии о якобы «бесконфликтном» развитии и «гармоничности» индийского общества благодаря существованию каст и кастовых законов. Ознакомление с историческим материалом показывает напряженную, сложную, полную драматизма социальную борьбу, знавшую периоды подъема и спада под влиянием различных условий экономической и социальной эволюции.

Глава VI

Влияние города на сельскую экономику и аграрные отношения

Город и деревня — особые функциональные элементы феодальной системы

История различных народов и стран подтверждает, что развитие противоположности между городом и деревней «начинается вместе с переходом... от племенного строя к государству, от местной ограниченности к нации и проходит через всю историю цивилизации» [6, с. 49—50]. Достигая в средние века значительно более высокого уровня, чем в древности, разделение труда между городом и деревней остается неполным, и только капитализм на определенном этапе развития превращает город в антипод деревни.

Признаки отсутствия абсолютной противоположности между городом и деревней обнаруживали себя и в средневековой Индии, в частности в значительной распространенности городов полуаграрного типа. Это особенно справедливо для раннего средневековья (до XIII в.), когда многие города имели не только сады, но и пашни и луга для выгона скота и обеспечивали себя продовольствием. Соответственно земледельческое население здесь было, видимо, весьма значительным. Историк XII в. Калхана говорит об истреблении кутумбина (крестьян-землевладельцев) вместе с их семьями в «мириадах городков и деревень» Кашмира во время мятежей дамаров, или феодализировавшейся знати [52, с. 485]. В местных индийских и иностранных источниках IX—XI вв. города превозносятся прежде всего за обильные урожан, «сладкий рис» и апельсинные, манговые, кокосовые и другие фруктовые деревья в садах [33, с. 15а, 15б и сл.].

Даже для историков конца XIII — XIV в. — Зия уд-дина Барани и Шамс Сирадж Афи́фа и арабского путешественника Ибн-Батуты — наличие в городах полей и посевов было чем-то вполне привычным и не противоречило их представлениям о городе как таковом. Они писали об обложении в дни Ала уд-дина Хилджи посевов «Нового Дели» и его предместий хараджем в соответствии «с общим правилом взимания» его с единицы засеваемой площади [23, с. 29], о пожаловании Мухаммад-шахом Туглаком одному из представителей знати «в икта всего города Сири» (части Дели) со всеми расположенными там «домами, садами, принадлежащими

казне, и полями» [51, т. 3, с. 262]. По словам Афифа, основанный Фируз-шахом Туглаком Хасир-Фируза превратился со временем в «значительный город (шахр), сделался благоустроенным, густонаселенным и возделываемым (маазур)» [19, с. 128]. Правда, индийские средневековые авторы обычно делали различие между «грама» (санскр.), «дех» (перс.), «карийа» (араб.) — терминами, определяющими деревню, и терминами, передающими понятие «город»; однако в представлении этих авторов города отличались от деревни прежде всего большим размером, часто тем, что имели стены и укрепления (хотя укреплялись иногда и деревни) и были административными центрами. Вместе с тем историки подчеркивали и хозяйственную специфику города — развитие здесь торговли, ремесел.

Изучение источников убеждает в том, что земледелие после XII — XIII вв. не играло существенной роли в относительно крупных городах, которые не были уже способны прокормить себя: едва прекращался из-за войн, мятежей или по другим причинам обычный подвоз продовольствия из сельской местности, как начиналась острая нехватка продуктов или даже голод, вспыхивали волнения.

Полеводство в городах начиная с XIII—XIV вв. быстро уступало место садоводству. Последнее, хотя и требовало больших затрат труда и капитала, было прибыльным; продукция его поступала на рынок, потреблялась в городах и вывозилась из страны в виде сухофруктов. В XVI—XVII вв. городское садоводство послужило базой для развития парфюмерной промышленности в Агре, Джайпуре, Газипуре, Ахмадабаде, Сурате, Сирондже; хотя парфюмерные изделия Индии уступали знаменитым иранским, они также находили спрос на мировых рынках. Однако даже товарное земледелие не играло существенной роли в больших городах. В Ахмадабаде, известном своими садами, в первой половине XVI в. налог со всего городского земледелия (бабат-и зераат) составлял, как мы показали выше, всего 3,27% всех налоговых поступлений с города в казну. Перечень городских статей обложения в хрониках, эпиграфике, документах свидетельствует о том, что основным источником налоговых сборов были ремесло и торговля (обложение рыночного оборота, продажи ремесленных изделий и сельхозпродуктов), а также сборы у городских ворот и ворот кварталов, обложение почтовых операций, извоза и т. д.; некоторые налоги были связаны с социально-политическими функциями города как административного центра округа и концентрации здесь военной, фискальной и юридической власти. Сами городские статьи и обложения, среди которых становится незаметным налог с земледелия, резко отличаются от статей обложения в деревне, где, безусловно, преобладала рента, исчисляемая с урожая или с посевной площади.

Различное хозяйственное использование земли в городе и деревне создавало огромную разницу и в размерах обложения земли. Как показывают наши подсчеты, проведенные на основании

данных статистики «Аин-и Акбари» 90-х годов XVI в., джама, или государственные сборы с единицы площади в городе, во много десятков раз превышали джама с той же площади в округе города (хавели) и в сотни раз — усредненное значение джама в субе. Так, в Дели джама с 1 бигха земли равнялся в городе 758,4 дама, в его пригороде — 99,7, а в его субе — 29,3 дама; для Мультана соответственно цифры будут: 739,9, 63,7 и 49,9 дама.

Земля (невозделываемая), не являясь в городе средством производства и не будучи присвоена феодалом в качестве такового, не производила феодальной ренты. Налог выплачивался с земель под домами и другими постройками. Шамс Сирадж Афиф интерпретировал его как «налог с земли, находящейся под домами и лавками» («кера-йе замин-и ханеха ва дукаанха» [19, с. 375]). В середине XVIII в., по Хафи-хану, аналогичный городской «налог с земли» (кера-йе замин-у макан) платили «ежемесячно и ежегодно все ремесленники (аснафгеран ва касабан) всего государства — от мясников, горшечников, продавцов зелени до продавцов тканей, ювелиров, менял — за каждый клочок занимаемой ими земли на базаре, где они строили лавки и торговали» [32, т. 2, с. 87—88].

Принципиальные различия существовали в деревне и в городе в самих правах на землю. В деревне они определялись принадлежностью человека к доминировавшей землевладельческой касте. Представители «профессий», арендаторы, сельскохозяйственные работники, стоявшие вне землевладельческого общинного коллектива, даже если земля была в избытке, не становились, как правило, владельцами земли, которую они «держали от общины» [202, с. 121—122]. В городе землевладельцами были сами кастовые общины ремесленников и торговцев. Следы коллективной собственности таких общин прослеживаются вплоть до нового времени, обнаруживаясь в необходимости согласия всех членов на поселение в пределах общинной территории чужака и т. д. Однако индивидуальное право на владение землей неземлевладельческих каст в городе все же существовало и было, видимо, более выраженным по сравнению с деревней. В этом отношении представляет интерес рассказ Хафи-хана о том, что для проведения казной строительных работ в Дели понадобилась земля под домами жителей города. Казне пришлось купить ее у домовладельцев и предоставить им для застройки участки в другом месте города [32, т. 2, с. 675—676]. В персоязычных хрониках городские собственники или владельцы земли назывались, как и в деревне, маликами.

Поскольку невозделываемая земля в городе не была средством производства, собственность на нее не формировала феодального уклада. В основе господствовавшего в городском ремесле товарного уклада лежала собственность самого производителя на все условия труда — мастерскую (лавку, дом) и землю, на которой она располагалась, орудия труда, сырье, а также созданный им товар и вырученные от его продажи деньги. Городской мелко-товарный уклад сосуществовал в феодальном обществе с системообразующим и «размещенным» главным образом в сельской мест-

ности феодальным укладом и наиболее характерными для него натуральными отношениями.

Преобладание последних в деревне не исключает определенной распространенности товарного производства. Проживавшие в деревне товаропроизводители-ремесленники платили государству специальный налог. В санскритских источниках до XIII в. такой налог обозначался словами «кара» либо «хиранья» [173, с. 127; 262, с. 212—213], в персоязычных источниках более позднего времени — «мухтарифа» [60, с. 78, 81, 92]. Эти платежи были аналогичны тем сборам, которые взимались с городских ремесленников и не могут быть квалифицированы как феодальная рента, несмотря на то что облекались нередко в форму арендной платы за землю и в атмосфере господства феодальной эксплуатации несли на себе ее черты. Мелкотоварное ремесло в деревне обслуживало деревенские и более отдаленные рынки через посредство купца-скупщика, вывозившего продукцию иногда в другие области страны и даже за ее пределы [168, с. 10]. Естественно, что труд ремесленников-товаропроизводителей приобретал все большее значение по мере роста производительных сил в самом ремесле и расширения спроса на его изделия. Между ремесленниками-товаропроизводителями и общинниками-землевладельцами могли возникнуть натурально-меновые или товарно-денежные отношения, хотя степень развития последних не следует преувеличивать.

Господствовавшие в деревне натуральные отношения находили свое воплощение в системе балютадари¹, или джаджмани², — системе отношений между общинными землевладельческими коллективами (в массе — производителей) и зависевшими от них (по-земельно и даже лично) представителями «профессий» — кузнецами, плотниками и др., обслуживавшими производственные и частью потребительские нужды землевладельцев. Эти лица получали в качестве вознаграждения участки земли или часть выращенного урожая, размер которой не зависел от объема работы, реально выполненной общинным «слугой»-балютадаром (обладателем балюта, или доли в урожае крестьянина), хаккдаром (обладателем права на упомянутую часть урожая) [147, с. 34—35].

Различная степень развития в деревне и городе товарного уклада обусловила обособленность (экономическую, социальную и правовую) этих двух типов агломераций, причем они оставались функциональными элементами одного и того же феодального общества, базировавшегося на мелком производстве хозяйственно самостоятельного труженика (крестьянина в деревне и отчасти ремесленника в городе). Хотя феодал не получал от ремесленников феодальной ренты, городское ремесло и торговля были источником его доходов. Феодальная собственность на землю как средство производства, политическая и военно-административная власть феодалов, вся система государственного управления, феодальное право и кастовые законы делали возможным присвоение феодальным государством (или получавшими от него санкцию на это отдельными феодалами) налогов с городских торговцев и ремеслен-

ников. Это создавало в городе ту же атмосферу социального гнета, которая царила в деревне. Проявлялся этот гнет в систематическом «законном» и «сверхзаконном» налоговом ограблении ремесленников и торговцев, в привлечении их к исполнению всевозможных трудовых повинностей (строительство дорог и мостов, перевозка грузов и т. п.) [20, с. 375 и сл.; 89, с. 184—188; 90, с. 49—53], а также в низком сословно-кастовом статусе торгово-ремесленного населения по сравнению со статусом феодальной элиты.

Существование в средневековой Индии таких двух особых функциональных элементов феодальной системы — города и деревни — делает закономерной постановку проблемы отношений между ними. Как известно, в Европе зарождение и развитие средневекового города придавало определенный динамизм всему общественному развитию, способствовало глубоким социальным и экономическим сдвигам в деревне, что привело историков к выводу: город «повел за собой деревню». Отношение «город — деревня» в Индии, несомненно, определялось характером исторического процесса в средние века и итогами его к началу нового времени. Проблема эта, к сожалению, изучена крайне недостаточно, хотя и ставилась в работах исследователей. По мнению некоторых авторов, город и деревня были изолированными системами хозяйства. Органическая связь между ними отсутствовала [82, с. 126], а отношения «город — деревня» выражались прежде всего в том, что город паразитировал на деревне [82, с. 119].

Неоднократно в качестве специфики отношений «город — деревня» отмечалось то, что из деревни в город шел поток сельскохозяйственной продукции (в форме ренты или через рынок), но город не поставлял своих товаров в деревню [202, с. 119]. Однако в источниках могольского периода есть весьма красноречивые и не единичные данные о приобретении крестьянами на городских рынках ремесленных товаров — дешевых тканей и гончарных изделий, о существовании в городах мастерских, производивших подделки и железные части для сельскохозяйственных орудий [168, с. 109—111].

Мнение, что городской товарный уклад не оказывал заметного влияния на деревенскую экономику, основано на представлении о замкнутом мире деревенской общины, покоящейся на соединении земледелия и ремесла. Эта точка зрения господствовала в европейской науке со времени «открытия» индийской общины английскими учеными и чиновниками в XIX в. Застойность общины переносилась на все традиционное общество; местные институты, местные нормы и формы связей представлялись как совершенно специфические явления, не имеющие перспектив развития.

Эта позиция в последние 20—30 лет была существенно поколеблена благодаря накоплению в науке, прежде всего в индийской и советской, исторического материала, свидетельствующего о значительной эволюции индийского общества в доколониальный период. В определении уровня развития азиатских обществ, в частности товарных отношений, на рубеже средневековья и нового вре-

мени допускались, однако, некоторые переоценки (утверждение В. И. Павловым [В. Я. Граше] и Э. Н. Комаровым тезиса о сложении в Индии в доколониальный период капиталистического уклада [113]). Пересмотр этих излишне оптимальных оценок привел к другой крайности. В. И. Павлов, пользуясь сравнительным типологическим анализом уровня развития Азии, в том числе Индии, и Западной Европы в новое время по ряду параметров экономической, социально-политической структуры и культуры, сделал вывод, что в доколониальной Индии не только не было капиталистического уклада (что, безусловно, верно) или даже зачатков раннекапиталистических отношений, но страна к середине XVIII в. не достигла уровня развитого феодального общества и переживала лишь раннефеодальный период, соответствующий уровню развития Европы VII—IX вв. [106, с. 173—329]. Такой парадоксальный вывод — результат использования метода ретроспективного анализа — привлечения данных конца XVIII—XIX в.³ для исследования общественных и экономических отношений средневековья, в частности общины XIII—XVII вв. При этом не учитывается, что на этот последний период приходится время максимального развития в стране традиционного города и товарного уклада эпохи феодализма, которое сменилось дезурбанизацией, упадком сотен городов и сокращением товарного производства в раннеколониальный период (середина XVIII—начало XIX в.). В этих условиях неизбежно должны были усиливаться тенденции к «замыканию» общин⁴. Вместе с упадком городов оказались, по существу, исчерпанными их урбанизационные потенции, т. е. их способности оказывать влияние на преобразование сельской местности и на развитие общества. Однако несомненно, что стимулирующее воздействие на сельскую экономику и общество в целом товарного уклада средневекового города было значительно более выраженным, нежели традиционного города в условиях колониальных завоеваний и колониального господства.

Городской рынок сельскохозяйственных товаров и дерева

Важным фактором воздействия на сельскую экономику было существование и расширение в течение XIII—XVII вв. рынка сельскохозяйственных товаров, формирование которого предшествовало обычно развитию рынка промышленных товаров. Отсутствие в городах раннего средневековья развитого рынка сельскохозяйственных товаров (или недостаточное развитие его) было предпосылкой широкого распространения системы служебных земельных пожалований феодалам, которые, живя в городах, делали запасы продовольствия, получаемого в виде ренты со своих земельных владений [52, с. 410, 502].

С XIII в. рынок — неперенный элемент города. Наличие рынка было признаком идентификации даже небольшого города — ка-

саба [60, с. 161], являвшегося центром земледельческого округа. В больших городах базары насчитывались десятками. Главный базар в некоторых городах назывался чоук, манди (или мандви). Он занимал обычно центральное положение в городе. Манди Ахмадабада в первой половине XVI в. платил огромный налог с торгового оборота. В XVII в. местные купцы и европейцы неоднократно описывали Чандни чоук и Чоук Саадулла-хана в Дели, чоуки в Агре и Лахоре. Чандни чоук назывался первоначально Лахорский базар, поскольку он начинался от Лахорских ворот Красного форта в Дели (был построен в 1640 г. принцессой Джахан Ара).

Кроме чоуков в городах были специализированные базары, например наххасы, где торговали скотом и рабами. В Дели был, видимо, не один наххас; в Агре он функционировал ежедневно, и кроме верблюдов, лошадей, быков здесь продавали шатры и хлопчатобумажные изделия. Рынки зерна были известны как ганг (или гандж), рынок фруктов и овощей — как сабзи-манди; Хадджем-мандви (по имени его строителя) в Агре, расположенный недалеко от топ-хана (мастерской по производству пушек), специализировался на продаже оружия и амуниции; известен также мандви-енамак (рынок соли) в Лахоре и др. Специализированными же рынками были катра. В Агре, например, имелся сабун-катра (мыльный рынок), в Дели — нил-катра (индиговый рынок) и кашмири-катра (рынок кашмирских тканей и других изделий этой области); некоторые другие известные катра в Дели и Агре назывались по именам их собственников, поэтому мы не знаем их специфики.

В крупных городах, кроме того, известны еще базары. Так, в Дели имелись Чадри-базар, Хас-базар, Ханам-базар, Джавхари-базар, Раджа-базар и др. Самым крупным из базаров был Фаиз-базар, имевший 1500 ярдов в длину и 30 ярдов в ширину, построенный одним из приближенных Шах-Джахана в 1650 г. [230, с. 76—77].

Об определенном развитии в городах Индии конца XIII — начала XIV в. рынка земледельческих товаров свидетельствует попытка делийского султана Ала уд-дина упразднить практику земельных пожалований служащим и назначить им денежное жалование, на которое они должны были приобретать все необходимое на городских базарах; именно с этой целью он проводил регламентацию цен на ткани, зерно и прочие товары; однако стихийный подвоз в город продовольствия из деревень был явно недостаточным для осуществления такой реформы [23, с. 306]. К середине XIV в. рынок продовольственных товаров, видимо, существенно расширился благодаря увеличению подвоза зерна и других товаров сельского хозяйства. Историк Шамс Сирадж Афиф сообщал: «При Ала уд-дине цены на продовольствие были низкими в результате мудрой политики султана, тогда как в правление Фируз-шаха по милости бога и благодаря светлейшей вере этого падишаха в течение долгого времени цены на зерно оставались низкими без всяких стараний со стороны этого правителя»; историк добавляет,

что при Ала уд-дине регламентированные цены существовали лишь на базарах Дели, а в правление Фируз-шаха «низкими цены были не только в городе (Дели), но и во всей стране» [19, с. 294]. Известно, что в это время служилые люди различались как ваджи (получавшие от государя для «прокормления» деревни и натуральное довольствие) и накди, которым жалованье выдавалось в деньгах; воины-накди служили в городе (Дели), получая из казны каждые 3, 4 или 6 месяцев примерно по 10—100 танка [20, с. 270].

Тенденция к понижению цен на сельскохозяйственные товары продолжала развиваться и в течение всего XV — начала XVI в., несмотря на усилившийся процесс политической децентрализации. По словам историка Абдаллаха, при Сикандар-шахе Лоди (1489—1517) «земледелие достигло совершенства», торговцы, ремесленники, крестьяне и все «люди божьи» пребывали в благоденствии и спокойствии, а зерно и ткани были дешевы. Так же обстояли дела в правление его преемника и сына Ибрахим-шаха. Возможно, подражая Афифу, Абдаллах замечает, что низкие цены при Ала уд-дине были результатом «насилия и тысячи принудительных мер», а дешевизна при Ибрахим-шахе была «небесного» происхождения; «хотя и во времена Сикандара все было дешево, — продолжает историк, — но не в такой степени, как в правление Ибрахима» [13, с. 36—38].

В течение XVII и до середины XVIII в. отмечается, напротив, неуклонный рост цен на сельскохозяйственные товары в городах (примерно на 40%). И. Хабиб тенденцию роста цен на городских базарах склонен объяснять прежде всего падением стоимости основного денежного знака в Могольской империи — серебряной рупии, что было связано с «революцией цен» в Европе вследствие притока туда золота и серебра из Америки [202, с. 81—89, 393—394]. Возможно, однако, что наряду с этим была и другая причина повышения рыночных цен, а именно относительно быстрый рост городского населения и расширение спроса на продовольствие. С этим утверждением выступила Х. Х. Накви, подкрепляя его тем фактом, что цены в Могольской империи росли по мере приближения к столичной области Агра — Дели.

Преобладание в городах торговли предметами массового спроса даже вызывало досаду у Ф. Бернье. «На одну лавку, в которой продаются красивые, тонкие ткани, шелковые материи с золотыми и серебряными полосками, тюрбаны с золотой вышивкой и другие товары, — писал он, — вы найдете по крайней мере двадцать пять лавок, в которых нет ничего, кроме горшков с растительным и коровьим маслом, груды корзин с рисом, ячменем, мелким горошком, пшеницей, всякими другими зерном и овощами. Этим обыкновенно питаются не только индусы, которые никогда не употребляют мяса, но и мусульмане низшего класса, а также значительная часть войска» [38, с. 219].

Если рост населения приводил к расширению торговли в городе продовольственными товарами, то развитие ремесла в городах формировало рынок технических культур (хлопка, шелка-сырца,

индиго). Естественно, что возможность сбыта на городском или местном сельском рынке земледельческой продукции частично подчиняла ему хозяйство крестьян, производивших для продажи с учетом потребностей рынка. Перемены в городской рыночной конъюнктуре могли быстро сказываться на структуре крестьянского хозяйства, производящего технические культуры, как, например, в Гуджарате. Известно, что после голода 1630—1632 гг. в Гуджарате крестьяне, выращивавшие хлопок, засеяли свои поля зерновыми, цены на которые были очень высокими на городском рынке, в то время как хлопок не находил сбыта в прежних количествах, поскольку многие его потребители — городские ремесленники погибли от голода или бежали в другие области [202, с. 81]. Только связью крестьянского хозяйства с рынком, непосредственной или опосредованной скупщиком, откупщиком, подрядчиком, можно объяснить то, что законодатели и историки XVII в. считали низкие цены на продукты на городских рынках бедствием для крестьян. Так, в указе Аурангзеба на имя Рашик Даса низкие цены должны были учитываться чиновниками при определении размера налога наряду с засухой и прочими стихийными бедствиями.

Стимулирующее воздействие городского рынка на сельскую экономику было, естественно, более заметным в местностях, расположенных по соседству с городом, в его окрестностях или близлежащей округе. Возможность сбыта на городском рынке сельскохозяйственных товаров порождала заинтересованность производителя в результатах своего труда, в повышении продуктивности земледелия, а также в более широком производстве технических, садовых и бахчевых культур. Повышение продуктивности земледелия было связано и с относительно хорошо налаженным в городской округе водоснабжением, поскольку города располагались обычно у естественных или искусственных водоемов.

Показателем стимулирующего влияния города на деревню следует, видимо, считать факт повышения доходности и соответственно обложения земли по мере приближения к городу. Основываясь на налоговой статистике «Аин-и Акбари» Абул Фазла, можно утверждать, что в Могольской империи 90-х годов XVI в. с земли в хавели городов взимался гораздо более высокий налог, чем в отдаленных местностях. Это видно из табл. 2, включающей данные о величине государственного налога-джамы с 1 бигха земли в хавели семи могольских городов, центров областей-саркаров, и усредненного налога по саркару. Налог с 1 бигха в хавели городов Мультана и Лахора был выше налога с той же площади в саркарах этих городов примерно в 1,6—2 раза; превышение в 4—6 раз наблюдается в хавели Ахмадабада и Броча и в 10 и 27 раз — в хавели городов Кара и Паттан соответственно (не исключено, что данные по двум последним городам в источнике неточны).

По мере расширения земледельческого производства (в частности, производства технических культур), стимулируемого развитием городских рынков, нарушался замкнутый характер растущей, весьма значительной части крестьянских хозяйств⁵, зависевших от

городских рынков как в сбыте, так и в приобретении сельскохозяйственных товаров. В приобретении потребительских товаров (и прежде всего продовольственного зерна) нуждались крестьяне, выращивавшие технические культуры. Характерным явлением в XVI в. было удовлетворение, видимо, значительной частью земледельцев их производственных нужд за счет рынка. Как следует из рекомендаций Тодар Мала, главы могольского фиска при Акбаре, а также согласно памятке-инструкции налоговым чиновникам середины XVII в. [202, с. 254], покупка крестьянами семенного зерна и скота была весьма обычным явлением.

Таблица 2
*Джама, взимающийся с 1 бигха земли *,
дамы*

Город-центр саркара	Джама в хавели	Средний налог (джама) в сар- каре
Паттан	1356,19	50,50
Кара	538,72	50,68
Дели	99,74	17,30
Броч	132,57	27,30
Ахмадабад	105,38	26,00
Лахор	59,12	31,20
Мульта	104,77	63,7

* Составлена по данным [44].

Связи крестьянского хозяйства с городскими рынками были в средневековой Индии отчасти непосредственными⁶, но преимущественно опосредованными деятельностью торговцев, действовавших самостоятельно (скупавших у производителей продукцию земледелия) или же выступавших в качестве агентов по сбору феодальной ренты. Усилению зависимости сельских производителей от торговцев и ростовщиков способствовала и частичная коммутация ренты, равно как и установление высокой нормы натуральной ренты, далеко превосходившей потребности в продуктах феодала и являвшейся поэтому, как и коммутация, выражением роста в стране товарно-денежных отношений. Зависимость от торгово-ростовщического капитала крестьян росла также по мере расширения посевов технических культур, поставляемых главным образом на городские рынки. В 1626 г. Ф. Пельсарт, ссылаясь на то, что местные купцы — индусы и мусульмане «в течение многих лет» занимались скупкой индиго у производителей деревень округа Бианы, давая им «за несколько месяцев деньги вперед и связывая должников обязательством не продавать индиго никому, только им», рекомендовал голландским торговцам следовать этой практике. Это представлялось ему тем более целесообразным, что могло предупредить взвинчивание цен производителями красителя, как часто бывало: торговец, сегодня купив индиго в одной деревне, в

другой деревне на следующий день бывал вынужден платить «по крайней мере на рупию больше» [65, с. 16]. Зависимость крестьян от кредитов не была одинаковой и среди земледельцев одной и той же деревни. Естественно, больше от них зависели маломощные крестьяне, нуждавшиеся в деньгах для покупки прежде всего семян и скота [202, с. 120].

Товаризация сельскохозяйственного продукта через каналы ренты и ростовщического процента сковывала самостоятельные связи крестьянского хозяйства и рынка, лишая «производителя той части прибавочного продукта, которую после реализации на рынке он мог бы обменять на покупные средства производства и обратиться на расширенное воспроизводство» [141, с. 50—51].

Коммутация ренты и проникновение товарно-денежных отношений в деревню способствовали процессу имущественной и социальной дифференциации, что ослабляло сохранявшиеся в соседских общинах в течение всего средневековья пережитки родовой общины, ее традиционные институты и нормы, в том числе и ограничения на отчуждение пахотной земли за пределы общины и саму общинную организацию⁷. Юридические трактаты, своды законов и официальные документы периода развитых феодальных отношений, в частности «Фикх-и Фирузшахи» (XIV в.), не содержат специальных указаний на такого рода ограничения. При продаже земли одним налогоплательщиком другому они рассматриваются как собственники в одном случае купленной, в другом продаваемой земли. Фирман падишаха Аурангзеба 1668 г. о взимании хараджа в нескольких разделах трактует куплю-продажу крестьянской земли, устанавливая порядок уплаты при этом земельного налога, что свидетельствует об обыденности таких операций в XVII в. Касаясь прав крестьянина-общинника на заброшенную им землю, падишахский фирман, игнорируя права «братьев» (перс. «берадеран»), предписывал чиновникам в тех случаях, когда возвращение крестьянина не предвиделось, эту землю «ради пользы [дела] давать *любому*, кто способен платить с нее [харадж], и *каждого* (курсив мой.— К. А.), кто исправно будет возделывать [ее], нужно считать маликом (малик-и ракебе)⁸ этой земли, которую не следует отбирать» [16, т. 1, с. 270]. Участок наследственной земли мог приобретаться посредством купли и в маратхской общине первой половины XVIII в. [147, с. 42—43].

Естественно, что покупателями пахотной земли были люди самостоятельные — сельская верхушка, разбогатевшие общинники, купцы, обычно горожане. Скупка ими прав общинников привела к тому, что выходцы из торговых каст были землевладельцами во многих округах и областях Северной Индии⁹. В 90-е годы XVI в. в статистике «Аин-и Акбари» в графе о кастовой принадлежности землевладельцев упоминаются различные торгово-ростовщические касты — мультани (в саркаре Хисар Фируза субы Дели), баккал (в саркарах Алвар субы Агра, Чандери субы Мальва, Бари Доаб субы Лахор), хятри и марвари (в саркарах Кара субы Аллахабад и Байанван субы Агра) [44, с. 199, 202, 213, 299—300, 322].

Весьма знаменательным явлением в XVII в., свидетельствующим о глубоком влиянии денежных отношений на процессы, происходившие в общинах, становится купля-продажа должности старосты, вернее, связанных с ее исполнением привилегий — мукаддами (заключавшихся главным образом в праве присвоения определенной доли в совокупной феодальной ренте). Как заметил И. Хабиб, покупателями мукаддами были люди, не имеющие отношения не только к наследственным мукаддамам данной деревни, но и к общине вообще; это могли быть горожане, представители торгово-ростовщического капитала [202, с. 133].

Главным способом отчуждения общинной земли был ее заклад. Эта практика фиксируется еще в конце периода Гупта (VI—VII вв.) и получает распространение в VII—IX вв.¹⁰ Заклад владельческих прав на землю (фактически заклад земли) широко практиковался в Северной Индии после XIII в. и в особенности в XVI — середине XVIII в., что приводило иногда к отрыву крестьянина от земли¹¹, но главным образом к превращению его в арендатора-издольщика того участка, на который он имел некогда владельческие права, или же нового участка (земли феодала, другой общины или целины, возделанной на средства государства, купцов, сельских старшин и т. д.).

Данные о наличии в индийской деревне арендаторов-издольщиков, а также сельскохозяйственных работников имеются в источниках различных периодов средневековья, в том числе раннего, когда в массе своей они, принадлежа к низким кастам и неприкасаемым, восходили генетически к рабам, или другим категориям лишенных собственных средств производства производителей древнего общества, или же к членам подчиненных племен. Кастовые законы закрепляли низкий социальный статус безземельных арендаторов и сельскохозяйственных работников, исключая возможность превращения их в самостоятельных хозяев, наследственно владеющих своей землей. Эпизодические «выталкивания» отдельных индивидуумов из социальной среды общинников-мирасдаров происходили также на различных стадиях развития феодализма. Но только после XVI в. можно говорить о тенденции к превращению части их в арендаторов как о зарождающемся социальном явлении, приведшем в своем развитии к заметному изменению кастового состава арендаторов за счет выходцев из средних и высоких землевладельческих каст [102, с. 212—213; 119, с. 7—9, 117 и сл.].

Потеря прав малики, как показывают материалы источников [61, с. 117 и сл.], не только понижала социальный статус их субъекта (хотя и не изменяла, во всяком случае непосредственно, его кастовой принадлежности). Она приводила также к усилению феодальной эксплуатации, ибо согласно обычаю лицо, получившее в возмещение долга или купившее за деньги крестьянские права малики, реализовало их путем дополнительного обложения уже сидевшего на земле или вновь посаженного на землю крестьянина. В результате рента, выплачиваемая крестьянином, лишившимся

прав малики, была обычно значительно выше той, которую платил общинник (традиционным размером маликан считалась $\frac{1}{10}$ урожая), и соответствовала ренте с издольщика из низкой касты или неприкасаемого.

Безусловно преобладавшая тенденция в развитии общин заключалась в обеднении массы крестьянства при сохранении им своих наследственных земель. Хроническим явлением с конца XVI в. и в особенности со второй половины XVII в. становится налоговая и ростовщическая задолженность крестьян. Все чаще в источниках встречаются сведения о числящихся за крестьянами недоимках. Государство нередко бывало вынуждено аннулировать долги крестьян за полной их неплатежеспособностью. Так, в начале 70-х годов XVII в., по свидетельству главы провинциального фиска Гуджарата, чиновники земель халиса и джагирдары беспокоили крестьян требованием уплаты недоимок за прошлые годы. Из-за этого многие крестьяне бежали со своих земель, а те, что оставались на местах, были не в состоянии уплатить их. В связи с этим был издан указ о ликвидации числившихся за крестьянами недоимок [16, с. 1, с. 290]. Участвовавшие побег крестьян вызывали со стороны государства ряд законодательных и карательных мер [246, с. 191; 15, т. 3, с. 347].

Важнейшим показателем обеднения крестьян была утрата многими из них способности к самостоятельному ведению хозяйства. Выше приводились сведения о предоставлении крестьянам такави (аванса) для покупки зерна и рабочего скота. В данном контексте необходимо заметить, что сведения о такави земледельцам имеются и в более ранних источниках. Однако, насколько нам известно, до XVI в. такави предоставляли безземельным крестьянам, которых государство или феодалы сажали на целинные или заброшенные земли, орошенные на свои средства [23, с. 498—499]. С конца XVI в. специальные установления властей о предоставлении такави и правилах изъятия кредитованных сумм включались в падишахские указы, регулировавшие сбор налогов с основной массы общинного крестьянства, что свидетельствует о том, что кредитование его феодалами стало широко распространенной практикой¹². «Когда урожай созрел,— говорилось в одном из фирманов Аурангзеба,— он [сборщик налогов] должен отправить всадников и пехотинцев для охраны [урожая], с тем чтобы они не позволяли крестьянам собирать урожай прежде, чем те не выплатят налога текущего года, займов-такави и недоимок за прошлые [годы]» (цит. по [202, с. 241]).

Зависимость крестьян-общинников от кредитов была, естественно, неодинаковой в различных местах. Вблизи городов и в областях относительно высокого развития денежных отношений она могла быть больше, чем в других районах. Так феодально-ростовщическая эксплуатация, подчеркивая и углубляя имущественную и социальную дифференциацию в деревне, содействуя размыванию в феодально-зависимых общинах пережитков родовых отношений, разлагала общину как социальный коллектив.

Вместе с тем обеднение крестьянина, в большей или меньшей мере зависевшего от кредитования его феодалами, ростовщиками и торговцами, увеличение в сельском производстве удельного веса труда безземельных работников и арендаторов означали усиление феодальной эксплуатации, содержащей уже элементы экономического принуждения.

Углубляя имущественную и социальную дифференциацию среди крестьянства, денежные отношения способствовали изживанию в тягловых (феодално-обязанных) общинах цементирующих ее в определенной мере пережиточных норм родовой общины (запрет на свободное отчуждение общинной земли и преимущественное право общинников на покупку ее) и стимулировали процесс превращения крестьянских владений в индивидуальную собственность. Все это, несмотря на незавершенность подобных процессов в доколониальный период в масштабах всей страны, создавало тем не менее условия для обезземеления части общинников-мирасдаров, превращавшихся в кабальных арендаторов, а также для перехода части крестьянской земли в руки феодалов, сельских богачей, торговцев и ростовщиков. Последнее явление приводило к изменениям и в кастовом составе общинников, усиливало в общине эксплуататорские элементы.

При этом индийская деревня в доколониальный период (и в колониальный, но уже под влиянием других обстоятельств) не переживала кардинальных изменений, хотя степень разложения некоторых традиционных форм, равно как и разложения наиболее характерных для феодализма натуральных отношений, по крайней мере в наиболее развитых частях страны, была весьма высокой.

Город и феодальная рента. Кризис военно-ленной системы

Характер и размер ренты во все периоды истории феодализма определялись сложным комплексом экологических и социально-экономических условий. Среди последних во многом определяющую роль играл город как основное место концентрации товарного уклада и потребления феодальной ренты. Естественно, что степень влияния города, воздействия его на аграрные отношения зависела прежде всего от развитости городского рынка сельскохозяйственных продуктов. В раннее средневековье, когда города представляли в большинстве полуаграрные поселения с относительно слабо выраженной промышленной деятельностью простых товаропроизводителей, слабой концентрацией населения и узостью рынка, город едва ли оказывал заметное влияние на сельскую экономику. Феодальная рента в этот период имела своим источником эксплуатацию как кармакаров, бхритья, даса и других категорий унаследованных от деревни зависимых производителей, все более превращавшихся в кабальных арендаторов феодального типа, так и общинников, попадавших в зависимость от общинной верхушки

и крупных землевладельцев. Эксплуатация социальных слоев, формировавших класс феодально-зависимого крестьянства, осуществлялась в двух формах — отработочной и натуральной ренты. Первая была связана преимущественно с эксплуатацией необщинного крестьянства, относимого древней и раннесредневековой традицией к низшим кастам и неприкасаемым.

В научной литературе высказывалось мнение, что с развитием феодальных отношений в Индии в V—VII вв. «господствующей формой [ренты-налога] сразу стала не отработочная, а продуктовая рента. При наличии древней земледельческой культуры и системы орошения, повышавшей урожайность земли, продуктовая рента приносила индийским феодалам значительно большую массу прибавочного продукта, чем получали феодальные землевладельцы Европы. Возможно, этим объясняются быстрое развитие и пышный расцвет феодализма в Индии, а также значительное проникновение товарно-денежных отношений в феодальную экономику страны» [85, с. 48]. При всем том, что отработочная рента в Индии действительно не доминировала ни в один из периодов средневековья, думается, однако, что степень распространения ее и роль в развитии феодальных отношений была немаловажной. В этом убеждают исследования Р. Ш. Шармы, Л. Гопала и др., которые обратили внимание, в частности, на столь важное явление в первые столетия после распада империи Гупта, как ограничение права передвижения (и крестьян, и ремесленников), являвшееся симптомом существования принудительного труда и соответствовавшего ему манора, владельцами которых были брахманы и деревенские старшины, использовавшие принудительный труд крестьян-арендаторов [249, с. 76]. Л. Гопал, отмечая относительно меньшую распространенность в Индии манора, чем в Западной Европе, пишет, что в Северной Индии эта форма была более обычна в Раджастанхана, Ориссе, Ассаме (областях слабого развития торговли), в то время как в большей части областей, где торговля была значительнее, отсутствовала необходимость в такого рода «социальной и политической системе», как манор [198, с. 30—31, 39—40]. Думается, что в раннее средневековье и отработочная, и натуральная формы ренты в равной мере соответствовали в целом слабому развитию городских рынков и городского товарного уклада.

Индийские средневековые историки фиксируют процесс превращения вишти из трудовой повинности в пользу государства, выполняемой обычно даса, кармакарами и другими представителями общественных низов, в повинность, налагаемую на общинников и предусматривавшую работу на полях государства и отдельных землевладельцев (брахманов, деревенских старшин и др.). Полагая II—X вв. (но главным образом IV—VI вв.) временем широкого распространения вишти в Северной Индии, Р. Ш. Шарма считает эту форму ренты важнейшим фактором в процессе феодального подчинения крестьян [249, с. 23, 51, 55, 74, 266]. В V—X вв. вишти включается в список тех податей, привилегий и прав, от

которых государство отказывалось в пользу получателя в дар земли. Как обычная обязанность жителей деревни она упоминается в документах Вакатаков в Центральной Индии в V в., Майтраков из Балабхи в Гуджарате в VI—VII вв., в надписях Палов, Пратихаров, Раштракутов¹³. Однако в дарственных грамотах после X в. среди упоминавшихся повинностей, от которых государство отказывалось в пользу получателя дара, вишти более не фигурирует [249, с. 243; 198, с. 32—34].

К концу раннего средневековья эта и другие отработочные повинности преобразовывались, возможно, в ренту продуктами. Пример замены вишти специальными сборами, «штрафами», зафиксирован Калханой. По его свидетельству, царь Самкаравармана (884—903) первым в Кашмире наложил повинность по перевозке грузов на крестьян, которые отказались от ее выполнения; тогда взамен вишти их заставили платить «штраф» в размере стоимости подлежавшего транспортировке груза. Для получения «штрафа» в деревни посылались чиновники, которых крестьяне обязаны были содержать и которые взымали с них различные сборы.

Натуральная рента была широко распространена во все периоды средневековья. Она формировалась в раннее средневековье как арендная плата натурой с посаженных на землю необщинных земледельцев, но главным образом в процессе изменения характера разного рода натуральных платежей, которые делались общинниками и которые шли некогда на общественные нужды. Формирование ренты сопровождалось понижением социального статуса общинников, все более терявших права свободных, равноправных граждан, и происходившим одновременно превращением публично-правовых функций родовой знати в пределах общин в частноправовую власть.

Традиционная устойчивость натуральной ренты объясняется специфическими условиями земледелия в Индии, которые делали эту форму ренты более выгодной, нежели отработочная. Действительно, при огромной трудоемкости процесса производства многих сельскохозяйственных культур, требующих искусственного орошения, продуктовая рента позволяла индийским фермерам получать гораздо большую массу прибавочного продукта по сравнению с европейскими [147, с. 12]. Важной причиной преобладания натуральной ренты была, видимо, и сама устойчивость общинных отношений и их пережитков. Последние проявляли себя не только в длительном существовании довольно крупной прослойки свободного крестьянства, но и в сохранении феодально-закабалемым крестьянством высокого статуса членов военно-землевладельческих каст. Возможно, именно сложившаяся социально-психологическая атмосфера не позволяла в ряде случаев заставлять общинников нести вишти, налагавшийся обычно на необщинных производителей.

Формирование в Индии с X—XII вв. иерархически конструировавшегося феодального класса и его собственности (имевшее результатом крестьянизацию большего числа общинных землевла-

дельцев, феодальное подчинение их) привело к тому, что отработочная рента оказалась еще более «утесненной», продолжая, впрочем, выполняться представителями низших слоев сельских производителей на полях рядовых общинников и общинной верхушки, а также в немногочисленных личных хозяйствах стоявших над общиной феодалов.

Общественная функция и отработочной, и натуральной ренты в раннее средневековье оставалась единой — удовлетворение главным образом потребностей феодалов. И хотя натуральная рента давала собственникам земли возможность более значительных накоплений, нежели отработочная, лишь появление рынка земледельческих товаров на базе общественного разделения труда и развития платежеспособного спроса рождает у феодалов стимул к резкому усилению эксплуатации, поскольку феодальная рента в период начавшегося оживления товарно-денежных отношений и роста городов сулила большую выгоду получателю ее благодаря возможности реализации продуктов на городском рынке¹⁴.

Сведения о реализации феодалами в городах полученной ренты становятся весьма определенными с XII в. По свидетельству Калханы, в Кашмире «царские министры и тантрины (последние формировали военно-служилую знать. — К. А.) приобрели богатства и влияние благодаря продаже по высоким ценам накопленных запасов риса» [52, с. 209]. Более систематической продажа сельскохозяйственной продукции, изъятой в качестве феодальной ренты, становится в XIV в. Историк Шамс Сирадж Аффиф передает, что «некоторые люди по обоюдному согласию покупали итлаки (документ на право получения служилым лицом натурального содержания с данной территории. — К. А.) у служилых». В г. Дели покупатели итлаков (купцы) отдавали владельцам икта деньгами лишь треть вырученной суммы от продажи на рынках натурального продовольствия этих служилых людей. «От этого они имели хорошую прибыль. В дни правления этого повелителя [Фируз-шаха Туглака] некоторые люди разбогатели в результате продажи жалованья воинов» [19, с. 296—297]. Предметы продовольствия часто становились объектом не только купли-продажи, но и спекуляции¹⁵.

К середине XVII в. номинальный размер ренты, взимаемой с общинного крестьянства и распределяемой среди владельцев джагиров, достигал половины крестьянского урожая. Многочисленные поборы существенно увеличивали ее объем, что и побудило Аурангзеба внести в указ о взимании хараджа (1668 г.) специальный пункт, запрещающий изъятие ренты сверх половины урожая [16, т. 1, с. 268—272]. По сравнению с первыми столетиями феодальной эпохи, когда традиционным размером ренты была $\frac{1}{6}$ доля урожая, к середине XVIII в. рента возросла в 3 раза, а по сравнению с XIV—XVI вв., когда она охватывала примерно $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ урожая, — в 1,5 — 2 раза. Естественно, что столь значительное повышение удельного веса ренты в валовом урожае земледельца могло происходить лишь при повышении продуктивности земледелия. Если от-

правляться от того, что необходимый продукт на протяжении всего средневековья оставался величиной постоянной, то, сопоставляя относительные размеры ренты в ранний период и в XVII в., можно сделать вывод о росте производительности крестьянского хозяйства с первых столетий нашей эры до XVII в. по крайней мере на 60%.

Сообщения источников об объеме феодальной ренты в XIV—XVII вв. показывают заметный прогресс в земледелии даже в этот исторически небольшой отрезок времени. Так, на рубеже XIII—XIV вв. обычным размером была доля, не превышающая $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{4}$ урожая. Реформа Ала уд-дина Хилджи, направленная на изъятие у земледельца половины урожая, оказалась губительной для крестьянского хозяйства и была отменена его преемниками. В XVII в. возросшая производительность позволяла изымать систематически половину урожая. Для Индии, видимо, во все периоды средневековья была характерна относительно высокая норма ренты, которая охватывала почти весь прибавочный продукт. Сведение к минимуму части необходимого продукта, идущего на воспроизводство рабочей силы производителя, оказывалось возможным в специфических природных условиях Индии (теплый климат, обилие дикорастущих плодов и растений). Но даже в этих условиях хроническим явлением по крайней мере со второй половины XVI в. становится тяжелая налоговая задолженность крестьян. Стимулированная немало развитием города и городского рынка, высокая норма феодальной ренты продуктами¹⁶ стала, однако, серьезным препятствием к развитию товарного уклада в деревне, поскольку не рождала заинтересованности крестьян к повышению производительности труда и увеличению объема продукции. В то же время она подчиняла феодалам и городской рынок, укрепляла и власть над самим городом. Другой реакцией на развитие товарно-денежных отношений в стране была коммутация ренты¹⁷.

Эпиграфические материалы свидетельствуют о некотором распространении в XI—XII вв. денежных сборов с земледельцев. У. Х. Гхошал полагал, что термин «хиранья» (букв. «деньги») означал налог с производства определенных земледельческих культур; предостерегая от преувеличения роли денежных платежей, Л. Гопал все же считает, что значение их действительно несколько возросло к XIII в., хотя преобладающей формой ренты была продуктовая [198, с. 39—40].

Сами налоговые установления Ала уд-дина относительно уплаты хараджа в области Двуречья в натуре, принятые в начале XIV в. (в связи с предполагавшейся реформой системы оплаты воинов), по мнению У. Г. Морленда, говорят в пользу того, что до этих установлений рента не была натуральной (или только натуральной) [226, с. 37]. Об этом же свидетельствует и законодательство Ибрахим-шаха Лоди (начало XVI в.). По его указу «малики и эмиры не должны брать в качестве ренты (махсул) ничего, кроме зерна и прочего, что рождает земля; деньгами же (накд) от крестьян не должны получать». В результате, по свидетельству

историка Абдаллаха, из джагиров в столицу стало поступать огромное количество зерна, в то время как на нужды маликов и эмиров требовались наличные деньги. Поэтому, продолжал историк, малики и эмиры вынуждены были продавать зерно по ценам, которые сами же и назначали и которые были очень низкими («за 1 бахлули можно было купить 10 манов зерна» [13, с. 105]). Распоряжение султана, видимо, преследовало определенные политические цели и было частью осуществлявшейся им политики ограничения власти и могущества афганских и других представителей военно-феодальной власти: денежные сборы способствовали больше, чем натуральные, накоплению в руках феодалов богатства, являвшегося, с точки зрения правителей Дели, причиной мятежей и бунтов. Но так или иначе, это распоряжение свидетельствует о том, что в XV в. денежные платежи крестьян если не преобладали, то, во всяком случае, имели большое значение и были весьма широко распространены. Еще в начале этого столетия Ахмад-шах, султан Гуджарата, области относительно развитых городов и торговли, издал указ, по которому половина жалования воинов должна была поступать из его джагира в натуре, а другая — в деньгах [16, т. 1, с. 48].

Показателем развития денежных отношений и коммутации ренты в XV в. является денежное исчисление земельного пожалования¹⁸, что не зафиксировано нами для более раннего времени.

Денежный налог законодательным порядком был декларирован Шер-шахом Суром (1539—1545). Специальным указом предписывалось, чтобы в каждом округе были бы один шикдар, один амин и два жаркуна, которые вели бы дела на хинди и на фарси, из года в год обмеряли бы землю и взимали налог деньгами («золотом») с каждого джариба [13, с. 213]. Взимание фиксированного денежного налога, по расчетам Шер-шаха, должно было ограничить произвол и бесконтрольное увеличение доходов знати и предотвратить разорение крестьян. Его сын Ислам-шах, правивший во второй половине XVI в. в Бенгалии и Бихаре, по свидетельству Абдаллаха, вовсе не жаловал джагиров (или сильно ограничил эти владения) и давал своим служилым людям денежное вознаграждение [13, с. 165]. Осуществлявшийся могольским падишахом Акбаром с 1574 г. перевод натуральных податей в денежную форму с учетом рыночных цен свидетельствовал о значительном влиянии денежных отношений и проникновении их в деревню. Денежный налог, который, по авторитетному мнению И. Хабиба, преобладал при Акбаре [202, с. 177], не исключал, видимо, и натуральных платежей¹⁹. Несомненно и то, что он должен был, как отмечала К. А. Антонова, «привести к вовлечению в торговый оборот больших масс зерна. Тем самым сотни тысяч крестьянских хозяйств стали в зависимость от колебаний рыночных цен. Крестьянин во времена Акбара мог по-прежнему ничего не приобретать на рынке, но он уже был связан с рынком в качестве продавца для получения средств на уплату налогов» [85, с. 121].

Коммутированная рента преобладала и при преемниках Акба-

ра на протяжении всего XVII в. Это явствует, в частности, из указа Аурангзеба от 1683/84 г., в котором говорится: до сведения падишаха дошло, что «амили округов не принимают в казнохранилища неполноценные монеты, ссылаясь на то, что они запрещены падишахским указом. Тогда райаты меняют их на базарах и платят в казну полноценной монетой, отчего происходит промедление в уплате [налогов], поскольку тратится время на обмен этих монет». Указ предписывал чиновникам округов принимать в казну в уплату налога также и неполноценные монеты, делая при этом соответствующие надбавки [46, т. 1, с. 308]. О преобладании денежных платежей свидетельствует и распоряжение того же падишаха об уплате ренты продуктами, вызванное чрезвычайными обстоятельствами — войнами, нарушившими подвоз продовольствия к Дели.

Даже при учете неравномерности развития отдельных частей страны можно, видимо, говорить об общей тенденции в эволюции феодальной ренты, которая в XIV — XVII вв. заключалась не только в ее росте, но и в весьма четко выраженной коммутации, что отдавало крестьян во власть купцов и ростовщиков²⁰.

Развитие городского рынка, в частности рынка технических культур, обусловило практику контрактации (дачи крестьянам ссуд под залог выращенного урожая), которая, вопреки мнению некоторых исследователей, видевших в ней нововведение европейских торговцев и предпринимателей, была хорошо известна в Индии задолго до того. Еще в 1626 г. Ф. Пельсарт свидетельствовал о практике контрактации индийскими торговцами индиго, которая была лишь заимствована европейскими, в том числе английскими, купцами. Контрактация была очень выгодна купцам, поскольку рыночная стоимость полученных по контракту продуктов значительно превышала взятую крестьянином ссуду. Например, в округе Биана англичане ссужали производителей индиго деньгами из расчета 21,5 рупии на 1 ман индиго, в то время как продажная цена на рынке была 36,5 рупии.

Раджастханские архивы содержат документы (1692, 1716, 1738, 1762 гг.), показывающие, что местные торговцы отправлялись для закупок продуктов сельского хозяйства в различные районы: шерсть приобреталась в Джайсалмере и Биканере, хлопок — в Котахе, зерно — в западных и восточных частях Раджастхана. При этом есть прямые указания на то, что крестьяне брали кредиты от ростовщиков с обязательством продать им свой урожай; в упомянутых архивах приводится много имен как посредников, так и за контрактовавшихся крестьян [248, с. 318]. Распространение системы контрактации, по мнению И. Хабиба, было показателем «высокого развития в стране денежных отношений» [202, с. 242].

Стимулируя рост натуральной ренты и ее частичную коммутацию, городской рынок способствовал углублению социальной и имущественной дифференциации общинников, усилению налоговой и ростовщической задолженности значительной их части, что приводило к потере владельческих прав на землю. В то же время ры-

ночные отношения были важным фактором распространения откупной системы, взрывавшей иерархическую структуру феодального служебного землевладения.

Система откупа известна с начала XIV в., когда указом делийского султана Гийас уд-дина Балбана запрещалось привлекать для сбора налогов с областей «откупщиков-барышников» (мука-таагиран ва мувафиран), так как это причиняло народу жестокие страдания [23, с. 429]. Откуп налогов, по свидетельству Абу Тураба, известен был в Гуджарате еще в первой половине XVI в.; более широкое распространение он получил позднее, со второй половины XVI до начала XVIII в.²¹ В отличие от времени правления Акбара, когда преобладал централизованный откуп, т. е. когда налоги давались в откуп государством, в конце XVII в.²² — первой половине XVIII в. услугами иджарадаров пользовались сами джагирдары. Так, в Гуджарате, по свидетельству главы местного налогового ведомства, к сдаче земли в иджара раньше не прибегали так часто, как в 30-е годы XVIII в. Правитель области Абхи Сингх, нуждаясь в деньгах, отдавал на откуп все новые и новые территории. Несколько округов он изъяс из ведения халиса и чиновников государственного фиска и «передал в иджара марварийским баккалам» [16, т. 2, с. 140—141]. В Бенгалии в таком качестве нередко подвизались купцы-индусы из торговых каст [86, с. 81]. «Агенты откупщиков (уммал-и иджарадаран), — писал Хафихан в середине XVIII в., — опустошили страну» [32, т. 1, с. 157]. «На смену иерархии налоговых чиновников приходит откупщик... — подчеркивал И. М. Рейснер. — Многие представители индусских торгово-ростовщических каст... превратились в раджей, заняли высшие должности в государстве, захватили богатые откупы и обширные джагиры» [147, с. 255].

В роли откупщиков выступали также разбогатевшие представители общинной верхушки. В указе Аурангзеба 1676/77 г. говорится, что в Гуджарате чаудхри и мукаддамы, беря в иджара округа, «жестоко притесняли и угнетали крестьян». Падишахский рескрипт предписывал не допускать, «чтобы кто-либо из мукаддамов был откупщиком [на землях] халиса и тиулдаров (джагирдаров. — К. А.) и взимал с крестьян абвабы сверх положенного налога» [16, т. 1, с. 292].

Приобретавшие откупа не попадали в личную зависимость ни к джагирдару, ни к государству и не несли военной или иной службы. Правда, в некоторые периоды проявлялась тенденция рассматривать откупщиков в качестве чиновников налогового ведомства и наделять их административными функциями. Так было, несомненно, в годы проведения Акбаром упоминавшейся «реформы», когда курури наряду с другими должностными лицами числились на службе государства, а иногда им адресовались рескрипты правителей.

В начале XVIII в. сама система пожалования джагиров превратилась в своеобразный откуп, а джагирдары — в откупщиков [16, т. 2, с. 140—141, 145, 168]. В условиях, когда государство, по су-

шеству, не имело значительных и систематических поступлений с джагирных территорий, когда владельцы их все менее исправно несли службу в войсках падишахов и фактически не содержали предусмотренного условиями пожалования числа воинов, возникла практика изъятия у лиц, которым давался джагир, определенных денежных сумм в момент его предоставления. Эта практика была узаконена при сыне Аурангзеба Бахадур-шахе [32, т. 2, с. 598]. Пытаясь извлечь как можно больше средств, правители все чаще сменяли джагирдаров, требуя с вновь назначаемых лиц крупные суммы [147, с. 25—26].

Таким образом, откупа могли существовать и при натуральной ренте, если учитывать плохие коммуникации, удаленность держания от места службы пожалованного лица. В случае сдачи земли в откуп даже натуральная рента, выплачиваемая крестьянами, приносила феодалу денежный доход, поскольку продукты пускались откупщиком в продажу. Однако импульс к широкому развитию откупов был дан развитием денежных отношений.

Откупщики, к какому бы социальному слою они ни принадлежали, стремились закрепить приобретенные права и сделать их наследственной привилегией. Трудно сказать, многим ли это удавалось. Впрочем, это не столь уж важно при рассмотрении вопроса о разложении ленной системы. Гораздо важнее то, что в результате расширения практики откупа налогов весьма внушительная часть феодальной ренты поступала в распоряжение людей, совершенно не связанных службой, поземельной и личной зависимостью с государством или крупными джагирдарами. В других случаях подобная зависимость, хотя и сохранялась, становилась все более призрачной. При таких обстоятельствах за откупом ренты скрывались операции по купле-продаже феодальной земельной собственности, хотя владельческие права феодалов (наследование, распоряжение землей и пр.) были не столь уж бесспорными. Многочисленные откупа, аренды и субаренды свидетельствовали о возросшей подвижности земельной собственности, вызванной в значительной мере развитием денежных отношений²³.

По справедливому замечанию У. Г. Морленда, в позднемогольской Индии происходило сближение различных категорий феодальной собственности — собственности мусульманских джагирдаров-ленников, наследственных вотчинников-индусов, феодализовавшейся сельской верхушки и, наконец, откупщиков-иджарадаров. Все упомянутые группы землевладельцев в законодательстве английских колониальных властей конца XVIII в. были признаны наследственными владельцами-заминдарами [226, с. 149, 150, 154, 158].

Кризис иерархической структуры собственности, или так называемой военно-ленной системы, означал, по существу, начало разложения феодальных поземельных отношений²⁴. Говоря о разложении служебного землевладения в Англии времен правления Стюартов, К. Маркс подчеркивал, что английские землевладельцы «уничтожили феодальный строй поземельных отношений, т. е.

сбросили с себя всякие повинности по отношению к государству» [3, с. 734].

Еще одной тенденцией в эволюции феодальной собственности в последние столетия средневековья, связанной с ростом городов и расширением торговли сельскохозяйственной продукцией, было некоторое развитие личного хозяйства феодалов. Такие хозяйства возникали благодаря распашке целинных земель²⁵, являвшихся служебными наделами сельских старшин или же купленных у их прежних владельцев-общинников. Собственным хозяйством обзаводились, как мы отмечали выше, и джагирдары, и откупщики налогов. Эти хозяйства нередко образовывались в результате захвата крестьянских земель. Еще могольский падишах Джахангир издал указ, запрещающий чиновникам земель халиса и джагирдарам «насиловать отбирать участки крестьян и возделывать их для своей выгоды» [24, л. 55]. Это же постановление упоминается в «Мират-и Ахмади»: «Курури и джагирдары не должны силой захватывать земли крестьян, превращать в свои земли и обрабатывать их» [16, т. 1, с. 186—187]. В хронике Хафи-хана встречается термин, обозначающий такого рода хозяйства,— «сир» (или «махалл-и сир») [32, т. 2, с. 801]. Он хорошо известен в истории земельных отношений Индии XIX—XX вв., однако в исследуемый период попадает лишь в единичных случаях. В источниках сир явно противопоставляется джагирным территориям, заселенным платившими ренту общинниками, однако, если джагирдар попадал в опалу, государство считало себя вправе конфисковать в пользу казны не только его джагир, но и сир [32, т. 2, с. 801]. В отличие от манориального же хозяйства раннего средневековья, которое не создавало меновой стоимости, сир в позднее средневековье мог быть связан с рынком.

Однако условия для развития товарного земледелия (на базе как крестьянского, так и поместного хозяйства) становились все менее благоприятными в результате начавшегося под влиянием натиска европейских держав и их торговой экспансии искажения процесса разложения феодального общества. «В исторической перспективе,— пишет В. И. Павлов,— утверждение индивидуальной собственности на землю в странах Востока открывало возможность превращения феодальной собственности, прежде всего собственности верхов общин и через их хозяйствование, в капиталистическую частную собственность. Однако вмешательство англичан наложило свой отпечаток на наметившиеся в феодальном обществе Индии процессы» [141, с. 44].

Создание колонии Британская Индия на старой феодальной основе противоречило многим развивавшимся до того социально-экономическим процессам. В рамках этой «интеграции», осуществленной в интересах метрополии, оказались подавленными тенденции к формированию внутреннего рынка, пришло в упадок множество малых и крупных традиционных городов, центров мелкотоварного производства и потребления продовольствия, оказались нарушенными прежние экономические связи между горо-

дом и деревней и между городами; создававшиеся новые коммуникации были приспособлены к вывозу за пределы страны богатств, в том числе земледельческой продукции.

Эта продукция благодаря использованию Ост-Индской компанией мощного аппарата принуждения приобреталась не в виде товара, т. е. через посредство рынка, а преимущественно путем изъятия феодально-колониальными и ростовщическими методами (в частности, принудительная контрактация). Огромные масштабы колониальной дани и злоупотребления, сопряженные с ее сбором, в числе прочих факторов привели к гигантской пауперизации населения, что не создавало ни стимула, ни условий для развития крупного товарного производства в земледелии на базе использования наемного труда и вложения капитала. Напротив, происходила консервация форм феодальной собственности, основанной на эксплуатации пауперизировавшегося крестьянина-землевладельца или кабального арендатора-издольщика, ведущих в основном мелкое и мельчайшее натуральное хозяйство, теперь, менее чем когда-либо, способное к расширенному воспроизводству. Таким образом, прогрессивная тенденция в развитии традиционной аграрной структуры Индии в условиях товарных отношений, в том числе расширения городского товарного уклада, осталась нереализованной.

Заключение

Истоки процесса общественного разделения труда, отделения ручной промышленности от земледелия прослеживаются в Индии еще в глубокой древности. Появление и диверсификация неземледельческих профессий в древнейших и древних государствах страны не подрывали «нерасчлененного единства» города и деревни. Отделяясь от земледелия, ручная промышленность становилась занятием особых групп населения в общинных или полисных центрах, в ставках родовой, рабовладельческой и феодализирующей знати. Здесь при определенных условиях (и прежде всего при наличии спроса на ремесленную продукцию) возникали, хотя и крайне ограничено, рынки и обслуживающее их мелкотоварное ремесло, которое в древних городах в противоположность городам периода зрелого феодализма (после X—XII вв.) не представляло экономической их основы. Доминировавшим типом промышленного производства в древнем городе Индии было натуральное производство в царских и частных мастерских; изделия их не поступали на рынок и превращались в товар лишь в очень ограниченных масштабах (притом лишь в руках «царских купцов» или агентов хозяев частных мастерских). Крайней узостью внутреннего рынка было обусловлено существование торгово-ремесленных корпораций-шрени; производители-ремесленники в сбыте своей продукции и в некоторых других отношениях были в зависимости от купцов и старшин, стоявших во главе шрени и сбывавших ремесленную продукцию обычно за пределы страны и на отдаленных от места производства рынках в пределах индийского полуострова или же снабжавших изделиями ремесла дворы правителей и знати. Подчинение древних городских корпораций усиливавшейся государственной администрацией древних обществ Индии было одной из причин подчинения и ослабления шрени.

В последние столетия до нашей эры и первые столетия нашей эры прогресс земледелия, прежде всего расширение возделываемых площадей и основание новых деревень (нередко удаленных от старых общинных центров на большие расстояния), приводил к существенным переменам. Способствуя происходившему в общинах разложению родовых отношений и становлению индивидуальной собственности, расширение культурного ареала неизбежно затрудняло из-за отсутствия или плохого состояния коммуникаций связи земледельцев с прежними полисными центрами. В этих условиях возникала объективная потребность в сосредоточении обслуживавшего земледелие ремесла непосредственно в деревнях,

что стимулировало рассеяние промышленности, или деконцентрированный процесс развития ремесла.

По мере развития начавшихся (спорадически еще в древности) феодализационных процессов и формирования на базе аллодиального землевладения соседских общин ремесло развивалось преимущественно как внутриобщинное, превращая деревню в своеобразную экономическую ячейку с внутренним разделением труда между земледелием и ремеслом. Подобная система коллективного содержания общиной ремесленников, призванная обеспечить максимально эффективные условия для прогресса земледелия, стала возможна лишь на определенном уровне общественного развития благодаря росту продуктивности земледельческого хозяйства. Это позволило земледельцам-общинникам делать всевозможные отчисления в пользу государства, стоящих над общиной его представителей, а также других социальных групп, в том числе ремесленников, не занимающихся земледелием.

Концентрация ремесла в деревнях стала одной из причин разрушения полисных рынков в общинных центрах и других древних городах (в особенности мелких), в конечном счете — определенной натурализации экономики периода раннего средневековья, а вместе с этим и понижения социально-кастового статуса ремесленников, представленных в массе зависимыми от общин производителями.

История средневекового города Индии связана с углублением общественного разделения труда, а именно с территориальным отделением от земледелия ремесла, или промышленного производства мелкого самостоятельного товаропроизводителя-ремесленника, концентрацией его в преимущественно неземледельческих агломерациях и формированием здесь рынка продовольственных и ремесленных товаров (в том числе орудий труда). Важной предпосылкой территориального отделения ремесла от земледелия и развития средневекового города был прогресс как в сельском хозяйстве, которое снабжало ремесло необходимым сырьем, так и в самом ремесле, объем продукции, ассортимент и качество которого делало необходимым или возможным выход промышленности за узкие рамки натуральных отношений в деревне. Развитие города в не меньшей степени было обусловлено притоком сельских мигрантов-ремесленников и бывших земледельцев-промысловиков и бедноты (в том числе разорившихся земледельцев-общинников, которые формировали основную массу городского населения). Сельские мигранты в городе частью приобщались к ремеслу, частью перебивались неквалифицированным трудом, довольствуясь случайными заработками. Миграция в города была связана и с социально-экономическими процессами в деревне (прежде всего относительное обезземеление и пауперизация крестьянства, а отчасти и мелких феодалов); в Индии эта миграция не была ограничена юридическими запретами, что было немаловажным фактором многолюдности городов по сравнению с городами европейских стран, знавших более или менее развитые формы крепостничества.

Натурализация хозяйства (упадок ремесла, торговли и денежных отношений) в период после распада империи Гупта (VI—IX вв.) сменяется позднее оживлением городов. Период весьма интенсивного горообразование в Северной Индии начинается с XIII в. и продолжается вплоть до XVII в.; в это время увеличивается число городов, растет численность населения в них, расширяется и специализируется промышленность. Окрепшие города способствовали феодальной централизации. Тенденции к феодальной централизации развились ранее в Северной Индии, нежели на Юге. Это лишь отчасти было вызвано заинтересованностью правящей здесь иноземной по происхождению тюрко-афганской мусульманской феодальной верхушки в упрочении завоеванных позиций и классовых привилегий путем создания централизованного государства. Немалую роль сыграло то, что именно на севере страны находились самые крупные города, интересам развития которых способствовало создание сильной государственной власти.

Как своеобразный итог предшествовавшего развития общества, город, естественно, не мог быть и не был плодом политики правителей, феодального государства, хотя последнее определяло многие аспекты его возникновения и развития. Индийский город, вопреки представлениям некоторых ученых Индии, не был создан «тюрко-афганцами», носителями «городской культуры ислама». Города в Индии появлялись в местах значительного скопления людских масс, где могла складываться рыночная ситуация, в ставках феодалов, вокруг храмов, портов, на пересечении торговых путей, в старинных городских центрах, в той или иной степени сохранявших элементы древней городской культуры; в города перерастали и аграрные поселения. Вне зависимости от конкретного пути возникновения того или иного города исторической предпосылкой генезиса средневекового города как функции феодальной системы был достигнутый обществом определенный уровень развития, обнаруживший себя в территориальном отделении ремесла от земледелия.

Благодаря концентрации в городе ремесла и торговли базар превратился в подлинный хозяйственный центр индийских городов, оттеснив на окраину дворцы и крепостные комплексы — сердце древних городов. Таким образом, развитие средневекового города знаменовало тот этап в общественном разделении труда, который был порожден различием между сферами производства. Торговля (хотя она была представлена преимущественно притоком сельских товаров в город и в меньшей степени обратным движением городских товаров в деревню) с этого времени приобретает качественно иное содержание в отличие от обмена, порождаемого «естественным» разделением труда.

Город представлял собой «факт концентрации населения, орудий производства, капитала... между тем как в деревне наблюдается... изолированность и разобщенность» [6, с. 50], но он не был абсолютной противоположностью, антиподом деревни, что

возможно лишь на более высокой, капиталистической стадии развития общественного разделения труда и товарного обмена. Сохраняя некоторые черты аграрного поселения (это особенно справедливо для городов на более ранних этапах их развития и для сотен и тысяч мелких городов типа касаб на протяжении всего средневековья), город тем не менее был вполне обособленным от деревни элементом феодальной системы, что отражалось как в структурных, так и в функциональных особенностях города.

Различия между средневековыми городом и деревней состояли, в частности, в характере их экономики: в деревне — преобладание натурального хозяйства, в городе же — относительно незначительная роль земледелия, причем сохранялось не столько полеводство, сколько огородничество и садоводство, что подтверждается незначительностью налогов государства с городского земледелия в одном из крупных городов в первой половине XVI в. — Ахмадабаде.

Различными в городе и деревне были степень диверсификации и специализации ручной промышленности, ассортимент изготавливаемых изделий, уровень квалификации производителя. Различными были и сами функции промышленности. В деревне земледелие, составлявшее главную отрасль экономики, обслуживалось трудом «общинных слуг» (кузнеца, плотника и др.), зависимых экономически и социально от землевладельческих общинных коллективов, связанных с ними системой натуральных «услуг» (система балютадари, по позднейшей терминологии — джаджмани); трудом тех же зависимых ремесленников обеспечивались потребительские нужды общинников, делавших в их пользу отчисления от урожая (иногда выделявших им земельный участок). В городе отношения между самими городскими производителями — самостоятельными ремесленниками и отношения между ними и основной массой городских потребителей в отличие от деревни были опосредованы рынком. Государственные мастерские-кархана в городах удовлетворяли в основном запросы двора и части знати; поэтому общественная роль нетоварного производства в городе была несопоставимо меньше, чем в деревне. Решающая роль в городе мелко-товарного уклада подтверждается обильными историческими материалами начиная по крайней мере с XIII—XIV вв.

Различным был и социально-правовой статус ремесленников в деревне (находившихся, по существу, в поземельной и порождаемой ею личной зависимости от общинного землевладельческого коллектива) и городских ремесленников, самостоятельных производителей; в городе квартально-кастовые общины ремесленников имели право собственности на землю, на которой располагались дома и лавки-мастерские членов общины.

Хотя собственность на землю в индийском городе не носила буржуазного характера, однако она не отличалась тем же «благородством», т. е. не была столь же строго обусловлена высоким сословно-кастовым статусом человека, как в деревне; в правовладении земель не было тех препятствий для низкокастовых (и даже неприкасаемых), как в деревне. Значительно выше был и кастовый

статус городских ремесленников в локальной иерархии. Многие ремесленные профессии (в том числе ткачество), числившиеся в деревне или даже в городе раннефеодального периода занятием неприкасаемых, в эпоху развитых феодальных отношений не включались в число занятий неприкасаемых; в кастовой иерархии, даваемой Абул Фазлом Аллами (XVI в.) и Али Мухаммад-ханом (XVIII в.), ремесленники занимают весьма почетное место. Средством некоторого повышения кастового статуса было принятие ислама, получившего значительно большее распространение среди городского, нежели сельского, населения во многих областях Северной Индии.

Хотя феодалы (равно как и государство) не получали от городов феодальной ренты, ремесло и торговля здесь были источником их доходов и могущества, составляя в XVI в., по нашим подсчетам, не менее 20% всех налоговых поступлений, что, в свою очередь, свидетельствовало о немалом общественном значении в доколониальный период товарного уклада. Феодальная собственность на землю в сельской местности, военно-административная власть, феодальное право и кастовые законы распространяли на город ту же атмосферу социального угнетения, что царила в деревне.

Специфика отношений в Индии, как и ряде других азиатских стран, между городом и феодалом состояла в значительно более выраженной власти последнего, чем в Европе. В основе этого были особенности аграрного строя страны — особая форма общинного землевладения, обусловившая преобладание «государственного феодализма» (иерархически конструировавшейся военно-ленной системы под эгидой государства) над вотчинно-домениальным его вариантом. «Абсентеизм» крупных феодалов в деревне и «присутствие» их в городе (притом «коллективное» — в форме государства) усиливало власть феодала над городом.

Выдвигавшийся в идеологической литературе тезис об отсутствии в Индии столь же определенных, как в Европе, социально-правовых и экономических различий между городом и деревней базируется на том, что индийские города не вели борьбу с феодалами, в частности за коммунальные привилегии — самоуправление, судебные привилегии, городское самообложение. Думается, что здесь мы имеем дело с тенденцией универсализации частной закономерности развития европейского города. Борьба за «коммунальные» (общинные, по существу) свободы в Европе в XI—XII вв., происходившая на относительно ранних этапах истории средневекового города, определялась существовавшими в обществе нормами, в частности крепостным правом и сеньориальной властью феодала над городом, и имела целью создание в городах корпоративных форм социальной и экономической организации бюргеров. Помощь городам королевской власти (заинтересованной в обуздании своих вассалов) немало способствовала успеху этой борьбы. В Индии сеньориальные города фактически отсутствовали, а формировавшиеся городские кастовые общины соседства в конкретных исторических условиях страны как бы изначально

обладали многими «коммунальными» правами — самообложение, право суда (исключая серьезные уголовные преступления — убийство и пр.; впрочем, так было и в Европе). Эти привилегии и «самостоятельность» городских общин ограничивались по мере укрепления в Индии феодальной государственности, административного аппарата, все более активно вмешивавшегося в сферу компетенции городских кастовых учреждений (взимание чиновниками налога с поселявшихся на территории кастовой общины чужаков, попытки оказания давления с целью «раскрытия» секретов производства и т. д.); имущественная и социальная дифференциация в кастовых общинах приводила к ослаблению городских кастовых общин-«коммун», сближая одновременно их верхушку в лице пателей и сетхов с феодальными властями в городе¹.

Антифеодальные тенденции индийского города проявлялись в многочисленных с XIII в. выступлениях торговцев и ремесленников, в основном в форме ересей. Важным показателем определенной зрелости «бюргерского» сословия стало оформление его идеологии — бхакти, или системы социальных, экономических, этических и эстетических взглядов торгово-ремесленных слоев, выступавших против феодальной сословности и привилегий феодалов, которые были закреплены кастовой иерархией ортодоксального индуизма.

Определенная экономическая, социальная и правовая обособленность средневекового города Индии не лишала его «феодальности». Вряд ли поэтому можно согласиться с исследователями средневековых восточных городов в том, что восточные города и деревня представляли два «совершенно различных мира», изолированных друг от друга.

Симптомом нарушения «феодальности» города стала отмеченная в Индии в XVI — начале XVIII в. потеря частью ремесленников статуса самостоятельных товаропроизводителей; работая все еще в своих мастерских или на дому, они авансировались купцами, подчинявшими себе производство. Создавались условия для вмешательства купца-скупщика в процесс производства: он покупал труд ремесленников и лишал их собственности сперва на продукт, а затем и на орудия труда.

Другая часть ремесленников постепенно превращалась в наемных работников. Показателем роста удельного веса и общественной значимости наемных отношений в городском производстве служит распространение этих отношений не только в частных, но и в государственных мастерских, сопровождавшееся вытеснением подневольного труда, который здесь (в силу наличия у государства большей власти для осуществления внеэкономического принуждения в его наиболее грубых формах) проявлял наибольшую устойчивость. Потеря ремесленниками статуса самостоятельных товаропроизводителей была в значительной мере связана со специализацией ремесла, усложнением производственного процесса, повышением качества изготавливаемого товара, нередко сопровождавшимися удорожанием сырья и используемых орудий труда; ра-

зорению мелких товаропроизводителей способствовали феодальный произвол и грабеж, а также закабаление их торгово-ростовщическим капиталом. Разорение ремесленников-производителей и накопление ростовщического и торгового капитала (кстати, более значительное в Азии, чем в европейских странах в XVI—XVII вв.) в более благоприятных исторических условиях могли бы стать элементами генезиса капитализма.

Являясь определенным итогом развития производительных сил и всей системы феодальных социально-экономических отношений, средневековый город способствовал их дальнейшей эволюции и вызреванию форм, свойственных позднефеодальным обществам. Город и концентрировавшиеся здесь товарно-денежные рыночные отношения оказывали воздействие на сельскую экономику, стимулируя развитие товарного земледелия (производство коммерческих и технических культур), а также способствуя углублению имущественных и социальных различий среди сельских общинников, их обеднению, потере частью их владельческих прав и более широкому распространению издольной аренды в результате усиления ростовщической эксплуатации в процессе частичной коммутации ренты. Утрата растущей частью общинного крестьянства способности к самостоятельному хозяйствованию означала формирование предпосылок для зарождения элементов экономической эксплуатации сельских производителей. В этих условиях исчезала необходимость внеэкономического принуждения, осуществляемого благодаря иерархической структуре феодальной собственности. Развитию денежных отношений и обмена немало обязан начавшийся в Могольской империи в конце XVII — первой половине XVIII в. кризис военно-ленной джагирной системы.

Следует отметить и социальные сдвиги в обществе, связанные с развитием городов и городского товарного уклада. Речь идет, в частности, о тенденции к образованию надкастовых и межкастовых связей в торгово-ремесленной среде как показателе нарушения традиционной корпоративной структуры в Гуджарате, до второй трети XVII в. одной из наиболее «урбанизированных» частей страны. Против традиционной корпоративности (как и против феодальной сословности) были направлены многочисленные сектантские движения среди горожан в XIV — середине XVI в., в процессе которых также создавались общности, не совпадавшие с кастовым делением.

Очевидно, что индийский город еще до начала европейской торговой экспансии и первых колониальных захватов (XVI в.) достиг той степени зрелости, когда он мог способствовать созданию условий для качественных изменений в обществе, хотя, естественно, не сразу и не непосредственно. Это особенно справедливо для более развитых прибрежных областей, где создавались предпосылки для зарождения элементов генезиса капитализма. Поэтому нельзя согласиться с В. И. Павловым в том, что общий итог развития Азии (в том числе Индии) в доколониальный период «был незначителен или даже вовсе негативен» [106, с. 235]. И все же

преобразующие потенции индийского и европейского городов оказались неадекватными: город Индии не смог сообщить общественному развитию страны того динамизма, который придал этому процессу в передовых странах Европы западный город.

Причины этого заключались в условиях развития самого феодализма в Индии, проходившего относительно замедленно в значительной мере из-за влияния такого постоянного фактора, как устойчивость обширной первобытнообщинной периферии социально стратифицированных древних и средневековых обществ. Растянутая на столетия частичная интеграция или инкорпорация в социальную структуру феодального общества клановых, племенных элементов и их пережитков, придав затяжной характер классообразовательным процессам², способствовала длительному сохранению общинного уклада и большой устойчивости соответствующему последнему натуральному хозяйству, что ограничивало эффективность преобразующих потенций городского товарного уклада.

Широкое распространение на протяжении всего средневековья общинного землевладения и землепользования более или менее крупных этнокастовых групп, сплоченных родственными узами, обусловило существование сильного централизованного феодального государства, распространившего свою власть как на деревню, так и на город. Явление абсентеизма феодала в деревне и «присутствия» их в городе, связанное с преобладанием иерархически конструировавшейся военно-ленной системы и специфической структурой феодального класса Индии XIII—XVIII вв., верхнее звено которого включало иноэтнические элементы, усиливало влияние и власть феодалов в городе, а соответственно налоговый и социальный гнет, осуществляемый ими в отношении зависимого от них торгово-ремесленного населения.

Однако лишь внутренними особенностями развития нельзя объяснить характер и итоги исторического процесса в Индии в последние столетия средневековья и в новое время. Мощным фактором этого процесса, резко ограничившим преобразующие потенции индийского средневекового города и обусловившим его упадок, являлась торговая и колониальная экспансия европейцев, в основе которой было четко обнаружившее себя к концу XV в. их морское превосходство. Можно согласиться с В. И. Павловым, что «становление морского господства европейцев с конца XV в. воспрепятствовало использованию торгового и военного судоходства как средства экономического и политического объединения прибрежных территорий, а портовые города оказались под контролем чужеземного купеческого капитала» [106, с. 221]. Установление контроля чужеземцев над морскими коммуникациями Индии медленно, но вполне ощутимо изменяло экономическую структуру Индии. Отрицательное воздействие этого контроля для Индии было особенно значительным, поскольку торговля (как внешняя, так и отчасти внутренняя, каботажная) после XIII в. велась главным образом морем в отличие от некоторых других стран Азии.

Уже португальцы, опираясь на систему крепостей, блокирова-

ли ряд морских трасс, не допуская передвижения не принадлежавших им судов. Хотя англичане в XVII в. не имели в Индии своей системы крепостей и содержанию гарнизонов предпочитали «мирную торговлю», Томасу Ро в 1616 г. английские факторы из Сурата сообщали о «страхе, который испытывали индийцы перед нашими судами» [66, с. 382]. Широко практиковавшаяся португальцами и воспринятая позднее голландцами и англичанами система разрешений на выход в море судов индийских купцов была для них большим дополнительным бременем, к тому же не давала гарантии от ограбления соперничавших между собой и занимавшихся морским разбоем европейских «рыцарей первоначального накопления».

Ударом по судоходству прибрежных областей страны был практикуемый англичанами, а главным образом голландцами фрахт грузов индийских купцов (провоз на голландских судах товаров был в три раза дешевле, чем на английских) [199, с. 46—27]. Фрахтовка грузов была чрезвычайно выгодным делом, к тому же она не наносила ущерба промышленности Голландии. «Почти ни один из видов товаров, которые мы берем (из Индии.— К. А.) для фрахта, не составляет конкуренции тем, которые мы (голландцы.— К. А.) посылаем в Персию», — писал Ф. Пельсарт. По его мнению, этот способ вывоза товаров был выгоден и индийским купцам, и голландской Ост-Индской компании, так как покрывал с лихвой расходы по снаряжению самих судов [65, с. 41].

В течение XVI — в начале XVII в. индийские купцы оказались вытесненными в значительной мере из торговли тканями, перцем и другими специями на Малабарском и отчасти Гуджаратском побережье; в руках европейцев оказалась частично торговля хлопчатобумажной пряжей и сахаром; захвачена иностранцами была и торговля индиго. В XVII в. голландцы блокировали весь экспорт риса с Коромандельского побережья; они же захватили значительную часть торговли бенгальским опиумом и шелком, который вывозили в Японию и Голландию. Закупки хлопчатобумажной пряжи английскими купцами привели к нехватке ее уже в начале 30-х годов XVII в. В Броче, одном из главных рынков этой пряжи и текстильного производства, местные ткачи отказались поставлять англичанам ткани, пока те не прекратят покупку пряжи. Против закупок англичанами пряжи протестовали и ткачи Сурата [199, с. 195, 220].

В XVI—XVII вв. все еще срабатывала инерция прежнего поступательного развития: до конца XVII в. процветали, казалось, города, не только не сокращался, но иногда возрастал выход ремесленной продукции, в частности тканей, благодаря возросшему спросу; по мнению С. Гопала, «участие европейцев во внутренней торговле Гуджарата с начала XVII в. привело к расширению и укреплению торговых связей между городами и прилежавшими к ним деревнями, между различными городами Гуджарата и между Гуджаратом и другими частями Индии» [199, с. 191].

Но именно в течение этого периода стали ощущаться сдержи-

вавшие прогрессивное развитие страны тенденции, проявлявшиеся в различных сферах. Важнейшей из них была новая феодальная интеграция (рецентрализация) в Азии, сменившая феодальную раздробленность XV столетия. Образование или усиление в начале — середине XVI в. Османской империи, Сефевидского государства, Могольской империи, государства Токугава было частично связано с внутренними факторами (в частности, заинтересованность феодальных элементов в подавлении социальных движений, в том числе городских, стремление различных общественных слоев к прекращению феодальных усобиц и войн, разорявших хозяйство). Не последнюю, а возможно во многом и определяющую, роль сыграл внешний фактор, а именно натиск Запада.

Могольская рецентрализация (как и укрепление феодальных деспотий в Турции, Иране, Японии) способствовала созданию некоего «порядка в беспорядке»; внутренняя политика правителей, прежде всего падишаха Акбара, была направлена на развитие ремесел и торговли — важного источника доходов и благосостояния феодалов и феодального государства. Вместе с тем могольская рецентрализация означала новое усиление феодального класса, в том числе усиление его власти над городом. Историческим оправданием этого могло бы быть успешное сопротивление иностранной экспансии.

Активность европейских торговцев, несомненно, тревожила государственных деятелей Индии. Давая в конце XVI в. описание Гуджарата, Абул Фазл сообщал: «Из-за нерадения министров государства и командующих пограничными провинциями во власти европейцев оказались многие из саркаров [Гуджарата], как-то Даман, Санджан [Сант-Джон], Тарапур, Махим и Басе [Бассейн]», являвшиеся «городами и портами» [44, с. 249]. Именно тогда была предпринята Акбаром неудачная попытка отбить у португальцев важный город и порт на западном побережье Индии — Диу. Столь же тщетными были усилия его преемников в XVII в. «пробриться» к западным и восточным прибрежным городам Индии, находившимся под контролем иностранцев. В XVII в. властями принимались некоторые меры против усиления влияния европейцев, в частности запрет на закупки товаров (в том числе сырья) для экспорта, опустошавшие местные рынки, указы, возбраняющие принимать в подвластных Моголам портах суда европейцев (в ответ на их морской разбой) [16, т. 2, с. 313, 328]; в 1624 г., когда английские пираты ограбили гуджаратские суда, имевшие английские же лицензии, в Сурате были арестованы англичане-факторы Ост-Индской компании.

Однако все эти меры не дали должного эффекта, тем более что путем военного и дипломатического нажима, подачек и подкупов европейцы добывали у местных властей торговые и прочие привилегии (свободы от дорожных пошлин и др.), вступали в деловые контакты, приносявшие им немалые доходы³.

Местных купцов, все более отрезаемых от выгодных источников накопления капитала, феодалы подвергали хищническому ог-

раблений, бесконечным и разорительным «штрафам», вымогательствам. Значительный урон терпели местные купцы, ремесленники и немногочисленные еще мануфактуристы, лишенные поддержки со стороны государства, которое не только не осуществляло политики протекционизма, но поощряло вывоз сырья (хлопка, индиго, шелка-сырца), исходя из экономических интересов правящей верхушки.

Неэффективность борьбы индийских правителей с натиском европейских купцов (что оказалось возможным в условиях Японии периода правления сёгунов из династии Токугава, «закрывших» страну для иностранцев) привела к тому, что уже в XVI—XVII вв. Индия стала объектом широкой торговой экспансии и важным источником «первоначального накопления капитала» для европейцев. Таким образом, в Могольской Индии возобладали негативные тенденции феодальной стабилизации и рецентрализации, что усиливало власть феодалов над городом, замедляло процесс формирования предбуржуазных культурно-исторических общностей, равно как и внутреннего рынка на базе областной централизации. Вместе с этим в Индии в отличие от Японии остались нереализованными потенции сильного государства как возможного организатора отпора колониальным завоеваниям, а также покровителя развивающихся городов, торговли, ремесел и зарождавшихся мануфактур.

Отрицательные последствия морского владычества и пиратства европейцев, их торговой экспансии проявили себя уже в XVI—XVII вв. Резко сократилась торговля городов, приведшая к падению доходов государства. В 1626 г. старший голландский фактор Ф. Пельсарт, ссылаясь на «старых жителей», писал, что многие города Индии (Агра, Лахор, Сурат, Камбей и др.) переживали упадок по сравнению с предшествовавшим периодом. Говоря о сокращении к началу XVII в. торговли (в результате морского пиратства европейцев) и деловой жизни от Ормуза, Мокка, Адена до Дабхула в Синде и портов всего Малабарского побережья Индии, Малакки, Явы, Суматры), «каждый из которых едва ли не задыхается в собственных товарах», Ф. Пельсарт замечал: «Все едины в возложении вины за такое состояние дел полностью на англичан и на нас (голландцев.— К. А.), говоря, что мы — бич моря и их процветания»; индийские «видные купцы,— продолжает Пельсарт,— говорили нам, что от всего сердца хотели бы, чтобы мы никогда не приходили в их страну» [65, с. 39—40].

В условиях начавшейся европейской торговой экспансии в развитии местного торгового капитала со второй половины XVI в. начали обозначаться две тенденции: 1) к компрадорской деятельности и 2) к дальнейшему упрочению связей с феодальным землевладением и системой феодальной эксплуатации. Обе тенденции были связаны с оттеснением представителей местного торгового капитала от наиболее выгодного источника накопления — внешней торговли. Связанные тысячами нитей с феодальным двором, административным аппаратом, самой феодальной общественной структурой и компрадорской торговлей, представители торгового

капитала Индии, особенно его верхушка, все меньше проявляла склонность противопоставлять себя феодальному обществу и его господствующему классу. Это обстоятельство, равно как и углубление имущественной и социальной дифференциации среди городского торгово-ремесленного населения, привело к спаду движения бхакти как формы «бюргерской» оппозиции феодалам, ослабило антифеодальные тенденции городского сословия.

Таким образом, средневековый город Индии как явление, типологически адекватное городу в других регионах мира, в частности в Европе, был элементом менее динамичной социально-экономической структуры и менее способен, чем европейский город, содействовать развитию этой структуры. В XV — начале XVI в., остав в силу ряда факторов внутреннего свойства от европейского города, индийский средневековый город тем не менее достиг своей зрелости. Однако морское превосходство европейцев и захват ими командных позиций во внешней торговле страны в конце XV в. благодаря созданию португальской морской державы от Красного моря до островов Индонезии, последовавшая затем торговая экспансия других европейских стран прервали нормальную поступательную, хотя и лишенную динамизма, эволюцию индийского общества.

В условиях превращения Индии и стран Востока в источник «первоначального накопления капитала» европейских стран на состоянии городов тяжело отразились войны и мятежи, сопровождавшие распад Могольской империи, становление феодальной государственности отдельных предбуржуазных национальных общностей (маратхов, бенгальцев и др.), сепаратистские устремления крупных феодалов, использовавших в своих интересах происходивший процесс областной централизации (в Бенгалии, Гуджарате, на Декане).

Стабилизация XVI—XVII вв. в Индии, как и в большинстве стран Азии, не оградила развивавшиеся города ни от феодального произвола и войн, ни от нараставшего натиска европейских «рыцарей первоначального накопления». Недостаточно развитые, делавшие только первые шаги в стадии первоначального накопления, торгово-промышленные элементы индийских городов оказались еще более ослабленными политически и экономически в условиях нового усиления деспотического феодального государства. В то же время, отрезанные европейцами от важных источников дохода (многих внешних рынков), они превратились в агентов формировавшейся европейской буржуазии. В чрезвычайно невыгодных для развития национального предпринимательства условиях городская верхушка все более проявляла тенденцию к феодализации (приобщение к феодальной эксплуатации путем откупов и приобретения земельной собственности) и компрадорству, что не могло не ослабить антифеодальные потенции городов позднего средневековья.

Морское соперничество и колониальные войны на территории Индии стали важным фактором упадка и аграризации десятков и

сотен индийских городов, имели результатом сокращение торговли, сужение внутреннего рынка, усиление тенденции к замыканию сельских общин и регенерации натуральных связей.

В этих условиях индийский феодализм начал утрачивать тенденции к развитию более высоких общественных отношений. Оказался деформированным самый процесс разложения феодальной формации, не сопровождавшийся становлением капиталистических форм.

Столкновение на рубеже средневековья и нового времени двух миров — Запада и Востока, установление межформационных контактов между ставшей на путь генезиса капитализма Европой и отставшей от нее, хотя и поступательно развивавшейся Азией, имели трагические последствия для многих стран Востока. Следовательно, специфика социально-экономических структур на Западе и на Востоке, свойственные этим структурам особенности лишь частично определяли характер и пути развития Европы и Азии в последние столетия средневековья и в начале нового времени. Очевидно, что динамизм Запада и континуитет традиционализма на Востоке были взаимообусловлены и составляли две стороны одного и того же всемирно-исторического процесса — становления капиталистической формации.

Примечания

Введение

¹ В соответствии с принятой в советской науке периодизацией всемирно-исторического процесса средневековье охватывает более чем тысячелетний период — от крушения Римской империи до английской буржуазной революции середины XVII в., важнейших вех мировой истории. Как и на Западе, средневековье в большинстве стран Азии было временем генезиса и развития феодальных отношений, хотя элементы их в виде протофеодальных форм начали складываться здесь значительно раньше, чем в Европе, а разлагающиеся и деформированные колониализмом феодальные институты сохраняются и в новое время.

² Как справедливо отмечали М. А. Барг и Б. Б. Черняк, в том случае, когда в менее развитой структуре под воздействием более высокой классово-антагонистической структуры «в результате межформационного контакта появляются какие-то элементы новых производственных отношений, они обычно надстраиваются над массивом прежних отношений, неизмеримо ухудшая условия воспроизводства и развития» [106, с. 133]. Это происходило в Индии в колониальный период ее истории.

³ Известно, что «экономический детерминизм» К. Маркса, утверждая первичность базисных отношений, отнюдь не исключал обратного воздействия на них многообразных надстроечных явлений. Тем не менее некоторые исследователи по сей день в искаженном свете представляют взгляды историков-марксистов, якобы отрицающих роль всех факторов, кроме экономического. Так, Г. Шоберг, автор хорошо известной специалистам многих стран монографии «Доиндустриальный город. Прошлое и настоящее», отмечая сходство своей концепции и марксистского подхода, считает, однако, что его собственный взгляд выгодно отличается от «технологического детерминизма» (идентифицируемого с марксизмом), поскольку допускает влияние на «технологию» культурных ценностей и социальных факторов [254, с. 7, 15].

⁴ Влияние английской буржуазной историографии преодолевалось и преодолевается индийскими историками лишь постепенно. В отдельных работах находят отражение вполне традиционные ее положения. Так, в монографии о торговле и ремесле в Могольской Индии С. С. Кульшрештха писал, что в индийской истории «индусы были знамениты как строители храмов, мусульмане как строители дворцов и гробниц, маратхи как строители крепостей, португальцы как строители церквей, а англичане были воистину великими строителями городов, владевшими тайной выбирать места, где вскоре вырастали огромные города, которые становились средоточием промышленной жизни» [219, с. 245].

⁵ Так, Р. Г. Хэмбли, автор раздела в «Кембриджской экономической истории Индии» [177, с. 435], выделяет Агру, Дели, Лахор как «административные» города, основной функцией которых была управленческая, хотя они были и крупнейшими центрами хозяйственной жизни. Ахмадабад и Патна характеризуются им как города с ярко выраженными «экономическими функциями», хотя они служили и административными центрами: Ахмадабад, к примеру, возник как резиденция основателя династии Танк в Гуджарате и в течение всего XV века и до 1673 г. был столицей Гуджаратского султаната, а позднее — субы в Могольской империи и т. д.

⁶ Текст подготовлен к изданию академиком АН Армянской ССР Л. С. Хачикяном и А. Д. Папазяном.

⁷ В Матенадаране (Ереван) хранятся два рукописных списка этого сочинения.

Глава I

¹ Английский путешественник Н. Витингтон свидетельствовал, что «Ахмадабад — город, где живет великое [множество] ремесленников и купцов, по величине равен Лондону» [50, т. 4, с. 206].

² В письме из Индии от 1 июля 1663 г. Ф. Бернье писал: «Когда я принимаю во внимание, что Париж представляет собой три-четыре города, посаженные сверху донизу людьми, когда я представляю себе всю эту невероятную сутолоку — мужчин, женщин, пешеходов, всадников, повозок, колясок, экипажей... мне трудно поверить, что в Дели может быть столько же жителей. Однако, когда я вспоминаю об этом огромном количестве лавочек в Дели и об обширных размерах города, а также о том, что в Дели никогда не бывает меньше тридцати пяти тысяч всадников, не говоря уже об эмирах, живущих там в своих домах, когда я припоминаю, что редко у кого из всех этих всадников нет жены и детей, а также большого количества слуг, причем последние имеют свои дома, также как и их хозяева, и все эти дома кишмя-кишат женами и детьми, когда я припоминаю, что в некоторых местах Дели, несмотря на ширину улиц, малое количество тележек и полное отсутствие экипажей, тем не менее в часы, когда жара позволяет выходить на улицу по делам, наблюдается большая сутолока, — когда я принимаю в соображение все эти обстоятельства, я не могу дать окончательного ответа на этот вопрос. Однако мне кажется, что если в Дели и нет такого количества жителей, как в Париже, то все же их здесь не намного меньше» [38, с. 243].

³ В XIX в. английская статистика при определении характера поселений Британской Индии исходила из численности населения. Городом считалось поселение с 5 тыс. человек и выше.

⁴ Аффиф вкладывает в уста делийского султана Ала уд-дина, намеревавшегося ввести денежную оплату воинов, слова о неразумности пожалования им деревень, поскольку «в каждой деревне, конечно, имеется 200—300 жителей, которые оказываются подчиненными одному вадждхдару. Ничего удивительного, если несколько вадждхдаров, собравшись вместе и сговорившись между собой, станут замышлять против государства» [19, с. 95].

⁵ Даже по минимальным расчетам, городское население в Джодхпуре в середине XVII в. превосходило его численность в 1891 г., когда оно составляло всего 10,67%.

⁶ Население городов в Европе между XII и XV вв. не превышало 10% всего населения [185, с. 59].

⁷ В конце XIX в. только один город Британской Индии — Калькутта — по численности населения превосходил крупнейший города XVII в.; в течение всего XIX в. происходило сокращение населения во множестве мелких городов.

⁸ Для европейских городов XVI—XVII вв. установлено, что средняя продолжительность жизни была там намного меньше, а смертность во всех возрастных категориях гораздо больше, чем в селах. Большинство городов Европы, особенно крупных, иногда в течение столетий испытывали постоянный дефицит естественного прироста населения. Предоставленные самим себе, такие города должны были прийти в упадок и исчезнуть в результате катаклизмов и эпидемий, которые за короткое время могли унести десятки тысяч жизней. «Сохранение, рост и даже расцвет этих городов объясняются непрерывным притоком населения извне» [159, с. 77]. Нет оснований считать, что в этом отношении индийские и другие азиатские города находились в особом положении.

⁹ По некоторым подсчетам, с начала нашей эры до 1500 г. население

Индии возросло с 70 млн. до 79 млн.; в течение XVI в. оно увеличилось до 100—150 млн. [228, с. 21—22].

¹⁰ По данным газетера Ахмадабада, в этой области к началу 70-х годов XIX в. на 1 кв. милю приходилась одна деревня, на каждые 6—7 деревень — один город [49, с. 45].

¹¹ Это было связано частично со спецификой структуры феодального класса, верхушка которого была представлена пришлыми элементами — турками, афганцами, иранцами, тюркизированными монголами-джагатаями. Сыграло роль и «обновление» слоя сельских производителей во многих частях Северной Индии за счет расширения прослойки общинников-земледельцев из пришлых и расселившихся в стране в предшествующие столетия раджпутских племен и других военно-земледельческих этносов, значительная часть которых постепенно крестьянизировалась, сохраняя, впрочем, свой высокий кастовый статус.

¹² Сбор с продажи земли в одном из указов Акбара, изданном в 90-х годах XVI в., называется «бичан» [16, т. 1, с. 173].

¹³ Из текста фирмана Аурангзеба 1668 г. вытекает, что харадж с земли беглого крестьянина-общинника не налагался на других общинников. Еще один пункт фирмана, трактующий о порядке взимания хараджа при переходе земли от общинника к его наследникам, подтверждал это: «Если малик, возделывающий землю и вносящий фиксированный харадж, умирает, не выплатив хараджа данного года, и доход от земледелия попадает в руки наследников покойного, харадж с этой земли следует взимать с наследников. Если же упомянутый человек умер прежде, чем возделал [землю], а [у его наследников] не осталось времени для возделывания земли, — ничего не взимать». Харадж с участка, который был заложен общинником или захвачен кем-либо, выплачивался залогодержателем или захватчиком в том случае, если он возделывал землю. Если же земля не обрабатывалась, то харадж «ни с кого не берут» [16, т. 1, с. 269, 274].

¹⁴ Мухаммад-шах Туглак (1325—1351), который ввел «разорительные абвабы» (что заставляло крестьян покидать места своего жительства), устроил настоящую охоту с загонщиками на скрывающихся в лесах крестьян [23, с. 473]. Преследование неплательщиков налога имел в виду указ Акбара 1583/84 г., предписывавший чиновникам не разрешать пребывание в каком-либо городском квартале чужака без ведома «квартального» — мир-и махалла [16, т. 1, с. 168—169]. Возвращение крестьян-недомосков на прежние места поселения предписывал фирман Аурангзеба 1672/73 г.: [16, т. 1, с. 290].

¹⁵ Известно, что общинный ремесленник-камина мог продать свой участок земли (получаемый в виде вознаграждения за «службу»), но такая сделка должна была совершаться лишь с теми, кто был в состоянии выполнять ту же работу для общины, что и прежний владелец-ремесленник.

¹⁶ Источник людских ресурсов для города не остался скрытым для тонкого и умного наблюдателя Ф. Бернье. В Индии, которая представлялась ему «пропастью, поглощающей значительную часть золота и серебра всего мира», он вместе с тем обнаруживал «некоторые обстоятельства, создающие противовес этим богатствам. Прежде всего среди этих огромных пространств встречается много песков и бесплодных гор, мало возделанных и слабо населенных, а из плодородных земель многие не обработаны за отсутствием земледельцев: часть из них погибла от дурного обращения губернаторов, нередко отнимающих у них самое необходимое для жизни, порой даже детей, которых обращают в рабство, когда у родителей нет средств платить или когда они пытаются уклониться от платежа; другие покинули деревню по той же причине и, впад в отчаяние, что им приходится работать только для других, бросались в города или в войска, чтобы служить носильщиками, водоносами или сделаться служителями всадников; некоторые бежали во владения раджей, потому что там их меньше угнетают и лучше обращаются с ними» [38, с. 184—185].

¹⁷ Недвусмысленно о миграции в города выходцев из землевладельческих (коли) и пастушеских (ахир) этнокастовых групп говорят названия таких кварталов в г. Бхопале, как Колипура, Ахирпура [222]. Али Мухаммад-хан упоминает коли, проживающих в городке Асвал (Гуджарат) [17, с. 36].

¹⁸ Согласно исследованиям, выполненным индийским ученым З. Али Ханом,

средние города, насчитывающие несколько более 10 тыс. человек, в северо-западной и западной частях Уттар-Прадеша в могольский период располагались значительно ближе друг к другу, чем в конце XIX в. [177, с. 8].

¹⁹ Важно отметить, что для периода древности (и раннего средневековья) более обычны свидетельства источников о налогах с ремесленников, проживающих в сельской местности, нежели в городах.

²⁰ В своих записках основатель династии Великих Моголов Захир-ад-дин Бабур писал: «В субботу, пятнадцатого мухаррама, мы отправились посмотреть, как Устад Али Кули будет лить пушку». Спустя некоторое время мастер продемонстрировал Бабуру результаты своего труда. Ядро, выпущенное из пушки, «пролетело тысячу шестсот шагов. Мастеру были пожалованы кинжал, почетная одежда и конь» [36, с. 355].

²¹ Амир Хосроу, говоря о ремесленниках, специализировавшихся на головных уборах, писал, что изделия их могли быть такими легкими, что их уносило ветром; но бывало и так, что под их тяжестью человек падал. То же и с обувью, — некоторые образцы были изящны, другие — грубы и причиняли неудобства тому, кто их носил [18, с. 45—47].

²² Города, лежащие в «Восточной стране» («Пураб»), Ф. Пельсарт, со слов индийских купцов, описывает как места производства большого числа промышленных изделий, прежде всего тканей. Так, в Джаунпуре производилось и вывозилось из города много хлопчатобумажных изделий — тюрбанов, кушаков, грубых ковров; Бенарес славился своими тканями, а также медной утварью; грубые ткани выделялись в Ауде; в г. Лакхаваре (к югу от Патны) изготовляли знаменитую хлопчатобумажную ткань — калико [65, с. 7].

²³ Бернье в своем письме к Де Ла Мот от 1 июля 1663 г. дал описание огромного шатра, установленного при падишахском дворе по случаю праздника: «Палатка поддерживалась столбами, которые по толщине и высоте были с мачту... Снаружи палатка была обтянута красной материей, а изнутри красивым ситцем, т. е. холстом, разрисованным кистью, который выделяется в Маслипатане. Ситец этот сделан специально на заказ, и цветы были выполнены в таких ярких красках, что можно было подумать, что это настоящий цветник, так естественны были цветы, нарисованные на всевозможный лад» [38, с. 234—235].

²⁴ Высоко оценивая кашмирские шерстяные ткани, Бернье писал: «Сколько их ни старались вырабатывать в Патне, Агре и Лагоре, никогда не удавалось получить такую мягкую и нежную материю, какую делают в Кашмире; это обыкновенно приписывают особым качествам местной воды, подобно тому как в Маслипатане ситцы или холст, крашенные кистью, приобретают еще более красивую окраску после мытья» [38, с. 324]. «Яркие и добротные ткани», составившие славу Ахмадабада, почти не изготавливались в других местах, расположенных даже недалеко от него. «Умение выделять их, — писал Али Мухаммад-хан, — словно сокрыто в самом Ахмадабаде» [17, с. 7]. Из дерева кхирни изготовляли ткацкие станки, детали их или орудия, используемые в процессе ткацкого производства, в Гуджарате; особыми свойствами этого материала местные ткачи объясняли высокое качество, «неповторимость» изготовленных ими тканей [17, с. 11].

²⁵ «Хотя приемы индийского красильщика крайне утомительны и сложны, а сами они совершенно не способны объяснить смысл своих действий, все же прелестью их красок нельзя не восхищаться, и мы должны исходить из того, что ознакомление с этими приемами поможет усовершенствовать методы европейских красильщиков и произвести полезные изменения в ныне применяющихся способах» (цит. по [106, с. 190]).

²⁶ Даже не в самых развитых в социально-экономическом отношении частях страны ремесленники были в долговой зависимости от купцов. Г. Н. Шарма, в частности, пришел к выводу, что в доколониальном Раджастане большинство ремесленников авансировались посредниками, которые присваивали большую часть дохода. Задолженность ремесленников ростовщикам возникала из-за отсутствия у первых необходимых средств для покупки сырья [248, с. 315]. В Кашмире купцы концентрировали в своих руках сырье. Бернье писал, что они «каждый год ходят по горам, собирая тонкую шерсть для выделки шалей» [38, с. 334].

²⁷ Али Мухаммад-хан для конца XVII — середины XVIII в. в списке ремесленных каст перечисляет различные специальности, имеющие непосредственное отношение к ткачеству: чесальщики хлопка, прядильщики, ткачи, отбеливатели ткани, красители, набойщики [17, с. 110—111]. При Аурангзебе чиновники облагали налогами ремесленников, занятых тканьем, размоткой и перемоткой пряжи, расчесыванием пряжи, расшиванием ткани [16, т. I, с. 260]. По свидетельству Дж. А. Мандельсло, голштинского дипломата (30-е годы XVII в.), в индийском ремесле изготовление изделия обычно требовало последовательных операций, выполняемых 3—4 специалистами [54, с. 64]. Как отмечал Дж. Форбс, в Индии в конце XVIII в. изготовленная в Ахмадабаде ткань отбеливалась в Броче, окрашивалась в Сурате; для окраски использовались красители, которые готовили в Саркхедже, и доски для набойки [47, т. 2, с. 374].

²⁸ Огромные масштабы дворцово-крепостных сооружений в Туглакабаде и Адилабате, завершенных в относительно короткие сроки (1321—1325), по мнению специалистов, показывают, что на строительных работах использовался труд большого числа неквалифицированных работников [259, с. 121—122]. По свидетельству португальца Паеша, работы по строительству гигантского водоема в Виджаянагаре продвигались медленно. Но царь принес в жертву богам большое число пленников, и усилиями 20 тыс. человек работы были закончены [100, с. 208].

²⁹ Этим трудом в городах XIII в., по Амиру Хосроу, были заняты джариа и хидмати [18, с. 334].

³⁰ По данным газетира Ахмадабада, каменщик получал здесь в начале 70-х годов XIX в. 10 анна в день; приходившие сюда каменщики из других мест, где не было столь же большихстроек, соглашались работать даже за 8 анна [49, с. 109]. Возможно, что разница в оплате каменщиков в Гуджарате в XIX в. и Раджастанхана в XVII—XVIII вв. была связана отчасти с общим ростом цен; не исключено, однако, и то, что в городах Раджастанхана труд каменщика оплачивался хуже из-за низкого спроса на него.

³¹ Эти художники представляли новое направление в индийском искусстве миниатюры. В отличие от более ранних живописцев, иллюстрировавших главным образом литературные произведения персоязычной классики («Шах-наме» Фирдоуси, «Хамса» Низами Гянджеви и др.), они запечатлевали живые образы современной им действительности, природу, повседневную жизнь людей, исторические события. И точность воспроизведения, и любовь к деталям, характерные для этих мастеров-миниатюристов, делают их произведения важным историческим документом.

³² Несмотря на расширение посевов хлопчатника и производства шелка-сырца, сырье существенно вздорожало в течение XVI—XVII вв. К тому же из сельской местности оно поступало в города с большими перебоями из-за плохих дорог, частых войн, недородов [248, с. 315]. Недостаток, дороговизна сырья вынуждали многих ремесленников работать частично или даже исключительно на заказ; на материале, полученном от заказчика, работали обычно ювелиры из касты сони [496, с. 126].

³³ Кроме низших и неприкасаемых каст.

³⁴ Уже в XIII в. Марко Поло писал о Камбее, что «народ тут торговый и ремесленный», а «торговля тут большая; хорошего индиго тут много. Бокарана [муслин] и банбасина [хлопчатобумажная ткань] также много; отсюда развозят их по разным странам и царствам» [42а, с. 199].

³⁵ «Того, кто скрепляет бердо, называют шанкар (изготавливающий бердо). Средства к жизни он получает от дома ткача». А. И. Чичеров дал перевод приведенного отрывка и объяснение слов «шана» и «шанкар» [169, с. 67].

³⁶ Как передает Али Мухаммад-хан Бахадур, ткани кархана Джайпура, основанного раджей Амбера — Джай Сингхом, который поселил здесь ткачей, мечтая о том, что здесь будут изготавливаться ткани, подобные ахмадабадским, были, однако, значительно худшего качества, уступая первым и по фактуре, и по цвету. Мастера (дакакан) высказали предположение, что секрет неуспеха кроется в инструментах, которыми они пользуются и которые должны быть сделаны из дерева кхирни. Поскольку в тех краях (в Раджастанхана) не было таких инструментов, то по приказу Джай Сингха в Джайпур доставили несколько возов, груженных нужными инструментами [17, с. 11].

³⁷ Крепостные укрепления и несколько мечетей в Сурате в XVII в. были построены на средства купца Мирзы Махмуда.

³⁸ В сочинении Бходжи Парамара «Юктикалпатари» (XI в.) упоминаются несколько видов индийских судов [198, с. 254].

³⁹ Не случайно, что и завоевательные походы могольских падишахов Хумаяна и Акбара (XVI в.) проводились по направлению основных торговых путей — в Раджпутану, Мальву, Гуджарат, Бенгалию.

Глава II

¹ «Древние цари, — писал Бируни, — прилежно занимавшиеся своим царским делом, большую часть своих забот обращали на распределение людей по различным сословиям и разрядам, которые они оберегали от перемешивания и нарушения их порядка и ради сохранения которых запрещали людям произвольно общаться друг с другом. Они принуждали каждое сословие оставаться при соответствующем деле, занятии и ремесле, не позволяли ни одному преступать границы своего разряда и наказывали того, кто не удовлетворялся границами своего сословия» [36а, с. 123—124].

² Среди раджпутов патриархальные отношения проявляли большую устойчивость. Раджпутский вождь нередко правил государством как глава клана, который делился на множество подкланов. Стоявшие во главе последних мелкие вожди были обычно членами его семьи. Отношения между главой клана и подразделений кланов были отношениями не столько между лордом и вассалами, сколько между родичами, именовавшими друг друга «братьями», более почитаемыми старшими и младшими. И хотя младшие платили главе дань, проходили своеобразную инвеституру и были обязаны нести службу, их земельные владения рассматривались как «законная доля», т. е. наследственная [248, с. 86].

³ Перевод И. Д. Серебрякова.

⁴ Шахнаваз-хан (XVIII в.), автор биографического «словаря» могольской знати — «Маасирал-умара», приводит сведения о потомке известного шейхачишты Фарида Ганджшакара — Абдул Азиз-хане Бахадуре (ум. в 1743 г.); он и другие отпрыски рода, ведущего происхождение от этого «святого», со времен Аурангзеба находились на службе падишахов, занимая должности правителей в различных областях — Биджапуре, Бидаре, Джунайре [35, т. 1, с. 33]. Дийамат Раи из гуджаратской касты нагар-брахманов, искусный в «счетных делах и ведении делопроизводства на хинди», был назначен Шах-Джаханом хранителем документации коронных земель [16, т. 1, с. 206].

⁵ Не путать с «ахл-и кар», термином, определяющим должностных лиц феодальной администрации, «служилых», о которых читаем, в частности, в указе Мухаммед-шаха (1719—1748), утверждавшим за ними все занимаемые должности (хуамаат) [16, т. 2, с. 22—23].

⁶ Наша точка зрения не совпадает с позицией В. И. Павлова, полагающего, что диверсификация ремесел и миграция торговцев привели к измельчению ремесленных и торгово-ростовщических каст города. «Эти фрагментированные ячейки были разобщены и изолированы друг от друга эндогамной и ритуальной замкнутостью, которая исключала осознание общности сословного типа торгово-ремесленным населением города. Если в сельской социальной среде образование сословий кое-где все же намечалось, то в городе до него вообще не дошло дело» [106, с. 244].

⁷ Различия в имущественном положении крупных купцов, с одной стороны, мелких лавочников и ремесленников — с другой, прослеживаются по архитектуре и убранству их домов. Просторные дома, похожие порой на крепости, окруженные садами, принадлежали богатым купцам. Торговец средней руки и ремесленник имели более скромное жилище. Дома их были построены из глины, смешанной с соломой; они имели всего одну дверь и ни одного окна, что видно из развалин такого типа жилищ в Амбере, Гхасе, Джаваре (около Удайпура) [248, с. 66].

⁸ Так, кшатриями считали себя торговцы Раджастхана, принявшие джайнизм и именовавшие себя сараваджами (испорченная форма от «шравак», т. е.

последователь джайнизма) [248, с. 90]. С кшатриями пытались идентифицировать себя кхатри Пенджаба.

⁹ Многие вайшьи в Раджастане в XVII—XVIII вв. сделали себе карьеру на службе у раджей. В исторических документах сохранились имена вайшвев, которые были «храбрыми воинами» или управляющими финансового ведомства. В XVIII в. вайшьи Моджрама, Хурбрама, Бух Сингх, все трое из подкасты паливала, были управляющими финансового и налогового ведомства княжества Караули [248, с. 93]. Аналогичные явления в это же время отмечаются в Гуджарате, Бенгалии и в других частях страны.

¹⁰ К X в. относится свидетельство Калханы о богатом купце в Сринагаре, который купил у разорившегося жителя города его дом; последний, расплатившись благодаря полученным деньгам с долгами, покинул родные места в поисках удачи, оставив жене лишь колодец, дабы она могла существовать, получая от выращивающих цветы и бетель садовников арендную плату; но богатый купец захватил и этот колодец [52, с. 230].

¹¹ Баккалы в саркарах Алвар (суба Агра), Чандери (суба Мальва), Барн Доаб (суба Лахор), Хисар Фируза (суба Дели) [44, с. 202]; мултани в саркаре Хисар Фируза (суба Дели); марвари в саркаре Байанван (суба Агра) [44, с. 199]; кхатри в саркаре Кара (суба Аллахабад) [44, с. 300].

¹² Положение ремесленников, как и прочих каст, определялось в зависимости от степени их ритуальной «чистоты» или «нечистоты». «Яджнвалкья» и некоторые другие источники I в. до н. э.—III в. н. э. отмечали различия в положении отдельных ремесленных групп именно в связи с этим. Так, они считали дозволенным брахману брать пищу от цирюльников и горшечников, но считали запретным брать ее от танцоров, артистов, плотников, сапожников, кузнецов, ткачей, прачек, музыкантов, изготовителей гирлянд, художников, возниц, маслоделов [223, с. 106].

¹³ Данный отрывок текстуально совпадает со словами Ф. Бернса, который, видимо, и позаимствовал его у Ф. Пельсарта.

¹⁴ Эти профессиональные группы (чандала, дома, хадья, бхада) древний памятник «Брихадхарма пурана» относил к адхама-санкара, или антьяджа, как низшим шудрам [223, с. 107].

¹⁵ Ткачи, по Р. Орму (XVIII в.), занимали самое высокое положение среди ремесленных каст и шли в кастовой иерархии сразу за кайастхами [63, с. 263].

¹⁶ В XVII в. Аундабатта, автор «Валлалачариты», передает легенду о высоком происхождении ювелиров, якобы некогда бывших «дваждырожденными». Снижение их статуса он относит ко времени династии Сенов, один из представителей которой разгневался на ювелиров, носивших тогда священный шнур, за то, что они не хотели сидеть рядом с сат-шудрами. Как отмечает Б. П. Мазумдар, высокий статус ювелиров в древности и в раннее средневековье (до Сенов) не подтверждается источниками: «Ману», «Яджнвалкья» и др. помещают их в один ряд с работниками-кармакара, нисада, прачками, портными, артистами, меда и бхилами (последние две категории — этнокастовые группы) [223, с. 109], которые рассматривались обычно как неварновые, неприкасаемые. В Пенджабе в XIX в. ювелиры-сонары, занимавшиеся и ростовщичеством, даже носили «священный шнур» [213, с. 634, 330].

¹⁷ Так, винокур и цирюльник фигурируют в сочинении Барани [23, с. 502—503] как братья, что было невозможно по существовавшему закону касты.

¹⁸ Образ ювелира — советника и придворного Акбара даже проникает в фольклорную литературу [39, с. 14].

¹⁹ Танцевальное искусство и искусство пения были профессиональными в средние века в отличие от древности, когда не существовало «социального табу» на них как на развлечение (разве что для брахманов). Древнеиндийская пословица гласила: «Человек, не знающий ни музыки, ни литературы, ни другого искусства, — это только животное, пусть даже без хвоста и рогов». И хотя в состоятельных слоях общества спрос на танцоров и музыкантов был велик, они принадлежали к низким индусским кастам или исповедовали ислам [100, с. 414—415].

²⁰ Формально это было нормой вне зависимости от социального статуса совершившего преступление. Как передает Феришта, султан Гийас-уд-дин Балбан, желая наказать хана — наместника Аула за совершенное убийство,

отдал его вдове убитого, сказав при этом: «Он был моим рабом, а теперь он — твой раб; если хочешь, убей его». Хан выкупил свою жизнь за большую сумму [28, т. 1, с. 76]. По данным Видьяпати Тхакура, беглый раб подлежал возврату хозяину, даже если ему удавалось поступить на царскую службу (см. [240, с. 31—32]).

²¹ Как свидетельствовал поэт Мирза Галиб, переживший в 1857 г. осаду и штурм англичанами восставшего Дели, ворота городских кварталов-улиц в целях обороны были заперты жителями [59, с. 40, 43—44].

²² Раджастханская литература позднего средневековья свидетельствует, что в Биканере и Джайсалмере они жили на специально построенных для них улицах с хорошо спланированными рядами домов и лавок, которые были украшены цветами и картинами. Судя по документам джайпурских архивов XVIII в., они получали регулярное жалование от князей и были обязаны танцевать и петь перед царской процессией или во дворце. Некоторые были довольно богаты (некая Гийани разбила близ Котаха сад, истратив на это 500 рупий) [248, с. 123].

²³ «Храмы имеются на каждой улице, так как они принадлежат объединениям ремесленников и купцов, похожим на те братства, которые нам известны по нашим странам», — писал в 30-е годы XVI в. побывавший в Виджаянагаре португалец Н. Паеш (цит. по [81, с. 50]).

²⁴ Приводящиеся Л. Б. Алаевым некоторые более ранние данные о местных действующих представителях различных каст — купеческих и ремесленных — по ремонту храма (1269) не свидетельствуют еще о существовании многокастовой организации.

²⁵ Сам термин «махаджан» (санскр. букв. «великие», «большие люди»), как и большинство средневековых терминов, полисемантичен.

Глава III

¹ Например, в начале XIV в. здесь был заточен ослепленный мятежный принц Хизр-хан, сын Ала уд-дина Хилджи, а в XVII в. — Мурад Бахш, потерпевший поражение в борьбе между сыновьями Шах-Джахана [38, с. 124].

² Аналогичную интерпретацию можно обнаружить в трудах ряда современных зарубежных историков (см., например, [239, с. 111—113]).

³ Известно, что в систему феодального серважа и в XIII—XIV вв. входила часть местных феодалов и феодализировавшейся знати. Еще в 1192 г. завоеватель Индии Мухаммад Гури подарил землю чаудхри (старшине) г. Баран, который вместе со своей свитой принял ислам [206, с. 367].

⁴ Тхана находились в центре группы небольших деревень (от 2—3 до 12); однако, если население их было беспокойным, тхана учреждались в каждой из них. Тхандары были подчинены фодждару [245, с. 213].

⁵ В субе Ахмадабад было 27 бандаров (портов), куда причаливали большие суда, и 45 гаваней, дававших приют более мелким судам. Первые управлялись специальными имперскими чиновниками, которым обычно подчинялись чиновники более мелких портов [245, с. 302].

⁶ В англо-индийской статистике XIX в. махалл, однако, не соответствовал паргана-дистрикту; в «Глоссарии» Х. Х. Вильсона махалл — подразделение талука, или дистрикта, платящее налог [264, с. 318—319]. Он мог также включать одну или несколько деревень-моуза (или части их), принадлежавших одному лицу или одному коллективу [83, с. 9].

⁷ Некоторые махаллы были, однако, просто группой деревень, например упоминаемые в статистике «Аина» «Шанзда диххат», или «Шестнадцать деревень», в саркаре Хисар Фируза субы Дели, «деревни по эту сторону реки» в саркаре Маникпур субы Аллахабад, «различные деревни» в саркаре Синдх Сагар Доаб в субе Мультап [44, с. 299, 175, 332].

⁸ Строгая централизация государственного аппарата, его вмешательство в экономическую жизнь восточного города, в частности регламентация цен, по справедливому мнению болгарского ученого Н. Тодорова, объясняется скорее необходимостью снабжения городов продовольствием, нежели мусульманской традицией [159, с. 101].

⁹ Перевод И. Д. Серебрякова.

¹⁰ Ряд исследователей, в частности П. Саран, высказывали мнение, что в шариатский суд выносились лишь те дела, которые касались мусульман или мусульманина и индуса; если же обе стороны были индусами, то дело решалось судом пандитов — индусских законоведов [245, с. 319]. Имеющиеся в нашем распоряжении документы свидетельствуют о том, что в ведомство мусульманского судьи — казия поступали дела и индусов, представлявших обе стороны при совершении тех или иных гражданских актов, в частности дарения и купли-продажи земли и прочей недвижимости. Так, печатью казия был снабжен документ от 1738 г. о дарении тремя братьями, имевшими индусские имена Натху, Манса, Хардитта, внуками некоего Пахлада из подкасты дам касты брахманов, принадлежащей им деревни Джаттопур. Получателем дара — деревни «со всей се возделываемой и невозделываемой, населенной и ненаселенной земель, со всеми плодоносящими и неплодоносящими деревьями и колодезем» — был госсан Рамдас, глава вишнуитской общины в Пиндори (Пенджаб) [60, с. 109—110]. Спустя некоторое время права госсана на ряд деревень, в том числе на упомянутую выше (она была переименована в Бхагванпур), подтвердил своей печатью тот же казий [60, с. 117—118].

Печатью казия скреплена также купчая от 1711 г., согласно которой три «малика и мукаддама» (приводятся индусские имена) из раджпутского клана татраич, продали за 700 рупий принадлежащие им вместе «со всеми правами» земли в деревне Ядгарпур, находившейся в юрисдикции паргана Кахнуван (Пенджаб). Покупатели их были, судя по именам, также индусы из раджпутской касты харичанд [60, с. 83—84].

¹¹ В крупных городах мухтасиб имел мансаб в 250 зат и 10 саваров, в соответствии с чем и определялось его жалованье; в более мелких городах мансаб и жалованье мухтасиба были меньше [17, с. 250—251].

¹² О том, что в Индии должности мухтасиба и котвала, как называли градоначальника и в дни визита Ибн-Батуты в Дели и позднее, существовали раздельно, свидетельствуют многочисленные данные источников, в частности налоговые документы, в которых отдельно фигурирует жалованье из городских налогов котвала (котвали) и мухтасиба (ихтисаби) [16, т. 1, с. 7].

¹³ К началу XV в. относится передаваемая Али-Мухаммад-ханом история зятя гуджаратского султана Ахмад-шаха из династии Танк. Он убил человека, а затем через казия дал родственникам убитого в качестве компенсации 200 верблюдов. И хотя родичи были удовлетворены этим, султан, оставшийся в сомнениях целый день, все же отменил решение казия и отдал приказ казнить своего зятя, мотивируя это тем, что в противном случае «богатые и злонамеренные люди» поощрялись бы к использованию своей власти для совершения убийств [16, т. 1, с. 49].

¹⁴ О том же пишет и Бернье: «Люди с тимарами, губернаторы и откупщики, имеют как бы неограниченную власть над крестьянами, да и немалую над ремесленниками и торговцами в городах, местечках и селах и округах, там нет ни больших вельмож, ни парламента, ни президиалов, как у нас, которые могли бы держать этих людей в страхе, нет ни кади, т. е. судей, достаточно влиятельных, чтобы воспрепятствовать их насилиям и подавить их; словом, нет никого, кому бы крестьянин, ремесленник или торговец мог пожаловаться на обиды и притеснения, которым эти лица их весьма часто подвергают, злоупотребляя повсюду безнаказанно и безбоязненно правительственной властью, находящейся в их руках. Немного лучше, пожалуй, обстоит дело в местностях, близких к столицам, каковы Агра и Дели, и в больших городах и морских портах, откуда жалобы, как они знают, могут легче дойти до двора. Поэтому все живут в постоянном трепете перед этим сортом людей, особенно перед губернаторами: их боятся больше, чем раб своего господина» [38, с. 200—201].

¹⁵ Медная табличка 571—572 гг. из Малийя свидетельствует о том, что власть династии Валабхи была установлена Бхатаркой с помощью войск, в том числе шрени-бала (из «Надписей Гупта», см. [223, с. 45]).

¹⁶ Использование персоязычным хронистом именно термина «раис» весьма характерно. Известно, что раисами в странах Ближнего и Среднего Востока эпохи домогольского нашествия называли представителей городского самоуправления. Как заметил В. В. Бартольд, «реис был первым лицом города и пред-

ставителем интересов, через него государь выражал свою волю жителям». Вполне вероятно, что райсы, по крайней мере в первое время, назначались из представителей знатнейших местных родов [96, т. 2, с. 244]. Идентификация райсы с мухтасибом, государственным чиновником с полицейскими функциями, произошла позднее.

¹⁷ Эпизодически, в особенности в периоды общих бедствий, нагарсетхи выступали от имени всех городских общин, которые, как отмечал Лели, ждали от него выполнения действий в интересах всего населения. Так, во время наводнений нагарсетх должен был обходить городские стены, проливая молоко, дабы умиротворить бога Индру [49, с. 113—114].

¹⁸ Сетхи (главы купеческих общин) и патели (главы ремесленных общин), по данным Али Мухаммад-хана, облагали население как в пользу государства, так и в свою собственную. Как отмечалось в упомянутом выше фирмане Аурангзеба (пункт 8), государственные чиновники канунго и десаи совместно с сетхами в чабутра каждого квартала-чакла изыскивали источники для налогообложения разного рода незаконных поборов [16, т. 1, с. 260].

Глава IV

¹ Эти сборы упоминались и в одном из указов Аурангзеба: «Стражники у ворот Ахмадабада и его пура препятствуют въезду и выезду телег, навьюченных волов и людей, несущих груз на голове. Они не разрешают им [войти или выйти], пока те не заплатят что-нибудь» [16, т. 1, с. 262].

² Имад ул-мульк, представитель военно-феодалной знати Гуджарата XVI в., получил в качестве джагира «саркар Броча вместе с портом Сурат» [16, т. 1, с. 80]. Во время пребывания Пельсарта в Сурате пошлины собирались для падишаха местным правителем Мир Джахан Кули-бегом; ранее, замечает Пельсарт, они составляли «жалованье различных лордов»; положение менялось два-три раза в год [65, с. 42]. Четверть доходов от пошлины порта Порбандар в Гуджарате при Аурангзебе (1677/78 г.) составляла жалованье (танхва) заминдара, который «служил и защищал порт».

³ Делийский султан Шамс уд-дин Илтутмыш (1211—1236) «дал город и крепость Мультап [вместе с] его окрестными городками и округой малику Изз уд-дину Кабир-хану Айазу... Кабир-хан взял ту область под свое управление... и благоустроил» [25, с. 234]. Шахнаваз-хан, автор знаменитого труда «Маасир ал-умара», жизнеописания 730 могольских эмиров, свидетельствовал о том, что Абдулла-хан Узбек, военачальник Акбара, нанеся поражение непокорному правителю Мальвы и заняв Манду, «разделил города и городки среди должностных лиц» [35, т. 1, с. 82].

⁴ «Различные налоги» — букв. перевод персидских терминов «мухтарифа» или «саир», которыми в налоговой документации определялись некоторые городские сборы (включая пошлины с ввозимого в город продовольствия) сверх закята, считавшегося в мусульманских государствах главным сбором с торговцев.

⁵ В тексте «Мират-и Ахмади» говорится «одиннадцать», но перечислены лишь 10 паргана. Территория саркара Ахмадабад при султанах Гуджарата была значительно меньше, чем при Акбаре.

⁶ 1 рупия = 40 дамам.

⁷ 1 махмуди-чингизи соответствовал 0,8 рупии.

⁸ Например, из указов Аурангзеба на имя дивана субы Гуджарат узнаем, что налоги на экспорт «черных тканей», предназначенных, в частности, для «Аравии», должны были взиматься не в месте приобретения их купцами (где они стоили дешевле), а в портовых городах, где стоимость их была выше, что сулило больше дохода казне. Однако эта попытка изменить место сбора торговых пошлин привела к тому, что купцы, ничего не платя в месте купли, часто избегали уплаты налога и при продаже товаров, так как старались реализовать их в таких местах, где сбор налогов не был регулярным, в результате чего государство терпело убытки. Это вынудило падишаха издать указ о сборе налога с торговли в месте купли [16, т. 1, с. 284, 301].

⁹ У ш р (десятина) — налог с сельскохозяйственного населения.

¹ Не исключено, что под этим термином Барани подразумевал понятие «чамар», используя его как собирательный для определения социальных низов города.

² Мы допускаем, что название секты (ибяхати), даваемое в персоязычных хрониках, — это испорченная передача «бхакти» (санскр.). Согласно принятой в персидском языке огласовке, «бхакти» могло легко быть прочитано как «ибхакти» или — более вероятно — «ибяхати»; выпадение звука «к» можно объяснить тем, что этот глухой звук в сочетании со звуком «т» почти не слышен.

³ Первые миссионеры — проповедники (даи) исмаилизма появились в Индии в VIII в., по-видимому, вскоре после завоевания Синда арабами; во всяком случае, есть сведения о преследовании наместниками багдадского халифа «шиитов и карматов» в этой области. В X—XII вв. в Синде и Мультаке существовали теократические исмаилитские («карматские») государства. В конце X в. правители их платили дань эмиру Газны Сабуктегину. Его сын Эмир Махмуд Газневи разгромил мультанских карматов и управление городом передал принявшему ислам индусу Сукхпалу, «сыну одного из раджей Индостана». После смерти Махмуда (1030 г.) Мультиан, как и другие владения Газневидов, стал объектом борьбы между его наследниками, военачальниками и индийскими раджами. Во второй половине XII в. здесь, вероятно, вновь утвердились карматы, так как в источниках встречаются сведения об «истреблении» их Мухаммедом Гури.

⁴ В XVI в. орден чиштие, видимо, окончательно утратил свои связи с демократической средой; последователями его были почти одни представители феодалской элиты, среди них — падишах Акбар, духовным наставником которого был Шейх Салим Чиштие. В дни правления Акбара Хусейн Адждири, потомок Муин уд-дина, основателя ордена чиштие, по словам Бадауни, «жил по образу падишахов» («падишахане-йе зандаги ми-керд») при мазаре (гробнице) своего пращура [22, т. 3, с. 87; 85, с. 181]. В это время многие ордены выступали с проповедью религиозной нетерпимости, проявляли доходящую до фанатизма приверженность «букве» ислама. Наибольшей ортодоксальностью отличался в конце XVI—XVII в. орден накшбандие. Еще в правление Акбара ярый противник его политики, в частности религиозной реформы и дин-и иллаи, был шейх накшбандие Ахмад Сирхинди, бросивший призыв к «очищению» ислама от «ереси» («бидат», букв. «новшества»). Фанатизм накшбандие превратил этот орден в оплот воинствующей мусульманской ортодоксии и реакционных политических сил среди правящей в Могольской империи мусульманской верхушки. Последователем ордена был и падишах Аурангзеб, поборник мусульманской ортодоксии.

⁵ Свое неизменное воздержание шейх чиштие Низам уд-дин Аулиа объяснял тем, что не может поступать иначе, «когда так много бедных и несчастных людей умирает от голода в мечетях и перед лавками на базаре». Он провел свою жизнь в скитаниях и лишениях. В преклонном возрасте он рассказывал о том, что из-за крайней бедности никогда не мог купить пищи, даже когда она была дешева. «Моя мать и другие жившие в моем доме голодали вместе со мною. Однажды, когда мы голодали три дня, — говорил шейх, — в мою дверь постучал человек с миской кичри. Ничто не казалось мне таким восхитительным, как этот кичри, появившийся тогда передо мной. Мы сегодня гости бога, — говорила моя мать всегда, когда у нас в доме не оставалось пищи, и необъяснимая радость наполняла от этих слов мое сердце». Обязанностью правителя считал один из суфийских шейхов, живших при Фирузшахе, Шараф уд-дин Яхья Мунаири, «хорошо кормить свой народ, одевать нагих, успокаивать неутешные сердца и помогать нуждающимся» (цит. по [205, с. 30, 36]).

⁶ Вряд ли можно согласиться с Х. А. Низами в том, что шейхи «никогда не вмешивались в политические дела... Их не интересовали дворцовые интриги, заговоры знати, мелочные склоки мирских людей» [232, с. 169].

⁷ Именно в хронике Феришты начала XVII в. содержатся подробности упомянутых событий; автор ее не только ссылается на известные нам данные

из истории Барани, но и приводит свидетельства не дошедших до наших дней сочинений Садр-Джахана Гуджарати и Шейха Айн уд-дина Биджапури.

⁸ Это не исключало ряда разрозненных сектантских движений, например махдистов, которые в XVI в. были представлены, в частности, «ремесленниками, дровосеками и водоносами» [22, т. I, с. 395], а также торговыми кастами мултани и банья [237, с. 174]. Секта получила распространение в Гуджарате, Бенгалии и Биане — Агре, известном центре производства индиго. Мощное движение махдистов в конце 40-х годов XVI в. под руководством Шейха Ниязи и Шейха Абдуллы было подавлено Ислам-шахом Суром, разгромившим не только «крайних» махдистов, представлявших низшие слои, но и умеренных, среди которых были люди состоятельные и пользовавшиеся влиянием даже при дворе шаха (см. подробнее [85, с. 184—189]). Махдистские движения происходили и позднее. Гонения на них обрушивались при Акбаре и Аурангзебе. Али Мухаммад-хан в середине XVIII в. писал, что в Гуджарате «секта махдистов существует и теперь» [16, т. 1, с. 60].

⁹ Мера «демократичности» различных течений бхакти не была одинаковой. Так, в Раджастхане бхакти (виднейшим представителем его здесь был Даду, 1544—1603) отличалось умеренностью, что определялось тем, что последователями его здесь были представители торгового капитала, разбогатевшие на транзитной торговле.

¹⁰ В предисловии к третьему тому «Истории и культуры индийского народа» (под ред. Р. Ч. Маджумдара) К. М. Мунши писал, что культ бхакти «помог создать прочные духовные ценности, давшие силу веку Возрождения, начавшемуся после разрушительного бедствия, постигшего Индию в результате вторжения тюрков» [209, т. 3]. Смещение и взаимодействие мусульманского и индуистского культурных слоев характерно также для многих сектантских учений в Индии. В частности, в учении сатпантхов догматы исмаилизма тесно переплетаются с чисто индуистскими представлениями (см. [71, с. 56—58, 62—65, 74]).

¹¹ Единственным из известных проповедников бхакти, который считал отречение от мира и аскетизм непременными условиями постижения бога и обретения высшего блаженства, был Чайтанья.

¹² Небезынтересно отметить, что к античной традиции в раннесредневековых обществах ряда стран Востока обращались в период слабого развития городов. В Индии это обращение фиксируется примерно с IX в. и проявляется в комментировании, редактировании и систематизации образцов античной письменности. В этом многие специалисты справедливо видят один из признаков архизирующей тенденции в эпоху кризиса экономических систем древности.

¹³ Секта сатнами, как и многие другие, не была однородна по социальному составу своих членов, в нее входили и крестьяне. Поводом для начала восстания послужило то, что работавший на своем поле сатнами вступил в перебранку с пехотинцем, сторожившим собранное зерно (охрана войсками урожая до раздела его между крестьянином и собственником-феодалом не была редкостью в XVII в.), во время которой воин ударом палки по голове убил крестьянина [32, т. 2, с. 253].

¹⁴ Очевидцем этого восстания был французский купец Франсуа Мартин. Его свидетельства, как показал индийский историк А. Рай, дают исследователям дополнительный материал о восстании [241].

¹⁵ Али Мухаммад-хан сообщает, что его отец, который был чиновником фиска и отличался чувством справедливости, покинул свой пост, так как дополнительные налоги (в частности, бивара) бывали столь обременительны, что сбор их не мог быть осуществлен без насильственных изъятий, штрафов и других «незаконных способов» [16, т. 2, с. 106].

¹⁶ Они зафиксированы, в частности, в уникальной грамоте 592 г., пожалованной вассальным князем Вишнушеной общине купцов г. Лохаты (Гуджарат) в ответ на их прошение («ради защиты и блага нашего народа»). Грамота — своеобразный образец хартии. Община купцов города и его прочие жители (в числе их были и ремесленники) освобождались от постоя здесь «людей раджи», уплаты некоторых пошлин и податей; некоторые статьи грамоты — договора между князем и общиной, ограничивая притязания феодальной администрации, гарантировали горожанам защиту их собственности [132, с. 56—57].

Еще один пример пожалования городских «вольностей» являет надпись 1484 г., сделанная на главных крепостных воротах г. Бхонраса (штат Гвалнор) по приказу феодального правителя-мусульманина области Чандери. В надписи говорится об освобождении с упомянутого года и «на вечные времена» всех купцов-бакалавов и ремесленников Бхонраса и его окрестностей от уплаты «подушного налога — джизии, налога на охоту, налога в пользу градоначальника» [45, 1937—1938, с. 24—26].

Глава VI

¹ На эти отношения обращал внимание К. Маркс [3, с. 370—371; 1, с. 228—229]; в советской индологии впервые они стали объектом изучения И. М. Рейснера (на материале Махараштры XVII—XIX вв.). Несколько позднее к изучению этой системы подошли К. А. Антонова, А. П. Колонтаев, Э. Н. Комаров, В. И. Павлов, А. И. Чичеров, использовавшие данные по Майсуру, Бенгалии, Махараштре и некоторым другим частям Индии на рубеже XVIII—XIX вв. К материалам по Хиндустану (Уттар-Прадеш) XIX—XX вв. обращались Л. Б. Алаев и М. К. Кудрявцев.

² Этот термин в средневековых источниках, насколько нам известно, не встречается и для характеристики специфических связей между землевладельцами и ремесленниками в доколониальный период может применяться лишь условно.

³ Индийский историк С. С. Кульшрештха, автор монографии о торговле и ремесле в Могольском государстве, ссылаясь на описание пенджабской деревни в 1881 г. Д. Иббетсоном [219, с. 244], подчеркивая самодовлеющий характер деревень могольского периода.

⁴ Может быть, не случайно, что в одной из самых ранних из английских характеристик индийской общины (в «Мемуарах» Дж. Форбса, относящихся к 70-м годам XVIII в.) кузнец — единственный ремесленник, обслуживающий общинников и получающий вознаграждение натурой [47, т. 2, с. 415—417]. Писавшие позже Бьюкенен-Хамилтон, Грант-Дафф и др. приводят более широкий перечень ремесленных профессий в рамках системы джаджмани.

⁵ Деревни, впрочем, никогда не были абсолютно самодовлеющими организациями, поскольку некоторые необходимые крестьянам предметы — соль, металл и пр. — имелись далеко не повсеместно, и поэтому даже при минимальном развитии общественного разделения труда и задолго до появления феодального города они стали объектом обмена или торговли.

⁶ Согласно указу Ала уд-дина (начало XIV в.) крестьянам двуречья Ганга и Джамны после уплаты хараджа разрешалось продавать оставшееся у них зерно купцам или же самим отвозить его в столицу для продажи. «Крестьяне ради выгоды могли привозить зерно с поля на рынок (в Дели. — К. А.), — говорилось в указе, — и продавать здесь по установленным султаном ценам» [23, с. 307—308]. Сведения об отправке крестьянами-общинниками (через своих старшин) зерна для реализации в городе встречаются чаще в источниках XVI — первой половины XVIII в.

⁷ Видимо, не случайно, что в прибрежных районах Индии (в частности, в Бенгалии и на Малабаре), тесно связанных с торговлей, т. е. в тех частях страны, где денежные отношения играли некоторую роль даже в периоды максимального сокращения их в большинстве других областей, а земледелие было подчинено внешней торговле, — там общинная организация фактически не существовала.

⁸ В одной из наших работ этот термин мы интерпретировали как «тягловый малик» [90, с. 231]; Л. Б. Алаев считает, что в тексте падишахского указа «малик-и ракебе» не несет специальной «тягловой» нагрузки и идентичен термину «малик-и замин», «малик-и зераат», являясь еще одним синонимом понятия «землевладелец» [84, с. 163].

⁹ Это подтверждается материалами английских земельно-налоговых установлений в XIX в. В частности, в области Биджнор (Уттар-Прадеш) колониальные чиновники отмечали наличие здесь земельной собственности купцов, права которых существовали уже несколько столетий [263, с. 224].

¹⁰ Заклад земли не упоминается в дхармашастрах, но кайака, или «процент работой» (*bodily interest*), со взятой суммы ввергал должника в положение полураба; если должник был человеком состоятельным, «процент работой» выплачивался его рабами или покрывался работой его быков [251, с. 69—70, 76].

¹¹ Крестьянин-должник, бросавший землю, хотя в течение длительного времени сохранял права на нее, но, как правило, задавленный нуждой и обремененный долгами, на нее редко возвращался. Не случайно фирман Аурангзеба от 1668 г. предусматривал передачу заброшенной земли другим лицам в случаях, когда возвращение крестьянина на землю не предвиделось [16, т. 1, с. 270].

¹² В «Рекомендациях» по упорядочению налогов глава могольского фиска при Акбаре Тодор Мал предлагает предоставлять займы находящимся в стесненных обстоятельствах крестьянам, не имеющим семян или скота. Также и более поздняя памятка-инструкция предписывает чиновникам следить за тем, чтобы в деревне все земли возделывались, для чего он должен был выдавать крестьянам займы на покупку семян и быков. Предоставление таковой для производственных целей было в центре реформ Муршид Кули-хана в Декане в середине XVII в. [202, с. 254].

¹³ Как полагает Р. Ш. Шарма, вишти нигде не был таким интенсивным, как в Гуджарате и Махараштре при Пратихарах и Раштракутах. Ссылаясь, однако, на недостаточность данных, ученый не находит возможным окончательное решение вопроса о характере вишти при правителях упомянутых династий и установление сферы применения принудительного труда. Таким образом, вопрос о том, сводился ли принудительный труд вишти при Пратихарах и Раштракутах к публичным работам, или это был сельскохозяйственный труд на полях получателя земельного дарения, остается пока не решенным окончательно [249, с. 122].

¹⁴ Размер феодальной ренты определялся и другими обстоятельствами: реально получаемой на данный момент массой продукта, степенью зависимости крестьян и объемом частной власти феодалов. Рост абсолютной совокупной ренты в XIII—XVIII вв. был связан также с увеличением объема сельскохозяйственной продукции в результате развития производительных сил (расширение посевных площадей, улучшение методов обработки и сортов выращиваемых культур, накопление опыта производителями) и феодальным подчинением новых контингентов слоя свободных землевладельцев, усилением военно-административной власти феодалов и феодального государства в процессе становления иерархической структуры собственности — военно-ленной системы.

¹⁵ Согласно гуджаратской хронике, в конце XIV в. в Пираме (пиратская крепость у входа в Камбейский залив) некий купец-джайн наполнил свои амбары большим количеством зерна, но не смог реализовать его. И тогда, отправившись к своему духовному наставнику, он попросил его о помощи. И чудо свершилось: благодаря заклинаниям мага прекратились дожди, начался голод, который продолжался семь лет. Население из Гуджарата бежало в соседнюю Мальву, страна опустела. И тогда купец сливой возместил свои потери, продав накопленное им зерно [46, т. 2, с. 312].

¹⁶ Такое движение феодальной ренты можно наблюдать и в других странах, в частности в Италии, где господствовавшие в XI в. денежные платежи были в XIII в. заменены натуральными оброками; как показала Л. А. Котельникова, господство здесь в XIII в. натуральной ренты было связано с бурным ростом городов и городского населения, предъявлявшего повышенный спрос на продовольствие [118, с. 114—115].

¹⁷ В коллективном труде «История Индии в средние века» это явление отмечается лишь для периода начиная с XVI в. для Северной Индии и «несколько ранее» для Юга [109, с. 652]. В другом месте того же труда говорится о том, что лишь «к концу средневековья рента начинает переходить в денежную» [109, с. 13].

¹⁸ Правда, денежное исчисление джагира не соответствовало его реальной доходности, которая бывала значительно выше. По свидетельству Абдаллаха, когда чиновники Сикандар-шаха Лоди сообщали султану, что тот или иной джагир дает его владельцу не 100 тыс. танка, а в 10 раз больше, он спрашивал: «По моему приказу [данное лицо] получило джагир или само захватило?»

Отвечали, что по приказу его величества. «Его [джагир] следует утвердить», — бывал ответ Сикандар-шаха. Назначив одному из своих военачальников-маликов жалование в 7 лахов рупий, он просил чиновников выделить с этой целью округ; в первый же год малик получил 9 лахов, о чем он доложил султану, но тот приказал ему оставить себе полученные 2 лакха сверх; на следующий год джагирдар получил 15 лахов и вновь доложил об этом Сикандар-шаху, который сказал: «Все золото, которое дает ваш джагир, принадлежит вам. Зачем каждый раз докладываете мне?» [13, с. 43].

¹⁹ Степень коммутации не была одинаковой в различных частях Могольской империи. Судя по данным «Аин-и Акбари», в 90-е годы XVI в. налог-джама в Бенгалии взимался исключительно в деньгах («джама Бенгалии — полностью накди» [44, с. 393]). Как отмечал Абул Фазл, в Бенгалии «в течение восьми месяцев в году они (крестьяне. — К. А.) постепенно выплачивают земельный налог. Они сами приносят рупии и мохуры (золотая монета, равная 16 рупиям. — К. А.) туда, где собирают налог: а раздела урожая там не бывает» [86, с. 75—76].

²⁰ Бенгальский поэт XVI в. Мукундарам создал образ деревенского менялы-мошенника, который ссужал крестьян деньгами; в родной деревне поэта в округе Салимабад ростовщики давали крестьянам деньги под баснословные проценты и нанимали стражников, которые должны были следить за тем, чтобы те не разбежались, не выплатив долгов (см. [85, с. 125]).

²¹ О деятельности откупщиков-курури в начале XVII в. свидетельствовал и Ф. Пельсарт [65, с. 54].

²² Ряд указов, запрещающих откуп на землях халиса, принадлежит Аурангзебу [202, с. 278, 285]. Однако они говорят лишь о распространенности этой практики; эффективность антиоткупного законодательства властей была, видимо, небольшой.

²³ Аналогичное явление — чрезвычайно дробное распределение феодальной ренты — С. Д. Сказкин отмечал в качестве особенности феодальных отношений во Франции позднего средневековья, когда феодальная собственность представляла не столько определенную территорию, сколько сумму прав на феодальную ренту или часть ее [152, с. 189].

²⁴ Наш тезис о том, что объективные социально-экономические процессы, в том числе развитие товарно-денежных отношений, обусловили кризис военной системы, не согласуется с мнением И. Хабиба. Констатируя резкое сокращение при Аурангзебе земель, зарезервированных за казной (замин-и паибэки), он видит причину кризиса всей системы в непрерывных войнах, которые вел с 1682 по 1709 г. падишах, равно как и в увеличении числа служивых за счет включения в число мансабдаров деканских заминдаров [202, с. 269—270].

²⁵ Сведения об этом весьма многочисленны в эпиграфике [45, 1909—10, с. 28, 1913—14, с. 6, 1921—22, с. 4—5]. Покупка целых деревень или их отдельных частей купцами, феодалами, должностными лицами, включая окружных старшин (канунго), но чаще мукаддамами-старостами облекалась в форму приобретения прав «малики ва заминдари», «малики ва мукаддами ва гайр хукук-и заминдари». Не случайно в купчих и дарственных грамотах, выданных, например, общинам йогов Джахбара и вишнуитов из Пиндори (Пенджаб), сельские старшины фигурируют обычно как малики деревень, продающие их или приносящие в дар упомянутым религиозным общинам [60; 61]. Покупателями владельческих прав крестьян-маликов выступали и сами служители культа, занимавшиеся ростовщическими операциями.

Заключение

¹ Нелишне напомнить, что и в Европе коммуны не стали дорогой к политической самостоятельности бюргеров и были задушены усилившимся феодальным государством.

² Известно, что в доиндустриальных обществах феодальный уклад и первобытнообщинный уклад и модификации последнего (не достигшие, однако, феодального уровня) не были связаны органически; контакты между ними были эпизодическими, поверхностными, а влияние, хотя и двустороннее, все же весьма

ограниченно. Определенная самостоятельность и изолированность «племенного мира» стала нарушаться лишь в ходе буржуазных преобразований в ряде стран Востока. Именно тогда воздействие дофеодальных укладов на социальную, экономическую, политическую структуру стало более выраженным, чем в средневековье, осложняя структуру всех классов, затрудняя включение земледельческой округи в сферу влияния города.

³ По мнению Х. Х. Накви, «прозападная» политика Акбара и некоторых других правителей-Моголов, предоставлявших европейским купцам торговые привилегии, была способна решить «насущную для Индии» проблему реализации ее «избыточной» ремесленной продукции и была, следовательно, проявлением государственной мудрости. В противоположность этому С. С. Кульшрехта и С. Гопал полагают, что могольские падишахи, в том числе Акбар, в своей торговой политике руководствовались не требованиями времени, а интересами личной выгоды [219, с. 243] и исходили из того, что кооперирование с европейцами служило их непосредственным экономическим интересам лучше, нежели борьба с ними [199, с. 98].

Литература

*Труды классиков марксизма-ленинизма **

1. Маркс К. Британское владычество в Индии.— Т. 9.
2. Маркс К. К критике политической экономии.— Т. 13.
3. Маркс К. Капитал, т. I.— Т. 23.
4. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— Т. 46. Ч. I.
5. Маркс К. Маркс — Павлу Васильевичу Анненкову, 28 декабря 1846 г.— Т. 27.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Т. 3.
7. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.— Т. 7.
8. Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— Т. 21.
9. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Т. 21.
10. Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Т. 3.
11. Ленин В. И. Карл Маркс.— Т. 26.
12. Ленин В. И. О государстве.— Т. 39.

Источники

На персидском языке

13. Абдаллах. Тарих-и Давуди. Алигарх, 1954.
14. Абул Фазл Аллами. Анн-и Акбари. Т. 1—2. Калькутта, 1872—1877.
15. Абул Фазл Аллами. Акбар-наме. Т. 1—3. Калькутта, 1876—1877.
16. Али Мухаммад-хан Бахадур, Мирза Хасан. Мират-и Ахмади. Т. 1—2. Калькутта, 1927—1928.
17. Али Мухаммад-хан Бахадур, Мирза Хасан. Хатима-йе Мират-и Ахмади. Калькутта, 1930.
18. Амир Хосроу. Иджаз-и Хосрови, т. 4. Лакхнау, 1876 (литография).
19. Афиш Шамс Сирадж. Тарих-и Фируз-шахи. Калькутта, 1891.
20. Ахмад Ядгар. Тарих-и шахи ма аруф бе тарих-и салатин-и афагане. Калькутта, 1929.
21. Бабур наме моусум бе Тузук-и Бабури. Бомбей, 1890—1891.
22. Бадауни Абдал Кадир ибн Мулук-шах. Мунтахаб ат-таварих. Т. 1—3. Калькутта, 1865—1869.
23. Барани Зия уд-дин. Тарих-и Фируз-шахи. Калькутта, 1862.
24. [Джахангир-падишах]. Джахангир-наме. Рукопись. Институт востоковедения АН Узбекской ССР, № 2192.
25. Ал-Джузджани, Абу Омар Минхадж уд-дин Осман бин-Сирадж уд-дин. Табакат-и Насири. Калькутта, 1864.
26. Мутамад-хан Бахши-йе Джахангир-падишах. Икбалнаме-йе Джахангири. Калькутта, 1865.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по 2-му изданию Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

27. Мухаммад Казим. Тарих-и алам ара-йе Надири. Рукопись. Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, д. 430, т. 2.
28. Мухаммад Касим Хиндушах Астрабад-и Феришта. Тарих-и Феришта. Т. 1—2. Бомбей, 1831.
29. Сирхинди, Яхья бин-Ахмад Абдаллах. Тарих-и Мубарак-шахи. Калькутта, 1931.
30. [Фируз-шах]. Футухат-и Фируз-шахи. Микрофильм рукописи Британского музея.
31. Хасан Али-хан. Таварих-и доулат-и Шер-шахи. — *MIQ.* 1950, vol. 1, № 1 (перс. текст гл. 2 и англ. пер. гл. 6).
32. Хафиз-хан Низам ал-Мулки, Мухаммад Хашим-хан. Мунтахаб ал-любаб. Т. 1—3. Калькутта, 1869—1925.
33. Худуд-ал-алем. Рукопись Туманского с введением и указателем В. В. Бартольда. Л., 1930.
34. Шах-Абу Тураб Вали. Тарих-и Гуджарат. Калькутта, 1909.
35. Шахнаваз-хан Наваб Самсам ад-Доула. Маасир ал-умара. Т. 1—4. Калькутта, 1888—1894.

На других языках

36. Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1958.
- 36а. Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения. Т. 2. Индия. Ташкент, 1963.
37. Артхашастра, или Наука политики. Пер. с санскрита. В. П. Кальянова. М.—Л., 1959.
38. Бернье Ф. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М.—Л., 1936.
- 38а. Гюго К. Записки об Индии. Пер. с франц. рукописи, примеч. и вступит. статья К. А. Антоновой. М., 1977.
39. Забавные рассказы про великомудрого и хитроумного Бирбала, главного советника индийского падишаха Акбара. М., 1978.
40. Индийская лирика II—X вв. Пер. с пракрита и санскрита. М., 1978.
41. Наименование городов индийских и персидских. — «Вестник Матенадарана». Ереван, 1958, № 4.
42. [Никитин А.]. Хождение за три моря Афанасия Никитина (1466—1472). М.—Л., 1958.
- 42а. [Поло М.]. Книга Марко Поло. М., 1955.
43. Abbas Khan Sarvani. Tarikh-i Shersshahi. Calcutta, 1952.
44. Abul Fazl-i-Allami. Ain-i-Akbari, vol. 2. Transl. into English by Colonel H. S. Jarrett. Corrected and Further Annotated by J. Sarkar. Calcutta, 1949.
45. Epigraphia Indo-Moslemica. Calcutta.
46. Forbes A. K. Ras Mala. Hindoo Annals of the Province of Goozerat in Western India. Vol. 1—2. L., 1856.
47. Forbes J. Oriental Memoirs. Vol. 1—2. L., 1873.
48. Frayer J. A New Account of East India and Persia. Being Nine Years Travels 1672—1681. Vol. 1. L., 1905.
49. Gazetteer of the Bombay Presidency. Vol. 4. Ahmedabad. Bombay, 1879.
50. Hakluytus Posthumus, or Purchas. His Pilgrimes Containing a History of the World in the Sea Voyages and Travels by Englishmen and Others. Vol. 4—5, 9—11. Glasgow, 1905—1907.
51. [Ibn-Batoutah]. Voyages d'Ibn-Batoutah. Texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrememery et R. R. Sanguinetti. P., t. 3, 1855; t. 4, 1858.
52. [Kalhana]. Rajatarangini. The Saga of the Kings of Kashmir. Delhi, 1968.
- 52а. [Mahuan]. Phillips G. Mahuan's Account of the Kingdom of Bengala (Bengal). — *JRAS.* 1895—1896.
53. Major B. H. India in the Fifteenth Century. Being a Collection of Narratives of Voyages to India in the Century Proceeding the Portuguese Discovery of the Cape of Good Hope. L., 1857.
54. [Mandelslo J. A.] Voyages and Travels of J. Albert Mandelslo into the East Indies (1638—40). L., 1662.

55. [Mandy P.] The Travels of Peter Mandy in Europe and Asia, 1608—1667. Vol. 2. L., 1914.
56. [Manrique S.] Travels of Fray Sebastian Manrique, 1629—1643. Vol. 1—2. Ox., 1927.
57. [Manucci N.] Storia do Mogor or Mogul India, 1656—1712. By Niccolao Manucci Venetian. Vol. 1—4. L., 1907—1908 (English Translation).
58. [Master S.] The Diaries of Streynsham Master, 1675—80, and Other Contemporary Papers Relating Thereto. Vol. 1—2. L., 1911.
59. Mirza Ghalib. Dastanbuy. Delhi, 1976.
60. The Mughals and the Jogis of Jakhbar. Some Madad-i-ma'ash, and Other Documents. Simla, 1967.
61. The Mughals and Sikh Rulers and Vaishnavas of Pindori. A Historical Interpretation of 52 Persian Documents. Simla, 1969.
62. [Olafsson J.] The Life of the Icelander John Olafsson, Traveller to India Written by Himself and Completed about 1661 with a Continuation by Another Hand, up to His Death 1679. Vol. 1—2. L., 1923—1932.
63. Orme R. Historical Fragments of the Mogul Empire, of the Morattoes, and of the English Concerns in Indostan from the Year 1659. Delhi, 1974.
64. Ovington J. A Voyage to Surat in the Year 1689. L., 1929.
65. Pelsaert F. Jahangir's India. The «Remonstrantie» of Francisco Pelsaert. Transl. from Dutch by W. H. Moreland and P. Geyl. Delhi, 1972.
66. [Roe T.] The Embassy of Sir Thomas Roe to the Court of the Great Mogul, 1615—1619. L., 1926.
67. Selected Documents of Aurangzeb's Reign, 1659—1709. Hyderabad., 1958.
68. Selected Documents of Shan Jahan's Reign. Hyderabad. 1950.
69. Selections from the Sacred Writings of Sikhs. L., 1960.
70. Sikandar bin-Muhammad. Mirat-i Sikandari (Local Muhammadan Dynasties, Gujarat). L., 1886.
71. Some Specimens of Satpanth Literature.—«Collectanea». Ser. 1. Vol. 1. Leiden, 1948, № 2.
72. Tavernier J. B. Travels in India, 1640—1667. Vol. 2. L., 1925.
73. [Thevenot and Careri]. The Indian Travels of Thevenot and Careri. Delhi, 1949.
74. Tod J. Annals and Antiquities of Rajasthan, or the Central and Western Rajput States of India. Vol. 1—2. L., 1829—1832.
75. Tod J. Travels in Western India. L., 1839.
76. [Al-Umari]. «Masalik ul-absar fi mumalik-ul-amsar» of Shahabud-din al-Umari. [Aligarh], [6. r.].
77. Voyage du marchand arabe Sulaiman en Inde et en Chine, rédigé en 851. P., 1922.

Исследования и справочная литература

78. Азимджанова С. А. Некоторые экономические взгляды Захир ад-дина Бабура, изложенные в «Мубайнне» (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР). М., 1960.
79. Азимджанова С. А. Государство Бабура в Кабуле и Индии. М., 1977.
80. Алаев Л. Б. Некоторые вопросы развития индийской общины в конце XVIII — начале XIX века.— ВИ. 1962, № 1.
81. Алаев Л. Б. Южная Индия. Социально-экономическая история XIV—XVIII вв. М., 1964.
82. Алаев Л. Б. О характере общественного строя средневековой Индии.— Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973.
83. Алаев Л. Б. Социальная структура индийской деревни (Территория Уттар-Прадеша, XIX век). М., 1976.
84. Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции. М., 1981.
85. Антонова К. А. Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605 гг.), М., 1952.
86. Антонова К. А. Английское завоевание Индии. М., 1958.

- 86а. Антонова К. А. О генезисе капитализма в Индии.— СБ. 1957, № 6.
87. Антонова К. А. Общее и особенное сосуществовали и сосуществуют в истории.— Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.
88. Антонова К. А. Советские индологи о причинах падения Могольской империи.— Очерки экономической и социальной истории Индии.
89. Ашрафян К. З. Делийский султанат. К истории экономического строя и общественных отношений (XIII—XIV вв.). М., 1960.
90. Ашрафян К. З. Аграрный строй Северной Индии (XIII—середина XVIII в.). М., 1965.
91. Ашрафян К. З. Развитие денежных отношений и крестьянское землевладение в средневековой Индии.— НАА. 1972, № 1.
92. Ашрафян К. З. Тенденции развития феодальной земельной собственности в XVII—первой половине XVIII в.— Очерки экономической и социальной истории Индии.
93. Ашрафян К. З. Феодализм в Индии. Особенности и этапы развития. М., 1977.
94. Ашрафян К. З., Толстая Н. И. Шейх Фарид.— Поэзия народов Индии. М., 1962.
95. Барг М. А. Проблема генезиса капитализма в новейшей буржуазной историографии (основные направления и тенденции развития).— Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. М., 1969.
96. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т. 2. СПб., 1900.
97. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
98. Бонгард-Левин Г. М. Индия эпохи Маурьев. М., 1973.
99. Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969.
100. Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М., 1977.
101. Гамаюнов Л. С., Павлов В. И. Относительно уровня социально-экономического развития стран Востока до превращения их в колонии и полуколонии западноевропейских держав.— ПВ. 1960, № 4.
102. Гордон Л. А. Религиозно-кастовый состав населения Индии.— Касты в Индии. М., 1965.
103. Гутнова Е. В. Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе.— Социальная природа средневекового бюргерства. М., 1979.
104. Дьяков А. М. Историческое значение сектантских движений XV—XVII веков в Индии. М., 1954 (XIII Международный конгресс востоковедов. Доклады советской делегации).
105. Жуков Е. М. Некоторые вопросы теории социально-экономической формации.— Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975.
106. Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Б. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.
107. Заходер Б. Н. Хорасан и образование государства Сельджуков.— ВИ. 1945, № 5—6.
108. Ильин Г. Ф. Древнеиндийский город Таксила. М., 1958.
109. История Индии в средние века. М., 1968.
110. Ковалевский М. М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Ч. 1. М., 1879.
111. Колонтаев А. П. Воспроизводство орудий труда в крестьянском хозяйстве Индии в XX в.— НАА. 1966, № 4.
112. Колонтаев А. П. Низшие формы производства в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1975.
113. Комаров Э. Н., Граше В. Я. Некоторые данные об общественном разделении труда и экономической организации ремесла в Индии на рубеже XVIII и XIX вв.— КСИВ. 1955, вып. 15.
114. Комаров Э. Н. Бенгальская деревня и крестьянское хозяйство во второй половине XVIII в.— УЗИВ. 1957, т. 18.
115. Конрад Н. И. Об эпохе Возрождения.— Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967.

116. Косамби Д. Д. Культура и цивилизация древней Индии. Исторический очерк. М., 1968.
117. Косминский Е. А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.—Л., 1947.
118. Котельникова Л. А. Итальянское крестьянство и город XI—XIV вв. (по материалам Средней и Северной Италии). М., 1947.
119. Котовский Г. Г. Социально-экономическое содержание проблемы «неприкасаемых», — УЗИВ. 1953, т. 5.
120. Котовский Г. Г. Некоторые аспекты проблемы каст.— Касты в Индии.
121. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература.— Избранные сочинения. Т. 4. М.—Л., 1957.
122. Кудрявцев М. К. Община и каста в Хиндустане (из жизни индийской деревни). М., 1971.
123. Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (Конец античного города в Византии). Л., 1971.
124. Куценков А. А. Каста в социальной жизни современного индийского города.— Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс. М., 1972.
125. Куценков А. А. Кастовая община соседства в индийском городе.— НАА. 1972, № 1.
126. Куценков А. А. Политическая функция индийской касты.— НАА. 1974, № 1.
127. Литаврин Е. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977.
128. Литвинский Б. А. Кушанский город в Средней Азии и Индии.— НАА. 1979, № 3.
129. Медведев Е. М. Karmakara и Bhartaka. К проблеме формирования низших каст.— Касты в Индии. М., 1965.
- 129а. Медведев Е. М. Города Северной Индии в VI—VII вв. (по данным Сюань Цзяна).— Страны и народы Востока. Вып. 14. М., 1972.
130. Медведев Е. М. О самоуправлении североиндийских городов раннего средневековья.— Индийская культура и буддизм. Сборник статей памяти академика Ф. И. Шербатского. М., 1972.
131. Медведев Е. М. Генезис феодальной формации в Индии.— Очерк экономической и социальной истории Индии.
132. Медведев Е. М. Грамота 592 г. городской общины Лохаты (Гуджарат).— Бартольдские чтения, 1981. Тезисы докладов и сообщений. М., 1981.
133. Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. Опыт сравнительно-исторического исследования. М., 1980.
134. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.
135. Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке. М., 1966.
136. О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.). Материалы обсуждения. М., 1962.
137. Осипов А. М. Великое восстание в Индии, 1857—1859. М., 1957.
138. Осипов А. М. Индия в период раннего средневековья.— ПИШ. 1957, № 1.
139. Павлов В. И. Формирование индийской буржуазии. М., 1958.
140. Павлов В. И. О соединении земледелия и сельского ремесла Индии в XIX в.— НАА. 1966, № 4.
141. Павлов В. И. Социально-экономическая структура промышленности Индии. М., 1973.
142. Панкратова А. М. О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму.— ВИ. 1953, № 9.
143. Петрушевский И. П. Ислам в Иране в XII—XV вв. Л., 1966.
144. Полянский Ф. Я. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954.
145. Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971.
146. Рейснер И. М. К вопросу об отставании стран зарубежного Востока к началу нового времени.— ВИ. 1951, № 6.
147. Рейснер И. М. Народные движения в Индии в XVII—XVIII вв. М., 1961.

148. Рутенбург В. И. Проблемы возрождения.— Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Вып. 1. Л., 1974.
149. Румянцев А. М. Урбанизация и общество.— Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс. М., 1972.
150. Сванидзе А. А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII—XV вв. М., 1980.
151. Серебряков И. Д. Литературный процесс в Индии VII—XIII в. М., 1979.
152. Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.
153. Смилянская И. М. Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени (на материалах Сибири, Ливана и Палестины). М., 1979.
154. Стам С. М. Средневековый город и проблема возникновения нефеодалных форм собственности.— «Средневековый город». Вып. 2. 1974.
155. Стужина Э. П. Китайский город XI—XIII вв. М., 1979.
156. Сюзюмов М. Я. Экономика пригородов византийских крупных городов.— «Византийский временник». М., 1956, т. 2.
157. Сюзюмов М. Я. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе.— «Античная древность и средние века». 1965, № 3.
158. Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. М., 1969.
159. Тодоров Н. Балканский город XV—XIX вв. М., 1976.
160. Томилина О. Н. Искусство набивки тканей в Индии.— Искусство Индии. М., 1969.
161. Удальцова З. В. Проблемы типологии феодализма в Византии.— Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975.
162. Удальцова З. В., Гутнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы (доклады XIII Международного конгресса исторических наук). М., 1970.
163. Цыганков Ю. Я. Древнеиндийский город (по данным «Артакшастры»).— «Страны и народы Востока». Вып. 14. М., 1972.
164. Цыганков Ю. Я. Топонимика и социальная структура раннесредневекового Тамилнада.— Очерки экономической и социальной истории Индии.
165. Чельшев Е. П. О некоторых чертах Ренессанса в Индии.— НАА. 1972, № 2.
166. Черепнин Л. В. Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России.— «Коммунист». 1975, № 1.
167. Чистозвонов А. Н. Некоторые основные теоретические вопросы проблемы генезиса капитализма в европейских странах.— Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. М., 1969.
168. Чичеров А. И. Вопросы теории социально-экономической многоукладности и некоторые проблемы типологии процессов развития общества в Индии XVIII — начала XIX в. (к постановке проблемы).— Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973.
169. Чичеров А. И. Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием (ремесла и торговля в XVI—XVIII вв.). М., 1965.
170. Alam M. The Zamindars and Mughal Power in the Deccan 1685—1712.— IESHR. Delhi, 1974, vol. 11, N 1.
171. Ansari Gh. Muslim Caste in Uttar Pradesh. Delhi, 1960.
172. Ashraf K. M. Life and Conditions of the People of Hindustan (1200—1550). Delhi, [6. г.].
173. Banerjee J. M. History of Firuz Shah Tughluq. Delhi, 1967.
174. Bhadani B. L. Population of Marwar.— Indian History Congress. 39th Annual Session. Hyderabad. 28—30. Dec. 1978. (Mimeo).
175. Boman-Bahram B. K. The Rise of Municipal Government in the City of Ahmedabad. Bombay, [1937].
176. Bourgey A. L'urbanisation du Moyen-Orient arabe.— «Maghreb». P., 1978, № 81.
177. The Cambridge Economic History of India. Vol. 1. Cambridge, 1982.
178. The Cambridge History of India. Vol. 1, 3—6. Cambridge, 1922—1937.

179. Chand T. Dara Shikoh and the Upanishads.— IC. 1943, № 4.
180. Chand T. Society and State in the Mughal Period. Faridabad, 1961.
181. Chandra S. Commerce and Industry in the Medieval Period.— RIEH.
182. Choudhary G. Ch. Political History of Northern India from Jain Sources (c. 650 A. D. to 1300 A. D.). Amritsar, 1954.
183. Cohn B. S. India. The Social Anthropology of a Civilisation. Englewood Cliffs (N. J.), 1971.
184. Cohn B. S. Political Systems in Eighteenth Century India: the Banaras Region.— JAS. 1962, vol. 9, № 3.
185. Cox O. C. Caste, Class and Race. A Study in Social Dynamics. N. Y., 1959.
186. Dasgupta S. Hindu Ethos and the Challenge of Change. Calcutta, 1972.
187. Datta K. Studies in the Social and Economic History of Bengal Subah 1740—60. P. I. Calcutta, 1936.
188. Data K. Survey of India's Social Life and Economic Condition in the Eighteenth Century (1707—1813). Calcutta, 1961.
189. Day U. N. Administration of the Mughal Empire. Delhi, 1971.
190. Day U. N. Administrative System of Delhi Sultanate (1206—1413). Allahabad, 1959.
191. Day U. N. Rec.: S. S. Sinha. Subah of Allahabad Under the Mughals 1580—1707). New Delhi, 1974.— IESHR. 1976, vol. 13, № 1.
192. Devahuti D. Harsha. A Political Study. Ox., 1970.
193. Diener P., Robkin E. Ecology, Evolution and the Search for Cultural Origins.— «Current Anthropology». Chicago, 1978, vol. 19, № 3.
194. Gadgil D. R. Origin of the Modern Indian Business Class. N. Y., 1959.
195. Gillion K. L. Ahmadabad. A Study of Indian Urban History. Berkeley — Los Angeles, 1968.
196. Gokhale B. G. Surat in Seventeenth Century. A Study in Urban History of Pre-Modern India. L., 1979.
197. Golwalkar M. S. Bunch of Thoughts. Bangalore, 1966.
198. Gopal L. Economic Life of Northern India (c. A. D. 700—1200). Banaras, 1965.
199. Gopal S. Commerce and Crafts in Gujarat, 16th and 17th Centuries. Delhi, 1975.
200. Grover B. R. The Evolution of the Zamindars and Taluqdari System in Bengal (1576—1765 A. D.) (Bangla Desh History Congress. 3rd Session. May 12—14, 1973). Dacca, [1973].
201. Gupta N. S. Industrial Structure of India during Medieval Period. Delhi, 1970.
202. Habib I. The Agrarian System of Mughal India. Bombay, 1963.
- 202a. Habib I. An Examination of Wittfogel's Theory of Oriental Despotism.— «Enquiry». Delhi, 1961, № 6.
203. Habib I. Potentialities of Capitalist Development in the Economy of Mughal India. An Enquiry.— International Economic History Congress. Section 4. The Extent of Capitalistic Development outside Europe. [B. m., 6. r.].
204. Habib M. Chishti Mystics Records of the Sultanate Period.— MIQ, 1950, vol. 1, № 2.
205. Habib M. Hasrat Amir Khusrau of Delhi. Bombay, 1927.
206. Habibullah A. B. M. The Foundation of Muslim Rule in India. A History of the Establishment and Progress of the Turkish Sultanate of Delhi 1206—1290 A. D. Allahabad, 1961.
207. Hasrat B. G. The Diwan and Quatrains of Dara Shikoh.— IC, 1944, № 2.
208. Hazlehurst L. W. Entrepreneurship and the Merchant Castes in a Punjabi City. Berkeley, 1966.
209. The History and Culture of Indian People. Vol. 3—6. Bombay, 1954—1960.
210. Hobsbawm E. Les formations précapitalistes dans l'oeuvre de Marx et Engels.— «Recherches internationales à la lumière du marxisme». P., 1967, № 57—58.
211. Hosain H. A Note on the Ruins of Masjidkur and Amadi.— IC. 1940, № 4.
212. Husain A. M. The Rise and Fall of Muhammad bin Tughluq. L., 1938.
213. Husain Y. The Influence of Islam on the Cult of Bhakti in Medieval India.— IC. 1933, № 4.
- 213a. Ibbetson D. Panjab Castes. Lahore, 1916.

214. Kapur M. L. A History of Medieval Kashmir (1320—1586 A. D.). Delhi — Jullundur, 1971.
215. Kessinger T. G. Vilyatpur, 1848—1968. Social and Economic Change in North India Village. Berkeley etc., 1974.
216. Kosambi D. D. An Introduction to the Study of Indian History. Bombay, 1956.
217. Kulkarni A. R. Maharashtra in the Age of Shivaji, Poona, 1969.
218. Kulkarni A. R. Rajgad.— Studies in Indian History. Dr. A. G. Pawar Felicitation Volume. [B. m.], 1968.
219. Kulshreshtha S. S. The Development of Trade and Industry under the Mughals (1526 to 1707 A. D.). Allahabad, 1964..
220. Lapidus I. M. Muslim Cities in the Later Middle Ages. Cambridge (Mass.), 1967.
221. Linch O. M. Rural Cities of India. L., 1967.
222. Malhotra P. Social Economic Survey of Bhopal City. Bombay, 1963.
223. Mazumdar B. P. Socio-Economic History of Northern India (1030—1194 A. D.). Calcutta, 1960.
224. Moosvi Sh. Magnitude of Land Demand and Income of the Mughal Ruling Class under Akbar.— «Medieval India Miscellany». Delhi, 1976, vol. 4.
225. Moosvi Sh. Note on Professor Alan Heston's «Standard of Living» in Akbar's Time: a Comment.— IESHR. 1978. vol. 14. № 3.
226. Moreland W. H. The Agrarian System of Moslem India. Cambridge, 1929.
227. Moreland W. H. From Akbar to Aurangzib. L., 1923.
228. Moreland W. H. India at the Death of Akbar. L., 1920.
229. Nadwi S. S. Qannauj Enquiry into the Origin and Geographical Position of the City.— IC. 1943, № 4.
230. Naqvi H. Kh. Urban Centres and Industries in Upper India, 1556—1803. Bombay, 1968.
231. Naqvi H. Kh. Urbanisation and Urban Centres under the Great Mughals. Simla, 1971.
232. Nizami Kh. A. Early Indo-Muslim Mystics and Their Attitude towards the State.— IC. 1948, № 4; 1949, № 1—4.
233. Nizami Kh. The Life and Times of Shaikh Farid ud-din Ganji-i Shakar. Aligarh, 1955.
234. Nurul Hasan S. The Thoughts on Agrarian Relations in Mughal India. Delhi, 1973.
235. Pearson M. N. Political Participation in Mughal India.— IESHR. 1972, vol. 9, № 2.
236. Prakas I. Organisation of Industrial Production in Urban Centres in India during the 17th Century with Special Reference to Textile.— RIEH.
237. Qamar Uddin. Saiyid Muhammad Jaunpuri and the Mahdawi Movement in India.— «Studies in Islam», 1971, vol. 8, № 1—4.
238. Qureshi I. H. The Administration of the Sultanate of Delhi. Lahore, 1944.
239. Qureshi I. H. The Administration of the Mughal Empire. Karachi, 1966.
240. Rashid A. Society and Culture in Medieval India (1206—1556 A. D.). Calcutta, 1969.
241. Ray A. Francois Martin's Account of the Rising of the Matiyas in 1685.— Proceedings of Indian History Congress, Benares Session (mimeogr.) [B. r.].
242. Ray R. and Ray R. The Dynamics of Continuity in Rural Bengal under the British Imperium: a Study of Quasi-Stable Equilibrium in Underdeveloped Societies in a Changing World.— IESHR. 1973, vol. 10, № 2.
243. Rizvi S. A. A. Mahdawi Movement in India.— MIQ. 1950, vol. 1, № 1.
244. Rizvi S. A. A. The Mughal Elite in the Sixteenth and Seventeenth Century.— «Abr-Nahrain». Leiden, 1971, vol. 2.
245. Saran P. The Provincial Government of the Mughals, 1526—1659. N. Y., 1973.
246. Sarkar J. The Mughal Administration. Patna, 1920.
247. Sarkar J. A Short History of Aurangzeb. Calcutta, 1954.
248. Sharma G. N. Social Life in Medieval Rajasthan (1500—1800). Agra [1968].
249. Sharma R. Sh. Indian Feudalism (c. 300—1200 A. D.). Calcutta, 1965.
- 249a. Sharma R. Sh. Land Grants to Vassals and Officials in Northern India (A. D. 1000—1200).— JESHO. 1961, p. 1.

250. Sharma R. Sh. *Light on Early Indian Society and Economy*. Bombay, 1966.
251. Sharma R. Sh. *Usury in Early Medieval India (A. D. 400—1200)*. CSSH. 1965, vol. 8, № 1.
252. Sinha N. K. *The Economic History of Bengal. From Plessy to the Permanent Settlement*. Vol. 2. Calcutta, 1968.
253. Sinha S. N. *Subah of Allahabad under the Mughals (1580—1707)*. Delhi, 1974.
254. Sjoberg G. S. *The Preindustrial City*. Glencoe, 1960.
255. Smith W. C. *Lower Class Uprisings in the Mughal Empire*.—IC. 1946, № 1.
256. Spear T. G. P. *Delhi, Its Monuments and History*. L., 1945.
257. Srivastava B. *An Enquiry into the Relationship of Guilds and Castes and Its Consequences on the Composition of Vaisya Society*.—Problems of Social and Economic History Seminar. [Б. м.], 1963.
258. Titus T. *Islam in India and Pakistan*. Calcutta, 1959.
259. Toy S. *The Strongholds of India*. Melbourne, 1957.
260. *Urban Sociology in India*. Delhi, 1974.
261. *Urbanisation in Asia and the Far East*. Proceedings of the Joint UN/UNESCO Seminar on Urbanisation in the ECAFE Region, Bangkok, 8—18 Aug., 1956. Calcutta, 1957.
262. Verma O. P. *The Yadavas and Their Times*. Nagpur, 1970.
263. Whitecombe E. *Agrarian Conditions in Northern India*. Vol. 1. *The United Provinces under British Rule. 1860—1900*. Berkeley—Los Angeles, [1972].
264. Wilson H. H. *A Glossary of Judicial and Revenue Terms*. Calcutta, 1940.
265. Yazdani G. *Bidar. Its History and Monuments*. L.—Ox., 1948.

Список сокращений

ВИ	— «Вопросы истории»
КСИБ	— «Краткие сообщения Института востоковедения»
НАА	— «Народы Азии и Африки»
ПВ	— «Проблемы востоковедения»
ПИШ	— «Проблемы истории в школе»
СВ	— «Советское востоковедение»
УЗИВ	— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР»
CSSH	— «Comparative Studies in Society and History». The Hague
IC	— «Islamic Culture». Hyderabad
IESHR	— «Indian Economic and Social History Review»
JAS	— «Journal of the Asiatic Society»
JBBRAS	— «Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society»
JESHO	— «Journal of the Economic and Social History of the Orient»
JRAS	— «Journal of the Royal Asiatic Society»
MI	— «Medieval India»
MIQ	— «Medieval India Quarterly». Aligarh
RIEH	— Readings on Indian Economic History. Proceedings of the First All-Indian Economic History, 1961. Bombay etc. 1964

Указатель терминов

- Абваб 127
 Абейд 68
 Аграхара 109
 Адала-хана 103
 Аджамер 68
 Адхикарана 100
 Адхикаранабхатта 100
 Адхикараника 100
 Адхиштхана 89
 Адхиштхана-адхикарана 108
 Акабер-и шахр 60
 Амил (мн. ч. амале) 36, 37, 38, 179
 Амин 126, 178
 Амири-йе тараб 115
 Аснафгеран ва касабан 162
 Аснаф-и херфе 148
 Астханадивира 100
 Ахл-и калам 71
 Ахл-и кар 202
 Ахл-и касб-у-кар 56
- Бабат-и зераат 117, 161
 Бадж 119
 Базари см. мардум-и базар
 Баззаз 59, 146
 Балютадар 163
 Балютадари 163, 187
 Бахши 63, 103, 104
 Бейт ул-мал 97, 127
 Бенде (мн. ч. бендеган) 68
 Бендеган-и даргах 68
 Бендеги 68
 Берадер (мн. ч. берадеран) 170
 Бечан 76
 Бивара (биура) 111, 119, 154, 208
 Бикари 40, 69
 Биура см. бивара
 Бозорган-и шахр 60
 Бхакт 141, 144, 147
 Бхакти 132, 140, 141, 144, 147, 148, 207, 208
 Бхрита-бала 109
- Ваджхдар 198
 Ваджхи 167
 Вади 75
 Вазир 66, 102
 Вишайа 89
- Вишайа-махатара 108
 Вишти 174, 175, 210
 Гола 68
 Гомашта 77, 78
 Грама 161
 Грасна 97
 Гулям 68
 Гуру 151
 Гхошти см. шрени
- Дад-беги 115
 Дак-чоуки 118
 Далал 96, 112, 122
 Далалат-и базари 112
 Дамар 109
 Дапгана 114, 128
 Данданаяка 90
 Даруга 16, 91, 104, 122
 Даса 68, 174
 Даси 68
 Дафтар 71, 95
 Дахрис 134
 Десан 97, 118
 Дех 161
 Демшукх 105
 Джагат госаин 102
 Джагир 120, 178, 180, 182, 206, 217
 Джагирдар 14, 28, 52, 117, 120, 124, 172, 180—182
 Джаджмап 27
 Джаджмани 163, 187, 209
 Джапакасимха 90
 Джазари 114
 Джама 41, 91, 123, 125, 162, 168, 169, 211
 Джизия 128
 Джихал авам ум-нас 68
 Диван (должностное лицо) 16, 60, 63, 94, 99, 103, 104, 126, 127, 206
 Диван (ведомство) 122
 Диван-и везарет 99
 Диван-и рийасат 95, 96, 98
 Дин-и иллахи 148
 Дхарича 115—117
- Закят 114, 122, 127, 128
 Заминдар 52, 88, 97, 105, 181, 211
 Замин-и пайбаки 211
 Захид 135

Зила 106
Зияда-и талабиха 128

Ибахат[и] 133, 207
Иджара 91, 180
Иджарадар 180, 181
Икта 66, 120, 139
Иктадар 94
Инам 121
Итлак 176
Ихтисаби см. Мухтасиб 205

Паумне 36
Пек-сади 129
Поги 141

Казий (кади) 91, 103—106, 120, 126, 153

Казн ул-куззат (мир-а адл, садр ус-судур) 104

Камина 199

Каниз 68

Канунго 52, 97, 118

Қара 163

Қарийа(т) 121, 161

Қаркун 178

Қармақара 174

Қарори см. қурури

Қархана («қарқанэ») 34, 36—38, 60, 89, 92, 111, 187, 201

Қасаб вира 61

Қасаба (қасба) 52, 56, 70, 71, 91, 92, 124, 125, 165, 166, 187

Қасабати (қасбати) 56, 110

Қатра 58, 166

Қатъхири 122

Қаум 61, 148

Қачхари 103

Қеле (кила) 87

Қера-йе замин-и хансха ва дуқанха 115, 162

Қера-йе замин-у макан 162

Қитаби 115

Қот 87

Қотвал 58, 63, 71, 94—97, 102, 103, 104, 111, 112, 115, 120, 122, 126, 132, 205

Қотвали 116, 124, 205

Қубар ахл ал-мадинат 60

Қурури 99, 122, 180, 182

Қусамат 128

Қутумбина 160

Қшатра 89

Мадад-и мааш ва хардж 121

Мадинат 120

Малик (землевладелец, собственник) 76, 162, 172, 205, 211

Малик (представитель военно-земле-владельческой знати) 99, 136, 177, 178

Малик-и зераат 209

Малик-и ракебе 170

Малик ат-туджжар 152, 153

Малики 171, 172

Малики ва заминдари 211

Малики ва муқаддами ва гайр ху-қуқ-и заминдари 211

Манди (мандви) 45, 120, 166

Мансаб 53, 119, 205

Мансабдар 35, 52, 53, 58, 88, 211

Мардум-и базар (базари) 56

Мардум-и шахр (халк-и шахр) 56, 131

Масанд 151

Маула-бала 109

Махаджан (гильдия, корпорация) 77, 78, 83

Махаджан (купец) 108, 158, 204

Махалл[а] 52, 53, 70—72, 75, 91—93, 95, 103, 117, 120, 121, 124, 146, 204

Махалл-и ватандари 71

Махалл-и джагир 71, 92

Махалл-и заминдари 71

Махалл-и кадим 92

Махалл-и сир 182

Махалл-и фоудждари 71

Махсул 177

Мийангар 62

Мир-ад адл см. кази ул-куззат 104

Мир-и махалл[а] 71, 95, 96, 199

Митра-бала 109

Моуза 203

Муздвар (уджурадар) 36, 37, 40

Муқаддам 171, 180, 205, 211

Муқаддами 171

Муқим 34

Муқта 28, 52, 120

Мукатаагир 180

Муқхи 150, 151

Мунхи и чунги 115—117

Муршид-и қамил 102

Муштагал 115

Муштаджир 91

Мутаввали 150

Мутасадди 91, 104, 126, 153

Муфти 153

Муқаддис 137

Муқтарифа 163, 206

Мухтасиб 91, 101, 102, 104, 105, 115, 117, 120, 126, 205, 206

Мухтасиби 116, 117

Мюрид 138, 151

Набуд ха 128

Нагардхикарин 90

Нагарака 89, 90

Нагарсетх 65, 77, 111, 112, 152

Наддафи 29, 115

Назим 96, 121, 154, 155

Наиб 94

Наиб-и низам 106

Накди 98, 167
Накхас 166
Нильгари 29, 114
Нукер 103

Пан-тахт 89
Пандит 105, 148
Панчакула 108
Панчаят 77, 78, 116
Паргана 52, 70, 91, 92, 120
Патель 52, 77, 83, 94, 126, 189, 206
Пир 150, 151
Пир-и дастгир 102
Питалахара 62
Пол см. пур
Падвивака 100
Пур (пураар, пол) 70, 72, 73, 75, 115, 117

Раджа 148, 180, 199, 201
Раджастхана 90
Раис 205, 206
Раис-и базар 58
Раис-и шахр 111
Райат (мн. ч. райа) 58, 103, 127, 158, 179
Рахдари 125
Реза райа 39
Рузана 36

Сабунгари 115
Садр ус-судур см. кази ул-куззат
Саир 206
Сайид 54, 150
Саркар (ведомство) 38
Саркар (область, административная единица) 91—93, 125, 168—170, 204, 207
Сарраф (шроф) 59, 60, 73, 119, 146
Сатарини 139
Саукар 77
Сетх 77, 111, 118, 126, 146, 189, 206
Синф 62
Сипахи 60
Сир 182
Суба 91—93, 104, 117, 124, 125, 170, 203, 204
Субадар 29, 99, 104, 111, 150, 154

Такави 39, 172
Талара 90
Талука 204
Тамга 128, 129

Тантрин 90, 176
Танхва 206
Таппа 92
Тарикат 136
Тассавури 128
Тхана 87, 91

Уджура 36
Уджурадар см. Муздар
Уммал-и иджарадаран 180
Ушр 127, 206

Факир 141
Факр 137
Фоудждар 91, 99, 103, 104, 130, 204

Хабардар 71, 95, 96
Хабар-рисан 95
Хавели 120, 168, 169
Хаккдар 163
Халалхур 97
Халиса 98, 120, 172, 180, 182, 211
Халк-и шахр см. мардум-и шахр
Харадж 27, 98, 128, 170, 176, 177, 199, 209
Хат 45
Херфе-гер 36
Хиранья 163, 177
Хисар 86, 87
Худамат 202

Чабутра 97, 104
Чакла 91
Чакладар 91
Чамар 62, 75
Чарак 68
Чаудхри 52, 60, 97, 180, 204
Чоук 45, 166
Чунги-йе галла 114, 128

Шахр 71, 89, 91, 161
Шахри см. мардум-и шахр
Шахрвала см. мардум-и шахр
Шикдар 52, 178,
Шиклигар 62
Шрени (гхошти) 45, 62, 108, 109
Шрени-бала 109, 110, 184
Шрештхин 100
Шроф см. сарраф

Эмир 35, 58, 88, 99, 133, 177, 178

Яджнаповита 57

Указатель названий этнических и кастовых групп, религиозных сект и орденов

- Агарвала 58
 Адхама-санкара см. аптьяджа
 Ансари 28
 Аптьяджа (адхама-санкара) 64, 203
 Арабы 207
 Афганцы 186, 199
 Ахир 199
 Ашраф-зат 54
- Бадхатава 64, 65
 Баккал (см. банья)
 Банджар 59, 117
 Банья (баппа, вання, баккал) 52, 58,
 59, 67, 74, 83, 170, 180, 203
 Бахар Али 75
 Бенгальцы 196
 Бохра 111, 152, 154
 Брахман (брамин) 51, 54—58, 66, 67,
 74, 142, 143, 175, 203
 Бхада 203
 Бхил 203
- Вайшья («вайска») 51, 56, 57, 65,
 74, 203
 Вання см. Банья
 Вишнуит 17, 111, 122, 211
- Гаур 55
- Дабир см. кайастха
 Даге 58
 Дамани 58
 Джагатай 199
 Джайн 111
 Джат 110
 Джулаха 28
 Домба (дома) 64, 203
 Доси-вання 59
 Дхер (халал-хур) 59, 67
- Иранцы 199
 Исмаилит 111, 127, 134, 207
 Йоги 17, 122, 141, 218
- Кайастха (дабир) 54, 57, 58, 67, 89,
 90, 100, 203
 Карматы 134, 203, 207
 Качваха 54
 Коли 110, 199
 Комати 82
 Кумбхар 74
 Кунби 28, 67, 74, 83
 Кутумбина 160
 Кхатри 59, 170, 203
 Кшатрий 52, 56—58, 74, 143, 202
- Лодха 58
- Мантри 58
 Маратхи 55, 159, 196, 197
 Марвари 153, 170, 203
 Матья (момна) 149, 150
 Махдисты 127, 134, 147, 148, 207
 Меда 203
 Могол 54
 Монголы 90, 199
 Моузадуз см. чамар
 Мочи 62
 Мультиани 45, 58, 59, 170, 203
 Мундра 58
- Нагар 55, 202
 Накшбандие 207
 Нандвана 55
 Нисада 203
- Пакхарна 55
 Паливала 203
 Панвар 54
 Парамар 54
 Парихар 54
 Патан 54
 Пенджабцы 159
 Пугали 58
- Раджпуты 54, 67, 110, 202
 Ратхи 58
 Ратхор 54
- Сайид 54, 121
 Сатнами 208
 Сатпантх 144, 150, 151, 208
 Сат-шудра 203
 Сикх 143, 144
 Сонар 203
 Сухравардие 136, 137
- Тазиа 59
 Тели 29, 65
 Тонвар 54
 Тюрк 142, 182, 199
- Хадья 64, 203
 Хайвани 55
 Халал-хур см. дхер
- Чамар 62, 69, 74, 133
 Чандала 64, 203
 Чаухан 54
 Чиштие 121, 135—137, 207
 Чухра 69

Шанкар 44, 201
Шейх 54
Шетар 82
Шетти 82

Шинт 207
Шравак 111, 112
Шримали 55
Шудра («судра») 52, 57, 65, 203

Указатель географических названий

Агра 21, 33, 37, 38, 41—43, 53, 55, 86,
88, 91, 93, 124, 161, 166, 167, 170,
194, 197, 200, 203, 205, 208

Аден 48, 194

Адилабад 201

Адждмир 41, 91, 124, 136

Адждудхан (Пакпатан) 121, 136

Азербайджан 72

Азия 5, 10, 17, 32, 115, 116, 155, 157,
165, 190, 197

Аллахабад 41, 42, 91—93, 124, 170, 203,
204

Алвар 170, 203

Амбер 201, 202

Америка 44, 167

Амритсар 151

Англия 181

Андхра-Прадеш 17

Аравия (Арабистан) 33, 46, 48, 206

Асвал 24, 199

Асарва 24

Аспур 24

Ассам 174

Атток, р. 87

Ауд 41, 91, 93, 124, 200, 203

Афганистан 52, 54, 90

Африка 32, 48

Ахирпура 199

Ахмадабад 9, 17, 21, 22, 24, 33, 34, 36,
38, 45, 50, 59, 65, 72—80, 83, 91, 92,
94, 104, 106, 112, 113, 115—125, 146,
147, 149, 150, 152, 153, 155, 158, 161,
166, 168, 169, 197—201, 204, 205

Баглана 88

Бадаун 139

Байанван 170, 203

Байрат 149

Бансвар 55

Баран (Буландшахр) 94, 204

Бари Доаб 170, 203

Баркура 48

Барода 32, 80, 124, 147

Басе (Бассейн) 48, 193

Бенарес 142, 200

Бенгалия 13, 42, 43, 44, 48, 87, 91, 92,
124, 178, 180, 195, 202, 203, 209, 211

Берар 91

Берлин 142

Бехрампура 152

Биана 19, 37, 46, 86, 169, 179, 208

Бидар 202

Биджапура 202

Биджднор 209

Биканер 55, 122, 179, 204

Бихар 41, 42, 91—93, 124, 178

Бомбей 22, 71

Броч 32, 45, 150, 168, 192, 201, 206

Буландшахр см. Баран

Бурханпура 34, 43, 118, 119

Бхагаванпура 205

Бхаратпура 55

Бхонрас 209

Бхопал 73

Ваднагар 55

Виджаянагар 90, 201, 204

Вирамгам 77, 83

Газипура 161

Ганга, р., долина 32, 42

Гвалиор 37, 86, 209

Германия 111

Гийаспура (Моголпура) 72

Гоа 48, 49

Гогха 153

Голландия 192

Гудждарат 9, 14, 17, 26, 32, 35, 40, 41,
46—48, 55, 58, 75, 77, 80—83, 88, 93,
94, 104, 108, 110—112, 117, 119—124,
128, 129, 134, 139, 148—150, 152—
154, 168, 172, 175, 178, 180, 190, 192,
193, 195, 197, 199—203, 206—208,
210

Гур 86, 90

Гхаса 202

Дабхул 194

Дакка 95

Даман 48, 49, 193

Дарьяпура 75

Двуречье Ганга и Джамны см. Доаб

Девагири (Доулатабад) 32, 86, 133,
139

Декан 32, 90, 105, 108, 143, 195, 210

Дели 19, 21, 29, 33, 35, 36, 41—43, 45,
58, 59, 68, 69, 72, 86—88, 91, 93, 94,
98, 114, 115, 119—121, 124, 133, 134,
136—138, 152, 160, 162, 166—170,
176, 178, 179, 197, 198, 203—205, 209

Джайпура 38, 45, 98, 161, 201

Джайсалмер 45, 55, 179, 204

- Джайтран 22
 Джалор 22, 120
 Джамалпура 24, 75
 Джамна, р. 42, 53, 98
 Джаттопур 205
 Джаунпур 200
 Джахбар 17, 60, 122, 211
 Джодхпур 22, 198
 Джульфа Новая 19
 Джунейр 202
 Диу 48, 49, 193
 Доаб 23, 94, 134, 177, 209
 Доулатабад см. Девагири
 Дулупур 37, 86
 Дхандука 80
 Дхолка 76
- Европа 5, 6, 7, 32, 43, 48, 49, 53, 61,
 156, 157, 164, 165, 174, 188, 211
 Ереван 198
- Инаятпур 24
 Инд, р. 87
 Индонезия 48, 195
 Индостан 143, 207
 Ирак 72
 Иран (Персия) 17, 32, 46, 48, 52, 54,
 90, 105, 193
 Исапур 24
 Итаве 86
 Италия 112, 210
- Кабул 91, 124
 Каликут 48
 Калпи 86
 Калькутта 198
 Камбей 33, 118, 129, 147, 194, 201
 Камбейский залив 210
 Канаудж 86
 Кара 92, 168—170, 203
 Караули 55, 203
 Катхуа 92
 Кахнуван 205
 Кашмир 13, 32, 36, 109, 160, 175, 176,
 200
 Китай 46—48
 Колипура 199
 Коллам 48
 Конканское побережье 48
 Константинополь 21
 Кот 92
 Котах 38, 68, 98, 179, 204
 Котла 92
 Кунл 37
 Куилон 48
 Кух-и Балнатх 87
 Кхадийа 75
 Кхимпур 24
- Лакхвар 200
 Лахор 19, 21, 34, 43, 91, 93, 94, 124,
 133, 151, 166, 169, 170, 194, 197, 200,
 203
 Лахрибандар 42
 Левант 43
 Лондон 21, 39, 45, 198
 Лохат 208
- Мавераннахр 72
 Малабар(ское побережье) 48, 49, 194,
 209
 Малакка 48, 194
 Малахрао 88
 Малийя 205
 Мальва 41, 91, 93, 124, 139, 170, 202,
 203, 206, 210
 Мангалор 48
 Мандасор 62
 Манджхури 24
 Манду 86, 206
 Маникпур 42, 204
 Марвар 55
 Масулипатам (Мослипатам) 21, 55
 Матхура 23
 Махараштра 210
 Махим 193
 Мачивада 45
 Мевар 81, 86
 Мекка 142
 Мексика 44
 Мерта 22
 Мизапур 75
 Миллани 55
 Митхапура 24
 Могулпур см. Гийаспур
 Мозамбик 32
 Мокка 32, 194
 Моркхана 122
 Мультап 41, 59, 91, 93, 124, 139, 169,
 204, 206, 207
- Навадвип 65
 Нагор 45
 Нанипур 24
 Нарбада, р. 150
 Нарнол 149
 Нароли Санга 92
 Насирпур 24
- Орисса 42, 86, 174
 Ормуз, о-в 194
- Пакистан 136
 Пакпатан см. Аджудхан
 Паланпур 148
 Палитана 172
 Парватсар 45
 Париж 21, 198
 Пассе 48
 Патна 21, 45, 86, 95, 197, 200
 Паттан(а) 124, 148, 168, 169
 Пахлад 205

Пенджаб 13, 17, 32, 47, 59, 60, 65, 73,
92, 121, 122, 136, 148, 203, 205, 211
Персия см. Иран
Петлад 120
Пиндори 17, 122, 205, 211
Пирам 210
Покаран 22
Порбандар 206
Пураб 42, 200
Пушкар 45
Пхалоди 22

Раджагриха 86
Раджастхан (Раджпутана) 32, 35, 38,
52, 55, 58, 62, 81, 86, 98, 108, 112,
122, 174, 179, 200, 203, 208
Раджипур 24
Раджнагар 45
Рамапур 24
Рамнагарх 73
Рамнаде 82
Рантхамбхор 86
Рапарн 86
Расми 81
Расулабад 121
Расулпур 24
Рим 46
Россия 49
Рохтмас 87, 92
Рум см. Турция

Самбхар 55
Самипур 24
Санджан (Сант-Джон) 193
Санчор 22
Сарангпур 193
Саркхедж 201
Сикри см. Фатехпур-Сикри
Синд (Тхатта) 32, 42, 95, 134, 194, 207
Сири 120, 121, 160
Сирия 72
Сиркувара 24
Сирондж 161
Соджхат 22
Средняя Азия 32, 46, 49, 52, 54, 90
Сринагар 75, 90
Суджанпур 60

Суматра, о-в 48, 194
Сурат 9, 24, 38, 43, 45, 46, 49, 81, 87,
97, 120, 124, 153, 161, 192—194, 201,
202, 206

Тапти, р. 153
Тарапур 193
Тибет 19
Тирхут 86
Туглакабад 86, 201
Туркестан 72
Турция (Рум) 32, 33, 72, 105, 193
Тхана 48
Тхатта см. Синд

Удайпур 45, 73, 202
Удджайн 23
Усманпур 24, 73
Уттар-Прадеш 200, 209

Фарс 72
Фатехпур-Сикри 21, 33, 37, 39
Фирузабад 128
Франция 42, 112

Хайдарабад 17, 73, 105, 115
Хандеш 91
Харипур 24
Хиндустан 128
Хисар Фируза 161, 170, 203, 204
Хугли 38, 65, 120

Чалим 48
Чандери 170, 203, 209
Чипава 45
Читарачали 45
Читор 86

Шахапур 75
Шахпур-Кханди 60
Шейхпур 24
Шишупальгарх 86

Ява, о-в 32, 47, 194
Ядгарпур 204
Япония 182, 193, 194

Summary

The monograph *Medieval Town of India (XIII—first half of XVIII cc.)* by K. Z. Ashrafyan studies the pre-industrial Asian town, Indian, in particular, defined occasionally as „traditional“ like the society itself. However, this definition is hardly correct counting the fact that the pre-industrial town and society underwent considerable evolution, though the historical process in Asia was not as dynamic as in a number of European countries.

The medieval and the ancient towns, being functional elements of different socio-economic structures, contrasted essentially. The medieval town of XIIIth-XVIIth cc.—the period of developed feudal relations—was characterized by a higher level of social division of labour and territorial differentiation of handicraft from agriculture (however, there was no such differentiation in rural communities). The predominant type of ancient urban producer, who had been employed at royal workshops or supplied products of his labour to *shreny* (heads of corporations) and had not participated in trade was replaced, in the Middle Ages, by economically independent commodity producer, being the key element of urban population.

In the Middle Ages the „heart“ of ancient town—the Palace and Fortress ensemble—represented its oldest part situated, as a rule, at the outskirts with a bazaar as its centre: small-commodity production and trade determined its structural pattern while the role of agriculture in it was greatly reduced and the character of landownership, which was represented by that of caste communities (handicraft and merchant, in particular), underwent essential changes.

The two phenomena—the ancient and the Medieval Indian towns—were separated by a period of reduced trade and money relations, fall in production and cultural activities of towns in the last two centuries of the Gupta rule and in the initial centuries after collapse of their empire. The medieval town did not succeed simply the ancient one: even in towns, which survived from ancient times, the institutes were fundamentally transformed. It can be stated that the medieval town was a development outcome of society in general—its productive forces, the whole system of social and economic relations—rather than that of the ancient town. It follows, that urban tradition was not introduced into India by Turks and Afghans, as some scholars suppose, and the rapid construction of towns in XIIth-XIIIth cc., when the Delhi Sultanate was established, was not partially stimulated by political „integration“ towards centralized feudal state.

However, being a higher stage of social division of labour, the medieval town in India (just as elsewhere) had not been totally opposed to country-side: the utter difference between town and village pertained to the next development stage i. e., to capitalism.

The sources of XIIIth-XVIIth cc. testify to the fact that medieval Indian as well as some other Asian towns were typologically adequate to European ones (in the sense of being functional elements of feudal organization). At the same time, the Indian town was characterized by a range of superstructure peculiarities: law, ideology, political organization of the ruling class (form of state). For instance, the serfdom being not legalized, there were mass migrations from rural areas to towns which, in their turn, were responsible for towns' populousness and multiplicity of declassed elements among their dwellers. Castes and variety of confessions emphasized the secluded corporative organization of town (and the society in general), limited social mobility, and impeded the formation and consolidation of townsfolk. The latter process was impeded as well by feudal domination in town, by despotic feudal authority with its ramified system of central and local government. That

prevented creation of townspeople's government and made Indian town a specific conglomeration of self-governing communities, dependent to more or less extent on the state.

Thus the peculiarities of Indian town were determined by specific socio-economic relations and, primarily, by prevailing communal property on land dominated by state-feudal content of ownership—military-feudatory system under the aegis of a feudal state.

The stability of primitive-communal periphery of ancient and medieval class societies in India as well as in a number of other Asian states, which strengthened the system of communal ownership of land and intracommunal division of labour (or, to be more accurate, preservation of both handicraft and agriculture in rural areas), limited the „urban potentialities“ of town; the transforming role of town's commodity mode did not impart in India (and in many other Asian countries) big dynamism to social development in general as was the case in Europe. Being engendered by mature feudal system and the functional element of this system, the Indian town, however, was a manifestation of its further development. The urban market of agricultural products and commodity-money relations, penetrating into rural areas, stimulated the development of agriculture, intensified property and social differentiation of rural communities as well as the crisis and disintegration of the *ajirdari* system and the system of feudal landownership as a whole.

The analysis shows that before the colonial period the capitalist relations did not take shape yet within the urban commodity mode of India, but there were preconditions and initial elements of early-capitalist relations (in particular, capitalist home-working, scattered and centralized manufacture, based on manual production).

The evolution of socio-economic structure of medieval Indian town in XIIIth-first half of XVIIIth cc. was reflected by the character of urban social struggle which, depending on conditions of the epoch, was either passive resistance or direct uprising, or manifested itself in the increase of sectarian trends and dissemination of heretical doctrines. The author distinguishes three periods in anti-feudal struggle of Indian towns in XIIIth-beginning of XVIIIth cc.: the first—a period of separate, narrow-sectarian actions often in framework of feudal mutinies; the second (end of XIVth-middle of XVIth cc.)—intensification and consolidation of merchant elements which fact was reflected by the *bhakti* ideology being a system of socio-political, ethnic, and aesthetic ideals of townsfolk coming against class privileges of secular and clerical feudal elite; the third—slackening of anti-feudal struggle of towns as a result of deepening social differentiation within the townsfolk, growing antagonism between craftsmen and hired workers on the one hand and rich merchants on the other, who, under the influence of policy of a feudal state, which sought expanding its social base at the expense of urban elite, and aggravated, as a result of expansion of European merchants, conditions of „big commerce“ tended towards feudalization (joining with feudal exploitation by farming taxes and purchasing land) and meditation between foreign and national trade, which could not but affect the anti-feudal sentiments of late medieval towns (mid-XVIth-XVIIIth cc.).

Trade and industrial elements of India, being inadequately developed and in the initial stage of primitive accumulation, were further weakened both politically and economically by still very powerful feudal class, by being cut off important sources of accumulation (foreign markets), and were turned into inferior partners of European trade and industrial bourgeoisie.

Клара Зармайровна Ашрафян

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ
ГОРОД ИНДИИ
XIII — СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА
(проблемы экономической
и социальной истории)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *О. М. Гармсен*
Младший редактор *А. В. Бодянская*
Художник *Б. Г. Дудорев*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Э. С. Теплякова*
Корректор *В. В. Воловик*

ИБ № 14699

Сдано в набор 06.04.83. Подписано к печати
13.09.83. А-12451. Формат 60×90^{1/16}. Бумага
типографская № 2. Гарнитура литератур-
ная. Печать высокая. Усл. п. л. 14,5. Усл.
кр.-отт. 14,5. Уч.-изд. л. 17,75. Тираж
3000 экз. Изд. № 5375. Зак. № 200. Цена
2 р. 10 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Полиграфическое объединение
«Полиграфист» Управления
издательств, полиграфии и книжной
торговли Мосгорисполкома
Москва, ул. Макаренко, 5/16.

